

2542-1840 (print)
2541-9145 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Humanities and Social Sciences

Vestnik Kemerovskogo
gosudarstvennogo universiteta.
Serii: Gumanitarnye
i obshchestvennye nauki

том 9 № 1
2025

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67379.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Ass. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Prof., Lomonosov
Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ

(Екатеринбург, Россия).
Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof.,
Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ

(Великий Новгород, Россия).
Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд

Кемеровской области (Кемерово, Россия).
Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Лясковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
(Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, МПЮА
(Москва, Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Росинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).
Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халыпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Особенности биоэлектрической активности головного мозга у женщин со слуховыми вербальными галлюцинациями при шизофрении

Леонович Д. А., Шевалдова О. В., Вартанов А. В., Крысько М. Д., Закуражная В. И., Очнева А. Г. 1

ПЕДАГОГИКА

Коррекционная педагогика

Модульное проектирование реализации программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов на основе критериального подхода

Никандрова Т. С., Тушева Е. С., Вовненко К. Б. 11

Методология и технология профессионального образования

Управление когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу: формирование образовательного пространства и педагогические условия

Алферов Е. А. 23

Самооценка готовности к профессиональной деятельности выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»

Богомолова Е. В., Федотов С. А., Васильева М. В. 41

Генезис содержания антикоррупционного воспитания в отечественной педагогической мысли

Бухарин Г. С. 53

Формирование навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества

Иванов Е. Ю. 62

Общая педагогика, история педагогики и образования

Отношение к здоровью и здоровому образу жизни студенческой молодежи

Светличная Т. Г., Смирнова Е. А., Кытина П. Д. 70

Преподаватель высшей школы в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений

Черникова Н. С. 87

Теория и методика обучения и воспитания

Подготовка педагогических кадров по математике и информатике: опыт, проблемы, перспективы

Глухова О. Ю., Русакова Н. А. 95

Использование метода Fun Fact в образовательном процессе

Санези Маттео 104

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Некоторые тенденции развития российского федерализма как базового принципа организации механизма государства

Бенедисюк А. Н. 117

Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики

Даньшин А. В. 125

Парадокс приватности: проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет

Канакова А. Е. 138

Частно-правовые (цивилистические) науки

Вина в деликтном праве: переосмысление

Севостьянова А. А. 147

Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации

Сырбо В. А., Крапивина Д. А. 161

Соотношение юридически значимых сообщений и заверений об обстоятельствах в гражданском праве России

Тшкевич А. А. 173

COGNITIVE SCIENCES

Interdisciplinary Cognitive Studies

- Bioelectrical Brain Activity in Schizophrenic Female Patients with Auditory Verbal Hallucinations
Leonovich D. A., Shevaldova O. V., Vartanov A. V., Krysko M. D., Zakurazhnaya V. I., Ochneva A. G. 1

PEDAGOGY

Correctional Pedagogy

- Modular Design of Professional Training Programs for Special Education Teachers:
Criteria-Based Approach
Nikandrova T. S., Tusheva E. S., Vovnenko K. B. 11
- Managing Cognitive Functions of Classical Dance Students: Classroom Environment
and Pedagogical Conditions
Alferov E. A. 23
- Self-Assessment of Professional Readiness in Graduates of Motor Transport Maintenance and Repair
Bogomolova E. V., Fedotov S. A., Vasilyeva M. V. 41
- Content Sources of Anti-Corruption Education in Russian Pedagogy
Bukharin G. S. 53
- Mentoring as a Means of Developing Self-Organization Skills in First-Year Military Students
of Education Organizations under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Ivanov E. Yu. 62

General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

- Health and Healthy Lifestyle Attitudes in University Students
Svetlichnaya T. G., Smirnova E. A., Kytina P. D. 70
- Academic Staff during Shift towards Innovation Economy: Vectors of Change
Chernikova N. S. 87

Theory and Methodology of Education and Upbringing

- Training Future Teachers of Mathematics and Computer Science: Experience, Problems, and Prospects
Glukhova O. Yu., Rusakova N. A. 95
- Applying the Fun Fact Approach for Active Learning
Sanesi Matteo 104

LAW

Public and State Law

- Development Trends of Russian Federalism as a Basic State Administration Principle
Benedisyuk A. N. 117
- Digital Regulation and Artificial Intelligence in Court in the People's Republic of China
Danshin A. V. 125
- Privacy Paradox: Privacy Issues on the Internet
Kanakova A. E. 138

Private and Civil Law

- Fault in Tort Law: A Reinterpretation
Sevostianova A. A. 147
- Transformations of Copyright and Neighboring Rights in the Digital Era
Syrbo V. A., Krapivina D. A. 161
- Legal Communication vs. Representation of Circumstances in Russian Civil Law
Tishkevich A. A. 173

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zwdvbj>

Особенности биоэлектрической активности головного мозга у женщин со слуховыми вербальными галлюцинациями при шизофрении

Леонович Дарья Алексеевна

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0001-3028-2278>

dagubareva@gmail.com

Шевалдова Ольга Владимировна

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Федеральный исследовательский центр оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9395-5102

<https://orcid.org/0000-0001-8577-4280>

Вартанов Александр Валентинович

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Психиатрическая клиническая больница № 1

имени Н. А. Алексеева, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9511-2918

<https://orcid.org/0000-0001-8844-9643>

Крысько Мария Дмитриевна

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0001-9263-5203>

Закуражная Валерия Игоревна

Психиатрическая клиническая больница № 1

имени Н. А. Алексеева, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3172-2782

<http://orcid.org/0000-0002-8381-5445>

Очнева Александра Геннадьевна

Психиатрическая клиническая больница № 1

имени Н. А. Алексеева, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3120-8975

<https://orcid.org/0000-0003-4182-5503>

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена широкой распространенностью шизофрении среди взрослого населения (0,45 %), что создает значительную нагрузку на системы здравоохранения и социального обеспечения, а также снижает уровень жизни самих пациентов и членов их семей. В структуре заболевания слуховые вербальные галлюцинации являются одним из ведущих симптомов, влияющих на трудоспособность и установление социальных контактов у пациента. Так как имеющиеся в литературе данные демонстрируют различия в течении и степени выраженности симптомов шизофрении, ассоциированных с гендерными различиями, представлены данные, полученные на женской выборке. Определение функциональных особенностей внутренней речи у женщин с шизофренией имеет важное клиническое значение. Более глубокое понимание лежащих в основе внутренней речи нейронных механизмов может послужить основой для разработки целенаправленных вмешательств, таких как методы нейромодуляции, фармако- и психотерапии, ориентированных на облегчение стресса и последствий слуховых вербальных галлюцинаций, имеющих сходные с внутренней речью психофизиологические механизмы. Область исследований слуховых вербальных галлюцинаций продолжает развиваться, все большее внимание уделяется качественным междисциплинарным подходам, которые учитывают контекстуальные и субъективные аспекты расстройства, а также его связь с более широкими изменениями в структуре сознания и расстройствами самооценки при шизофрении. Цель – определить функциональные различия во время внутреннего проговаривания набора предложенных стимульных слов у двух групп: женщин с шизофренией и наличием слуховых вербальных галлюцинаций в анамнезе и группы женщин без каких-либо психических расстройств. Исследование включает анализ особенностей биоэлектрической активности мозга с применением нового способа локализации мозговой активности «виртуально вживленный электрод» (патент РФ № 2785268) у двух групп испытуемых: 22 женщины без психических расстройств (группа нормы) в возрасте 21–66 лет (mean = 41,9, StD= 16,1) и 22 женщины, проходящие лечение в Психиатрической клинической больнице № 1 им. Н. А. Алексеева с диагнозом *шизофрения* (в том числе 17 случаев F20, 3 случая F23) и сходную лекарственную терапию в возрасте 23–65 лет (mean = 41,8, StD = 10,4). В качестве стимулов использовались слова русского языка: *сахар, шашлык, ракета*, а также слово *ракета*, произнесенное диктором с речевыми нарушениями. Стимулы предъявлялись аудиально через наушники в случайном порядке. Во время проведения исследования испытуемые находились с закрытыми глазами. В результате выявлены значимые различия между группами женщин с шизофренией

и группой контроля: снижение амплитуды ПСС в левополушарной зоне Вернике (латенция – 180–210 мс), задержка пика активации на 150 мс в правополушарной зоне Вернике, зоне билатеральной супрамаргинальной извилины и области левополушарного мозжечка, а также достоверные изменения активности вентрального стриатума на латенции 180–330 мс.

Ключевые слова: слуховые вербальные галлюцинации, шизофрения, внутренняя речь, ЭГГ, ПСС, мозжечок, зона Вернике, супрамаргинальная извилина

Цитирование: Леонович Д. А., Шевалдова О. В., Вартанов А. В., Крысько М. Д., Закуражная В. И., Очнева А. Г. Особенности биоэлектрической активности головного мозга у женщин со слуховыми вербальными галлюцинациями при шизофрении. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 1–10. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-1-10>

Поступила в редакцию 28.11.2024. Принята после рецензирования 20.01.2025. Принята в печать 20.01.2025.

full article

Bioelectrical Brain Activity in Schizophrenic Female Patients with Auditory Verbal Hallucinations

Daria A. Leonovich

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0001-3028-2278>

dagubareva@gmail.com

Olga V. Shevaldova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Federal Research Center for Innovative Biomedical

and Pharmaceutical Technologies, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9395-5102

<https://orcid.org/0000-0001-8577-4280>

Alexandr V. Vartanov

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Alekseev Psychiatric Clinical Hospital No. 1, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9511-2918

<https://orcid.org/0000-0001-8844-9643>

Maria D. Krysko

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-9263-5203>

Valeria I. Zakurazhnaya

Psychiatric Clinical Hospital No. 1, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3172-2782

<http://orcid.org/0000-0002-8381-5445>

Alexandra G. Ochneva

Psychiatric Clinical Hospital No. 1, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3120-89755

<https://orcid.org/0000-0003-4182-5503>

Abstract: Schizophrenia affects 0.45% of adult population, which is a serious burden for healthcare and social security. It deteriorates the quality of life of patients and their families. Auditory verbal hallucinations prevent schizophrenic patients from professional activities and social interactions. Given that schizophrenic symptoms are gender-specific, the present study focused exclusively on female patients. Understanding the functional characteristics of inner speech in women with schizophrenia has important clinical implications. A deeper comprehension of these neural mechanisms may help to select targeted neuromodulation, pharmacotherapy, and psychotherapy to alleviate the stress and consequences of auditory verbal hallucinations, which share similar psychophysiological mechanisms with inner speech. Auditory verbal hallucinations are a research field that evolves based on qualitative interdisciplinary approaches. These approaches consider both contextual and subjective aspects, as well as their correlations with more general alterations in brain structure and self-perception issues in schizophrenic patients. The research objective was to determine the functional differences during silent pronunciation of stimulus words between female schizophrenic patients with a history of auditory verbal hallucinations and women without mental disorders. The analysis of brain bioelectrical activity patterns relied on a novel method of virtually implanted electrode (Russian Federation Patent No. 2785268). It included two cohorts: control group (22 women, 21–66 y.o., mean = 41.9, SD = 16.1) vs. schizophrenic patients of the Alekseev Psychiatric Clinical Hospital No. 1, Moscow (22 women, 23–65 y.o., mean = 41.8, SD = 10.4). The patients were receiving similar pharmacological therapy (17 cases of F20, 3 cases of F23). The stimuli included Russian words *sakhar* (sugar), *shashlyk* (barbecue), and *raketa* (rocket). One instance of *raketa* was pronounced by a speaker with speech impairments. The participants received the stimuli through headphones in random order while keeping their eyes closed. The study revealed significant differences

between women with schizophrenia and the control group: low ERP amplitude in the left Wernicke area (latency 180–210 ms), activation peak delayed by 150 ms in the right Wernicke area, bilateral supramarginal gyrus and left cerebellar region, as well as significant changes in the ventral striatum activity at 180–330 ms.

Keywords: auditory verbal hallucinations, schizophrenia, inner speech, EEG, ERP, cerebellum, Wernicke area, supramarginal gyrus

Citation: Leonovich D. A., Shevaldova O. V., Vartanov A. V., Krysko M. D., Zakurazhnaya V. I., Ochneva A. G. Bioelectrical Brain Activity in Schizophrenic Female Patients with Auditory Verbal Hallucinations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 1–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-1-10>

Received 28 Nov 2024. Accepted after review 20 Jan 2025. Accepted for publication 20 Jan 2025.

Введение

Шизофрения – психическое расстройство, характеризующееся тяжелыми нарушениями мышления. Помимо мышления, серьезные нарушения возникают в эмоциональной и поведенческой сферах. Согласно данным ВОЗ, шизофренией страдают примерно 24 млн человек, или 1 из 300 человек (0,32 %) во всем мире. Среди взрослого населения этот показатель составляет 1 на 222 человек (0,45 %)¹. Основными симптомами шизофрении выступают бред и галлюцинации различной модальности, причем слуховые вербальные псевдогаллюцинации (не имеющие потенциального реального источника во внешнем мире, имеющие произвольную специфику и феноменологически переживаемые больным как голоса, приказы и т.д.) являются наиболее характерными для этого заболевания. Слуховые вербальные галлюцинации (СВГ) служат одним из базовых симптомов, с которым сталкиваются люди, страдающие шизофренией [1]. Галлюцинации, характеризующиеся восприятием голосов или звуков в отсутствие внешних раздражителей, остаются предметом обширных исследований с использованием различных методов нейровизуализации для выяснения лежащих в основе данного феномена нейронных механизмов [2; 3]. У пациентов с СВГ наблюдаются изменения в структуре и функциях лобной коры, включая зону Брока и другие префронтальные области [4; 5]. Структурные и функциональные исследования с применением различных методов нейровизуализации указывают на участие височной коры, в частности верхней височной извилины, в патофизиологии СВГ [6]. У пациентов с шизофренией, страдающих СВГ, часто наблюдаются изменения объема и толщины серого вещества в этих областях головного мозга [2]. Было обнаружено, что первичная и вторичная слуховая кора, расположенные в височной доле, демонстрируют пониженную активацию при восприятии реальных слуховых стимулов у больных шизофренией со слуховыми вербальными галлюцинациями. Это предполагает

наличие потенциального механизма конкуренции за ресурсы обработки между внешними слуховыми входами и внутренне генерируемыми СВГ [7; 8]. Помимо локализованных областей мозга, ряд авторов изучали функциональную связь между различными областями мозга в контексте СВГ. Нарушения интеграции и коммуникации в языковых сетях, между слуховыми и речевыми областями были связаны с возникновением СВГ [9–11].

Подчеркнем, что СВГ не являются исключительными проявлениями шизофрении и могут возникать при других нервно-психических расстройствах, а также в общей популяции [12]. Однако чаще всего слуховые вербальные псевдогаллюцинации оказываются симптомом характерным именно для шизофрении. Нейровизуализационные исследования выявили как сходства, так и различия в нейронных коррелятах СВГ в различных диагностических рамках. Полученные результаты имеют важное клиническое значение. Более глубокое понимание лежащих в основе СВГ нейронных механизмов может послужить основой для разработки целенаправленных вмешательств, таких как методы нейромодуляции, фармако и психотерапии, направленных на облегчение стресса и последствий СВГ. Область исследований СВГ продолжает развиваться, уделяя все большее внимание качественным междисциплинарным подходам, которые учитывают контекстуальные и субъективные аспекты расстройства, а также его связь с более широкими изменениями в структуре сознания и расстройствами самооценки при шизофрении. Исследования СВГ методом фМРТ при шизофрении уже позволили получить ценную информацию об областях мозга и нейронных сетях, участвующих в возникновении указанного симптома. Однако до настоящего времени не хватает данных о динамике мозговой активности и функциональном взаимодействии мозговых структур. Продолжающиеся усилия по объединению этих результатов с более

¹ Шизофрения. *Всемирная организация здравоохранения*. 12.01.2022. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/schizophrenia> (дата обращения: 20.10.2024).

глубоким пониманием феноменологии и клинической значимости СВГ помогут улучшить процедуру диагностики, лечения и общего понимания этого сложного и многогранного аспекта шизофрении.

В ходе работы изучались особенности внутренней речи у людей с присутствием слуховых вербальных галлюцинаций в анамнезе при помощи методов электроэнцефалографической регистрации активности головного мозга, которая позволяет получить данные с высоким временным разрешением. Наибольший исследовательский интерес направлен на изучение зон слуховой коры, активно вовлеченной в индуцирование слуховых вербальных галлюцинаций, а возможность сравнения группы испытуемых, страдающих шизофренией, и группы без каких-либо психических заболеваний позволяет выявить основные психофизиологические особенности динамики мозговой активности, характеризующей процессы СВГ. Текущее исследование концентрируется на сравнении двух групп испытуемых, состоящих исключительно из женщин, т. к. существуют половые особенности в клинической картине развития шизофрении.

Задачей настоящего исследования была оценка особенностей изменения электрической активности головного мозга у женщин с шизофренией с наличием СВГ в анамнезе по сравнению со схожей по гендеру и возрасту выборкой людей без каких-то психических заболеваний. Концентрация внимания именно на женской выборке представляет собой особый научный интерес, поскольку гендерные различия могут играть значимую роль в понимании этиологии и лечении симптомов шизофрении. Исследователи отмечают, что проявление и течение болезни у женщин и у мужчин имеет свои характерные особенности, которые важно учитывать в динамическом аспекте [13]. У женщин, как правило, отличный от мужчин пусковой механизм развития заболевания, иной профиль и потенциально специфические нейронные корреляты симптомов, таких как СВГ. Для прогноза необходимо клиническое описание конкретного варианта течения заболевания, важен дифференцирующий психопатологический подход [14]. У женщин заболевание в основном начинается позже, без особых осложнений, и они лучше отвечают на прием антипсихотиков по сравнению с мужчинами [13]. Женщины способны к более устойчивой и последовательной обработке информации, ее систематизации, а у мужчин более выражена способность к эмоционально-целостному восприятию, синтетическому мышлению [15]. Психологические различия между мужчинами и женщинами имеют свою нейробиологическую основу. Недавние исследования [16] показали важную роль эстрогенов – группы стероидных гормонов, роль которых, помимо репродуктивной, заключается в защите и укреплении центральной нервной системы. Эстрогены играют роль и в патопсихологии

шизофрении, защищают женщин от более серьезного течения расстройства благодаря (но не исключительно) регулированию митохондриальной системы [16]. По всей видимости, эстрогены приводят к различиям в клинических результатах у пациентов разных полов. До сих пор не известны молекулярные механизмы, посредством которых эстрогены изменяют ход шизофрении, но, вероятно, эстрогены действуют на синаптическую пластичность, нейрогенез и нейротрансмиссию, на губительный эффект активных форм кислорода на головной мозг [16].

Современные нейрокогнитивные модели СВГ предполагают нарушения самомониторинга, спонтанной активации слуховых областей и связности между языковыми и слуховыми областями. Изучение данных механизмов именно у женщин может проверить универсальность этих моделей или выявить специфические для пола процессы. Выявление нейробиологических основ СВГ у женщин может направить разработку целевых фармакологических, нейромодуляторных или психологических вмешательств, адаптированных для этой популяции. Это важно, учитывая резистентность СВГ к лечению у многих пациентов. Изучение мозговых механизмов СВГ у женщин с шизофренией оправдано из-за распространенности, влияния и потенциальных гендерных различий в этом симптоме. Такие исследования могут продвинуть нейрокогнитивное понимание и привести к улучшенным, персонализированным методам лечения как СВГ, так и симптомов шизофрении в целом.

Цель – определить функциональные различия во время внутреннего проговаривания набора предложенных стимульных слов у двух групп: женщин с шизофренией и наличием СВГ в анамнезе и группы женщин без каких-либо психических расстройств. Исследование фокусируется на зонах мозга, ассоциированных с получением, обработкой и воспроизведением речевых стимулов. К этим зонам относятся: левополушарная и правополушарная зоны Вернике, моторная зона левостороннего мозжечка, зоны левополушарной и правополушарной супрамаргинальной извилины. Кроме того, исследование охватывает зоны вентрального стриатума, которые ассоциируются с работой систем мотивации и вознаграждения в ответ на полученные стимулы. В ранее проведенных исследованиях установлено, что зона вентрального стриатума может нарушаться у пациентов с шизофренией как в функциональном, так и в морфологическом плане. Такие изменения могут приводить к ряду последствий. Во-первых, у пациентов может возникнуть неспособность различать собственную внутреннюю и внешнюю речь, а также речь постороннего человека. Это, в свою очередь, может способствовать возникновению СВГ. Во-вторых, нарушения в этой зоне могут приводить к возникновению негативных симптомов шизофрении, таких как апатия, снижение

мотивации и эмоциональная уплощенность. В целом эти изменения могут вызывать нарушение социальной адаптации больного шизофренией [17; 18].

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 22 женщины без психических расстройств (группа нормы) в возрасте 21–66 лет ($\text{mean} = 41,9$, $\text{StD} = 16,1$) и 22 женщины, проходящие лечение в Психиатрической клинической больнице № 1 им. Н. А. Алексеева с диагнозом шизофрения (в том числе 17 случаев F20, 3 случая F23) и сходную лекарственную терапию в возрасте 23–65 лет ($\text{mean} = 41,8$, $\text{StD} = 10,4$). Данные группы не различаются по возрасту согласно *t*-критерию Стьюдента ($p = 0,98$).

В качестве стимулов использовались слова русского языка: *сахар, шашлык, ракета*, а также слово *ракета*, произнесенное диктором с речевыми нарушениями. Выбранные слова содержат разнообразное сочетание фонем для снятия эффектов однообразного повторения. Применялись записи, наговоренные женским голосом, в которых данные слова представлены без дополнительных звуков, шумов и возможности образования словосочетаний и предложений. Стимулы предъявлялись аудиально через наушники в случайном порядке, каждое слово предъявлялось по 35 раз, т. е. всего 140 предъявлений. Начало внутреннего проговаривания задавалось специальным сигналом (коротким звуком), который воспроизводился после предъявления стимула, задающего, какое именно слово необходимо внутренне проговорить.

Во время проведения исследования испытуемые сидели спокойно с закрытыми глазами. Контроль факта внутреннего проговаривания осуществлялся с помощью регистрации электромиограммы с артикуляторной мышцы.

Для записи и редактирования ЭЭГ (электроэнцефалография) с целью исключения артефактов использовалась программа BrainSys (BrainWin). Регистрация электрической активности мозга проводилась монополярно, с помощью 19-канального электроэнцефалографа «Нейро-КМ» (компания «Статокин», Россия) с частотой оцифровки 1 мс, верхний фильтр 30 Гц. Electroды были расположены по международной системе 10–20 % с двумя мостоидами.

Для исключения артефактов проводился визуальный анализ ЭЭГ с помощью программы Brainsys (BrainWin).

Дальнейший анализ выполнялся с помощью нового способа локализации мозговой активности «виртуально вживленный электрод» (патент РФ № 2785268), метод описан в [19], его верификация представлена в [20]. В настоящей работе анализировалась активность в зонах, соответствующих центру следующих исследуемых структур по атласу MNI152: Ventral Striatum BA25, Wernicke BA22 L, Supramarginal

gyrus BA40 L, BA22 R, Supramarginal gyrus BA40 R, Cerebellum L.

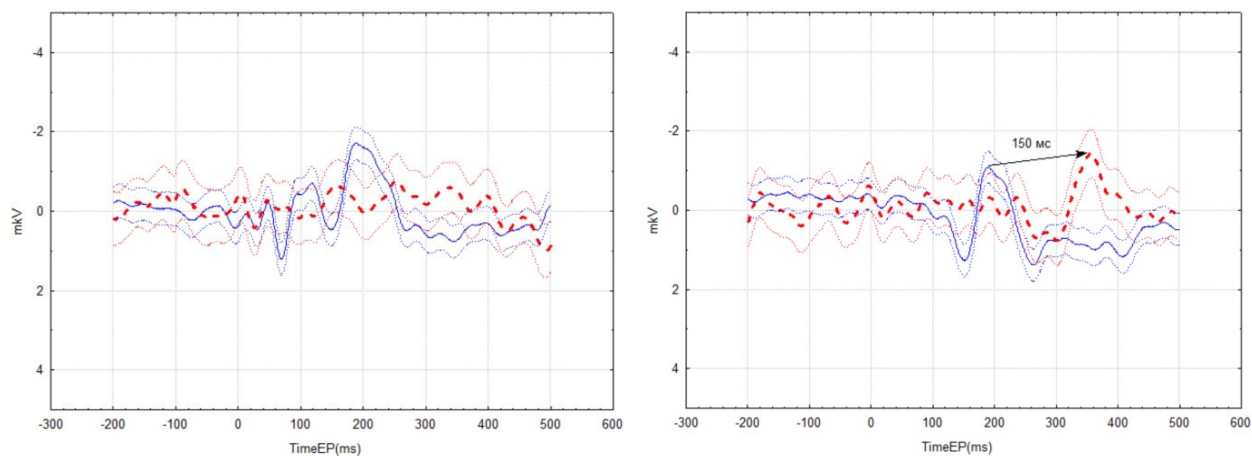
ПСС (потенциал, связанный с событием) усреднялись по всем предъявлениям всех сигналов для внутреннего проговаривания как в пределах данных каждого испытуемого, так и по данным всех испытуемых соответствующих групп с расчетом 95 % доверительного интервала.

Результаты

С помощью нового метода пространственной локализации «виртуально вживленный электрод» были выявлены тонкие изменения биоэлектрической активности в левополушарной и правополушарной зонах Вернике, левостороннего мозжечка, зоне левополушарной и правополушарной супрамаргинальной извилины, а также зоне вентрального стриатума у женщин больных шизофренией. Были получены усредненные по выделенным группам испытуемых ПСС для процесса мысленного проговаривания различных слов с оценкой 95 % доверительного интервала, что позволило оценить достоверность различий в амплитуде соответствующих пиков.

На рисунке 1 представлены межгрупповые различия по усредненному ПСС. На рисунке 1 слева определяются достоверные различия на латенции 180–210 мс при межгрупповом сравнении группы женщин с шизофренией (красная пунктирная линия) и группы без психических нарушений (синяя линия) для левополушарной зоны Вернике, отмечается разнонаправленность потенциала для сравниваемых групп. На рисунке 1 справа определяется отсроченный на 150 мс пик для группы с шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений. Для группы без психических нарушений наиболее высокоамплитудный положительный пик отмечается на латенции 190 мс, а для группы с шизофренией на латенции 340 мс для правополушарной зоны Вернике.

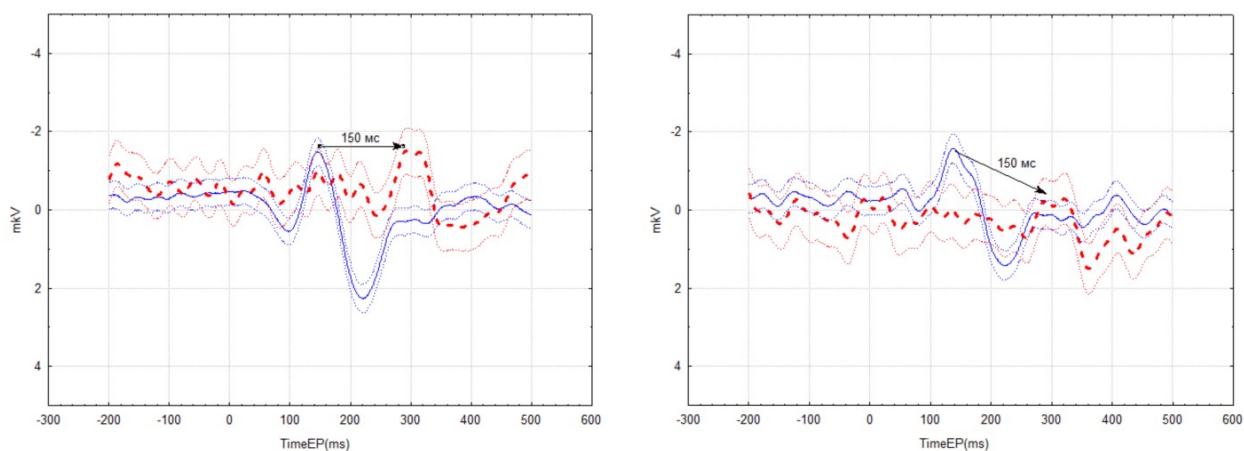
На рисунке 2 указаны межгрупповые различия ПСС, построенных для всех проговоренных во внутреннем плане слов для зон левополушарной (рис. 2 слева) и правополушарной (рис. 2 справа) супрамаргинальной извилины. На рисунке 2 слева определяются достоверные различия на латенции 180–210 мс при межгрупповом сравнении группы женщин с шизофренией (красная пунктирная линия) и группы без психических нарушений (синяя линия) для левополушарной зоны супрамаргинальной извилины. Кроме этого, определяется возникновение отсроченного по латенции пика на 150 мс для группы с шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений. На рисунке 2 справа определяется отсроченный на 150 мс пик для группы с шизофренией по сравнению с группой контроля.

Рис. 1. Сравнение активности левополушарной и правополушарной зоны Вернике для группы женщин с шизофренией и для группы без психических расстройств

Fig. 1. Wernicke area activity in left vs. right hemisphere in schizophrenic female patients and control

Прим.: Слева – ПСС в зоне левополушарной зоны Вернике для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Справа – ПСС в зоне правополушарной зоны Вернике для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Тонкими пунктирными линиями отмечен 95 % доверительный интервал.

Рис. 2. Сравнение активности левополушарной и правополушарной зоны супрамаргинальной извилины для группы женщин с шизофренией и для группы без психических расстройств

Fig. 2. Supramarginal gyrus activity in left vs. right hemisphere in schizophrenic female patients and control

Прим.: Слева – ПСС в зоне левополушарной супрамаргинальной извилины для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Стрелка указывает на задержку негативного пика на 150 мс для группы с шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений. Справа – ПСС в зоне правополушарной супрамаргинальной извилины для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Тонкими пунктирными линиями отмечен 95 % доверительный интервал.

На рисунке 3 обозначены межгрупповые различия по ПСС, построенному суммарно для всех проговоренных во внутреннем плане слов для зоны вентрального стриатума (рис. 3 слева) и левополушарного мозжечка (рис. 3 справа). На рисунке 3 слева определяются достоверные различия на латенции 180–330 мс при межгрупповом сравнении группы женщин с шизофренией (красная пунктирная линия) и группы без психических нарушений (синяя линия) для зоны вентрального стриатума, а также определяется возникновение отсроченного по латенции пика на 150 мс. Острый негативный пик возникает на латенции 120 мс для группы без психических нарушений, а для группы женщин с шизофренией более сглаженный и менее амплитудный пик определяется на латенции 290 мс. На рисунке 3 справа определяется отсроченный на 150 мс позитивный пик для группы женщин с шизофренией по сравнению с группой без психических расстройств для зоны левополушарного мозжечка.

Обсуждение

Зона Вернике (BA22) традиционно ассоциируется с пониманием речи и обработкой языковой информации. Исследования показывают, что у пациентов с шизофренией наблюдаются функциональные изменения в левой средней височной извилине, которая включает зону Вернике [6].

К. Котрус и соавторы отмечают повышенную активацию первичной слуховой коры в отсутствие внешнего стимула и сниженную активацию в присутствии внешнего слухового стимула у пациентов

с СВГ [7]. Это может быть связано с нарушением обработки информации в зоне Вернике, что приводит к неправильной интерпретации внутренней речи как внешних стимулов. Обзор нейрокогнитивных моделей вербальных галлюцинаций при шизофрении подчеркивает роль нарушений в обработке языковой информации. Задержка активации в зоне Вернике может вносить вклад в эти нарушения, влияя на способность пациентов правильно интерпретировать информацию [12]. Исследование L. Besso и других показало, что гипоактивация речевых зон во время слуховых образов способствует возникновению галлюцинаций при шизофрении. Задержка активации в зоне Вернике может быть частью этого процесса, нарушая нормальную обработку внутренней речи. Текущее исследование демонстрирует, что у людей с СВГ в зоне Вернике справа была зарегистрирована задержка пика активации на 150 мс по сравнению с группой контроля (180 мс против 330 мс) [11].

В ходе проведенных исследований установлено, что у пациентов с шизофренией наблюдаются нарушения в функционировании в области вентрального стриатума. У пациентов с шизофренией обнаружена аномальная активация вентрального стриатума во время выполнения задач на отсроченное денежное стимулирование (*The Monetary Incentive Delay Task*) в ходе фМРТ-исследований [21]. О. D. Howes и коллеги выявили, что у пациентов с шизофренией наблюдается повышенный синтез дофамина в стриатуме, что может влиять на обработку вознаграждения и мотивацию. Задержка активации на 150 мс у группы с шизофренией по сравнению с группой нормы

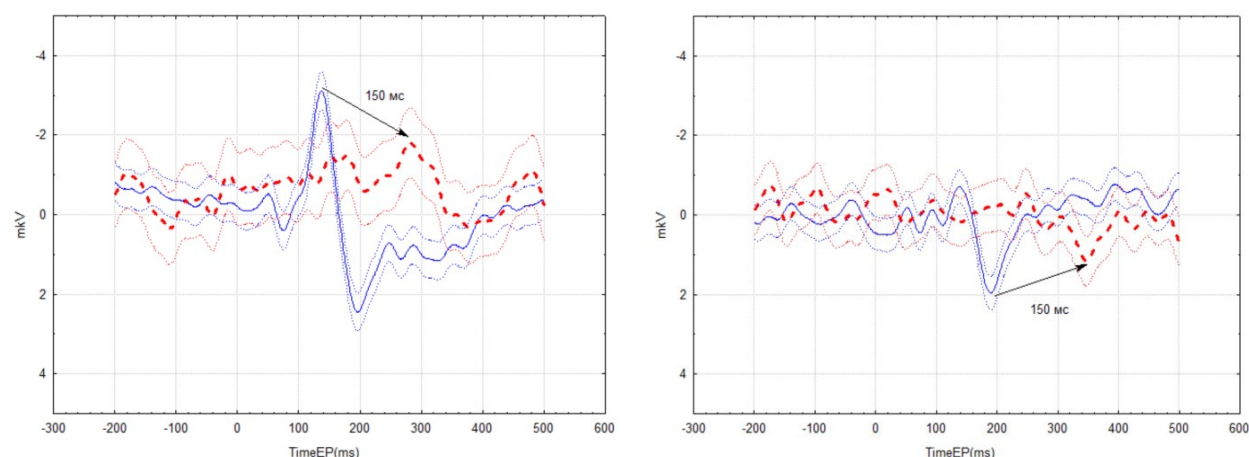

Рис. 3. Сравнение активности в зонах вентрального стриатума и левополушарного мозжечка для группы женщин с шизофренией и для группы без каких-либо психических расстройств

Fig. 3. Activities of ventral striatum vs. left cerebellar hemisphere in schizophrenic female patients and control

Прим.: Слева – ПСС в зоне вентрального стриатума для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Справа – ПСС в зоне левополушарного мозжечка для двух групп: группы без психических нарушений (синяя линия) и группы с шизофренией (красная пунктирная линия) для внутреннего проговаривания слов. Тонкими пунктирными линиями отмечен 95 % доверительный интервал.

может указывать на нарушения в обработке информации о вознаграждении и эмоциональных стимулах в вентральном стриатуме, а также на декомпенсацию регуляторных процессов в головном мозге [22]. Это может приводить к рассинхронизации между системой вознаграждения и другими нейронными сетями, участвующими в речевых и социальных процессах, что в свою очередь может объяснять некоторые аспекты социальной дисфункции и нарушений коммуникации при шизофрении.

Традиционно мозжечок ассоциировался в основном с моторной координацией, но современные исследования показывают его важную роль в когнитивных и языковых функциях. Мозжечок активируется не столько при внешней речи, сколько при внутреннем проговаривании [23]. Это свидетельствует о его участии в моторных аспектах речи даже в отсутствие явного произнесения. Задержка активации мозжечка может выражаться в виде нарушений в координации речевых процессов. В проведенных ранее исследованиях подчеркивается роль мозжечка в точной временной координации движений, что критично для речи [24]. Кроме этого, отмечается связь между нарушениями моторного контроля и тяжестью симптомов шизофрении [25]. J. M. Ford и другие предполагают, что нарушения в предсказании сенсорных последствий речи, в которых участвует мозжечок, могут вносить вклад в возникновение вербальных галлюцинаций при шизофрении [26].

Авторы проведенных ранее исследований отмечают аномальную активацию супрамаргинальной извилины у пациентов с шизофренией во время слуховых вербальных галлюцинаций, что указывает на ее роль в патофизиологии этого симптома [27]. По мнению V. Alderson-Day и C. Fernyhough, супрамаргинальная извилина может играть роль в мониторинге внутренней речи. Нарушения в ее активации могут влиять на способность различать внутреннюю и внешнюю речь, что может приводить к СВГ, возникающим у людей с шизофренией [28].

Заключение

В результате при определении функциональных различий во время внутреннего проговаривания набора предложенных стимульных слов у двух групп: женщин с шизофренией и наличием СВГ в анамнезе и группы женщин без каких-либо психических расстройств были сделаны следующие выводы:

1. Отмечается снижение активности (амплитуды ПСС) в левополушарной зоне Вернике в группе больных шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений: достоверные различия отмечаются на латенции 180–210 мс при межгрупповом сравнении, также указывается разнонаправленность потенциала компонента ПСС.

2. Для правосторонней зоны Вернике определяется отсроченный на 150 мс пик для группы больных шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений.

3. Отмечается возникновение отсроченного по латенции пика на 150 мс для группы с шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений для зон левополушарной и правополушарной супрамаргинальной извилины.

4. Определяются достоверные различия на латенции 180–330 мс при межгрупповом сравнении группы женщин с шизофренией по сравнению группой без психических нарушений для зоны вентрального стриатума, а также определяется возникновение отсроченного по латенции на 150 мс пика ПСС.

5. Определяется отсроченный на 150 мс позитивный пик ПСС для группы женщин с шизофренией по сравнению с группой без психических нарушений для зоны левополушарного мозжечка.

Полученные результаты имеют важное практическое значение для развития персонализированных подходов к терапии шизофрении. Выявленные паттерны нарушений биоэлектрической активности мозга у женщин с шизофренией могут быть использованы как потенциальные биомаркеры для: ранней диагностики и прогнозирования развития СВГ; мониторинга эффективности проводимой терапии; разработки новых протоколов нейромодуляции, специфически направленных на коррекцию выявленных нарушений в конкретных областях мозга с учетом их временных характеристик; оптимизации существующих схем фармакотерапии с учетом гендерных особенностей нейрофизиологических механизмов заболевания.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение корреляции между выявленными нейрофизиологическими паттернами и клиническими характеристиками СВГ, что может способствовать разработке более точных прогностических моделей течения заболевания и персонализированных терапевтических стратегий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00067-П «Системная визуализация и способы декодирования внутренней речи», <https://www.rscf.ru/project/23-18-45016/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00067-P: System visualization and methods for decoding internal speech, <https://www.rscf.ru/en/project/23-18-45016/>

Литературы / References

1. Fernyhough C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations. *New ideas in psychology*, 2004, 22(1): 49–68. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2004.09.001>
2. Di Biase M. A., Zhang F., Lyall A., Kubicki M., Mandl R. C. W., Sommer I. E., Pasternak O. Neuroimaging auditory verbal hallucinations in schizophrenia patient and healthy populations. *Psychological medicine*, 2020, 50(3): 403–412. <https://doi.org/10.1017/S0033291719000205>
3. Yttri J. E., Urfer-Parnas A., Parnas J. Auditory verbal hallucinations in schizophrenia: Mode of onset and disclosure. *The Journal of nervous and mental disease*, 2020, 208(9): 689–693. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000001179>
4. Fovet T., Yger P., Lopes R., de Pierrefeu A., Duchesnay E., Houenou J., Thomas P., Szaffarczyk S., Domenech P., Jardri R. Decoding activity in Broca's area predicts the occurrence of auditory hallucinations across subjects. *Biological psychiatry*, 2022, 91(2): 194–201. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2021.08.024>
5. Wang Q., Ren H., Li C., Li Z., Li J., Li H., Dai L., Dong M., Zhou J., He J., O'Neill J., Liao Y., He Y., Liu T., Chen X., Tang J. Metabolite differences in the medial prefrontal cortex in schizophrenia patients with and without persistent auditory verbal hallucinations: A IHMRS study. *Translational Psychiatry*, 2022, 12(1). <http://dx.doi.org/10.1038/s41398-022-01866-5>
6. Cui Y., Liu B., Song M., Lipnicki D. M., Li J., Xie S., Chen Y., Li P., Lu L., Lv L., Wang H., Yan J., Zhang H., Zhang D., Jiang T. Auditory verbal hallucinations are related to cortical thinning in the left middle temporal gyrus of patients with schizophrenia. *Psychological medicine*, 2018, 48(1): 115–122. <https://doi.org/10.1017/S0033291717001520>
7. Kompus K., Westerhausen R., Hugdahl K. The "paradoxical" engagement of the primary auditory cortex in patients with auditory verbal hallucinations: A meta-analysis of functional neuroimaging studies. *Neuropsychologia*, 2011, 49(12): 3361–3369. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2011.08.010>
8. Kompus K., Falkenberg L. E., Bless J. J., Johnsen E., Kroken R. A., Kråkvik B., Larøi F., Løberg E. M., Vedul-Kjelsås E., Westerhausen R., Hugdahl K. The role of the primary auditory cortex in the neural mechanism of auditory verbal hallucinations. *Frontiers in human neuroscience*, 2013, 7. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00144>
9. Ćurčić-Blake B., Ford J. M., Hubl D., Orlov N. D., Sommer I. E., Waters F., Allen P., Jardri R., Woodruff P. W., David O., Mulert C., Woodward T. S., Aleman A. Interaction of language, auditory and memory brain networks in auditory verbal hallucinations. *Progress in neurobiology*, 2017, 148: 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.pneurobio.2016.11.002>
10. Anhøj S., Ebdrup B., Nielsen M. Ø., Antonsen P., Glenthøj B., Rostrup E. Functional connectivity between auditory and medial temporal lobe networks in antipsychotic-naïve patients with first-episode schizophrenia predicts the effects of dopamine antagonism on auditory verbal hallucinations. *Biological psychiatry global open science*, 2024, 4(1): 308–316. <https://doi.org/10.1016/j.bpsgos.2023.06.003>
11. Besso L., Larivière S., Roes M., Sanford N., Percival C., Damascelli M., Momeni A., Lavigne K., Menon M., Aleman A., Ćurčić-Blake B., Woodward T. S. Hypoactivation of the language network during auditory imagery contributes to hallucinations in Schizophrenia. *Psychiatry research: Neuroimaging*, 2024, 341. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.111824>
12. Паникратова Я. Р., Лебедева И. С. Нейрокогнитивные модели вербальных галлюцинаций при шизофрении: обзор. *Клиническая и специальная психология*. 2022. Т. 11. № 1. С. 90–119. [Panikratova Ya. R., Lebedeva I. S. Neurocognitive models of auditory verbal hallucinations in schizophrenia: A review. *Clinical psychology and special education*, 2022, 11(1): 90–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110105>
13. Бобровникова А. С., Тарасова С. Ю., Якимова В. В. Гендерные различия развития шизофрении. *Вестник новых медицинских технологий*. 2015. № 4. [Bobrovnikova A. S., Tarasova S. Yu., Yakimova V. V. Gender differences in schizophrenia. *Journal of new medical technologies*, 2015, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/16776>
14. Шмуклер А. Б., Семенкова Е. А. Возрастные особенности нейрокогнитивного дефицита у больных шизофренией и расстройствами шизофренического спектра на начальных этапах заболевания. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2013. Т. 23. № 4. С. 19–23. [Shmukler A. B., Semenkova E. A. Age-related characteristics of neurocognitive deficit at early stages of schizophrenia and schizophrenia spectrum disorders. *Social and clinical psychiatry*, 2013, 23(4): 19–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjegqh>

15. Березанцев А. Ю., Митрофанова О. И. Гендер, комплаенс и качество жизни больных шизофренией (аналитический обзор). *Российский психиатрический журнал*. 2009. № 1. С. 24–32. [Berezantsev A. Yu., Mitrofanova O. I. Gender, compliance and quality of life of schizophrenic (analytical review). *Russian journal of psychiatry*, 2009, (1): 24–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvpjle>
16. Gogos A., Sbisa A. M., Sun J., Gibbons A., Udawela M., Dean B. A role for estrogen in schizophrenia: Clinical and preclinical findings. *International journal of endocrinology*, 2015, (1). <https://doi.org/10.1155/2015/615356>
17. Kirsch P., Schienle A., Stark R., Sammer G., Blecker C., Walter B., Ott U., Burkart J., Vaitl D. Anticipation of reward in a nonaversive differential conditioning paradigm and the brain reward system: An event-related fMRI study. *NeuroImage*, 2003, 20(2): 1086–1095. [https://doi.org/10.1016/S1053-8119\(03\)00381-1](https://doi.org/10.1016/S1053-8119(03)00381-1)
18. Strauss G. P., Waltz J. A., Gold J. M. A review of reward processing and motivational impairment in schizophrenia. *Schizophrenia bulletin*, 2014, 40: 107–116. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbt197>
19. Vartanov A. V. A new method of localizing brain activity using the scalp EEG data. *Procedia computer science*, 2022, 213: 41–48. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.11.036>
20. Вартанов А. В. Новый подход к пространственной локализации электрической активности по данным ЭЭГ. *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2023. Т. 15. № 4. С. 326–338. [Vartanov A. V. A new approach to spatial localization of EEG-based electrical activity. *Epilepsy and paroxysmal conditions*, 2023, 15(4): 326–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17749/2077-8333/epi.par.con.2023.177>
21. Radua J., Schmidt A., Borgwardt S., Heinz A., Schlagenhauf F., McGuire P., Fusar-Poli P. Ventral striatal activation during reward processing in psychosis: A neurofunctional meta-analysis. *JAMA psychiatry*, 2015, 72(12): 1243–1251. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2015.2196>
22. Howes O. D., Kambeitz J., Kim E., Stahl D., Slifstein M., Abi-Dargham A., Kapur S. The nature of dopamine dysfunction in schizophrenia and what this means for treatment. *Archives of general psychiatry*, 2012, 69(8): 776–786. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2012.169>
23. Шевченко А. О., Вартанов А. В. Сравнение механизмов фонематического восприятия и внутреннего проговаривания фонем и слогов: ЭЭГ- и фМРТ-исследование. *Российский психологический журнал*. 2022. Т. 19. № 4. С. 186–210. [Shevchenko A. O., Vartanov A. V. Comparison of the mechanisms of phonemic awareness and internal pronunciation of phonemes and syllables: EEG and fMRI study. *Russian psychological journal*, 2022, 19(4): 186–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.13>
24. Ivry R. B., Schlerf J. E. Dedicated and intrinsic models of time perception. *Trends in cognitive sciences*, 2008, 12(7): 273–280. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.04.002>
25. Walther S., Stegmayer K., Sulzbacher J., Vanbellingen T., Müri R., Strik W., Bohlhalter S. Nonverbal social communication and gesture control in schizophrenia. *Schizophrenia bulletin*, 2015, 41(2): 338–345. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbu222>
26. Ford J. M., Dierks T., Fisher D. J., Herrmann C. S., Hubl D., Kindler J., Koenig T., Mathalon D. H., Spencer K. M., Strik W., van Lutterveld R. Neurophysiological studies of auditory verbal hallucinations. *Schizophrenia bulletin*, 2012, 38(4): 715–723. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbs009>
27. Jardri R., Pouchet A., Pins D., Thomas P. Cortical activations during auditory verbal hallucinations in schizophrenia: A coordinate-based meta-analysis. *American journal of psychiatry*, 2011, 168(1): 73–81. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2010.09101522>
28. Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner speech: Development, cognitive functions, phenomenology, and neurobiology. *Psychological bulletin*, 2015, 141(5): 931–965. <https://doi.org/10.1037/bul0000021>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/stxolv>

Модульное проектирование реализации программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов на основе критериального подхода

Никандрова Татьяна Сергеевна

Московский педагогический государственный университет,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5366-5827

<https://orcid.org/0000-0001-6246-5039>

ts.nikandrova@mpgu.su

Тушева Елена Сергеевна

Московский педагогический государственный университет,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 7934-6368

<https://orcid.org/0000-0002-4106-9122>

Вовненко Ксения Борисовна

Московский педагогический государственный университет,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4208-8777

Аннотация: Исследование проходило в условиях формирования новой модели подготовки педагогов-дефектологов. Цель – разработать и впоследствии внедрить критерии, позволяющие связать современные требования, предъявляемые к педагогу-дефектологу, с его профессиональными характеристиками, приобретаемыми в процессе обучения. Во-первых, осуществлялось экспертно-аналитическое оценивание соответствия образовательных программ специального (дефектологического) образования единым требованиям национальной модели подготовки педагогических кадров. Представлены результаты мониторинга 36 педагогических вузов страны, свидетельствующие о подготовке педагогов-дефектологов, о соотношении реализуемых профилей подготовки и соответствии содержания профессиональных программ единым требованиям модульно-распределительного структурирования педагогического образования. Во-вторых, на обсуждение выносятся вопросы разработки критериев, направленных на интенсификацию процессов дифференциации в специальном (дефектологическом) образовании. Рассматриваются критерии: оптимального соотношения фундаментального и профессионального знания; модульного проектирования и реализации образовательных программ; ориентации на виды деятельности, предусмотренные профессиональным стандартом «Педагог-дефектолог»; дифференциации профильной подготовки / углубленной специализации; встраивания в программы подготовки траектории формирования исследовательских компетенций педагога-дефектолога; соподчиненности теоретической и практической предметно-методической подготовки; повышения статуса русского языка и литературы, обеспечения развития языковых практик на русском языке; опоры профессионального мышления педагога-дефектолога на знания о природе и механизмах дизонтогенеза; обеспечения единых подходов к результатам формирования социальной ответственности личности, гуманитарных, духовно-нравственных и гражданско-патриотических ценностей педагогического образования, готовности к осуществлению воспитательной деятельности и поддержке образовательно-воспитательного потенциала семьи; технологичности. В результате по каждому из этих критериев дано обоснование модульного проектирования профильных программ. Сделан вывод, что критерии, выделенные в работе, позволят создавать образовательные программы, направленные на подготовку квалифицированных кадров в области специального (дефектологического) образования.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, педагог-дефектолог, модернизация специального (дефектологического) образования, пилотный проект, проектирование содержания образовательных программ, критериальный подход

Цитирование: Никандрова Т. С., Тушева Е. С., Вовненко К. Б. Модульное проектирование реализации программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов на основе критериального подхода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 11–22. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-11-22>

Поступила в редакцию 22.10.2024. Принята после рецензирования 03.12.2024. Принята в печать 03.12.2024.

full article

Modular Design of Professional Training Programs for Special Education Teachers: Criteria-Based Approach

Tatyana S. Nikandrova

Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 5366-5827
<https://orcid.org/0000-0001-6246-5039>
ts.nikandrova@mpgu.su

Elena S. Tusheva

Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 7934-6368
<https://orcid.org/0000-0002-4106-9122>

Ksenia B. Vovnenko

Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 4208-8777

Abstract: The article features a new training model for special education teachers: the authors developed a set of criteria to link the modern requirements for a special education teacher with the skills acquired in the process of professional training. The first stage involved an expert assessment of special education teachers' curricula for compliance with the unified requirements of the national teacher's training model. It covered 36 Russian pedagogical universities that train special education teachers. The curricula were checked for compliance with the unified requirements for modular and distributed structuring of pedagogical education. The second stage yielded the criteria aimed at intensifying the processes of differentiation in special education teachers' training. The criteria were formulated as a list of statements. Fundamental knowledge correlates with professional knowledge. The education programs for special education teachers have a distinct modular design. They consider the activities stipulated by the professional standard for Special Education (*defectologist*). Profile training differs from advanced specialization. Research skills are obligatory: theory and practice go hand in hand. The Russian language needs a more important status in the special education teachers' training, with linguistic practices in Russian. A special education teacher knows the nature and mechanisms of dysontogenesis. A unified assessment approach covers human, spiritual, moral, and patriotic values, as well as such competencies as social responsibility, technologic efficiency, readiness for teaching, enhancing the education potential of the family, etc. Each criterion was provided with a rationale of modular design. The criteria may help to develop more effective education programs for special education teachers.
Keywords: professional training, defectologist, modernization of special education teachers training, pilot project, designing the content of educational programs, criterion approach

Citation: Nikandrova T. S., Tusheva E. S., Vovnenko K. B. Modular Design of Professional Training Programs for Special Education Teachers: Criteria-Based Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 11–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-11-22>

Received 22 Oct 2024. Accepted after review 3 Dec 2024. Accepted for publication 3 Dec 2024.

Введение

С 2022 г. обучение студентов педагогических вузов интегрировано в ядро высшего педагогического образования¹, осуществляется на основе единых требований к разработке и реализации образовательных программ (ОП), представлено общей структурой, одинаковыми модулями и дисциплинами, содержание которых пронизано социально-гуманитарными, коммуникативно-цифровыми, здоровьесберегающими, воспитательными, психолого-педагогическими и практико-ориентированными смыслами ведения профессиональной деятельности [1–4]. Министр

просвещения Российской Федерации Сергей Кравцов заявил: «Национальная система подготовки педагогических кадров должна стать одной из самых передовых в мире. Именно поэтому ее развитие – приоритет Министерства просвещения»².

С позиций данного подхода коллективом преподавателей Института детства МПГУ в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР было разработано ядро специального (дефектологического) образования, осуществляющее единство программно-методического обеспечения

¹ О направлении информации (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»). Письмо Минпросвещения России № АЗ-1100/08 от 14.12.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

² Сергей Кравцов: «Национальная система подготовки педагогических кадров должна стать одной из самых передовых в мире». *Вестник образования*. 09.08.2021. URL: <https://vestnik.edu.ru/main-topic/sergei-kravtsov-natsionalnaia-sistema-podgotovki-pedagogicheskikh-kadrov-dolzha-stat-odnoi-iz-samykh-peredovykh-v-mire> (дата обращения: 10.10.2024).

подготовки педагогов-дефектологов. Получение высшего образования в едином ключе соответствует запросам современной российской государственной политики, направленной на:

- структуризацию образовательного пространства, что позволяет унифицировать содержание образовательных программ исходя из целесообразности закрепления фундаментальных научно-практических позиций и продвижения инновационных образовательных технологий;
- предоставление студентам возможности эквивалентного межрегионального перемещения в случае жизненной необходимости смены места жительства и беспрепятственного продолжения учебы;
- повышение учебно-познавательной активности студенческой молодежи в научно-исследовательской и социокультурной среде вуза, в многофункциональном инклюзивном социально-образовательном пространстве с присущей российской духовно-нравственной идентичностью и творческой профессиональной самореализацией.

Поскольку на сегодняшний день единство программно-методического обеспечения подготовки дефектологов разработано и проходит апробацию в рамках пилотного проекта³, возникла целесообразность выявления и определения критериев, поддерживающих основательность, продуктивность и рациональность внедрения единого подхода к проектированию содержания ОП профессиональной подготовки педагогов-дефектологов. Без глубокой проработки поставленного вопроса относительно имеющихся на данный момент дефицитов в подготовке педагогов-дефектологов невозможно своевременно скоординировать программу исследования в заданном направлении.

Следуя логике рассуждений, можно констатировать, что на первом этапе работы востребованным оказался социологический анализ, проведение мониторинговых исследований. На основании полученных данных обозначился переход ко второму этапу исследования, в котором целесообразность внедрения единого подхода к проектированию содержания ОП дополняется критериями, сопоставимыми с современными тенденциями развития специального (дефектологического) образования.

Цель – разработать и впоследствии внедрить критерии, позволяющие связать современные требования, предъявляемые к педагогу-дефектологу, с его профессиональными характеристиками, приобретаемыми в процессе обучения.

Для достижения обозначенной цели решались следующие задачи:

- выявить количество реализуемых вузами ОП направлений профильной подготовки;
- установить соответствие проектирования ОП современным требованиям структурно-содержательного оформления;
- выделить критерии проектирования содержания программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов как востребованное перспективное направление научно-исследовательской работы.

Методы и материалы

В рамках проекта был проведен мониторинг ОП высшего образования, в котором участвовало 36 вузов, подведомственных Министерству просвещения РФ и реализующих образовательные программы по направлению «Специальное (дефектологическое) образование». Среди этого количества вузов 26 реализуют образовательные программы магистратуры.

Мониторинг осуществлялся в формате онлайн опроса. Данные подсчитывались и представлены в абсолютных частотах.

Полученные статистические данные позволили произвести экспертно-аналитическую оценку состояния специального (дефектологического) образования на текущий момент.

Также методом модульного проектирования программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов осуществлялась разработка критериев интенсификации образовательного процесса профильной подготовки педагогов-дефектологов. Критерии рассматриваются в качестве действенного результата реализации государственного задания.

Результаты

В конце 2023–2024 учебного года МПГУ на основе мониторинга провел анализ содержания действующих основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) по направлениям подготовки 44.03.03 и 44.04.03⁴ Специальное (дефектологическое) образование, разработанных в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО).

Было выявлено, что чаще реализуются следующие образовательные программы: Логопедия (33), Специальная психология (15), Дошкольная дефектология (12), Олигофренопедагогика (10), реже – программы по Сурдопедагогике, Тифлопедагогике и др.

³ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования. Указ Президента РФ № 343 от 12.05.2023 (ред. от 26.06.2023). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении ФГОС ВО – магистратура по направлению подготовки 44.04.03 Специальное (дефектологическое) образование (Зарегистрировано в Минюсте России 15.05.2018 № 50359) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). Приказ Министерства образования и науки РФ № 128 от 22.02.2018 (ред. от 08.02.2021). СПС КонсультантПлюс.

На уровне магистратуры более трети реализуемых программ соотнесены с логопедической помощью. Представлены также программы, связанные с инклюзивным образованием, психолого-педагогическим сопровождением лиц с расстройствами аутистического спектра, инновационными технологиями, специальной дефектологической помощью в условиях цифровизации и др.

Полученные данные отражают не только востребованность специалистов определенного дефектологического профиля, но и запрос на «универсала», готового работать в условиях инклюзии с детьми разных нозологических групп. Ярким тому примером является подготовка дошкольного дефектолога, охватывающая широкий пласт профессиональной деятельности в границах раннего и дошкольного возраста. Вопрос насколько это применимо к последующим возрастам остается спорным и открытым для обсуждения.

Кардинальные изменения в структуре и содержании подготовки дефектологических кадров обусловлены сменой образовательной парадигмы и подчинены сформировавшейся в российском педагогическом сообществе доктрине – формированию единого профессионально-образовательного пространства, с присущими ему системообразующими характеристиками: фундаментальное, структурированное, национально ориентированное, преемственное, практико-направленное, действенное, результативное, социокультурное, личностно-развивающее, персонализированное [5; 6].

В ядро высшего педагогического образования заложен модульный механизм проектирования ОП, который выступает в качестве нормативно-регулируемого при-ведения системы высшего образования в соответствии с требованиями времени – «обеспечения единства образовательного и воспитательного пространства педагогического образования» [7, с. 37].

Мониторинг выявил, что в ОП специального (дефектологического) образования поддерживается общая концепция распределения дисциплин в идентичных для всех программ блоках:

- общепрофессиональный (с входящими в него социально-гуманитарным, коммуникативно-цифровым, здоровьесберегающим модулями, учебно-исследовательской и проектной деятельности);
- профессиональная деятельность (представлен психолого-педагогическим, предметно-методическим, воспитательным модулями);
- профессиональный модуль дефектологической подготовки (наполненный модулями клинической, лингвистической и профильной подготовки).

Исключение составили модули воспитательной, учебно-исследовательской и проектной деятельности, отсутствующие в некоторых образовательных программах. В этом случае фиксируется несоответствие ОП нормативным требованиям, поскольку эти модули являются обязательными отдельно выделенными компонентами программ.

В модульно-распределительной структуре ОП установлено процентное соотношение объема учебной работы: объем общепрофессионального блока составляет 28 %, на профессиональный блок отведено 72 %. Суммарная трудоемкость их освоения исчисляется зачетными единицами, зафиксированными в учебных планах ОП. К примеру, по ФГОС ВО за 4 года очного бакалавриата – 240 з.е, за 2 года очной магистратуры – 120 з.е. Зачетные единицы (1 з.е = 36 ч) рассредоточены по модулям и в эквивалентном отношении числовым способом отражают модульную и дисциплинарную составляющую учебной работы.

Количество зачетных единиц по модулям дисциплин в реализуемых ОП представлено на рисунке в средних величинах.

Распределение, показанное на рисунке, подчеркивает значимость освоения будущими дефектологами таких дисциплин, как общая, возрастная и специальная психология, психолого-педагогическая диагностика наряду с глубокой клинической направленностью подготовки (анатомия, возрастная анатомия и физиология, основы генетики, физиология и патология органов слуха, речи и зрения, психопатология и др.).

Рис. Средний показатель количества зачетных единиц в реализуемых образовательных программах дефектологической подготовки, в з.е.
Fig. Average number of credits per curriculum for special education teachers, in credits

Реализация этих модулей обеспечивает необходимую базу для освоения обучающимися профильных дисциплин.

Полученные результаты свидетельствуют о включенности педагогических вузов, осуществляющих подготовку педагогов-дефектологов, в единое образовательное пространство. Профильная подготовка студентов-дефектологов распространяется на те направления, которые можно отнести к общепризнанным и инновационным. При этом отмечается недостаток ОП в подготовке специалистов в области образования и сопровождения обучающихся с задержкой психического развития, нарушениями опорно-двигательного аппарата, расстройствами аутистического спектра.

Структура ОП, за редким исключением, формализована в заданном модульном формате и соответствует предписанному объему учебной нагрузки. Содержание модулей опосредовано профильной подготовкой, практико-ориентировано и направлено на формирование общепрофессиональной системы ценностей, стимулирует к реализации творческого потенциала будущих педагогов-дефектологов.

Приобретенный в структурно-содержательном проектировании ОП опыт показывает, что мы только в начале масштабной модернизации специального (дефектологического) образования. Изменения в социальной действительности, культуре, образовании ставят перед дефектологией принципиально новые задачи, в решении которых надлежит активно осваивать процессы и явления, происходящие в современном (дефектологическом) образовании, уметь их дифференцировать [8].

На основе проведенного анализа реализуемых ОП возникает необходимость выделения критериев, способных интенсифицировать образовательный процесс и оказать непосредственное влияние на процессы дифференциации в специальном (дефектологическом) образовании. Предлагаемые нами критерии станут своеобразными фильтрами и объектами научно-исследовательского интереса. В каждом критерии рассматриваются основополагающие позиции, направленные на повышение качества дефектологической подготовки. Достижение этой цели соотносится с индикаторами формируемых компетенций и отождествляется с личными показателями практического освоения ими студентами.

Критерий оптимального соотношения фундаментального и профессионального знания в специальном (дефектологическом) образовании предусматривает глубокий междисциплинарный синтез изучаемых дисциплин (модулей), при котором содержание ОП ориентировано на формирование у будущих дефектологов целостной научной картины мира на основе теоретико-методологических знаний.

По мнению Е. Л. Болотовой, фундаментальная подготовка осуществляется вокруг базовых для студентов педагогических вузов научных положений и выстраивается в процессе единовременного сокращения «объема общих и обязательных дисциплин за счет более строгого отбора материала, системного анализа содержания и выделения основных компонентов» образовательных программ [9, с. 87].

Критерием фундаментальности образования педагогов-дефектологов выступает ее соответствие: принципам структурирования научного знания, опирающегося на внутреннюю логику науки и ее место в эволюционном развитии общества; целостности «курса на основе интеграции всех его разделов вокруг стержневых методологических концепций, теорий, принципов» [10, с. 783]; концентрированности и сбалансированности изложения «наиболее фундаментальных законов и принципов науки с единых методологических позиций» [10, с. 783]; формирования «теоретического типа научного мышления личности и создания интеллектуального фундамента для ее саморазвития» [10, с. 783].

Коррекционная направленность изучения ценностных оснований и принципов, теорий, составляющих ядро дефектологической подготовки, осуществляется в тесной взаимосвязи с общей предметной подготовкой и практикой. Начиная с первого курса содержание обучения педагога-дефектолога рассматривается в контексте овладения базовыми социально-педагогическими знаниями наукоемких курсов, таких как «История России», «Основы российской государственности», «Философия образования» и др. Изучаются иностранные языки и технологии цифрового образования, проводится речевая практика. Освоение методологии культурно-исторического подхода формирует представления о развитии психики человека, о роли образования в его личностном развитии [11]. Эти знания студенты присваивают, изучая научные основы психологии и педагогики. Профессионально значимыми являются курсы возрастной анатомии, физиологии и культуры здоровья, безопасности жизнедеятельности, физической культуры и спорта. Данный вариант структуры и дисциплинарного наполнения ОП – обоснованно принятое решение с доказательной базой эффективности овладения дефектологическими специальностями. Преемственность дисциплин способствует формированию у студентов системного мышления, устанавливающего прочные логические связи между научными достижениями и закономерностями в преобразовании российского образовательного пространства.

Критерий актуальности и прогностичности содержания ОП. Указанный критерий обусловлен динамикой социально-образовательных перемен и необходимостью своевременной корректировки содержания

ОП дефектологической подготовки. Его отличительной особенностью является направленность на изменения содержания дисциплин предметной подготовки, вызванные нормативно утвержденными трансформациями в образовательной сфере. В частности, потребность менять тематическое содержание курсов буквально на ходу определена переходом школы к реализации массовой инклюзивной практики⁵. Приходится ориентироваться не только на востребованность специалистов разных дефектологических профилей, но и на прогнозируемые изменения, связанные с развитием систем образования, здравоохранения и в целом социума, его запросов к профессиональному сообществу. Важно учитывать вызовы, которые встают перед системой подготовки дефектологов: ранняя медико-социальная и психолого-педагогическая помощь, доступность и повышение технологичности образования, его непрерывность для лиц с ОВЗ и / или инвалидностью. В противном случае система подготовки дефектологов окажется в ситуации «вечно догоняющего». В результате складывается ситуация, при которой доминирующие тенденции социального и экономического развития общества кардинальным образом изменяют профессиональную деятельность педагога-дефектолога: цели профессиональной деятельности, трудовые функции, компетенции, личностные качества [12].

Критерий модульного проектирования и реализации образовательных программ специального (дефектологического) образования. В заданном контексте структурирование содержания специального (дефектологического) образования идет путем создания модульной платформы дисциплин вокруг конкретных педагогических задач, в основе которых лежат

универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Предполагается, что каждая программа в обязательной части включает набор 9 модулей, объединенных в укрупненные блоки (табл.).

Критерий ориентации на виды деятельности, предусмотренные профессиональным стандартом «Педагог-дефектолог»⁶. В основе содержания обозначенного критерия лежит деятельность педагога-дефектолога по освоению профессионального опыта. По мнению А. А. Марголиса: «Подлинной целью практической подготовки педагога... является формирование способности к самостоятельному профессиональному развитию, т. е. развитию своей деятельности в новых и каждый раз уникальных условиях» [13, с. 9]. В соответствии с профессиональным стандартом педагог-дефектолог реализует такие виды профессиональной деятельности, как: педагогический – педагогическая деятельность по обучению и воспитанию на основе адаптированных образовательных программ, индивидуальных учебных планов; сопровождение – психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

Принятие профстандарта – результат инновационно-ориентированного развития дефектологического образования. Это рамочно-структурированный документ, представляющий собой матрицу квалификационных характеристик (трудовых функций, знаний, умений, действий) вида деятельности педагога-дефектолога. Понимание сущности профессиональной деятельности на этапе ее становления может осуществляться от общих профессиональных характеристик к частным (профильным) показателям, в равной мере

Табл. Вариант распределения модулей дисциплин в ОП дефектологической подготовки
Tab. Discipline modules in a special education teachers' training program

Укрупненные блоки модулей	Модули = дисциплины + практикумы + практики
Общепрофессиональный блок (20 %*)	<ul style="list-style-type: none"> • социально-гуманитарный • коммуникативно-цифровой • здоровьесберегающий • учебно-исследовательской и проектной деятельности
Профессиональный блок (26 %)	<ul style="list-style-type: none"> • психолого-педагогический • воспитательной деятельности • клинической подготовки • лингвистической подготовки
Блок специальной профильной подготовки (27 %)	<ul style="list-style-type: none"> • в соответствии с направленностью (профилем) программы • с учетом специфики регионального компонента

Прим.: * – процент от общего объема содержательной части программы.

⁵ О внесении изменений в ФЗ «Об образовании в РФ» и ст. 1 ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ». ФЗ № 371-ФЗ от 24.09.2022. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-дефектолог» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.04.2023 № 73027). Приказ Минтруда России № 136н от 13.03.2023. СПС КонсультантПлюс.

как и обратным способом – от частного к целому. Выстраивая образовательную траекторию студента, важно логически обосновывать и практически подкреплять результаты его обучения. Эту возможность дает нам обращение к профстандарту.

Критерий дифференциации профильной подготовки / углубленной специализации. Основой для разработки данного критерия выступает изменение характера решаемых проблем и задач кадрового обеспечения системы образования. Системный подход к дифференциации программ дефектологической подготовки по нозологическому принципу берет начало с 1923 г. [14–16] и продолжается по сей день, что подтверждается результатами мониторинга и доказывает ее устойчивость и эффективность. Проектирование единого образовательного пространства сопоставимо с тенденциями и перспективами подготовки педагогов-дефектологов и заключается в создании новой преемственной структуры, отвечающей требованиям инновационной государственной политики в сфере образования, потребностям общества, работодателей, родителей. Таким образом, следует, что спектр решаемых вопросов достаточно широк, он актуализирует выбор критерия и соотносится с результатами дефектологической подготовки по принципу соответствия модели подготовки специалиста и модели профессионального обучения.

Конкретизируем признаки соответствия по показателям *сделано – предстоит сделать*. В первом случае имеем:

- моделирование профессиональной деятельности в образовательном процессе: поэтапность, технологичность, информационность, практико-ориентированность, дифференцированное формирование профессиональных компетенций и набор ресурсов для их общественно значимой практической реализации;
- опыт совмещения профилей педагогической направленности с привнесением инклюзивной составляющей (образовательная программа Начальное образование и Специальная педагогика (инклюзивное образование)); психолого-педагогической направленности (Практическая возрастная психология. Специальная психология, Сопровождение учащих с различными образовательными потребностями, Прикладная психология в инклюзивном образовании);
- опыт совмещения профилей дефектологической подготовки (Дошкольная дефектология и профиль по выбору (Олигофренопедагогика)).

Во втором случае исходим из целесообразности углубленной специализации в развитии кадрового потенциала:

- усиления практической направленности ОП в соответствии с паспортом научной специальности 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдо-

педагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия), с учетом федерального компонента в реализации адаптированных образовательных программ;

- повышения качества специальной практической подготовки через механизм востребованности базовых и профессиональных компетенций, стандартизированных трудовых функций и целевых установок (знать, уметь, владеть действиями); персонификации проектной деятельности студента, внедрения инновационных образовательных технологий;
- проектирования содержания модуля специальной практической подготовки с учетом востребованных направлений и потребностей профессиональной деятельности (ЗПР, ТМНР, социальной сферы, профессионального обучения и сопровождаемого взросления лиц с ОВЗ, особых образовательных потребностей семьи);
- овладения студентами обновляемой терминологией понятийного аппарата дефектологии, современными информационными, ассистивными технологиями в сфере коррекционного образования, средствами альтернативной и дополнительной коммуникации.

Критерий встраивания в программы подготовки траектории формирования исследовательских компетенций педагога-дефектолога. Введение этого критерия актуализируется творческим воплощением коррекционно-педагогической деятельности, поиском культурных ценностей в совместной деятельности субъектов образовательных отношений, способом формирования исследовательской компетенции и педагогического мировоззрения (взглядов и убеждений, определяющих отношение к лицам с ОВЗ и действительности), а также противопоставлением профессиональному выгоранию [17; 18].

Опосредованное исследовательской компетенцией освоение ОП обеспечивает целостность профессионального и личностно развития студентов, предопределяет их заинтересованность в образовательных результатах.

В новой концепции организации единого образовательного пространства модулю учебно-исследовательской и проектной деятельности отводится интегративная роль, поскольку формирующиеся исследовательские умения аналитического и прикладного характера затрагивают все составляющие ОП и направлены на выполнение работ, результатом которых являются курсовые, проектные, выпускные квалификационные работы, научные публикации, выступления с докладами на научных конференциях, участие в конкурсах и студенческих олимпиадах.

Структурирование модуля представлено:

- дисциплинами «Методы исследовательской / проектной деятельности» и «Методы количественного

и качественного анализа данных». Формируются базовые представления о методологии и научном аппарате исследования в педагогике. Изучаются варианты различных научно-исследовательских работ, требования к их содержанию, структуре и оформлению, подходы к оцениванию, авторские права;

- практиками: технологическая (проектно-технологическая) и научно-исследовательская работа. Знакомство с образовательными организациями и направлениями их работы, наблюдения за обучающимися с ОВЗ в различных видах деятельности, развитие интереса к исследовательской деятельности, сотрудничество с преподавателями и учителями в сборе и анализе результатов микро- и макроисследований.

Из наблюдений за исследовательской деятельностью студентов показателями ее эффективности являются продуктивность, заинтересованность и активность студента, значимый динамический анализ и развивающее оценивание.

Критерий соподчиненности теоретической и практической предметно-методической подготовки. Потребность в разработке и внедрение указанного критерия исходит из необходимости усиления предметно-методической подготовки дефектологов, в процессе которой актуализируются:

- научно-теоретические аспекты преподавания, соотнесенные с исторически сложившимся продвижением дефектологической науки. При акцентированном внимании студентов на этих вопросах происходит: принятие ими концептуальных теорий, признаваемых профессиональным сообществом как аксиомы; понимание трансформации отношений к лицам с особыми потребностями и выстраивание с ними отношений в разных институциональных средах; «вращение» в культуру научного поиска, за которым стоят: ученый как личность, коллектив единомышленников, ученики, выступающие последователями и новаторами [19];
- методические аспекты преподавания распространяются на формирование у студентов методических компетенций профильной направленности, которые соотносятся с изменениями в образовательной ситуации относительно реализации Федеральных адаптированных основных образовательных программ дошкольного, начального, основного и среднего общего образования. Федеральные адаптированные основные образовательные программы обучающихся с интеллектуальными нарушениями соответствуют запросам работодателей.

В каждом модуле проектируемых ОП присутствуют теория и практика, в ходе которых осуществляется осваиваемый вид деятельности. Зачетные единицы выделяются

на практику в таких модулях, как Коммуникативно-цифровой, Психолого-педагогический, Модуль воспитательной деятельности, Учебно-исследовательский, Профильный.

Полагаем, что включение этого критерия повысит эффективность продуктивного взаимодействия между преподавателями, т. к. предстоит разрабатывать рабочие программы совместно, соблюдая логику параллельного изложения теоретического и предметно-методического материала.

Критерий повышения статуса русского языка и литературы в программах подготовки, обеспечения развития языковых практик на русском языке. Необходимость формирования у будущих дефектологов профессиональной лингвистической готовности была доказана в соответствующем исследовании А. А. Алмазовой и результировалась как неотъемлемая составляющая специального (дефектологического) образования, направленная на развитие культуры русского языка и культуры чтения, формирование компетенции в области академической риторики и организации просветительской деятельности, создание условий для развития культуры устной и письменной речи на русском языке [20].

На сегодняшний день модуль «Лингвистические основы профессиональной деятельности учителя-дефектолога» представлен самым наименьшим количеством зачетных единиц, однако его значение в подготовке педагога-дефектолога возрастает в связи с овладением студентами специфики коррекционной работы по развитию речи детей не только в рамках профильной направленности, но и по расширенному формату нозологий. Разнообразие охвата речевых компонентов (фонетики, фонематических процессов, лексики, грамматики, связной речи, интонационной стороны речи, общения) обуславливает высокий уровень владения речью со стороны самого студента, формирования базовой лингвистической составляющей для ведения профессиональной деятельности (в широком понимании).

Критерий опоры профессионального мышления педагога-дефектолога на знания о природе и механизмах дизонтогенеза. Выделение модуля клинических дисциплин позволяет сохранить традиции дефектологического образования и направлено на реализацию комплексного подхода к изучению и сопровождению лиц с нарушениями развития. Дисциплины данного модуля обеспечивают целостный интегративный подход к пониманию проблем дизонтогенеза, повышая таким образом профессиональную компетентность студентов-дефектологов [21]. Изучение дисциплин модуля «Клинические основы профессиональной деятельности учителя-дефектолога» дает представления о механизмах протекания физиологических и психофизиологических процессов в развитии человека,

о периодах онтогенеза, о симптомах отклоняющегося развития, о нозологии нарушений.

Критерий обеспечения единых подходов к результатам формирования социальной ответственности личности, а также к процессу подготовки педагога-дефектолога к осуществлению воспитательной деятельности и поддержке семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями развития. Столь основательный критерий актуализируется с введением в ОП модуля воспитательной деятельности, исходя из чего понадобилось определить параметры его эффективности. В число таких параметров входят: оценка социально-воспитательной работы со студентами и освоение ими профессионально-направленных дисциплин образовательной программы [22; 23].

В образовательные программы вошел Модуль воспитательной деятельности, включающий такие дисциплины, как, например, Вожатская и волонтерская деятельность в инклюзивном образовании, Психолого-педагогическое сопровождение семьи обучающегося с ОВЗ, Воспитательные практики и др. Представленные дисциплины многофункциональны и распространяются на овладение студентами функций классного руководителя, вожатого, организатора деятельности детского коллектива и работы с родителями. Кроме того, модуль предусматривает возможность включения практик: учебной (волонтерская практика, психолого-педагогическое сопровождение лиц с ОВЗ) и производственной (педагогическая вожатская практика).

Социально-воспитательная работа со студентами организуется на кафедрах, факультетах и институтах, задействованы внешние структуры профессионального сообщества, осуществляется межвузовское взаимодействие. Активность студентов распространяется по разным социокультурным сферам (наука, спорт, искусство, волонтерская деятельность и др.), учитываются их личные и профессиональные интересы. За последние годы накоплен богатый опыт вовлечения студентов педагогических вузов в общественную жизнь. Издаются методические материалы, подробно освещающие всестороннюю деятельность студентов по разным направлениям [24].

Критерий технологичности. Учет этого критерия позволяет проектировать ОП так, чтобы сочетание набора дисциплин, необходимых для формирования базовых и профессиональных компетенций педагога-дефектолога, было оптимальным, обеспечивающим высококачественную работу в образовательной организации. Представленный критерий относится к овладению студентами пошаговой технологии обучения детей с ОВЗ, что предполагает овладение сложной цепочкой профессиональной деятельности исходя из понимания ее алгоритма: проведения психолого-педагогического (логопедического) обследования; разработка программы индивидуальной

или фронтальной коррекционной работы; постановки цели и определения конечного результата; выбором специальных методик, приемов, средств с доказательной эффективностью и практической адаптацией материала под особые потребности ребенка; проведения коррекционных занятий; фиксацией результата своей работы. Немаловажное значение имеет овладение технологиями продуктивного взаимодействия с родителями, специалистами сопровождения, наставниками. При этом принципиальное значение в образовательном процессе имеет последовательное моделирование целостного содержания будущей профессиональной деятельности.

Выделяя этот критерий, следует проектировать ОП таким образом, чтобы сочетание набора дисциплин, необходимых для формирования базовых и профессиональных компетенций, и дисциплин, связанных с более глубокой методической проработкой учебного материала, было оптимальным – обеспечивающим высококачественную работу педагога-дефектолога в дальнейшем.

Необходимость сегодняшних изменений в системе специального (дефектологического) образования не обязывает нас отказываться от образовательных ресурсов, полученных в процессе эволюционирования системы подготовки дефектологических кадров. При обосновании выбора критериев, способствующих системной перестройке дефектологического образования, учитывались соразмерность и значимость в их трактовке и реализации.

Предложенные нами критерии выявлены и охарактеризованы как внутренние ресурсы, ускоряющие процесс трансформации подготовки педагогов-дефектологов под заданную цель – создание фундаментальной российской основы профильного обучения педагогов-дефектологов.

Выбор критериев охватывает социокультурную и социально-образовательную сферы, опирается на виды востребованной профессиональной деятельности и формирование личностных качеств педагога-дефектолога, способствует структурированию профильных модулей в соответствии с требованиями государственной политики, поддерживаемой профессиональным сообществом и родителями детей с особыми потребностями.

Все это, безусловно, подтверждает актуальность и целенаправленность научного поиска.

Заключение

Критериальный подход к реализации программ профессиональной подготовки педагогов-дефектологов посредством модульного проектирования образовательных программ представляется существенной опорой при переходе на новую модель специального (дефектологического) образования, ориентиром на новое качество подготовки педагогов-дефектологов.

Опыт модернизации педагогического образования, который пройден педагогическими вузами, осуществляющими подготовку дефектологов, обозначил эффективный механизм структурирования ядра дефектологического образования. Его перенос в область дефектологии оказался весьма существенным ориентиром в трансформационном процессе.

Разработка научно обоснованных, наполненных современными смыслами критериев направлена на упорядочение модульного структурирования образовательной программы и ее содержания. Научная новизна предложенных критериев прослеживается в способах отражения единой профильной сконцентрированности и представленности на протяжении всего периода обучения педагогов-дефектологов.

Выделенные критерии позволят создавать образовательные программы, направленные на подготовку квалифицированных кадров в области специального (дефектологического) образования, обладающих необходимыми компетенциями в профессиональной и личностной сферах, способных решать стратегические задачи образования, мотивированных на достижение высоких результатов в области профессиональной деятельности, конкурирующих и ответственных, характеризующихся высокой методологической и методической культурой, готовностью к творческой профессиональной реализации и непрерывному образованию в течение всей жизни [25].

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР «Научно-методическое обоснование и разработка новых моделей профессиональной подготовки педагогов-дефектологов в условиях формирования национальной системы высшего образования» (регистрационный номер: 124031800083-6).

Funding: The research was part of State Assignment 124031800083-6 by the Ministry of Education of the Russian Federation: Scientific and methodological rationale and new models of professional training for special education teachers (defectologists) in the national system of higher education.

Литература / Referenses

1. Воронин Д. М., Воронина Е. Г., Коротков О. В. Разработка образовательной программы согласно формированию «ядра высшего педагогического образования» и унификации образовательных программ высшего педагогического образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 73-2. С. 57–59. [Voronin D. M., Voronina E. G., Korotkov O. V. Methodology and methodology of formation of ecological culture in the course "the surrounding world". *Problems of modern pedagogical education*, 2021, (73-2): 57–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/crrhvfq>
2. Комарова Ю. А. О модернизации подготовки педагогических кадров в системе высшего образования: традиционная и инновационная парадигмы. *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*. 2020. № 3. С. 18–25. [Komarova Yu. A. On the modernization of teacher training in the higher education system: Traditional and innovative paradigm. *Humanitarian studies. Pedagogy and psychology*, 2020, (3): 18–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2712-827X-2020-3-18-25>
3. Лубков А. В. МПГУ: Ядро педобразования – новые подходы к обучению и развитию талантов. *Вестник образования*. 2022. № 7. С. 9–13. [Lubkov A. V. Moscow Pedagogical State University: The core of teacher education is the new approaches to training and developing the talents of teachers. *Vestnik obrazovaniia*, 2022, (7): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbfenn>
4. Сиренко Ю. С. Внедрение «ядра высшего педагогического образования» в перспективах управления, преподавания и методической работы. *Наука и школа*. 2022. № 4. С. 45–50. [Sirenko Yu. S. Implementing the "core of higher pedagogical education" in the perspectives of management, teaching and methodological work. *Science and school*, 2022, (4): 45–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-45-50>
5. Солянкина Л. Е. Практико-ориентированная образовательная среда как детерминант развития профессиональной компетентности будущего специалиста. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 11. С. 79–85. [Solyankina L. E. Practically focused educational environment as determinant of development of professional competence of future expert. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2010, (11): 79–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nawqej>

6. Заводчиков Д. П., Зеер Э. Ф., Кормильцева М. В., Лопес Е. Г., Мешкова И. В., Мухлынина О. В., Павлова А. М., Сыманюк Э. Э. Инновационное профессионально-образовательное пространство человека. Екатеринбург: РГППУ, 2023. 154 с. [Zavodchikov D. P., Zeer E. F., Kormiltseva M. V., Lopez E. G., Meshkova I. V., Mukhlynina O. V., Pavlova A. M., Symanyuk E. E. *Innovative professional and individual education space*. Ekaterinburg: RSVPU, 2023, 154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbsmbl>
7. Трубина Л. А., Ерохина Е. Л. Содержание и новые формы организации предметно-методической подготовки в условиях внедрения «ядра педагогического образования». *Наука и школа*. 2022. № 4. С. 34–44. [Trubina L. A., Erokhina E. L. The contents and new forms of methodological subject-training organization while introducing the core of pedagogical education. *Science and school*, 2022, (4): 34–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-34-44>
8. Зволейко Е. В. Тенденции, проблемы и перспективы развития дефектологической науки и практики в Российской Федерации. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2018. Т. 13. № 2. С. 22–28. [Zvoleyko E. V. Tendencies, problems and prospects for the development of defectology science and practice in the Russian Federation. *Uchenye zapiski of Transbaikal State University*, 2018, 13(2): 22–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/2542-0089-2018-13-2-22-28>
9. Болотова Е. Л. О фундаментальности предметной подготовки обучающихся по образовательным программам естественнонаучной и математической направленности педагогического вуза. *Преподаватель XXI век*. 2019. № 1-1. С. 86–94. [Bolotova E. L. On the fundamental nature of subject training of students on educational programs of natural-science and mathematical focus in pedagogical higher education institutions. *Prepodavatel XXI vek*, 2019, (1-1): 86–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhjquo>
10. Садовников Н. В. Фундаментализация современного образования. *Известия пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2011. № 24. С. 782–786. [Sadovnikov N. V. Fundamentalization of contemporary education. *Izvestiia penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2011, (24): 782–786. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onhrpn>
11. Макарова Н. С. Трансформация дидактики высшей школы. М.: Флинта, 2012. 180 с. [Makarova N. S. *Transformation of higher school didactics*. Moscow: Flinta, 2012, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pirbrm>
12. Бавина П. А. Структурирование содержания уровневых образовательных программ. *Высшее образование в России*. 2012. № 2. С. 3–9. [Bavina P. A. Formation of level educational programs and the curriculum support. *Higher education in Russia*, 2012, (2): 3–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opvvad>
13. Марголис А. А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров. *Психологическая наука и образование*. 2014. Т. 6. № 2. С. 1–18. [Margolis A. A. Requirements for the modernization of general vocational education programs (GVEP) for teachers' training in accordance with the professional standard of the teacher: Proposals for the implementation of the activity approach in teachers' training. *Psychological science and education*, 2014, 6(2): 1–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnlghx>
14. Гарёва Т. А. Исторический анализ отечественной системы профессиональной подготовки студентов-дефектологов. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 79-1. С. 114–116. [Gareva T. A. Historical analysis of the domestic system of professional training of students-defectologists. *Problems of modern pedagogical education*, 2023, (79-1): 114–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahkhpn>
15. Денисова Р. Р., Никифорова А. В. Из истории высшего дефектологического образования в России. *Высшее образование в России*. 2012. № 6. С. 134–140. [Denisova R. R., Nikiforova A. V. From the history of training specialists in correctional pedagogy in Russia. *Higher education in Russia*, 2012, (6): 134–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozphun>
16. Зарин А. П., Ильина С. Ю., Филатова И. А. Развитие системы подготовки учителя-дефектолога в России на рубеже XX–XXI веков. *Специальное образование*. 2015. № 3. С. 100–114. [Zarin A. P., Ilyina S. Yu., Filatova I. A. Development of the system of training teacher-defectologists in Russia at the turn of the 20th–21st century. *Special education*, 2015, (3): 100–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smkgsj>
17. Лапп Е. А. Формирование исследовательской компетентности будущих дефектологов. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2012. № 4. С. 94–103. [Lapp E. A. Future defectologists' research competence forming. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, (4): 94–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oysgah>
18. Обухов А. С. Исследовательская деятельность как способ формирования мировоззрения. *Народное образование*. 1999. № 10. С. 158–161. [Obukhov A. S. Research activity as a way to form a worldview. *Public education*, 1999, (10): 158–161. (In Russ.)]

19. Лаврентьева М. А., Гришина О. С. Сущность и структура научно-методического обеспечения профессиональной подготовки дефектологических кадров. *Современные наукоемкие технологии*. 2024. № 5-2. С. 349–355. [Lavrentieva M. A., Grishina O. S. The essence and structure of scientific and methodological support for professional training of defectological personnel. *Modern high technologies*, 2024, (5-2): 349–355. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/snt.40051>
20. Алмазова А. А. Профессиональная лингвистическая подготовка учителей-логопедов в системе высшего образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2019. 44 с. [Almazova A. A. *Professional linguistic training of speech therapists in the higher education system*. Dr. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2019, 44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/diximu>
21. Козловская Г. Ю., Маяцкая Н. К., Ходжаян А. Б. Подготовка дефектологов для системы здравоохранения: проблемы и перспективы. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2019. № 4. С. 140–145. [Kozlovskaya G. Yu., Mayatskaya N. K., Hodzhayan A. B. Training of defectors for the health care system: Problems and prospects. *Vestnik Severo-Kavkazskogo Federalnogo Universiteta*, 2019, (4): 140–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2019-73-4-140-145>
22. Сажина С. Д. Актуальные проблемы подготовки педагогов в области воспитания. *Человек. Культура. Образование*. 2022. № 4. С. 132–144. [Sazhina S. D. Relevant issues of teacher training in the field of education. *Human. Culture. Education*, 2022, (4): 132–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-132>
23. Сажина С. Д., Герцберг М. В. Актуальные проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования. *Человек. Культура. Образование*. 2021. № 4. С. 155–170. [Sazhina S. D., Gertsberg M. V. Relevant issues of training specialists in special (defectological) education. *Human. Culture. Education*, 2021, (4): 155–170. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-155>
24. Социально-воспитательная деятельность в вузе как условие обеспечения качества подготовки учителя-дефектолога, ред. А. А. Алмазова, В. П. Мерзлякова. М.: МПГУ, 2022. 114 с. [Social and educational activities at a university as a condition for ensuring the quality of training of a special training teacher, eds. Almazova A. A., Merzlyakova V. P. Moscow: MPSU, 2022, 114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/9785426311480>
25. Алмазова А. А., Адамян Л. И., Вовненко К. Б., Володина А. С., Кроткова А. В., Кулакова Е. В., Лагутина А. В., Любимова М. М., Мерзлякова В. П., Микляева Н. В., Никандрова Т. С., Новикова Т. Н., Тушева Е. С., Шпицберг И. Л. Методические рекомендации по реализации новых образовательных программ по направлению «Специальное (дефектологическое) образование». М.: МПГУ, 2022. 132 с. [Almazova A. A., Adamyan E. I., Vovnenko K. B., Volodina A. S., Krotkova A. V., Kulakova E. V., Lagutina A. V., Lyubimova M. M., Merzlyakova V. P., Miklyaeva N. V., Nikandrova T. S., Novikova T. N., Tusheva E. S., Shpitsberg I. L. *Methodological recommendations for new education programs in Special Education (defectology)*. Moscow: MPSU, 2022, 132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/9785426311473>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wvrzmz>

Управление когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу: формирование образовательного пространства и педагогические условия

Алферов Егор Андреевич

Московская государственная академия хореографии, Россия, Москва

t4959367271@gmail.com

Аннотация: Рассмотрены особенности обучения по дисциплине «Классический танец» в части управления когнитивными функциями обучающихся, анализируются проблемы, возникающие в процессе обучения в младших и средних классах хореографических училищ. Ставятся акценты на некоторые особенности современного информационного пространства, формирующего фрагментарно-образный тип восприятия информации и мышления. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые вопросы выявления педагогических условий управления когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу являются предметом специального исследования. Цель – рассмотреть вопросы, связанные с раскрытием существенных характеристик процесса обучения классическому танцу. Учитывая практическую направленность обучения классическому танцу, в работе рассматривается вопрос формирования образовательного пространства как комплекса необходимых педагогических условий, реализующих последовательности функций, начиная с когнитивных и заканчивая аналитическими и оперативными, осуществляющих контроль и корректировку двигательного действия в процессе обучения. Использованы методы теоретического познания: анализ и синтез эмпирического материала, построение аналогий, логические методы для установления причинно-следственных связей и др. Исследование проводилось в Московской государственной академии хореографии, в нем приняли участие 45 учеников в возрасте 9–12 лет. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в доведении теоретического анализа вопросов обучения классическому танцу в контексте формирования двигательных навыков до конкретных рекомендаций с определением педагогических и методических условий, способствующих повышению эффективности процесса формирования профессионального внимания средствами управления когнитивными функциями обучающихся. Сделан вывод, что управление вниманием обучающихся с целью целенаправленной активизации необходимых в конкретный момент осуществления двигательного действия в процессе исполнения или изучения движений классического танца перцептивных функций является одной из основных целей формируемых педагогических условий.

Ключевые слова: классический танец, когнитивные функции, педагогические технологии, обучение в области хореографии, хореографическое училище

Цитирование: Алферов Е. А. Управление когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу: формирование образовательного пространства и педагогические условия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 23–40. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-23-40>

Поступила в редакцию 30.10.2024. Принята после рецензирования 23.12.2024. Принята в печать 23.12.2024.

full article

Managing Cognitive Functions of Classical Dance Students: Classroom Environment and Pedagogical Conditions

Egor A. Alferov

Moscow State Academy of Choreography, Russia, Moscow

t4959367271@gmail.com

Abstract: Classical dancing develops cognitive functions in junior and middle class students of choreographic schools. The modern media environment forms a fragmentary type of information perception and thinking. The article discusses classroom environment and essential characteristics of classical dance acquisition. Based on the applied character of the discipline, the educational space is a set of pedagogical conditions that implement sequences of functions, from cognitive to analytical and operational, that control and correct motor actions in the learning

process. The research, which relied on standard methods, included 45 students aged 9–12 from the Moscow State Academy of Choreography. Based on the theoretical analysis of classical dance teaching in the context of motor skills formation, it yielded specific recommendations on developing professional attention by means of controlling students' cognitive functions. As a result, the classical dance teacher activates in students those perceptual functions that are necessary at a particular moment of dancing or practicing dance movements.

Keywords: classical dance, cognitive functions, pedagogical technology, teaching choreography, choreographic school

Citation: Alferov E. A. Managing Cognitive Functions of Classical Dance Students: Classroom Environment and Pedagogical Conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 23–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-23-40>

Received 30 Oct 2024. Accepted after review 23 Dec 2024. Accepted for publication 23 Dec 2024.

Введение

Работа посвящена исследованию особенностей обучения по дисциплине «Классический танец» в контексте управления когнитивными функциями обучающихся. Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью вопросов управления вниманием обучающихся, особенно в свете современных тенденций фрагментарного восприятия информации и мышления. В статье анализируются проблемы, возникающие в процессе обучения в младших и средних классах хореографических училищ, а также акцентируется внимание на педагогических условиях, формирующих эффективное образовательное пространство.

В исследовании сделан акцент на методических аспектах обучения классическому танцу, что является одним из центральных элементов обсуждения. Методика обучения не просто формирует основы исполнения элементов классического танца, но и влияет на управление когнитивными функциями обучающихся. Важно отметить, что выбор и применение педагогических технологий в контексте обучения классическому танцу стоят в центре образовательного процесса, т. к. они непосредственно влияют на эффективность усвоения материала и развитие творческих способностей у учащихся.

В процессе обучения в образовательном учреждении восприятие информации, которую предоставляет педагог, осуществляется через призму уже существующих у ребенка когнитивных схем. Данные схемы – это своего рода ментальные рамки, в которых накапливаются знания и опыт, и они у каждого ребенка формируются абсолютно индивидуально. Это означает, что восприятие информации будет сильно варьироваться в зависимости от личного опыта и предшествующих знаний ученика. В момент представления к изучению педагогом новой информации ребенок может воспринимать только ту ее часть, которая легко вписывается в его индивидуальные когнитивные структуры. Можно обозначить, что «остальная информация либо полностью игнорируется, либо частично искажается, адаптируясь под имеющиеся в наличии схемы, что приводит к непониманию учеником некоторой части учебного

материала или формированию у обучающихся неверных умений или навыков» [1, с. 99].

Таким образом, важность учета индивидуальных различий в когнитивных структурах учащихся трудно переоценить. Педагогу необходимо быть внимательным к этому аспекту: организовывать уроки так, чтобы они выстраивались на основе уже знакомых детям понятий, а не противопоставлять им совершенно новые идеи без соответствующего моста для понимания. Это особое внимание к восприятию информации может помочь не только в более глубоком понимании материала, но и в формировании правильных навыков, которые будут актуальны и полезны в будущем.

Обратимся к различным аспектам и проблематике, определяющим предметную область исследования.

Когнитивные функции – это психические процессы, которые дают возможность воспринимать, обрабатывать и хранить информацию. В контексте нашего исследования они включают внимание, память, восприятие и мышление, которые необходимы для успешного обучения классическому танцу.

Понятие *управление когнитивными функциями* обучающихся предполагает создание условий, способствующих активному восприятию и усвоению учебного материала, что является одним из необходимых моментов в процессе обучения в области хореографии.

Управление когнитивными функциями имеет своеобразную специфику в процессе обучения классическому танцу, т. к. включает в себя не только управление вниманием, но и активное вовлечение обучающихся в процесс восприятия и выполнения движений. Сложность данного процесса заключается в необходимости синхронизации двигательных и аналитических функций, что требует тщательной организации занятий и мониторинга внимания обучающихся педагогом. Собственно, рассматривая специфику управления когнитивными функциями в контексте специально созданных педагогических условий, мы и сможем получить необходимые для дальнейшего анализа результаты обучения по дисциплине «Классический танец».

Под понятием *педагогические условия* в этом контексте мы подразумеваем совокупность факторов и обстоятельств, создающих оптимальную среду для эффективного обучения и воспитания, а также способствующих развитию личностных и профессиональных качеств обучающихся. Эти условия могут включать в себя организацию учебного процесса, использование современных технологий, взаимодействие педагогов и учащихся, создание комфортной эмоциональной атмосферы, что в совокупности формирует успешную образовательную среду и позволяет достичь поставленных целей в процессе обучения, тем самым определяя содержание и структуру педагогических условий.

Впервые на необходимость использования наглядности как главного из чувств указал Я. А. Коменский. «Зрение среди чувств занимает самое выдающееся место» [2, с. 362], – писал он в «Великой дидактике», ведь именно чувства «нужно развивать преимущественно» [2, с. 362] «для восприятия внешних предметов» [2, с. 362].

И. Г. Песталоцци в своем методе через наглядность делает обучение более доступным и интересным, подразумевая вовлечение учащихся в активное познание через визуальное восприятие, взаимодействие с окружающим миром и создание собственного опыта. Этот подход в значительной мере способствует глубокому пониманию и усвоению знаний. И. Г. Песталоцци определял *чувственное восприятие* как «единственный фундамент всякого человеческого познания» [3, с. 388] и, опираясь на этот основной принцип, подчеркивал, что его метод «в части интеллектуального образования по существу является не чем иным, как наглядным обучением» [3, с. 388].

Идеи Я. А. Коменского и И. Г. Песталоцци, касающиеся важности «организации ума обучаемого», получили развитие в российской школе в трудах К. Д. Ушинского и П. Ф. Каптерева. К. Д. Ушинский отмечал, что для реализации принципа наглядности жизненно важно использовать «образное слово», чтобы ученики могли развивать способности «наблюдать верно», логически мыслить и выражать свои мысли словами [4, с. 251; 5, с. 267–268]. П. Ф. Каптерев также поддерживал идею о важности наглядности. Он утверждал, что суть этого «всемогущего метода» заключается в «психологически правильной последовательности распределения материала, способов и приемов обучения, последовательности настолько логичной и твердой, что все обучение получает вид механизма» [6, с. 28]. П. Ф. Каптерев дополнительно предложил концепцию элементарного обучения, в рамках которой педагог делит знания на составляющие элементы, подчеркивает значимость каждого из них и затем объединяет их в целостное восприятие. Еще он подчеркивал необходимость активной организации

умственной деятельности учеников, призванной развивать их способности к самостоятельному открытию и формированию знаний.

Концепция Н. А. Бернштейна о построении движений, являясь одной из ключевых в области физиологии и биомеханики, затрагивает вопросы организации и управления движениями человека, акцентируя внимание на том, как различные системы взаимодействуют для достижения координированных движений. Основная идея Н. А. Бернштейна заключается в представлении движений как сложных, многоуровневых процессов, которые зависят от различных факторов, таких как физическое состояние человека, окружающая среда и задачи, которые он должен выполнить [7].

Концепция уровней развития Л. С. Выготского выступает одной из основополагающих в области психологии и педагогики. Она акцентирует внимание на том, как социальное взаимодействие и культурный контекст влияют на когнитивное развитие ребенка. Основные идеи Л. С. Выготского можно рассмотреть через такие ключевые аспекты, как социальная природа познания, зона ближайшего развития (ЗБР), роль языка, культурные инструменты, процесс развития. Л. С. Выготский утверждал, что обучение и развитие происходят в контексте социальной среды: ребенок познает мир не в изоляции, а через взаимодействие с окружающими – взрослыми и сверстниками, познавательные процессы формируются именно в ходе этих социальных взаимодействий. ЗБР – одна из центральных концепций Л. С. Выготского. Это тот уровень развития, на котором ребенок способен осуществлять деятельность под руководством более опытного партнера (взрослого или сверстника). ЗБР находится между текущим уровнем развития (то, что ребенок может сделать самостоятельно) и потенциальным уровнем (то, что ребенок может сделать с чужой помощью). Это помогает педагогам настраивать образовательный процесс, вводя решения, которые соответствуют индивидуальным потребностям и возможностям детей. Л. С. Выготский подчеркивает значимость языка не только как средства общения, но и как инструмента мышления. Он выделяет два уровня функционирования языка: социальный уровень: язык, используемый для общения с другими, и уровень интериоризации: процесса, в котором языковые знания становятся внутренними инструментами мышления, позволяя ребенку организовывать и контролировать свои действия. Например, произнося про себя инструкции или шаги, ребенок активно использует язык для решения задач. Л. С. Выготский отмечал, что манифестации человеческой деятельности и мышления зависят от культурных инструментов, таких как знаки, символы, технические устройства и т. д. Эти инструменты формируют и обогащают способы, которыми люди воспринимают и понимают мир, что, в свою очередь,

влияет на их когнитивные способности. Согласно Л. С. Выготскому, развитие человека – это процесс, который не происходит линейно. Он включает в себя периодические скачки и переходы, в которых менее развитые формы мышления заменяются более сложными. Л. С. Выготский акцентирует внимание на том, что обучение и развитие взаимосвязаны, и обучение может предшествовать развитию, если оно находится в пределах зоны ближайшего развития [8, с. 438].

Современная хореографическая педагогика по классическому танцу базируется на трудах Н. П. Базаровой, Б. Я. Брегвадзе, А. Я. Вагановой, Е. П. Валукина, Т. И. Васильевой, Н. А. Вихревой, С. Н. Головкиной, О. В. Жадиной, Р. В. Захарова, М. Ф. Иваницкого, А. П. Кириллова, В. С. Костровицкой, Л. М. Лариной, В. П. Мей, А. М. Мессерера, Т. Б. Нарской, А. В. Никифоровой, П. А. Пестова, А. А. Писарева, Г. Н. Прибылова, Н. Н. Серебренникова, Н. И. Тарасова, С. С. Холфиной, Л. И. Ярмолович, на учебных фильмах, созданных под методическим руководством А. Я. Вагановой, С. Н. Головкиной, Н. И. Тарасова.

Анализ многочисленных трудов, содержащих теоретические основы преподавания классического танца, показал, что вопросы, касающиеся управления вниманием обучающихся, рассматриваются исключительно с точки зрения его (управления) необходимости.

Актуальность проблемы управления вниманием посредством управления когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу, ее недостаточная разработанность в педагогической науке, потребность практики в обоснованных рекомендациях обусловили выбор темы нашего исследования.

Цель – рассмотреть вопросы, связанные с раскрытием сущностных характеристик процесса обучения классическому танцу.

Научная новизна исследования заключается в выявлении педагогических условий, необходимых для управления когнитивными функциями в контексте обучения классическому танцу.

Практическое значение наших результатов заключается в том, что они могут быть использованы для разработки рекомендаций по оптимизации процесса обучения по дисциплине «Классический танец».

Методы и материалы

В процессе исследования использовались методы теоретического и эмпирического анализа. Исследование проводилось в Московской государственной академии хореографии, где в процессе наблюдений, опросов, практической работы были собраны количественные и качественные данные о возрасте обучающихся, их половой принадлежности и профессионально значимых качествах. Всего в исследовании приняли участие 45 учеников в возрасте 9–12 лет (ученики первого и второго классов, а также дополнительной

общеобразовательной препрофессиональной программы (ДОПП)).

Использованы методы теоретического познания: анализ и синтез эмпирического материала, построение аналогий, логические методы для установления причинно-следственных связей и др.

Классический танец как дисциплина, формирующая основные практические навыки будущих артистов балета, занимает в учебном плане основной образовательной программы среднего профессионального образования по специальности «Искусство балета» первостепенное значение и реализуется наибольшим количеством аудиторных часов. Навык исполнения движений классического танца развивается в процессе обучения в результате длительной и планомерной работы и отличается своей уникальной спецификой, связанной как с лексикой классического танца и ее особенностями, так и с эстетикой классического танца, музыкальностью, пластической выразительностью и пр.

Основой формирования профессиональных навыков исполнения движений классического танца выступает практическая деятельность, а следовательно, создание обучающего пространства, в рамках которого осуществляется практическая деятельность, и является основной задачей преподавателя в области хореографии.

В соответствии с рабочей программой по дисциплине «Классический танец», процесс обучения предусматривает последовательное разучивание элементов классического танца. Поэтапность изучения программного материала определена условиями его постепенного усложнения и непосредственно зависит от возрастных особенностей обучающихся.

Каждое движение имеет собственную траекторию развития в процессе изучения. Каждому этапу свойственны свои правила исполнения, условия начала изучения, методика, технология и критерии оценки результатов формирования навыка исполнения движений. Элементы классического танца могут исполняться как на полу (*par terre*), так и в воздухе (*en l'air*) на 45 и 90 градусов, лицом в зал (*en face*) или *épaulement*, с поворотом и без, на целой стопе, на полупальцах или на пальцах и т.д. Сначала изучаются более простые движения. В дальнейшем эти движения становятся частью более сложных. Усложнение исполнения элементов классического танца в процессе обучения относится также к темпо-ритмическим характеристикам движений и к условиям их комбинирования, в том числе и с другими элементами классического танца. М. К. Буланкина пишет: «Работа в балетном классе от первого класса до выпускного курса, можно наблюдать и проследить постепенное усложнение хореографической лексики – от "произнесения отдельных букв и слогов" до плотно насыщенного движениями на каждую музыкальную ритмическую долю хореографического текста» [9, с. 25].

С учетом корректирующих указаний педагога в процессе повторений результатом процесса длительного изучения с систематическим изменением метроритмических и комбинаторных условий исполнения движений становится формирование у обучающихся исполнительского навыка, позволяющего осуществлять исполнение элементов классического танца без постоянного сознательного контроля правил их исполнения.

Указанный в рабочей программе объем теоретического и практического материала, связанный с обучением по дисциплине «Классический танец» в младших и средних классах хореографического училища, составил базу для экспериментального исследования.

Результаты

При всей практической ориентированности учебного процесса по дисциплине «Классический танец» информационное взаимодействие с обучающимися внутри созданного педагогом и концертмейстером образовательного пространства осуществляется при помощи зрительного, слухового и тактильного восприятия. Еще Я. А. Коменский писал: «Пусть будет для учащихся золотым правилом: "все, что только можно, представлять для восприятия чувствами, а именно: видимое – для восприятия зрением,

слышимое – слухом, запахи – обонянием, подлежащее вкусу – вкусом, доступное осязанию – путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами"» [2, с. 302–303].

Как правило, наглядное восприятие педагогического показа является лишь отправной точкой в процессе обучения. О. В. Ершова подтверждает, что «при согласованной работе нескольких анализаторов (зрительного, слухового, осязательного, двигательного) обучаемый более точно воспринимает программный материал» [10, с. 162].

Опрос обучающихся младших и средних классов (табл. 1) показал, что получаемый ими извне информационный поток содержит большой объем лишней, не относящейся к непосредственной предметной деятельности информации. Часто дети, еще не мотивированные и не погруженные в изучаемый предмет, отвлекаются на различные факторы (мигание лампочки, вид за окном, одежда или аксессуары педагога или концертмейстера, тикание часов и пр.). Следовательно, управление их вниманием с целью целенаправленной активизации необходимых в конкретный момент перцептивных функций является одной из основных целей формируемых педагогических условий.

Табл. 1. Опрос. Причины невнимательности на уроке
Tab. 1. Survey: Causes of poor attention in class

№	Пол	Класс	Как часто ты отвлекаешься на уроке?	Что обычно вызывает у тебя трудности в сосредоточении?
1	мужской	1	Очень часто	Усталость
2	мужской	2	Никогда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
3	мужской	1	Иногда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
4	мужской	1	Часто	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
5	мужской	2	Никогда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
6	мужской	2	Никогда	Усталость
7	мужской	2	Никогда	Звуки вокруг, смотрел в окно
8	мужской	1	Иногда	Разговоры с друзьями
9	мужской	1	Никогда	Звуки вокруг
10	мужской	1	Редко	Задумался о другом
11	мужской	1	Редко	Звуки вокруг, мигание лампочки
12	мужской	2	Редко	Звуки вокруг
13	мужской	2	Редко	Задумался о другом
14	мужской	1	Никогда	Звуки вокруг
15	женский	ДОПП	Иногда	Разговоры с друзьями
16	женский	ДОПП	Редко	Плохое самочувствие

№	Пол	Класс	Как часто ты отвлекаешься на уроке?	Что обычно вызывает у тебя трудности в сосредоточении?
17	мужской	ДОПП	Редко	Разговоры с друзьями
18	мужской	ДОПП	Иногда	Усталость
19	женский	ДОПП	Иногда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
20	мужской	ДОПП	Часто	Сложность материала
21	женский	ДОПП	Никогда	Разговоры с друзьями
22	женский	ДОПП	Редко	Сложность материала
23	женский	ДОПП	Редко	Усталость
24	женский	ДОПП	Иногда	Задумался о другом
25	мужской	ДОПП	Редко	Долгие объяснения
26	женский	ДОПП	Иногда	Усталость
27	женский	ДОПП	Иногда	Задумался о другом
28	женский	ДОПП	Никогда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию
29	женский	ДОПП	Иногда	Отвлекся на одноклассника (подглядывал, т. к. не знал комбинацию)
30	женский	ДОПП	Иногда	Звуки вокруг
31	женский	ДОПП	Иногда	Сложность материала
32	женский	ДОПП	Иногда	Боялся ошибиться, думал об ошибке и забыл комбинацию

В результате обобщения данных опроса, проведенного среди 30 учащихся, касающегося причин их невнимательности во время занятий, мы рассмотрели частоту отвлечений и основные причины, влияющие на внимание студентов.

Частота отвлечений. Учащиеся оценили свою частоту отвлечений следующим образом: очень часто отвлекается 1 учащийся (3,33 % от общего числа); часто – 4 (13,33 %); иногда – 11 (36,67 %); редко – 7 (23,33 %); никогда не отвлекаются 7 учащихся (23,33 %). В итоге можно отметить, что наибольшее количество учащихся (36,67 %) испытывают отвлечения время от времени, а значительная часть (46,66 %) сталкивается с редкими или случайными отвлечениями.

Причины невнимательности. Учащиеся были опрошены о причинах, мешающих сосредоточиться на уроках. Основные причины, упомянутые учащимися, включают следующие: усталость указали 6 учащихся (20 % от общего числа); страх совершить ошибку – 5 (16,67 %); интерес к другим занятиям – 7 (23,33 %), т. е. их интересует что-то другое в данный момент; шум и отвлекающие факторы – 8 (26,67 %); недостаток внимания к предмету – 4 (13,33 %). Основными факторами, способствующими невнимательности, оказываются шум и отвлекающие факторы, а еще усталость и недостаток интереса к обсуждаемой теме.

Таким образом, результаты опроса дают хорошее представление о том, как учащиеся воспринимают уроки и что может помочь в улучшении концентрации и внимательности в классе.

К самому распространенному инструменту взаимодействия учителя и ученика в процессе обучения классическому танцу можно отнести замечания и комментарии, сопровождающие показ, или корректирующий контроль процесса исполнения движения. Ведь определить и описать конкретное балетное движение, а также предоставить методику и технологии его выполнения без возможности живого показа и демонстрации – задача крайне сложная, даже для самого опытного педагога. Например, И. Г. Есаулов пишет: «у любого хореографа-профессионала сразу возникают десятки вопросов: какое место в спине держать (спина – от шеи до копчика); чем держать (поясницу), какими мышцами; как держать (прогнувшись, наклонившись); что и как ощущать» [11, с. 22]. Учитывая тот факт, что «через слово, через воздействие на сознание, психику педагог управляет аппаратом своих учеников» [11, с. 51], посредством согласования замечаний и комментариев с показом или корректирующим контролем изучаемого движения мы можем создать необходимые для управления вниманием и деятельностью обучающихся педагогические условия, которые позволят им осуществить контроль над исполнением

двигательного действия и сопоставить ему сопровождающие его ощущения.

Поэтому данная проблема и определяет необходимость управления когнитивным функционалом обучающегося в части соответствия отдельных свойств и качеств результатов его практической деятельности правилам, предъявляемым составом нормативных операций изучаемых элементов классического танца.

Рассматривая вопросы, связанные с управлением вниманием, следует к тому же отметить специфику современного информационного пространства, в результате воздействия которого в восприятии ребенком окружающей его информации можно обозначить повышенную роль фрагментарных информационных пакетов как символов или ориентиров, отражающих отдельные качества объекта описания. Данные фрагменты, как правило, не связаны с собой логикой контекста как «законченной в смысловом отношении части общего текста» [12, с. 25], а лишь ориентированы на эмоциональную составляющую сознания субъекта воздействия, формируя информационные пакеты-образы. То есть посредством восприятия ребенок может сформировать в своем сознании несколько образов, связанных с отдельными

качествами увиденного движения. Но эти качества могут быть и не связаны с правилом или правилами исполнения движения, а могут просто не находиться в зоне интереса ребенка. Например, в процессе показа у педагога на руке блеснула цепочка, и ребенок сконцентрировал свое внимание не на правилах исполнения движения ног, а на цепочке, которая очень красиво блестит на руке.

Таким образом, вопрос формирования целенаправленного внимания обучающегося тоже находится в векторе первостепенных задач, требующих своего решения в процессе обучения классическому танцу. Здесь следует подчеркнуть, что как и внимание влияет на качество исполнения движения, так и «ежедневное выполнение экзерсиса формирует у учащихся необходимые личностные качества – внимание, память и волю» [13, с. 149].

В процессе наблюдения за группой обучающихся нами был проведен анализ длительности непрерывного внимания детей в процессе проведения урока (табл. 2).

Количественный и качественный анализ наблюдений за длительностью непрерывного внимания обучающихся включает такие параметры, как наличие посторонних действий, степень концентрации,

Табл. 2. Фрагмент урока «Танцевальные этюды»: длительность непрерывного внимания в процессе проведения урока
Tab. 2. Continuous attention span during the lesson of Dance Sketches

Обучающийся	Посторонние действия во время исполнения	Посторонние действия в паузах	Степень концентрации	Реакция на замечания педагога	Длительность удержания внимания (макс. время), с	Распределение внимания
О1м	почесывание, попытки удержать равновесие	почесывание, зевание, смехи	низкая	кратковременное усиление концентрации	30	контроль за правилами отсутствует
О2ж	отсутствуют	развороты, небольшие перемещения	хорошая	усиление концентрации	120	недостаточен контроль за положением корпуса и лишними движениями рук
О3ж	отсутствуют	отсутствуют	хорошая	исправление ошибок	120	контроль над движениями соответствует требованиям педагога
О4ж	отсутствуют	поправляет купальник	хорошая	проявление эмоций	120	хороший контроль, присутствует легкая недотянутость ног
О5ж	отсутствуют	эмоциональная реакция	хорошая	исправление ошибок	120	хороший контроль, присутствует легкая недотянутость ног
Обж	отсутствуют	эмоциональная реакция	периодически теряет контроль	проявление эмоций	90	активные попытки контроля, при включении контроля за правилами теряет контроль за комбинацией

Прим.: м – мужской пол; ж – женский пол.

реакции на замечания педагога, длительность удержания внимания и распределение внимания в части контроля за качеством исполнения элементов.

Посторонние действия. Большинство обучающихся показали отсутствие посторонних действий во время исполнения, однако значительное количество действий в паузах подчеркивает необходимость усиления контроля во время перерывов. У мальчика наблюдаются заметные посторонние действия во время исполнения, что указывает на низкую степень концентрации. У девочек посторонние действия минимальны, что свидетельствует о более высокой концентрации и внимании.

Степень концентрации. Высокий уровень концентрации (66,67 %) у большинства девочек является признаком того, что они способны поддерживать внимание, в то время как мальчик на протяжении занятия демонстрировал низкую концентрацию. Это может указывать на индивидуальные особенности и мотивированность.

Реакция на замечания. Большинство обучающихся показали способность исправлять ошибки и реагировать на замечания, что указывает на хорошую вовлеченность и готовность к обучению. У мальчика реакция на замечания педагога была кратковременной, в то время как девочки старались исправлять ошибки и реагировали на замечания более активно.

Длительность удержания внимания. Значительная доля обучающихся (66,67 %) удерживает внимание в течение 120 секунд, что отражает их способность к длительному сосредоточению. Максимальная длительность удержания внимания у мальчика составила 30 секунд, что гораздо ниже, чем у девочек.

Результаты наблюдений показывают, что девочки в целом обладают большей способностью к удержанию внимания и концентрации по сравнению с мальчиком в данной выборке. Наблюдения, включая посторонние действия и реакцию на замечания педагогов, также подтверждают эти выводы.

В качестве результатов, оказывающих влияние на дальнейшее исследование, выявлена необходимость изучения факторов, влияющих на внимание обучающихся, включая индивидуальные подходы в обучении и разработки методов повышения концентрации с учетом специфики предметной области, программного материала и индивидуальных возможностей детей конкретной возрастной группы.

Исходя из результатов, в процессе работы с обучающимися необходимо учитывать их недостаточную способность распределять свое внимание на несколько процессов одновременно, тем более что они уже осуществляют такую работу, связывая исполнение движений с музыкой, координируя их с движениями рук и поворотами головы. Целесообразно использовать в уроке повторение одного и того же учебного задания с целью выработки достаточной степени концентрации

и осознания обучающимся включения в процесс восприятия таких перцептивных и когнитивных функций, как ощущение «натяжения ног», ощущение «выворотного положения», осознания процесса работы ног, стоп, бедер и пр. в процессе выполнения последовательности двигательного действия. В результате повторения движение начинает исполняться как бы автоматически, а контроль над исполнением двигательных действий сменяется контролем над ощущениями, которые были перенесены в сформированный при исполнении образ движения, включающий в себя, кроме показанного педагогом образца, образ, сформированный в результате работы перцептивного и когнитивного аппарата ребенка.

При беседе с учащимися на тему «О чем я думаю, когда повторяю комбинацию или движение?» анализ ответов учащихся (таблицы 3 и 4) продемонстрировал, что повторение позволяет уменьшать количество контроля над исполняемой комбинацией, т. е. ученик постепенно перестает думать о том, что он делает, и работа в части контроля за комбинацией осуществляется автоматически.

В качестве иллюстрации приведем отрывок из протокола беседы с обучающимися (О1, табл. 3):

Педагог (П): Скажи, о чем ты думаешь, когда исполняешь комбинацию или движение?

Обучающийся (О): О комбинации.

П: А когда повторяешь в третий и четвертый раз, ты тоже о комбинации думаешь?

О: Да.

П: Она такая сложная?

О: Нет.

П: Расскажи подробнее, пожалуйста, как ты думаешь? О чем?

О: Ну, там же надо и ноги тянуть, и стопы, и выворотом еще делать, и руки держать и голову поворачивать» (при этом показывая правильное контролируемое положение ног, рук, головы).

П: А когда же ты думаешь про комбинацию?

О: А я и не думаю уже почти. Просто голова поворачивается с ногой вперед, а позиция не меняется сначала в сторону, а потом меняется.

П: Это как?

О: Ну там, если в сторону делается один или три, или пять, то ногу меняем, а если два или четыре, то не меняем сначала..., и тогда все получается.

П: И что, ты все время считаешь?

О: Нет.

П: А как же тогда?

О: Там, когда с музыкой, то все понятно.

П: А объяснить сможешь?

О: Ну, в ней, как предложение заканчивается, а значит, и движение тоже должно закончиться, а нога должна прийти назад, чтобы начать как с начала, но обратно (облегченный выдох).

Критерии, принимаемые во внимание при анализе ответов: концентрация на комбинированном действии; концентрация на комбинированном действии при повторах исполнения; переключение внимания в процессе исполнения на аспекты, связанные с правилами исполнения движения; быстрота ответа обучающегося и его реакция на вопрос. Например: при вопросе «О чем ты думаешь в этот момент?» обучающиеся по предпрофессиональной программе (9–10 лет) (табл. 4) отвечали не сразу, перебирая в уме варианты ответов или начинали вслух перебирать возможные правильные ответы, такие как *о спине, о стопе, о руках, о выворотности* и пр. Все ответы при этом имели абстрагированный характер, не конкретизировались задачей в контексте обсуждаемого движения. Количество таких ответов, представленных в качестве перебора возможных правильных ответов, 9 из 12 (75 %), количество же быстрых ответов с обоснованными комментариями с опорой на сформированный образ действия – 3 из 12 (25 %).

Обучающиеся второго года обучения среднего профессионального образования (11–12 лет) (табл. 3) проявляют более активное сознательное восприятие и внимание к деталям во время исполнения движения. Они успешно автоматизировали выполнение комбинации на более поздних стадиях, при этом продолжая думать о необходимых технических аспектах. Это дает возможность сделать заключение о положительной динамике развития их профессиональных навыков и высокой мотивации к качественному выполнению заданий. Вместе с тем в 7 из 9 случаев (77,8 %) мысли обучающихся при выполнении комбинации концентрируются на комбинации и правилах, что свидетельствует о высоком уровне осознания выполняемого действия. Один (11,1 %) обучающийся (О2) сразу (при первом вопросе) указывает на автоматизацию выполнения, что может быть интерпретировано как сформированный навык; при повторении комбинации в 3 и 4 раз 5 обучающихся (55,6 %) не думают о комбинации, что может говорить о высоком уровне уверенности

Табл. 3. Опрос. Исполнение обучающимися (11–12 лет) среднего профессионального образования комбинации *battement tendu jete* у станка

Tab. 3. Survey: *Battement tendu jete* by 11–12-year-old students of secondary vocational education

Обучающийся	О чем ты думаешь, когда выполняешь комбинацию или движение?	А когда повторяешь в 3 и 4 раз, ты тоже о комбинации думаешь?	Она такая сложная?	О чем же ты думаешь тогда?	А как же комбинация?
О1м	о комбинации	да	нет	о ногах, о стопах, о выворотности, о руках, голове (при этом показал правильное контролируемое положение ног, рук, головы)	–
О2м	о правилах и комбинации	нет, она уже сама делается	–	–	–
О3м	о комбинации	да	нет	о выворотности	–
О4м	о комбинации	нет, уже больше, чтобы все правильно было	–	стараюсь обо всем: о выворотности, о стопе, о руках, голове	–
О5м	о том, что тянуть и держать	–	–	–	а она простая
О6м	о комбинации	да	да, ведь там еще и правила есть	–	–
О7м	о комбинации	да	нет	стараюсь тянуть стопы, держать позиции ног	–
О8м	о комбинации	да	нет	сегодня думал о повороте головы вместе с рукой, мне это замечание сделали	–
О9м	о комбинации	да	нет	пытаюсь развернуть бедро назад, сложно	–

Прим.: м – мужской пол.

Табл. 4. Опрос. Исполнение обучающимися (9–10 лет) предпрофессиональной программы комбинации *battement tendu jete* у станка (смешанная группа: девочки и мальчики)

Tab. 4. Survey: *Battement tendu jete* by 9–10-year-old students of pre-professional vocational education (mixed group: girls and boys)

Обучающийся	О чем ты думаешь, когда выполняешь комбинацию или движение?	А когда повторяешь в 3 и 4 раз, ты тоже о комбинации думаешь?	Она такая сложная?	О чем же ты думаешь тогда?	А как же комбинация?
O1	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о стопе	–
O2	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о выворотности	–
O3	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о ногах	–
O4	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о голове	–
O5	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о спине	–
O6	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о ногах	–
O7	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о стопах	–
O8	о том как ноги тянуть и стопы	–	–	–	(ответ быстрый, сразу) там все по четыре
O9	о комбинации	да	да, ведь там еще и правила есть	–	–
O10	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о музыке	–
O11	о комбинации	да	нет	(ответ быстрый, сразу) считаю	–
O12	о комбинации	да	нет	(ответ не сразу, после паузы) о голове	–

и автоматизации исполнения, однако 4 ученика признаются в том, что продолжают думать о комбинации. Это означает, что, несмотря на уровень уверенности, они все еще сохраняют контроль над комбинированным двигательным действием; следует обозначить, что, оценивая сложность комбинации, все обучающиеся утверждают, что комбинация не является сложной, что может быть связано с уже ранее сформированными навыками в процессе подготовки к изучению нового движения. Для сравнения отметим, что у обучающихся более старшей возрастной группы (11–12 лет) количество абстрагированных ответов, представленных в качестве перебора возможных правильных ответов, 1 из 9 (11,1 %).

В соответствии с вышеуказанными результатами, большинство учащихся при повторении уже не думают о комбинации, следовательно, постоянного повторения одних и тех же учебных заданий следует избегать, т. к. это не способствует усилению концентрации, а наоборот, ее ослабляет, приобретает качества однообразности и монотонности. Одновременно с этим отметим точку зрения известного российского балетмейстера и педагога А. М. Мессерера, который подчеркивал, что неправильный подход к обучению технически сложным движениям, заключающийся в их бесконечном повторении, может привести к серьезным проблемам. Такой примитивный метод опасен, т. к. он создает риск

перенапряжения одних и тех же мышц, что, в свою очередь, может вызвать тяжелые травмы [14, с. 27]. При повторном исполнении элементов классического танца следует переключать внимание учащихся на различные особенности их исполнения посредством комбинирования их с ранее изученными движениями или паузами, изменениями темпоритмической структуры исполняемого движения, изменениями направлений или ракурсов и пр., формируя новое знание и дополняя сформированный ранее образ двигательного действия.

Нельзя к тому же выпускать из рассмотрения функцию слухового восприятия музыкального сопровождения. Ведь музыка и балет неразрывно связаны. Функцию слухового восприятия в контексте специфических профессионально значимых качеств принято называть *музыкальность*. Это понятие охватывает множество аспектов, начиная от умения чувствовать настроение звучащего произведения и заканчивая нюансами ладово-гармонических тяготений. Оно включает в себя структуру построений от начала до завершающих каданционных оборотов, темповых, ритмических и стилистических особенностей, до умения передавать весь спектр музыкально-выразительных средств через свой танец [15, с. 33]. Б. С. Рачина выделяет такие уровни музыкального слуха, как абсолютный и бинауральный (на сенсорном уровне); звуковысотный, тембровый, динамический (на перцептивном уровне); мелодический, гармонический, полифонический (на эмоционально-семантическом уровне); чувство формы и архитектурный слух (на интегрально-семантическом уровне) [16, с. 22]. Ведь услышать начало музыкальной фразы, сопоставить его с началом исполнения движения, понять ритм и структуры музыкального сопровождения, сопоставить их с темпом и музыкальными раскладками исполняемого движения, услышать мелодические, уровневые и тональные изменения, понять временной интервал приближения каденции, завершающей музыкальную фразу, и рассчитать, сопоставить исполнение движения с выполнением условия совпадения окончания музыкальной фразы и исполняемого движения – все эти аспекты реализуются посредством когнитивно-аналитической деятельности ребенка. И каждый из этих аспектов требует поэтапного изучения и осознания ребенком в процессе обучения классическому танцу.

При подготовке к уроку необходимо учитывать чередование умственной, эмоциональной и физической нагрузки, чередование изучения нового учебного материала и повторения ранее изученного, разучивание новых комбинаций и повторения старых. Следует уделять внимание и паузам между учебными заданиями. Во время паузы физический аппарат обучающегося отдыхает от нагрузки, поэтому педагог может использовать это время для разбора и анализа правил исполнения движений. Именно в это время

можно попросить учащихся описать или пересказать особенности их исполнения.

Пауза как инструмент может также использоваться при построении учебных комбинаций. П. А. Пестов писал: «У опытного учителя любая техническая трудность окружена паузой, чтобы собрать внимание учащихся для выполнения трудного рас и зафиксировать, удержать в паузе выполненную трудность. Иначе говоря, пауза, если ею разумно воспользоваться, – колыбель технических возможностей будущего артиста балета» [17, с. 11].

Преднамеренное перемещение внимания с одного объекта на другой называется переключением внимания. Этот навык позволяет обучающимся в процессе деятельности контролировать несколько объектов параллельно, периодически перенося внимание между ними в соответствии с приоритетностью решаемых задач. В сценической деятельности такое умение поможет в решении таких практических задач, как контроль рисунка танца, линий и интервалов, музыкальности исполнения, соблюдения стилистики и характера танцевального материала.

Традиционно формирование навыка исполнения движений классического танца осуществляется последовательно по принципу от простого к сложному и от медленного к быстрому. Любое движение можно представить в виде нескольких действий, исполняемых строго друг за другом. То есть мы фактически описали понятие линейного алгоритма. Линейный алгоритм – это алгоритм, содержащий несколько шагов, которые выполняются строго друг за другом.

Использование линейных алгоритмов в процессе формирования профессионального навыка исполнения тех или иных движений классического танца позволяет нам сформировать у обучающихся понимание зависимости результата исполняемого движения от качества исполнения действий, входящих в его состав. Следовательно, интенсивность процесса обучения и его качественные показатели будут зависеть в большой степени именно от способности обучающегося усваивать линейный информационный поток.

В случае же с использованием педагогом способа подачи учебного материала с учетом специфики современного фрагментарного мышления образами-ориентирами интенсивность формирования навыка может быть повышена. Однако в этом случае формирование линейного контекста необходимо формировать в процессе контрольно-коррекционного этапа изучения движения посредством таких существующих инструментов, как комбинирование программного материала, акцентирование, выделение паузами и пр., прорабатывая таким образом «выпавшие» из образа-ориентира фрагменты навыка, сформированного посредством усваивания линейного информационного потока.

Традиционно процесс обучения классическому танцу осуществляется самым простым и естественным способом через показ «из ног в ноги». Вместе с тем в основе процесса формирования профессиональных навыков лежат еще подражательные функции восприятия детей, которые, как правило, в возрасте 8–14 лет постепенно, по мере формирования предметной области знаний заменяются аналитическими функциями. То есть ключевым на данном этапе является именно процесс формирования области знаний, инструментарий которой позволит ребенку проанализировать информацию, поступающую к нему в процессе осуществления двигательного действия от его органов чувств. Результатом анализа на разных этапах изучения становятся: сопоставление наглядного примера, зафиксированного сознанием в результате показа движения педагогом, и собственного исполнения, увиденного через зеркало; сопоставление тактильного ощущения затраченного количества силы на исполнение того или иного действия; сопоставление исполняемого действия его вербальному описанию, в том числе его символической идентификации с использованием профессиональной терминологии и пр. Ведь даже элементарное положение «стоя на двух ногах» уже дает возможность ребенку проанализировать собственные тактильные ощущения касания с полом, понять их разницу при разных положениях ног. Л. А. Коленченко писала: «Для будущих танцовщиц очень важно выработать ощущение планшета, чувство соприкосновения стоп с полом» [18, с. 11].

Каждый раз, исполняя движение, ученик реализует комплексное действие, определяемое системой сформированного в результате показа и анализа собственного двигательного действия образа. То есть желаемым результатом начального этапа обучения в процессе обучения становится формирование образа двигательного действия и интерпретация данного образа через систему аналитического восприятия.

Практическое исполнение движения на этапах его изучения при этом является лишь проводником, позволяющим ребенку прочувствовать, ощутить, понять и осознать действие посредством своих органов чувств и сопоставить это знание с вербальным и наглядным представлением движения, осуществляемым педагогом. Наряду с этим вербальное и наглядное представление носит не произвольный характер, а должно реализовывать управляющую функцию, т. к. фактически служит интерфейсом интерактивной связи, так же задействующим перцептивные функции обучающегося.

Большую роль в этом процессе играют правильные корректирующие и направляющие целеуказания педагога, позволяющие ребенку понять, на что необходимо обратить внимание в тот или иной момент исполнения движения, т. е. управление вниманием ребенка, направленным на его восприятие,

дает возможность при каждом цикле исполнения двигательного действия дополнить формируемый перцептивный образ действия.

При обучении элементам классического танца в начальных классах нужно обязательно учитывать возрастные особенности детей, их специфику и способность воспринимать информацию. Согласно проведенному опросу, одни дети в большей степени воспринимают через показ, другие – через образное сопоставление или описание, третьи – через объяснение ощущений и описание нормативных операций двигательного действия.

Поэтому в процессе показа, разучивания, корректирующего показа, неоднократного повторения исполнения движений педагогу следует постоянно комментировать показ, включая в него красочные описательные характеристики, задействуя воображение ребенка, сопоставляя между собой движения, ощущения, образную визуализацию, слуховое восприятие, темпо-ритмические особенности. Н. И. Тарасов подчеркивал: «Слово бывает сильнее всякого показа, если оно логично и обращено к искусству владения танцем, к его сути и содержанию» [19, с. 67].

При этом повторение выступает необходимым процессом осознания, осмысливания и исправления ошибок, который, будучи непосредственно связанным с улучшением техники исполнения движений, в практике обучения классическому танцу при повторном исполнении движений является более важным в достижении результата, чем само по себе повторение движения. По словам Н. А. Бернштейна, «упражнение есть повторение без повторения» [7, с. 175].

Таким образом знания, умения, навыки, полученные через процесс осознания и осмысливания собственной практической деятельности, становятся личностно ориентированными знаниями, характеризующими развитие личности, и задача педагога – «провести его (ученика) через жизненные ситуации» [20, с. 10], «вбрасывать содержания и ожидания из будущего» [21, с. 47], формируя зону ближайшего развития, «погрузить» в информационную среду, моделирующую «предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности» [22, с. 38].

Характеризуя предметную область деятельности процесса обучения классическому танцу в младших и средних классах хореографического училища, можно утверждать, что реализация данного процесса возможна лишь при условии знания правил исполнения тех или иных элементов, входящих в состав движения. Это значит, что умение и навык их применения в решении двигательной задачи является первоочередным в обучении классическому танцу. Здесь имеет смысл уточнить, что одновременно с наличием одинаковых правил для всех движений классического танца, например, «на всем пути

развития профессионального танца выворотное положение ног являлось и до сих пор остается одной из его основ и существенной особенностью» [23, с. 128], для каждого элемента классического танца могут существовать несколько возможных правил его исполнения. Так, при исполнении одного и того же движения в разных направлениях перечень нормативных операций будет разным, а следовательно, обучающийся должен уметь определить и сопоставить при исполнении движений, где и какие правила необходимо будет применять.

При соблюдении линейности в формировании навыка исполнения движений классического танца в части создания строго последовательной цепочки изучения состава нормативных операций, входящих в движение, и их правил, используя при этом все возможные способы передачи информации от учителя к ребенку, мы создаем в памяти ученика образ движения, который фактически служит линейным алгоритмом исполняемого двигательного действия с функциональным описанием каждого его этапа посредством сформированных образов-ощущений перцептивного аппарата восприятия.

Правило – это образ. Правило управляет вниманием. Внимание, концентрируясь в каждый момент процесса исполнения движения на определяемых правилом его качествах, выраженных в ощущениях или образах, определяет посредством применения правила состав корректирующих действий, необходимых для достижения результата, соответствующего образ-эталону. В данном контексте стоит сосредоточиться на моменте концентрации внимания в соответствии с правилом. Кроме этого, следует отметить и необходимость формирования у обучающихся самоконтроля при выполнении движений, препятствуя развитию зависимости от непрерывной психологической, терминологической и контрольно-корректирующей поддержки и «не допуская вредного иждивенчества – надежды исключительно на педагога» [24, с. 24].

Внимание, рассматриваемое в рамках теории П. Я. Гальперина [25], является результатом формирования новых умственных действий, результатом сокращенного действия контроля. Как мы уже указывали ранее, необходимость умения обучающимся определить и сопоставить при исполнении движений, где и какие правила нужно будет применять, определяет в учебном процессе еще одну задачу: научить ребенка распознавать в потоке хореографической лексики необходимые для применения конкретных правил фрагменты движений. При обучении двигательным действиям такие места в работе М. М. Богена «Обучение двигательным действиям» получили название *основные опорные точки* [26, с. 55]. Иными словами, принятие решения о применении того или иного правила учеником возможно только лишь после выявления основных опорных точек в исполняемом двигательном действии, а умение рас-

познать при исполнении движений основные опорные точки оказывает непосредственное влияние на необходимое нам качество освоения учеником лексики классического танца.

Рассматривая процесс зрительного восприятия обучающимся показываемого педагогом учебного материала, необходимо акцентировать внимание на том, что понять и сопоставить с двигательным действием получаемую информацию ребенок может также лишь при условии распознавания в ее составе ранее изученных движений. При этом под ранее изученными движениями мы понимаем не только способность практически выполнить двигательное действие, но и способность сопоставить сформированный в процессе обучения образ движения с получаемым посредством перцептивного функционала входящим образом.

Другими словами, в основе процесса распознавания состава нормативных операций двигательного действия должен лежать развернутый образ ранее сформированного двигательного действия, а сам показ в этом случае должен быть сконцентрирован на изменяемой части движения, корректируемой части двигательного действия или правилах объединения или комбинирования ранее изученных движений, темпов, ритмических раскладок и пр.

Стоит подчеркнуть, что формирование развернутого образа действия осуществляется ребенком в результате его собственной умственной деятельности, т. к. в процессе формирования нового знания и понимания изучаемого материала лежит цель раскрытия логики действия и его осознания. В дальнейшем развернутое содержание двигательного действия постепенно обобщается, сокращается и сворачивается до уровня образа, в последствии автоматизируясь на уровне исполнения и восстанавливаясь в развернутом виде, что и выражается в практическом исполнении движений. При разучивании же сокращенного действия, например в процессе подражания, процесс восстановления двигательного действия в развернутом виде становится невозможным, и, соответственно, понимания логики действия и его осознания обучающимся не происходит.

Следует также отметить и необходимость учета возрастных особенностей обучающихся младших и средних классов хореографического училища. Исходя из практики преподавания дисциплины «Классический танец» такими выдающимися педагогами, как Л. А. Коленченко, Н. М. Попова, Н. А. Яценкова, В. Н. Куликова, Н. А. Вихрева и др., младшим классам соответствуют в большей степени методы и техники, связанные с подражательными, образными и описательными характеристиками движений, чрезмерное выделение признаков необходимого в момент изучения действия, красочные и эмоционально выразительные

сопоставления. Педагогом как бы формируется контекст (мир), в котором существует (живет) образ движения или действия. В средних классах уже функционирует сформированная ранее база движений, которые обучающимся распознаются при показе, в последствии дополняясь новыми элементами, они формируют в результате их осознания и исполнения следующий этап развития (эволюции) движений. В то же время освоение каждого последующего этапа является невозможным в случае несформированности навыков и осознания предыдущего.

В этом контексте мы можем рассматривать данный процесс исходя из концепции Л. С. Выготского, выделяющей два уровня развития ученика: актуальный, уже сформировавшийся уровень, и зону ближайшего развития. При этом зона ближайшего развития отличается недоступными для самостоятельного выполнения видами деятельности, характеризующимися его актуальным уровнем, но становится ему доступной под руководством педагога. По мнению Л. С. Выготского, развивающим может являться только такое обучение, которое опирается на зону ближайшего развития ученика [8, с. 438].

Осознание и понимание исполняемого действия сформированного актуального уровня развития позволяет ученику ответить на такие вопросы, как:

- что он видит, или же на что он смотрит при исполнении движения;
- о чем он думает при исполнении движения, на что обращено его внимание в первую очередь;
- что он чувствует при исполнении движения, что хочет почувствовать при исполнении движения, в чем разница между этими ощущениями, что он должен сделать, чтобы его чувства соответствовали его задачам;
- что он слышит, как, с чем сопоставляет то, что слышит и что узнает при этом, какие решения принимает в результате узнавания;
- что он делает и почему делает именно так и т.д.

При формировании педагогических условий в процессе обучения классическому танцу все возможные задачи должны быть предоставлены ученику для прохождения с целью понимания и осознания как самих задач, так и процесса их решения. Педагогу необходимо создать платформу для того, чтобы ребенок получил понимание решения в результате собственной аналитической и практической деятельности, а не запоминание готовый ответ, а в нашем случае – готовое исполненное двигательное действие, полученное в результате подражательного повтора.

Поэтому при работе в классе важное значение приобретают такие педагогические особенности работы, как умение говорить, умение управлять процессом обучения движению, умение привлекать внимание ученика, умение сфокусировать или расфокусировать

его внимание и пр. Весь педагогический функционал приобретает направленность на обобщение образа изучаемого движения, объединение воспринимаемой ребенком информации посредством контекста, связывание изучаемого образа движения с предметной областью, обеспечение условий для запоминания и закрепления изучаемого программного материала, привязки эмоций, действий, образов восприятия к управляющим словам, лексике, терминологии, жеста, касаниям и пр.

Как мы уже указывали выше, рассматриваемые вопросы и проблемы, связанные с обучением классическому танцу, в части теоретического основания могут базироваться на концепциях Я. А. Коменского (о необходимости использования наглядных методов и средств обучения для содействия более эффективному восприятию и усвоению знаний), М. М. Богена (об обучении двигательным действиям, о понимании процессов, связанных с физическим воспитанием и спортом, подчеркивающей значимость продуманной организации учебного процесса, индивидуального подхода и непосредственной практической работы, способствующей более эффективному усвоению двигательных навыков), Л. С. Выготского (об актуальном и ближайшем уровне развития ребенка), Н. А. Бернштейна (о построении движения, являющейся одной из основополагающих теорий в области биомеханики и нейропсихологии, рассматривающей, как человек управляет движениями своего тела), Н. И. Тарасова (говорившем о том, что в процессе обучения классическому танцу использование словесных инструкций и описаний движений становится важным инструментом, что педагог, использующий слово, может управлять движениями ученика, выделять акценты и направлять внимание на ключевые моменты исполнения).

Эти концепции приобретают актуальность при условии формирования соответствующей для их жизнедеятельности педагогической среды и в процессе обучения по дисциплине «Классический танец» в младших и средних классах хореографического училища.

Заключение

В процессе исследования методики преподавания классического танца и обсуждения и обобщения результатов исследования было выделено несколько существенных характеристик процесса обучения, касающихся управления когнитивными функциями обучающихся:

1. Индивидуализация обучения, в рамках которой учитывается уникальность когнитивных схем каждого ученика, что требует адаптации методов обучения в зависимости от личного опыта и предшествующих знаний обучающегося. Важно строить уроки так, чтобы они опирались на уже известные ученикам

знания и навыки, а не вводили их в заблуждение новыми терминами без предварительного «моста» к пониманию.

2. Формирование образовательного пространства (создание образовательного пространства включает в себя комплекс педагогических условий, которые способствуют активизации когнитивных, аналитических и оперативных функций обучающихся. Это пространство должно поддерживать не только практическое исполнение изучаемого программного материала, но и развитие эмоциональной вовлеченности и умения контролировать свои движения).

3. Управление вниманием (эффективное управление вниманием выступает одной из ключевых задач педагога. Оно включает в себя не только привлечение внимания к моменту начала исполнения движения, но и его длительное поддержание, а также переключение между различными задачами и аспектами, возникающими в процессе его исполнения. Педагогические условия должны предусматривать возможность создания фокусировки на главных элементах исполняемого движения, чтобы обеспечить невозможность отвлечений).

4. Комбинирование методов обучения (возможность применения различных педагогических технологий (визуальные, аудиальные и тактильные методы) играет важную роль в усвоении движений классического танца. Чередование методов помогает учащимся лучше воспринимать и интегрировать информацию, что важно для формирования двигательных навыков).

5. Аналитическое восприятие и самоконтроль (процесс обучения включает в себя не только практическое исполнение движений, но и развитие аналитического восприятия, позволяющего ученикам осуществлять самооценку своих действий и их соответствие установленным правилам. Это важный аспект, который способствует формированию более глубокого понимания предмета и улучшению качества исполнения элементов классического танца).

6. Целостность обучения (обучение классическому танцу рассматривается как целостный процесс, включающий в себя как физическую, так и когнитивную подготовку. Формирование навыка исполнения движения возможно только тогда, когда внимание уделяется как двигательной, так и аналитической составляющей).

7. Понимание связи теории и практики (учебный процесс должен объединять теоретические знания в лексике, эстетике, правилах исполнения элементов классического танца с практическими навыками. Это понимание помогает учащимся более осмысленно подходить к обучению).

8. Влияние музыкальности (музыкальность и ее восприятие напрямую влияют на процесс изучения классического танца, т.к. музыка является

неотъемлемой частью танца. Важно, чтобы обучающиеся понимали, как музыка должна влиять на движение и на его исполнение, что требует активного участия их когнитивных функций).

Также в процессе обсуждения результатов исследования были выделены и особенности формирования образовательного пространства для управления когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу. К ним мы можем отнести как физическую, так и психологическую составляющую, которая воздействует на обучение и развитие когнитивных функций обучающихся. Среди данных особенностей можно указать такие, как:

1. Физическая среда (характеризуется необходимостью создания пространства, которое располагает к обучению, включая оптимальные условия для работы: подходящее освещение, зеркала, качественное покрытие пола и наличие необходимого оборудования. Это способствует не только безопасности, но и улучшению восприятия движений).

2. Психологическая среда (характеризуется созданием атмосферы доверия и поддержки, где обучающиеся ощущают свободу выражать себя и могут экспериментировать без страха ошибки. Психологическая безопасность способствует активизации когнитивных функций, позволяет лучше усваивать материал и развивать творческий подход к процессу обучения в области хореографии).

3. Когнитивные функции (образовательное пространство должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать активизации когнитивных функций обучающихся. Это может включать использование визуальных и аудио материалов, а также применение технологий, таких как видеозаписи и обратная связь в режиме реального времени для улучшения понимания движений).

4. Аналитические функции (в процессе обучения важно предоставлять обучающимся возможность анализировать собственные движения. Это может быть достигнуто через понимание и осознание собственных ощущений и действий, а также самоконтроль, когда ученики сравнивают свои движения с образцом исполняемого действия. Образовательное пространство должно поддерживать возможность таких видов деятельности).

5. Оперативные функции (управление двигательными действиями требует непрерывного контроля и коррекции. Педагогические условия в образовательном пространстве должны обеспечивать возможность для систематического наблюдения за процессом исполнения движений, чтобы обучающиеся могли оперативно восстанавливать правильное исполнение движения и корректировать возникающие ошибки).

6. Практическая деятельность (организация практической деятельности является важным аспектом,

который должен быть интегрирован в образовательное пространство. Акцент на практическом обучении помогает повышать уровень осознания и понимания движений, что в свою очередь активизирует когнитивные процессы).

Качественно сформированное образовательное пространство, которое учитывает как физические, так и психологические аспекты, является основой для успешного управления когнитивными функциями обучающихся в процессе обучения классическому танцу. Оно позволяет создавать условия, которые способствуют активному усвоению знаний и развитию навыков, необходимых для эффективного исполнения танцевальных произведений.

Управление вниманием обучающихся с целью целенаправленной активизации необходимых в конкретный момент осуществления двигательного действия в процессе исполнения или изучения движений классического танца перцептивных функций является одной из основных целей формируемых педагогических условий.

При формировании указанных педагогических условий нужно учесть, что непрерывный контроль действия должен быть связан контекстом движения, периодически выводя на передний план контроля сложные элементы, исполняемые в соответствии с заданным перечнем нормативных операций, соответствующим основным опорным точкам исполняемого двигательного действия. При этом кратковременное переключение внимания с целью контроля рисунка танца, линий и интервалов, музыкальности исполнения и пр. не должно оказывать влияния на контроль за качеством исполнения движений, входящих в состав хореографического текста.

Обязательным условием в процессе обучения классическому танцу становится умение обучающимися распознавать в составе движений ранее изученные элементы и движения, а в основе этого процесса должны лежать развернутые образы ранее сформированных двигательных действий.

В процессе показа, разучивания, корректирующего показа, неоднократного повторения исполнения движений педагог должен учитывать необходимость задействования воображения ребенка, сопоставляя между собой движения, ощущения, образную визуализацию, слуховое восприятие, темпо-ритмические особенности.

Урок классического танца представляет собой не только кульминацию, но и вершину академического мастерства. Именно на этом занятии обучающиеся сталкиваются с самыми сложными задачами, которые требуют от них максимальной концентрации, усилий и творческого подхода. Здесь происходит не просто освоение техники, но и глубокое погружение в искусство,

которое формирует основу будущего танцевального развития. И успеху в этой учебной деятельности «призван способствовать весь учебно-творческий арсенал педагогического процесса в профессиональной балетной школе, где будущие артисты должны знакомиться с самыми различными формами хореографического мышления» [27, с. 351].

Таким образом, процесс обучения классическому танцу носит яркий междисциплинарный характер. А следовательно, формирование образовательного пространства должно обеспечиваться соответствующими педагогическими условиями, связанными с процессом обучения по специальности «Искусство балета» в целом. Ведь математические дисциплины формируют навык быстро думать, сопоставлять и анализировать информацию, естественно-научные и гуманитарные – воспринимать и формировать образы, анализировать, описывать и сопоставлять их, общепрофессиональные и специальные дисциплины расширяют познание предметной области в части ее специфики, философии и эстетики. И вся эта палитра цветов не только «раскрашивает» и дополняет изучаемый программный материал, но и помогает педагогу, задействуя образное восприятие ребенка, добиться правильности и «чистоты» в исполнении им движений классического танца. А значит в процессе этого подхода решается задача укрепления эстетического воспитания в образовательном учреждении, формирования культурно-образовательной экосистемы учебного заведения, позволяющей осуществлять эстетическое воспитание комплексно и неформально [28, с. 9].

Утверждая о необходимости комплексного подхода в процессе обучения классическому танцу, следует отметить, что управление вниманием обучающихся для активизации когнитивных функций является одной из ключевых задач.

В перспективе, основываясь на достигнутых результатах, мы намерены углубить наше исследование в области количественных и качественных показателей эффективности использования разнообразных педагогических технологий в педагогике хореографии. При этом мы будем учитывать и анализировать изменения, происходящие в современном образовательном пространстве, что позволит нам адаптировать исследовательский подход к новым условиям и потребностям.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Алферов Е. А. Особенности когнитивного подхода в процессе обучения по дисциплине «классический танец» в хореографическом училище. *Актуальные вопросы развития искусства балета и хореографического образования: VI Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Москва, 24 октября 2022 г.). М.: МГАХ, 2023. С. 99–101. [Alferov E. A. Features of the cognitive approach in the learning process in the discipline "classical dance" at the choreographic school. *Current issues in the development of ballet art and choreographic education: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Moscow, 24 Oct 2022. Moscow: MSAC, 2023, 99–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxtgql>
2. Коменский Я. А. Великая дидактика. In: Коменский Я. А. *Избранные педагогические сочинения*. М.: Учпедгиз, 1955. С. 164–638. [Komensky Ya. A. Great didactics. In: Komensky Ya. A. *Selected pedagogical works*. Moscow: Uchpedgiz, 1955, 164–638. (In Russ.)]
3. Песталоцци И. Г. Избранные педагогические произведения. М.: АПН РСФСР, 1963. Т. 2. 564 с. [Pestalozzi I. G. *Selected pedagogical works*. Moscow: APN RSFSR, 1963, vol. 2, 564. (In Russ.)]
4. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М.-Л.: АПН РСФСР, 1950. Т. 8. 776 с. [Ushinsky K. D. *Collected works*. Moscow-Leningrad: APN RSFSR, 1950, vol. 8, 776. (In Russ.)]
5. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М.-Л.: АПН РСФСР, 1949, Т. 6. 448 с. [Ushinsky K. D. *Collected works*. Moscow-Leningrad: APN RSFSR, vol. 6. 448. (In Russ.)]
6. Каптерев П. Ф. Дидактические очерки. Теория образования. Петроград, 1915. 434 с. [Kapterev P. F. *Didactic essays. Theory of education*. Petrograd, 1915, 434. (In Russ.)]
7. Бернштейн Н. А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 450 с. [Bernstein N. A. *Movement design*. Moscow: Medgiz, 1947, 450. (In Russ.)]
8. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с. [Vygotsky L. S. *Selected psychological studies*. Moscow: APN RSFSR, 1956, 519. (In Russ.)]
9. Буланкина М. К. Педагогические проблемы развития музыкальности учащихся профессиональных хореографических учебных заведений. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2015. № 4. С. 23–26. [Bulankina M. K. Pedagogical problems of musicality development of professional dance schools students. *The bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2015, (4): 23–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdkkel>
10. Ершова О. В. Теория и методика пластико-хореографической подготовки будущих специалистов социально-культурной деятельности в вузе культуры и искусств. СПб.: Планета музыки, 2021. 236 с. [Ershova O. V. *Theory and methodology of plastic-choreographic training for future specialists in socio-cultural activities in higher education institutions of culture and arts*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2021, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkwtwyw>
11. Есаулов И. Г. Педагогика и репетиторство в классической хореографии. СПб.: Планета музыки, 2023. 256 с. [Esaulev I. G. *Pedagogy and tutoring in classical choreography*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 256. (In Russ.)]
12. Есаулов И. Г. Введение в эстетику классической хореографии. Письма к Ж. Ж. Новерру. СПб.: Планета музыки, 2023. 340 с. [Esaulev I. G. *Introduction to the aesthetics of classical choreography. Letters to J. J. Noverre*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 340. (In Russ.)]
13. Осипова М. К. Профессиональная подготовка будущих артистов балета к исполнению прыжковых движений. СПб.: Планета музыки, 2020. 196 с. [Osipova M. K. *Professional training of future ballet artists for performing jumping movements*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2020, 196. (In Russ.)]
14. Мессерер А. М. Уроки классического танца. СПб.: Лань, 2004. 400 с. [Messerer A. M. *Lessons of classical dance*. St. Petersburg: Lan, 2004, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpsex>
15. Буланкина М. К. Совершенствование профессионального мастерства педагога в системе хореографического образования: аксиологический подход. СПб.: Планета музыки, 2022. 184 с. [Bulankina M. K. *Improvement of professional skills of teachers in the system of choreographic education: Axiological approach*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2022, 184. (In Russ.)]
16. Рачина Б. С. Вопросы теории музыкального образования. СПб.: Планета музыки, 2023. 280 с. [Rachina B. S. *Questions of the theory of musical education*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajysnw>
17. Пестов П. А. Уроки классического танца: 1 курс. М.: Вся Россия, 1999. 428 с. [Pestov P. A. *Lessons of classical dance: Year 1*. Moscow: Vsiia Rossiia, 1999, 428. (In Russ.)]
18. Коленченко Л. А. Методика преподавания классического танца. Первый и второй годы обучения. М.: МГАХ, 2022. 272 с. [Kolenchenko L. A. *Methods of teaching classical dance. Years 1 and 2*. Moscow: MSAC, 2022, 272. (In Russ.)]

19. Тарасов Н. И. Классический танец. Школа мужского исполнительства. СПб.: Планета музыки, 2024. 496 с. [Tarasov N. I. *Classical dance. School of male performance*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2024, 496. (In Russ.)]
20. Дикун Т. П. Учебный диалог как средство формирования личностно ориентированного знания: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 1999. 19 с. [Dikun T. P. *Educational dialogue as a means of forming personality-oriented knowledge*. Cand. Ed. Sci. Diss. Abstr. Orenburg, 1999, 19. (In Russ.)]
21. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития. *Вопросы психологии*. 1996. № 5. С. 38–50. [Slobodchikov V. I., Tsukerman G. A. Integral periodization of general mental development. *Voprosy Psikhologii*, 1996, (5): 38–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thohl>
22. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. shk., 1991. 204 с. [Verbitsky A. A. *Active learning in higher education*. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 204. (In Russ.)]
23. Давыдов В. П. Теория, методика и практика классического танца. СПб.: Планета музыки, 2023. 324 с. [Davydov V. P. *Theory, methodology, and practice of classical dance*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 324. (In Russ.)]
24. Базарова Н. П., Мей В. П. Алфавит классического танца. Первые три года обучения. СПб.: Планета музыки, 2023. 272 с. [Bazarova N. P., Mei V. P. *Alphabet of classical dance. The first three years of training*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 272. (In Russ.)]
25. Гальперин П. Я. К проблеме внимания. *Хрестоматия по психологии*, ред. А. В. Петровский. М.: Просвещение, 1987. С. 160–175. [Galperin P. Ya. Attention issue. *Anthology on psychology*, ed. Petrovsky A. V. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 160–175. (In Russ.)]
26. Боген М. М. Обучение двигательным действиям. М.: Физкультура и спорт, 1985. 192 с. [Bogen M. M. *Teaching motor actions*. Moscow: Fizkultura i sport, 1985, 192. (In Russ.)]
27. Коптелова Е. Д. Игорь Моисеев – академик и философ танца. СПб.: Планета музыки, 2023. 464 с. [Koptelova E. D. *Igor Moiseyev, academician and philosopher of dance*. St. Petersburg: Planeta muzyki, 2023, 464. (In Russ.)]
28. Оленев С. М., Скворцов К. В., Ин Ч. Современные задачи воспитания подростков и молодежи в социально-культурном контексте. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2020. № 4-5. С. 116–126. [Olenev S. M., Skvortsov K. V., Ying Zh. Modern tasks of upbringing teenagers and young people in a socio-cultural context. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2020, (4-5): 116–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21510/1817-3292-2020-89-90-4-5-116-126>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xtqdbg>

Самооценка готовности к профессиональной деятельности выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»

Богомолова Елена Владимировна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, Рязань
eLibrary Author SPIN: 4654-4335

Васильева Мария Валерьевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, Рязань
eLibrary Author SPIN: 8191-5464

Федотов Сергей Анатольевич

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, Рязань
eLibrary Author SPIN: 8870-1410
<https://orcid.org/0009-0000-6061-8484>
buymobile5@mail.ru

Аннотация: Самооценка готовности к профессиональной деятельности является важным аспектом для успешного профессионального и личностного развития выпускника колледжа, представляющая собой сложный и многогранный процесс: это и осознание своего профессионального опыта и знаний, и понимание своих сильных сторон и направлений развития, и способность критически оценивать свои успехи и неудачи, выявлять причины и разрабатывать стратегии для совершенствования профессиональных качеств. Регулярный самоанализ и рефлексия помогают выявить пробелы в знаниях и навыках, разработать планы для их устранения. Самооценка позволяет понять, какие области компетенций требуют наибольшего внимания и усилий, помогает сфокусироваться на достижении осмысленных результатов в профессиональной деятельности. Выпускникам важно обладать не только умением выполнять технические работы, но и управленческими навыками, а также навыками применения цифровых технологий в профессиональной отрасли. Диагностика восприятия выпускниками сформированности этих компетенций дает возможность оценить уровень их готовности к самостоятельной профессиональной деятельности, определить направления для дальнейшего развития и совершенствования навыков. Цель – рассмотреть некоторые результаты диагностики восприятия выпускниками специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» сформированности компетенций, необходимых для успешной профессиональной самореализации. Оценка личного восприятия студентами уровня сформированности компетенций производилась в виде интернет-опроса, в котором приняли участие 84 выпускника специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» колледжей г. Рязани. Сделан вывод, что самооценка готовности к профессиональной деятельности служит важным аспектом в формировании профессиональных и надпрофессиональных компетенций у выпускников среднего профессионального образования. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки учебных программ, разработки дополнительных методических материалов и проведения тренингов, направленных на развитие профессиональных навыков выпускников технических вузов и колледжей.

Ключевые слова: готовность к профессиональной деятельности, самооценка готовности, профессиональные компетенции, организационно-управленческие компетенции, цифровые компетенции

Цитирование: Богомолова Е. В., Федотов С. А., Васильева М. В. Самооценка готовности к профессиональной деятельности выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта». *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 41–52. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-41-52>

Поступила в редакцию 05.10.2024. Принята после рецензирования 13.12.2024. Принята в печать 16.12.2024.

full article

Self-Assessment of Professional Readiness in Graduates of Motor Transport Maintenance and Repair

Elena V. Bogomolova

Ryazan State University, Russia, Ryazan

eLibrary Author SPIN: 4654-4335

Maria V. Vasilyeva

Ryazan State University, Russia, Ryazan

eLibrary Author SPIN: 8191-5464

Sergey A. Fedotov

Ryazan State University, Russia, Ryazan

eLibrary Author SPIN: 8870-1410

<https://orcid.org/0009-0000-6061-8484>

buymobile5@mail.ru

Abstract: Self-assessment of professional readiness is an important aspect of professional and personal development in college. It is a complex and multifaceted process. College graduates must critically evaluate their professional experience, knowledge, strengths, prospects, achievements, and failures. They must be able to identify the causes behind their professional disadvantages and develop strategies for improving their professional qualities. A regular self-analysis and reflection help to identify gaps in knowledge and skills, as well as to plan improvement measures. Self-assessment makes it possible to identify the competencies that require the most attention and effort. In addition to technical skills, graduates should possess managerial and digital qualities. Diagnostics of these competencies enables graduates to assess their readiness for independent professional career. This self-assessment online survey involved 84 technical college graduates that majored in Motor Transport Maintenance and Repair (Ryazan). Self-assessment of professional readiness proved to be an important part of professional and supra-professional competencies in graduates of vocational education. The obtained results may help to adjust academic programs, develop methodological materials, and conduct trainings for professional skill development in graduates of technical institutes and colleges.

Keywords: readiness for professional activity, self-assessment of professional readiness, professional skills, organizational and managerial skills, digital skills

Citation: Bogomolova E. V., Fedotov S. A., Vasilyeva M. V. Self-Assessment of Professional Readiness in Graduates of Motor Transport Maintenance and Repair. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 41–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-41-52>

Received 5 Oct 2024. Accepted after review 13 Dec 2024. Accepted for publication 16 Dec 2024.

Введение

Среднее профессиональное образование (СПО) в России остается одним из приоритетных направлений реализации социально-экономической политики страны, и играет важную роль в подготовке квалифицированных кадров для различных отраслей производственной сферы, здравоохранения, образования, сельского хозяйства и т. д.

Выпускники СПО являются движущей силой технологического развития нашей страны, что демонстрирует активный интерес к профессиональному образованию со стороны старшеклассников. Это связано с рядом факторов, включая демографические тенденции, экономические условия и технологический прогресс, создание новых образовательных программ, соответствующих требованиям рынка труда и учитывающих изменения в технологиях, внедрение новых методов обучения.

Актуальность и доступность профессионального образования делает его с каждым годом все более

популярным у выпускников школ. Кроме того, значимым фактором выбора СПО в качестве базового этапа профессионального развития выступает укрепление связей между учебными заведениями и работодателями. Многие предприятия и организации участвуют в разработке образовательных программ, предоставляют производственные площадки для прохождения практики студентами и организуют стажировки как для молодых специалистов, так и для преподавателей.

Одним из важных факторов, позволяющих выпускникам учреждений СПО легко адаптироваться к реальным условиям производственного процесса, служит мониторинг готовности к профессиональной деятельности.

Начиная с 1920-х гг. отечественная педагогика и психология уделяли вопросам готовности к профессиональной деятельности пристальное внимание.

В исследованиях и публикациях понятие готовности рассматривается в различных аспектах: и как условие

успешного выполнения деятельности, и как регулятор деятельности или готовности к деятельности, и как синтез свойств личности, включающий ее убеждения, взгляды, мотивы, чувства, волевые и интеллектуальные качества, настроенность на определенное поведение. Ученые дают определение готовности как совокупности таких качеств человека, как эмоциональные и мотивационные, когнитивные и волевые, которые формируют психологическое и физиологическое состояние, обеспечивающее актуальность пути человека, его направления и возможностей, чтобы он сумел выполнить ряд конкретных действий. При этом с точки зрения профессионального становления оценка собственного уровня готовности к профессиональной деятельности дает возможность ликвидировать дефициты компетентностей, а также развивать сильные стороны.

Анализ собственной деятельности как процесс осмысления профессионального опыта – важнейший и своеобразный инструмент преодоления существующих в работе трудностей, стимул самосовершенствования. Поэтому развитие способности к самооценке и самоанализу является важным условием для адекватной оценки профессионального развития. В частности, самооценка студентов старших курсов играет ключевую роль в мотивации, уверенности в успехе, помогает определить индивидуальные сильные и слабые стороны.

Вопрос профессиональной самооценки студентов изучали многие ученые: Б. Г. Ананьев, Р. Бернс, Л. И. Божович, А. В. Захарова, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн, У. Джемс, С. Куперсмит, К. Роджерс и др.

По мнению Б. Г. Ананьева, профессиональная самооценка формируется на основе самопознания, которое происходит путем анализа результатов собственной деятельности, своего поведения, сопоставления этих результатов с результатами своих однодок, с общепринятыми нормами. Также он указывал на значимость самонаблюдения своих состояний, мыслей и чувств, осознания отношения других людей к себе, их оценки отдельных качеств данной личности, ее поведения, деятельности. Он утверждал, что профессиональная самооценка играет ключевую роль в организации результативного управления своим поведением, без нее трудно или даже невозможно самоопределяться в жизни. Верная самооценка дает человеку нравственное удовлетворение и поддерживает его человеческое достоинство [1, с. 279].

Р. Бернс считал профессиональную самооценку ключевым элементом Я-концепции. Он указывает, что этот комплексный процесс не только отражает оценку собственных достижений и неудач в профессиональной сфере, но и включает в себя восприятие того, насколько успешно человек вписывается в структуру общества и профессионального сообщества.

Это означает, что профессиональная самооценка тесно связана с чувством собственной компетентности и значимости в рамках выбранной профессии [2].

Автор оригинальной концепции личности Л. И. Божович утверждала, что оценка, данная обществом, ставит перед собой две задачи для формирования самосознания. Первая является критерием соответствия поведения учащегося с требованиями окружающих, она показывает человеку характер его отношений с окружающей средой и дает определение его эмоциональному благополучию, поведению, его отношению к самому себе. Вторая – это общественная оценка, которая помогает человеку выявить то качество из конкретного вида поведения, которое потом можно осознать и дать ему собственную оценку. Анализ поведения и действий другого служит источником знаний и опыта для себя [3, с. 351]. Сравнение себя с другими является одним из главных критериев самооценки. В процессе деятельности учащийся сравнивает себя с другими и, находя схожие с собой качества и свойства личности, приходит к осознанию собственных поступков, осознает качества собственной личности, которые ранее заметил у другого человека. Это подтверждается результатами психологических исследований [4].

С точки зрения А. В. Захаровой, самооценка выступает «центральной, ядерной образованностью личности, через призму которого преломляются и опосредуются все линии психического развития ребенка, в том числе становление его личности и индивидуальности» [5, с. 5]. Самооценка рассматривается как системное образование, взаимосвязанное с факторами психического развития, являющееся компонентом самосознания.

С. Л. Рубинштейн под самооценкой понимает стержневое образование личности, которое строится на оценках индивида другими и его оценивании этих других. Самооценка рассматривается в виде основной структуры личности. Основу самооценки представляют ценности, принятые личностью, которые на внутриличностном уровне определяют механизм саморегуляции поведения. В концепции С. Л. Рубинштейна самосознание человека служит результатом познания, для которого требуется осознание реальной обусловленности своих переживаний. Самосознание связано с самооценкой, которая существенно обусловлена мировоззрением, определяющим нормы оценки [6, с. 71].

И. С. Кон утверждает, что в возрастной динамике самооценка профессиональной деятельности опирается на аккумулированный профессиональный опыт, тогда как у новичков она формируется преимущественно в рамках текущей профессиональной среды. На самооценку также влияют внутриколлективные взаимодействия, т. к. коллектив представляет собой сложную систему взаимосвязей. Эта система

оказывает формирующее воздействие на структуру всех видов самооенок, что отличает коллектив от лабораторных групп [7].

У. Джеймс подчеркивает, что самооценка является центральным компонентом сознания, формирующим личностное восприятие успехов и неудач. У. Джеймс связывает профессиональную самооценку с уровнем удовлетворенности трудовой деятельностью, подчеркивая, что она оказывает влияние на мотивацию, когнитивные процессы и адаптацию к профессиональным стрессорам [8].

С. Куперсмит акцентирует внимание на том, что самооценка формируется в результате взаимодействия с социальным окружением и успешности выполнения задач. Профессиональная самооценка, по С. Куперсмицу, способствует развитию автономии и уверенности в профессиональной среде, что влияет на способность индивида справляться с профессиональными требованиями и реализовывать потенциал [9].

К. Р. Роджерс в работе «Становление личности» рассматривает профессиональную самооценку как неотъемлемую часть самоактуализации, утверждая, что адекватная самооценка позволяет человеку достигать гармонии между своими профессиональными стремлениями и личностными ценностями, что, в свою очередь, обеспечивает эффективное выполнение профессиональных обязанностей и внутреннюю удовлетворенность [10].

Таким образом, профессиональная самооценка является ключевым компонентом, определяющим успешность профессиональной деятельности, личную удовлетворенность и общую психологическую устойчивость.

Данная работа направлена на изучение уровня самооценки готовности к профессиональной деятельности выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» с целью определения уровня уверенности выпускников в своих знаниях и навыках, необходимых для успешной работы в отмеченной области, а также выявления факторов, влияющих на профессиональную самооценку.

Актуальность изучения этой темы обусловлена несколькими факторами:

- во-первых, формирование профессиональной самооценки играет ключевую роль в становлении будущего специалиста, позволяя ему адекватно оценивать свои возможности и перспективы в выбранной профессии. Это особенно важно в условиях современного рынка труда, где конкуренция высока, а требования к профессионализму постоянно растут;
- во-вторых, изучение профессиональной самооценки способствует развитию личностных качеств студентов, таких как ответственность, самодисциплина и стремление к самосовершенствованию.

Эти качества необходимы для успешной адаптации в профессиональной среде и достижения карьерных целей.

М. М. Богдан пишет: «Проблема готовности в контексте профессионального становления личности – одна из важнейших для общей и педагогической психологии. Значение понятия готовности, которое приобрело для педагогической психологии настоящее, прежде всего для педагогики, требует переосмысления его содержания и функций на методологическом и экспериментальном уровнях» [11].

Кроме того, формирование профессиональной самооценки способствует повышению мотивации студентов к обучению и профессиональному росту. Осознание своих сильных и слабых сторон, понимание того, какие навыки и знания необходимы для успешной карьеры – все это стимулирует студентов к активному участию в учебном процессе и самостоятельной работе над собой [12].

Студентам СПО самооценка позволяет критически взглянуть на компетенции, определить области, требующие дополнительного внимания и развития. Такая диагностика способствует формированию критического мышления и навыков самообучения, которые являются важными компонентами профессиональной компетентности.

Современный рынок труда требует от специалистов не только закрепления профессиональных знаний, но и формирования организационно-управленческих и цифровых компетенций, которые обуславливают адаптацию к изменяющимся условиям труда и повышают их конкурентоспособность.

На наш взгляд, образовательный процесс сосредоточен преимущественно на формировании профессиональных навыков, что, несмотря на их важность, не компенсирует дефицит метакомпетенций в области управления, коммуникации и цифровых технологий. Образовательные программы, фокусируясь на локальных аспектах подготовки, таких как специализированные технические умения или теоретические знания, оставляют без должного внимания зоны, связанные с когнитивными и организационно-управленческими функциями. Это приводит к дисбалансу между развитием фронтальных долей мозга, ответственных за планирование и стратегическое мышление, и сенсорной корой, участвующей в формировании непосредственных навыков. Таким образом, структурно развивается асимметрия когнитивных компетенций, что отражается в сниженной способности выпускников к адаптации в сложных профессиональных условиях.

Дефицит в области цифровых технологий дополнительно усугубляется недостаточным вниманием к формированию навыков работы с большими данными и аналитическими инструментами. Это препятствует эффективному функционированию в условиях

цифровой трансформации, требующей высокого уровня интеграции данных и автоматизированных процессов. Наличие подобного пробела указывает на неравномерность формирования гностической деятельности в образовательной среде, что снижает профессиональную готовность выпускников.

Подтвердить или опровергнуть представленную гипотезу возможно с помощью восприятий своих профессиональных качеств самими выпускниками. Профессиональная самооценка играет ключевую роль в формировании и развитии организационно-управленческих и цифровых компетенций, т. к. она обеспечивает обратную связь о степени соответствия личных умений и навыков требованиям профессиональной среды. С точки зрения анатомии образовательного процесса самооценка становится «интроспективным органом», способствующим выявлению недоразвитых «функциональных сегментов» компетенций, таких как управление, коммуникация и цифровая грамотность.

Готовность выпускников к постоянной самостоятельной образовательной деятельности как движущей силе самообразования в рамках парадигмы непрерывного образования (образование через всю жизнь) обеспечит быструю адаптивность в условиях социально-экономических изменений социума, быстрое освоение новых технологий и нового экономического поведения. Современное высшее образование меняет вектор от подготовки специалиста узкой направленности к подготовке выпускника, способного постоянно самостоятельно приобретать знания, умения, проявлять творческую активность, инициативность, готового к принятию решений, демонстрирующего широкую профессиональную эрудицию. Решению обозначенных задач способствует высокий уровень самостоятельной познавательной, учебно-профессиональной работы студентов, сформированной в период профессионального образования [13].

Выпускники должны: обладать знаниями и информацией о своей профессии, быть готовыми к работе; владеть профессиональной терминологией, основными принципами и методиками работы; обладать навыками коммуникации, решения проблем, управления временем и т. д.; иметь устойчивое сформированное положительное отношение к своей профессии, что включает в себя мотивацию, энтузиазм и желание учиться и развиваться в своей области; уметь адаптироваться к различным ситуациям на рабочем месте и быть готовыми к изменениям, обладать способностью к обучению новым навыкам и методам работы; уметь работать в команде; понимать свою ответственность перед коллегами, клиентами и организацией; соблюдать правила и процедуры, нести ответственность за собственные действия и результаты работы [14; 15].

Регулярная самооценка студентами своих профессиональных знаний и умений позволяет им определить области, в которых требуется дополнительное обучение, способствует формированию индивидуального образовательного маршрута [16], а также более эффективному формированию профессиональных компетенций и готовности к будущей профессиональной деятельности. Такая самооценка должна быть непосредственно связана с профессиональной деятельностью и ситуациями, которые возникают в процессе работы.

Оценка готовности студентов к профессиональной деятельности методом самооценивания позволяет формировать навыки саморазвития и самоанализа в профессиональной деятельности в условиях смены технологий и процессов производства. Самооценивание помогает студентам лучше понять требования к компетенциям и критерии их оценки, что делает процесс обучения более осознанным и целенаправленным. Кроме того, метод самооценивания может способствовать повышению мотивации студентов к обучению и развитию, поскольку демонстрирует прогресс и достижения. Также он способствует развитию навыков рефлексии и самоанализа, что является важным компонентом профессионального и личностного роста [17].

Новизна данного подхода заключается в интеграции методики моделирования профессиональной деятельности с субъективной оценкой самовосприятия компетенций, что обеспечивает целостный анализ готовности выпускников к профессиональной практике. Во-первых, использование жизненных ситуаций как основы для моделирования поведения дает возможность активировать процесс профессиональной идентификации, что способствует оценке сформированности профессиональных умений в условиях, приближенных к реальным. Во-вторых, оценка самовосприятия компетенций выпускниками предоставляет возможность выявить не только объективные недостатки в подготовке, но и субъективные барьеры, связанные с уверенностью в своих навыках. В-третьих, этот подход позволяет провести комплексный анализ профессиональной компетентности, объединяя когнитивный, поведенческий и эмоциональный аспекты. Он представляет собой инструмент для диагностики и коррекции образовательного процесса с учетом индивидуальных особенностей и актуальных профессиональных требований.

Но стоит отметить, что самооценивание применимо только совместно с внешней оценкой со стороны преподавателей или экспертов, чтобы обеспечить объективность и точность оценки сформированности компетенций.

Цель статьи – рассмотреть некоторые результаты диагностики восприятия выпускниками специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт

двигателей, систем и агрегатов автомобилей» сформированности компетенций, необходимых для успешной профессиональной самореализации.

Выделим основные задачи исследования:

- 1) определить текущий уровень самооценки готовности к профессиональной деятельности выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»;
- 2) выявить факторы, влияющие на эту самооценку, включая качество образовательного процесса, практическую подготовку и опыт работы;
- 3) разработать рекомендации по улучшению образовательного процесса и практической подготовки с целью повышения уровня самооценки выпускников.

Методы и материалы

С целью проведения самооценки готовности старшекурсников к организации производственного процесса студентам колледжей Рязанской области специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» было предложено пройти анкетирование, построенное на самооценке компонентов готовности к профессиональной деятельности. Студентам предлагались вопросы, направленные на личное восприятие сформированности компетенций, представленных во ФГОС специальности¹. При этом для каждой компетенции были представлены ситуации, возникающие в профессиональной деятельности, связанные как с непосредственным производственным процессом, так и с вопросами построения коммуникаций, планирования, применения информационных технологий. Цифровым инструментам и сервисам, которые выпускники специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» готовы использовать в своей профессиональной деятельности, посвящены два отдельных раздела диагностики. Пройти самооценку студентам предлагалось в период с 17 апреля 2023 по 21 мая 2023 г. В соответствии с рабочими учебными планами специальности к этим датам завершено освоение дисциплин основной образовательной программы специальности.

Оценка компетенций студентов на основе их поведения в конкретных ситуациях, встречающихся в профессиональной деятельности, предполагает использование метода кейсов. Этот метод подразумевает анализ и решение студентами проблемных ситуаций, имитирующих реальные рабочие условия.

Разработчиком контрольно-измерительных материалов для оценки самооценки уровня готовности обучающихся к профессиональной деятельности является преподаватель специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» Рязанского многопрофильного колледжа С. А. Федотов. В рамках компетентностной модели выпускника обозначенной специальности и с учетом профессионального стандарта, определяющего основные трудовые функции, был разработан кейс, который структурно включает описание функциональных обязанностей, типовых задач и алгоритмов, характерных для ежедневной профессиональной деятельности сотрудников автосервиса.

Кейс ориентирован на моделирование ситуационных профессиональных задач, связанных с диагностикой и ремонтом агрегатов, узлов и систем автотранспортных средств, что позволяет оценить сформированность таких компетенций, как умение проводить технический осмотр, определять неисправности и осуществлять профилактическое обслуживание. Содержание кейса включает задания, направленные на анализ диагностических данных, выбор инструментов и технологий ремонта, а также применение безопасных методов работы, что способствует подготовке студентов к выполнению трудовых функций в реальных производственных условиях.

Выбранные варианты ответов характеризуют личностное восприятие студентами уровня сформированности компетенций и уровня готовности к самостоятельной профессиональной деятельности. Оценка проводилась на основании следующих компетенций ФГОС СПО²:

- ОК 01. Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности применительно к различным контекстам;
- ОК 02. Осуществлять поиск, анализ и интерпретацию информации, необходимой для выполнения задач профессиональной деятельности;
- ОК 03. Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие;
- ОК 04. Работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами;
- ОК 05. Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста;
- ОК 09. Использовать информационные технологии в профессиональной деятельности;

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 23.02.07 Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей. Приказ Минобрнауки РФ № 1568 от 09.12.2016 (ред. от 01.09.2022). СПС КонсультантПлюс.

² Там же.

- ПК 5.2. Организовывать материально-техническое обеспечение процесса по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств;
- ПК 5.3. Осуществлять организацию и контроль деятельности персонала подразделения по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств;
- ПК 5.4. Разрабатывать предложения по совершенствованию деятельности подразделения, техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств;
- ПК 6.1. Определять необходимость модернизации автотранспортного средства;
- ПК 6.2. Планировать взаимозаменяемость узлов и агрегатов автотранспортного средства и повышение их эксплуатационных свойств;
- ПК 6.4. Определять остаточный ресурс производственного оборудования.

Оценка производилась в виде интернет-опроса, участие в котором приняли 84 выпускника специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» колледжей г. Рязани (табл. 1).

Результаты

Компетенциям ОК 02 и ОК 09 посвящены два отдельных раздела диагностики. Сводные данные результатов диагностики представлены в таблице 1.

Особое внимание стоит уделить формированию таких общих компетенций, как ОК 01. «Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности применительно к различным контекстам» и ОК 03. «Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие». Многие профессиональные задачи, с которыми сталкиваются студенты в период обучения, связаны с некоторыми

Табл. 1. Личное восприятие студентами уровня сформированности компетенций
Tab. 1. Personal perception of skill development in college students

Компетенция	Восприятие уровня сформированности, %		
	Высокий	Средний	Низкий
ОК 01. Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности применительно к различным контекстам	38,10	–	61,90
ОК 02. Осуществлять поиск, анализ и интерпретацию информации, необходимой для выполнения задач профессиональной деятельности	14,29	41,67	44,04
ОК 03. Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие	21,43	–	78,57
ОК 04. Работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами	23,81	25,00	51,19
ОК 05. Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста	66,67	–	33,33
ОК 09. Использовать информационные технологии в профессиональной деятельности	29,16	50,00	23,81
ПК 5.2. Организовывать материально-техническое обеспечение процесса по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств	34,52	21,43	44,05
ПК 5.3. Осуществлять организацию и контроль деятельности персонала подразделения по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств	45,24	–	54,76
ПК 5.4. Разрабатывать предложения по совершенствованию деятельности подразделения, техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств	5,95	63,10	30,95
ПК 6.1. Определять необходимость модернизации автотранспортного средства	48,81	40,48	10,71
ПК 6.2. Планировать взаимозаменяемость узлов и агрегатов автотранспортного средства и повышение их эксплуатационных свойств	27,38	52,38	20,24
ПК 6.4. Определять остаточный ресурс производственного оборудования	21,43	75,00	3,57

шаблонными подходами, действиями по инструкциям и выполнением алгоритмов поведения в той или иной ситуации. Они помогают сформировать стратегические паттерны профессионального поведения, но при этом у студентов вызывает затруднения применение творческого подхода в ситуациях, связанных с выбором направления личностного саморазвития или решения нетипичных задач [16].

Также следует обратить внимание на компетенции ОК 02. «Осуществлять поиск, анализ и интерпретацию информации, необходимой для выполнения задач профессиональной деятельности» и ОК 04. «Работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами». Самооценка данных компетенций относительно их применения в процессе профессиональной деятельности более чем у половины респондентов неудовлетворительная. И только около 20 % смогли оценить степень сформированности этих компетенций как высокую.

Существенно меняется картина восприятия сформированности компетенций, когда речь идет о блоке профессиональных компетенций (табл. 1). Значительная часть выпускников отмечают собственный уровень как средний, что в большей степени связано с недостатком практики и, соответственно, некоторой неуверенностью в собственных силах. Компетенции учебного плана могут быть разделены на три условные группы:

1. Группа профессиональных компетенций.
2. Группа организационно-управленческих компетенций.
3. Группа цифровых компетенций.

Тогда распределение компетенций по группам будет выглядеть следующим образом:

- 1 группа: ОК 01, ОК 05, ПК 6.1, ПК 6.2, ПК 6.4;
- 2 группа: ОК 03, ОК 04, ПК 5.2, ПК 5.3;
- 3 группа: ОК 02, ОК 09.

Как можно увидеть из обобщенных данных (табл. 2), значительный процент выпускников оценивает собственный уровень организационно-управленческих компетенций, а также компетенций, связанных с применением цифровых инструментов в сфере профессиональной деятельности и коммуникаций, как низкий. При этом собственные профессиональные

компетенции в позитивном ключе оценили почти 75 % респондентов. Прослеживается упор образовательных учреждений на формирование непосредственных профессиональных навыков при «приседании» компетенций, необходимых в условиях цифровой экономики.

В наше время возрастает потребность в высококвалифицированных специалистах, способных не только выполнять свои профессиональные обязанности, но и эффективно управлять коллективом. Особенно актуально это для выпускников СПО, которые должны быть готовы к работе в различных сферах деятельности [17].

Организационно-управленческие компетенции позволяют выпускникам колледжей грамотно планировать и организовывать работу, контролировать выполнение задач, принимать решения и мотивировать сотрудников, работать в команде и адаптировать свои навыки к различным условиям [18].

В современном мире, где технологии развиваются с невероятной скоростью, специалисты в области технического обслуживания и ремонта автомобилей должны обладать не только глубокими знаниями в своей области, но и управленческими компетенциями, чтобы успешно справляться с задачами, связанными с организацией работы и управлением коллективом [19]. В начале XXI в. компетенции, инициатива, предприимчивость, ценностно-мотивационная сфера персонала любой организации становятся значимым стратегическим ресурсом, таким же, как производственный и финансовый капитал [20, с. 21].

Управленческие компетенции помогают выпускникам специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» эффективно руководить работой подчиненных, координировать их действия и контролировать выполнение поставленных задач. Кроме того, эти компетенции дают возможность принимать взвешенные решения, планировать работу и анализировать результаты.

Формирование организационно-управленческих компетенций должно начинаться с первых дней учебы в колледже, когда студенты знакомятся с принципами работы в команде, планирования своего времени и решения различных задач. Освоение специальности

Табл. 2. Личное восприятие студентами уровня сформированности компетенций по укрупненным группам компетенций
Tab. 2. Personal perception of skill development in college students, by enlarged skill groups

Группы компетенций	Восприятие уровня сформированности, %		
	Высокий	Средний	Низкий
Профессиональные компетенции	40,48	33,57	25,95
Организационно-управленческие компетенции	26,19	21,91	51,90
Цифровые компетенции	20,24	45,84	33,93

«Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» позволяет выпускникам со временем занять должность мастера, руководителя группы, начальника цеха. Они становятся ключевыми фигурами в процессе технического обслуживания и ремонта автомобилей. От их профессионализма и умения работать с людьми зависит качество выполненных работ и удовлетворенность клиентов.

С целью развития специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» основная образовательная программа должна включать в себя компоненты, формирующие следующие умения и навыки:

- составление планов работы, определение целей и задач, разработка стратегий достижения поставленных целей;
- организация работы коллектива, распределение задач между сотрудниками, контроль выполнения работ;
- принятие решений на основе анализа информации, оценки рисков и консультаций с коллегами;
- мотивация сотрудников на достижение общих целей, повышение эффективности работы, развитие профессиональных и личных качеств;
- работа в команде, координация своих действий с действиями других членов команды, учет их мнения при принятии решений, разрешение конфликтов;
- готовность к изменениям, быстрое реагирование на новые условия работы, гибкость и адаптивность.

Схожие выводы мы можем увидеть у авторов аналитического доклада «Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала» [21]. В докладе отмечено, что «большая часть выпускников ППСЗ (33 %) заняты на рабочих местах, не требующих такого уровня квалификации. В их числе 4 % являются квалифицированными рабочими в сельском хозяйстве, 14 % занимают должности квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях, почти 9 % заняты в качестве операторов производственных установок, сборщиков или водителей, а около 7 % – выполняют функции неквалифицированных рабочих. Среди выпускников ППКРС также есть те, кто занят неквалифицированным трудом (10 %)» [21, с. 41]. Такое положение дел отражает определенный дисбаланс в образовательной системе, где акцент делается на формирование непосредственных профессиональных навыков, в то время как компетенции, необходимые в условиях цифровой экономики, остаются недостаточно развитыми. Данная ситуация требует тщательного пересмотра образовательных программ и стратегий, чтобы учесть растущие потребности рынка труда и включить более обширное обучение цифровым инструментам, развитию коммуникационных и организационно-управленческих

компетенций. Это позволит выпускникам средних профессиональных учебных заведений быть более конкурентоспособными и адаптированными к современным реалиям. Формирование таких компетенций у выпускников СПО становится все более актуальным, т. к. позволяет успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям рынка труда.

При этом процесс формирования профессиональных и надпрофессиональных компетенций должен быть распределен на весь период освоения образовательной программы. Началом формирования профессиональных компетенций у студентов являются первые годы обучения. Они оказывают огромное влияние на приобретение базисных знаний и подготовку к профессиональной деятельности. Именно в первые два года в процесс обучения вводятся дисциплины общепрофессионального цикла, которые ориентируют студента в выбранной им профессии, вносят свой вклад в формирование и становление основных профессиональных компетентностей [22].

Современный квалифицированный труд все в большей мере знаменует собой действие закона перемены труда. Этому способствуют совершенствование производственной технологии, широкое внедрение высокопроизводительного оборудования, средств комплексной механизации и автоматизации, а также другие факторы, увеличивающие содержательность и интеллектуальные стороны труда. Изменения в содержании труда в условиях научно-технологической революции приводят к тому, что обучающийся становится в определенном смысле центром технико-технологических, экономических, социальных, экологических и других зависимостей и отношений, а его готовность ориентироваться в этой сложной совокупности взаимосвязей – это важная предпосылка глубокой профессионализации и социальной активности [23].

На данном этапе важно интегрировать в процесс подготовки специалиста среднего звена не только принципы, позволяющие повысить уровень готовности к организации производственной деятельности, но и методику развития значимых личностных качеств, которые помогают человеку адаптироваться к изменяющейся внешней среде, успешно коммуницировать с другими представителями трудовых отношений, формировать направления развития. Профессиональное саморазвитие становится жизненной ценностью человека, приводит к постановке задач, способствующих всестороннему развитию личности, выработке сбалансированной жизненной стратегии, формированию адекватной самооценки, высокой способности к творчеству, большому интересу ко всему новому [24]. Этот процесс требует пристального внимания методического сообщества относительно подходов и наполнения образовательных программ,

а также организации диалога с представителями ключевых работодателей.

Самооценка готовности к организации процесса производства должна стать надежным фундаментом для нового витка развития производственной системы нашей страны, а система профессионального образования – драйвером экономического роста и залогом успешности человека на протяжении всей жизни. Необходима адаптация к современным требованиям рынка труда, а для этого нужна интеграция цифровых инструментов в учебный процесс, развитие организационно-управленческих навыков, практико-ориентированное обучение. И, вероятно, ключевой момент – партнерство с бизнесом для создания совместных образовательных программ и проектов [25].

Заключение

Самооценка готовности к профессиональной деятельности является важным аспектом в формировании профессиональных и надпрофессиональных компетенций у выпускников СПО. Она позволяет студентам критически взглянуть на свои сильные и слабые стороны, осознать свои возможности и потребности в развитии. Это способствует формированию адекватного представления о своих профессиональных навыках и компетенциях, что в свою очередь ведет к успешной профессиональной самореализации.

Современный квалифицированный труд требует от выпускников СПО готовности ориентироваться в сложной совокупности взаимосвязей с различными аспектами профессиональной деятельности. Согласно проведенному исследованию, значительный процент выпускников оценивает свой уровень организационно-управленческих компетенций и компетенций, связанных с применением цифровых инструментов в профессиональной деятельности и коммуникациях, как низкий. В то же время почти 75 % респондентов позитивно оценили свои профессиональные компетенции. Этот разрыв в оценке компетенций подчеркивает необходимость пересмотра образовательных

программ и методик обучения. Упор на формирование непосредственных профессиональных навыков, безусловно, важен, но он не должен происходить в ущерб развитию надпрофессиональных навыков, таких как умение работать в команде, управление временем, критическое мышление и коммуникативные навыки становятся все более значимыми в современном мире. Они помогают специалистам адаптироваться к изменениям на рынке труда, улучшают их производительность и способствуют личному и профессиональному росту.

Важно, чтобы образовательные учреждения учитывали эту тенденцию и включали в свои программы курсы, направленные на развитие надпрофессиональных навыков. Это может быть сделано через практические занятия, проекты, семинары и тренинги. Кроме того, активное привлечение работодателей к процессу обучения также может помочь студентам получить ценный опыт и понять, какие навыки наиболее востребованы на современном рынке труда.

Выпускники, оценивающие свои организационно-управленческие и цифровые компетенции как низкие, указывают на необходимость более комплексного подхода к обучению. Образовательные учреждения должны уделять внимание не только профессиональным навыкам, но и развитию компетенций, необходимых для успешной карьеры в условиях цифровой экономики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Просвещение, 2013. 288 с. [Ananyev B. G. *Man as an object of cognition*. Moscow: Prosveshchenie, 2013, 288. (In Russ.)]
2. Бернс Р. Я – Концепция и Я – образы. *Самосознание и защитные механизмы личности*, ред. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 133–219. [Burns R. I-concept and I-images. *Self-consciousness and defense mechanisms of the individual*, ed. Raigorodskym P. Ya. Samara: Bakhrakh-M, 2003, 133–219. (In Russ.)]
3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2022. 400 с. [Bozhovich L. I. *Personality and its formation in childhood*. St. Petersburg: Piter, 2022, 400. (In Russ.)]
4. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе. *Вопросы психологии*. 1978. № 2. С. 28–34. [Bozhovich L. I. Stages of personality formation in ontogenesis. *Voprosy Psikhologii*, 1978, (2): 28–34. (In Russ.)]

5. Захарова А. В. Структурно-динамическая модель самооценки. *Вопросы психологии*. 1989. № 1. С. 5–14. [Zakharova A. V. Structural-dynamic model of self-esteem. *Voprosy Psikhologii*, 1989, (1): 5–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kmfxzn>
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 713 с. [Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2006, 713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxellw>
7. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с. [Kon I. S. *In search of oneself: Personality and its self-awareness*. Moscow: Politizdat, 1984, 335. (In Russ.)]
8. Джеймс У. Психология. М.: РИПОЛ Классик, 2020. 616 с. [James W. *Psychology*. Moscow: RIPOL Klassik, 2020, 616. (In Russ.)]
9. Куперсмит С. Предпосылки самооценки. М.: Просвещение, 1959. 129 с. [Coopersmith S. *The antecedents of self-esteem*. Moscow: Prosveshchenie, 1959, 129. (In Russ.)]
10. Роджерс К. Р. Становление личности. М.: Прогресс, 2004. 214 с. [Rogers C. R. *The formation of personality*. Moscow: Progress, 2004, 214. (In Russ.)]
11. Богдан М. М. Особенности психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. *Психология, социология и педагогика*. 2012. № 9. [Bogdan M. M. Features of psychological readiness of students for professional activity. *Psychology, Sociology and Pedagogy*, 2012, (9). (In Russ.)] URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/09/1031> (дата обращения: 10.09.2024).
12. Косачева В. О. Мотивация студентов к обучению и профессиональному развитию. *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 5. С. 235–238. [Kosacheva V. O. Motivation of students to study and professional development. *The world of science, culture and education*, 2022, (5): 235–238. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-235-238>
13. Георге И. В. Формирование профессиональных компетенций студентов образовательных организаций высшего образования на основе организации самостоятельной работы. Тюмень: ТИУ, 2016. 143 с. [Gheorghe I. V. *Formation of professional competencies in university students based on the organization of independent work*. Tyumen: IUT, 2016, 143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvqwir>
14. Мирославская М. В., Петрова Е. А. Роль образовательного процесса в кадровом обеспечении инновационных и высокотехнологичных отраслей экономики. *Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России*, сост. Г. А. Бордовский, Н. Д. Подуфалов, А. Д. Шматко. СПб.: РАНХиГС, 2024. С. 189–194. [Miroslavskaya M. V., Petrova E. A. The role of the education in staffing innovative and high-tech sectors of the economy. *Problems and trends in the development of higher education in modern Russia*, comp. Bordovsky G. A., Podufalov N. D., Shmatko A. D. St. Petersburg: RANEPa, 2024, 189–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/revvos>
15. Болотова О. В., Карпенко Д. А., Черняева К. К. Маркеры суицидальных намерений в речевой деятельности студента. *Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России*, сост. Г. А. Бордовский, Н. Д. Подуфалов, А. Д. Шматко. СПб.: РАНХиГС, 2024. С. 196–203. [Bolotova O. V., Karpenko D. A., Chernyaeva K. K. Markers of suicidal intentions in student's speech. *Study of problems and trends in the development of higher education in modern Russia*, comp. Bordovsky G. A., Podufalov N. D., Shmatko A. D. St. Petersburg: RANEPa, 2024, 196–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qiprhc>
16. Механизм выстраивания индивидуального учебного плана («образовательной траектории») для обучающихся на основании диагностики уровня владения профессиональными компетенциями (включая материалы для проведения диагностики компетенций педагогических работников), рук. Л. Н. Нугуманова. Казань: ИРО РТ, 2020. 159 с. [Mechanism for building an individual education plan (education trajectory) for students based on their level of professional competencies (including materials for competence diagnostics of teachers), ed. Nugumanova L. N. Kazan: IRO RT, 2020, 159. (In Russ.)]
17. Мезенцева Л. В. Обучение взрослых: о формах и методах. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2015. № 4. С. 137–143. [Mezentseva L. V. Training of adults: About forms and methods. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2015, (4): 137–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbwjul>
18. Чернокова Т. Е. Формирование способности к анализу и рефлексии профессиональной деятельности у студентов, обучающихся по направлению «Психолого-педагогическое образование». *Вестник практической психологии образования*. 2016. № 3. С. 23–29. [Chernokova T. E. Developing the ability to analyze and reflect on professional activity in students of Psychological and Pedagogical Education. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2016, (3): 23–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxiyvn>
19. Сысоева О. И., Усачева С. А. Применение интерактивных методик и технологий при реализации профессиональных образовательных программ в соответствии с современными образовательными реалиями. Актуальность цифровой образовательной среды в учреждениях среднего профессионального

- образования. *Передовой опыт подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего профессионального образования в современных образовательных реалиях*: III Всерос. науч.-практ. конф. (21 ноября 2019 г.) Королев: МЦК – Техникум имени С. П. Королева, 2019. С. 56–61. [Sysoeva O. I., Usacheva S. A. Application of interactive methods and technologies in the implementation of professional educational programs in accordance with modern educational realities. The relevance of the digital educational environment in secondary vocational education institutions. *Advanced experience in preparing qualified workers and middle-level professionals in modern educational realities*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., 21 Nov 2019. Korolev: Interregional Centre of Competence – College of S. P. Korolev, 2019, 56–61. (In Russ.)]
20. Токарева Ю. А., Гаспарович Е. О. Управление профессиональными компетенциями. Екатеринбург: УрФУ, 2021. 327 с. [Tokareva Yu. A., Gasparovich E. O. *Professional competence management*. Ekaterinburg: UFU, 2021, 327. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvsxbl>
21. Дудырев Ф. Ф., Анисимова К. В., Артемьев И. А., Бондаренко Н. В., Мальцева В. А., Крайчинская С. Б., Рожкова К. В., Романова О. А., Травкин П. В., Шабалин А. И., Шугаль Н. Б. Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 100 с. [Dyudirev F. F., Anisimova K. V., Artemyev I. A., Bondarenko N. V., Maltseva V. A., Krajchinskaya S. B., Rozhkova K. V., Romanova O. A., Travkin P. V., Shabalin A. I., Shugal N. B. *Secondary vocational education in Russia: A resource for economic development and human capital formation*. Moscow: HSE, 2022, 100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2678-1>
22. Синкина Е. А. Формирование профессиональных компетенций профессиональной направленности. *Педагогика*, 2012, № 6. С. 109–112. [Sinkina E. A. Formation of professional competencies of professional orientation. *Pedagogy*, 2012, (6): 109–112. (In Russ.)]
23. Чебанов К. А., Богданова М. В. Формирование профессиональных компетенций, обучающихся колледжа. *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 4. С. 1–8. [Chebanov K. A., Bogdanova M. V. Formation of the professional competences of college's pupils. *Modern Problems of Science and Education*, 2016, (4): 1–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wiqcxn>
24. Чупина В. А. Акмеология профессионального образования. Екатеринбург: РГППУ, 2019. 97 с. [Chupina V. A. *Akmeology of professional education*. Ekaterinburg: RSVPU, 2019, 97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lyucbl>
25. Федотов С. А. Формирование готовности к организации производственной деятельности у выпускников специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта». *Педагогическое образование в России*. 2023. № 3. С. 144–150. [Fedotov S. A. Formation of readiness for the organization of production activities among graduates of the specialty "Maintenance and Repair of Motor Vehicles". *Pedagogical Education in Russia*, 2023, (3): 144–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlpeok>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yhnbge>

Генезис содержания антикоррупционного воспитания в отечественной педагогической мысли

Бухарин Григорий Сергеевич

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 8074-7379

<https://orcid.org/0009-0009-9370-7913>

bzhdotvet@yandex.ru

Аннотация: Антикоррупционное воспитание является актуальной и перспективной мерой предупреждения коррупции. Однако проблемы содержания антикоррупционного воспитания и его генезис в науке недостаточно изучены. Цель – проследить возникновение и развитие в отечественной педагогической мысли научной категории *антикоррупционное воспитание*, рассмотреть его содержание в динамике. Основой исследования выступили теоретические методы научного познания: анализ и синтез, аналогия и обобщение, системный и диалектический методы, а также исторический. Изучение памятников российского права и трудов отечественных педагогов позволило проследить процесс возникновения и развития категории *антикоррупционное воспитание* в период IX–XXI вв. Исследование показало, что основными элементами антикоррупционного воспитания с древнейших времен до наших дней выступают: культурно-исторические ценности и морально-нравственные идеалы, установки личности, гражданские и нравственные качества личности, антикоррупционное поведение. В результате анализа определено, что все многообразие элементов содержания антикоррупционного воспитания может быть объединено в две группы: аксиологический и деятельностный компоненты. Аксиологический компонент составляют: нормы морали и нравственности, ценности правды и справедливости, гражданственность; качества личности: законопослушание, честность, правдивость, бескорыстность, дисциплинированность, трудолюбие, чувство ответственности, чувство долга. Деятельностный компонент представлен пассивным и активным антикоррупционным поведением. Практическая значимость работы состоит в установлении основных компонентов содержания антикоррупционного воспитания в динамике, что позволяет выработать наиболее эффективные формы и методы воспитательного воздействия.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, антикоррупционное образование, антикоррупционное обучение, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное поведение, антикоррупционная готовность

Цитирование: Бухарин Г. С. Генезис содержания антикоррупционного воспитания в отечественной педагогической мысли. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 1. С. 53–61. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-53-61>

Поступила в редакцию 01.10.2024. Принята после рецензирования 22.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Content Sources of Anti-Corruption Education in Russian Pedagogy

Grigory S. Bukharin

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 8074-7379

<https://orcid.org/0009-0009-9370-7913>

bzhdotvet@yandex.ru

Abstract: Anti-corruption education prevents corruption, but its content remains understudied. The article traces the genesis and development of *anti-corruption education* as a scientific category in Russian pedagogy. The author applied standard research methods, as well as the systemic, dialectical, and historical methods, to Russian laws and works by Russian educators to describe the domestic anti-corruption education in IX–XXI centuries. The anti-corruption education has always relied on cultural and historical values, moral ideals, personal attitudes, individual civic and moral qualities, and anti-corruption behavior patterns. All these content elements were divided into

axiological and activity components. The axiological component included moral and ethical norms, e.g., truth, justice, and civic consciousness. It also involved such personal qualities as law-abiding, honesty, unselfishness, discipline, diligence, responsibility, and duty. The activity component was represented by passive and active anti-corruption behavior patterns. The evolution of the content of anti-corruption education makes it possible to select the most effective forms and methods of educational impact.

Keywords: corruption, corruption awareness, anti-corruption upbringing, anti-corruption training, anti-corruption education, anti-corruption awareness, anti-corruption behavior, anti-corruption readiness

Citation: Bukharin G. S. Content Sources of Anti-Corruption Education in Russian Pedagogy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 53–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-53-61>

Received 1 Oct 2024. Accepted after review 22 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

На протяжении многих столетий человечество пытается осмыслить явление коррупции и выработать эффективные меры по его предупреждению. Научным сообществом широко признается потенциал педагогических наук для разработки мер предупреждения этого негативного явления, среди которых выделяют: антикоррупционное просвещение, антикоррупционное обучение и воспитание. Представленные направления активно развиваются отечественными педагогами и юристами, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

В юридической литературе наибольшее освещение получили проблемы антикоррупционного просвещения и образования в контексте профессиональной подготовки специалистов: уголовно-исполнительной системы, МВД, прокуратуры и т.д. Как правило, работы авторов-юристов раскрывают практические вопросы организации учебного процесса [1], создания организационно-педагогических условий для реализации соответствующих образовательных программ [2], применения положительных педагогических практик [3] либо отдельных форм и методов антикоррупционного воспитания и обучения [4]. И, напротив, категориальный аппарат антикоррупционного воспитания остается наименее исследованным.

В работах В. А. Адольфа и соавторов [5], И. С. Панферкиной [6], Д. А. Рыбалкина [7], Ю. С. Сергеевой [8] и др. теоретическое развитие получили понятия *антикоррупционное мировоззрение*, *антикоррупционная позиция*, *антикоррупционная устойчивость*, *компетентность в сфере противодействия коррупции* и пр., представляющие собой аксиологический и деятельностный компоненты содержания антикоррупционного обучения и воспитания.

Исследования некоторых авторов затрагивают проблемы форм антикоррупционного воспитания [9], его задач и педагогических условий [10]. Другие работы посвящены отдельным компонентам содержания антикоррупционного воспитания [11]. Вместе с тем в трудах отечественных педагогов генезис содержания

этой научной категории не выступал предметом самостоятельного исследования. Этот вопрос, по нашему мнению, имеет не только сугубо историческое, но и теоретическое, а также практическое значение.

В науке сложились фрагментарные представления о содержании антикоррупционного воспитания, требующие дальнейшего изучения и обобщения на основе методологических позиций педагогики с учетом генезиса данной научной категории, что обуславливает теоретическую значимость настоящего исследования.

Повышение эффективности антикоррупционного воспитания, как одной из мер предупреждения коррупции, с нашей точки зрения, невозможно без восполнения пробела в изучении генезиса основных компонентов его содержания в их соотношении с современными подходами к пониманию этой категории, что обуславливает практическую значимость работы.

Цель – проследить возникновение и развитие в отечественной педагогической мысли научной категории *антикоррупционное воспитание*, рассмотреть его содержание в динамике.

В качестве приоритетных задач исследования были определены следующие:

- рассмотреть антикоррупционное воспитание через характеристику категории *коррупция* (признаки и формы которой нашли отражение в памятниках российского права), выступающей фундаментальной основой становления содержания антикоррупционного воспитания;
- выявить и раскрыть основные компоненты содержания антикоррупционного воспитания в отечественной педагогической мысли, выявить их соотношение с современными подходами к пониманию данной научной категории.

Методы и материалы

Методологической основой работы выступили такие методы научного познания, как анализ и синтез, аналогия и обобщение, системный и диалектический методы, а также исторический метод.

Результаты

Согласимся с мнением А. Г. Тряева [12, с. 148], что ведущее лексическое значение в термине *антикоррупционное воспитание* имеет приставка *анти*. Эта приставка призвана усилить смысловое значение направленности действий субъектов по предупреждению такого негативного явления, как коррупция. Поэтому верным будет уточнить, что ключевое значение в приведенном термине играет понятие *коррупция*, содержание которого имело разнообразные исторические формы и определяло объем и характер мер противодействия этому явлению.

Предпосылкой становления антикоррупционного воспитания выступил процесс осознания государством и обществом негативности влияния коррупции на все сферы общественной жизни. К результатам указанного процесса можно отнести не только законодательное закрепление прямого запрета на вступление в коррупционные отношения, но и формирование потребности в активных формах предупреждения этого негативного явления как среди чиновников, так и обычных граждан.

Так, первые упоминания о коррупции относятся еще к IX–X вв. Связано это с моментом зарождения института «кормления» – системы содержания должностных лиц местным населением. Исторически первой формой коррупции, имевшей законодательное признание, являлся посул (взятка). Псковская Судная грамота устанавливала следующий запрет: «тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику»¹. Этот термин к тому же был воспринят Судебниками 1497 г.², 1550 г.³ и даже Соборным Уложением 1649 г.⁴

Следует отметить, что Псковская Судная грамота содержала запрет такой формы коррупционного поведения, как *непотизм*: «а которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право, по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мститися не на кожо, а судом не отчитися, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а без неправы человека не погубити, ни на суду, на вещи»⁵. Древний законодатель требовал от князя, посадника определенного набора морально-нравственных качеств, несовместимых с коррупционным поведением: справедливость, бескорыстность в службе. Фактически до XVII в. единственной уголовно-наказуемой

формой коррупции являлось именно получение взятки. Государство, таким образом, признавало опасность коррупции в связи с деятельностью судей, чиновников и иных служащих. В указанный период коррупционные практики: подношение подарков, оказание услуг и иное «кормление» должностных лиц были повсеместно распространены. Только указом Петра I от 24 ноября 1699 г. «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам» дача взятки была признана преступным деянием.

С позиции истории педагогики вызывают интерес взгляды великого педагога и историка В. Н. Татищева относительно дачи взятки: «Если сулит за то, чтобы его в неправде оправдать, и сие есть лихоимство против закона Божия, и как дающий, так емлющий равному наказанию повинны» [цит. по: 13, с. 686]. В свою очередь общество и Церковь также подвергали осуждению различные проявления коррупционного поведения. Еще в XIII в. митрополит Кирилл, наряду с пьянством и чародейством, считал греховным мздоимство – одну из первых форм коррупции, отождествляемую со взяточничеством [14, с. 323]. Таким образом, посулы, мздоимство и иные формы коррупции рассматривались как действия, противоречащие нравственным идеалам православного человека, и осуждались Церковью.

В России коррупция понималась как негативная форма поведения, осуждаемая не только государством, но и обществом. Законодательное закрепление запрета посула, мздоимства, лихоимства, дачи взятки и иных форм коррупционного поведения позволяет свидетельствовать о стремлении государства реализовать воспитательный потенциал уголовно-правового запрета такой деятельности и поощрить развитие навыков законопослушного поведения. Церковь, используя доступные средства воспитания, тоже стимулировала правомерное поведение прихожан и способствовала укоренению в обществе нравственных антикоррупционных ценностей. В итоге создавались необходимые предпосылки для зарождения антикоррупционного воспитания. Обозначим, что в рассматриваемый период был заложен такой компонент содержания антикоррупционного воспитания, как требования к качествам личности. Среди таких качеств можно

¹ Псковская судная грамота. Исторические записки. Т. 6. 1940. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 01.09.2024).

² Судебник 1497 г. *Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*, отв. ред. тома А. Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 56–57.

³ Судебник 1550 г. Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 232–261. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Соборное уложение 1649 года, ред. М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М.: Моск. ун-т, 1961. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#10> (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ Псковская судная грамота...

назвать: законопослушание, бесхитрость, честность и правдивость; именно сформированность этих качеств позволяет утверждать об определенной степени готовности личности к активному антикоррупционному поведению.

В XVIII в. проблемы коррупции все еще остро стоят перед российским обществом и государством. В период правления Екатерины II в соответствии со статьями 229, 251, 252, п. 3 ст. 271, п. 4 ст. 273 «Устава благочиния или полицейского» от 8 апреля 1782 г. уголовной ответственности подлежали как взяткополучатель, так и взяткодатель⁶.

В педагогической мысли рассматриваемого периода особый интерес вызывают взгляды А. Н. Радищева, продолжателя идей зарубежных педагогов, в том числе Ж.-Ж. Руссо. По мнению А. Н. Радищева, необходимо не только «слепо» подчиняться законам, но и анализировать их. Это целесообразно с позиций общечеловеческих ценностей, а также как результат их интериоризации в качества личности, которые отражены в них и являются результатом воспитания законопослушного гражданина, противостоят коррупционному поведению, выступая элементами антикоррупционного воспитания. В этой связи великий педагог писал: «Тут явны могут быть и обнаружатся: деятельность, остроумие, безкорыстие, честность, безпристрастие, человеколюбие и добродетель, или – нерадение, злоупотребление, гнусность видов и намерений, скрытое или явное мздоимство, лицепрятание, поноровка, невежество и глупость судей судящих. Тут исторгается из груди нашей вздох печали, видя одного добродетельного судью или градоначальника среди толпы беспутной, мздоимной, неистойвой и ухитренной, стеньящего под званием своим, зане глас его в суде звенит бесплодно и утщется его благонамерением. Тут же на веждях наших появится еще радостно блестящая [картина], видя повсюду судей, судящих в правду, без лицепрятания, без нарушения данной клятвы, во имя судии предвечного» [15, с. 151]. А. Н. Радищев подчеркивает большой воспитательный потенциал законов в формировании качеств личности будущего гражданина, базирующихся на идеалах добродетели, справедливости, выступающих основой нравственного воспитания.

В отмеченный период категория *антикоррупционное воспитание* продолжала выкристаллизовываться в составе гражданского, правового и нравственного воспитания. Ядром будущего антикоррупционного воспитания становится гражданственность.

В XIX в. проблемы коррупционных отношений и борьбы с ними остаются в центре социально-экономической и политической жизни общества и одной из основных задач государства. Касательно данных вопросов очень точно высказался П. А. Берлин: «Через всю нашу историю, лишь меня форму, увеличивая и уменьшая размеры, тянется колоссальное взяточничество, которым пользуются как отмычкой к казенным сундукам» [16]. В Своде законов Российской империи 1832 г. была закреплена уголовная ответственность должностных лиц за лихоимство (гл. VI Т. XV). При этом к уголовной ответственности привлекались и взяткодатели (ст. 328)⁷. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уголовной ответственности подлежали как взяткополучатели, так и взяткодатели (статьи 401–413)⁸. В результате взяточничество продолжало оставаться поведением, порицаемым государством.

В рассматриваемый период основы антикоррупционного воспитания заложены в идеях «отца отечественной педагогики» К. Д. Ушинского, который еще раз подчеркнул важность нравственного воспитания: «Жажда денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушие к общественному благу, снисходительность к нарушению законов чести... – вот враги воспитания, с которыми оно призвано бороться» [17, с. 22]. Действительно, именно качества личности, сформированные на основе норм морали и нравственности, национальных культурно-исторических ценностей – маяках общественных идеалов, в которых отражается негативное отношение к «врагам воспитания», в частности, коррупционному поведению, – являются результатом гражданского и нравственного воспитания и основополагающим компонентом содержания антикоррупционного воспитания.

Изучая генезис антикоррупционного воспитания в XX в., обращает на себя внимание точка зрения педагога, философа И. А. Ильина, который является одним из первых отечественных ученых, кто выделил политическую коррупцию и описал ее основные формы: антигосударственные посулы, подкуп. Ученый, отмечая их опасность для общества и государства, считал, что «люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, а частною корыстью» [18, с. 138]. Вдобавок автор указывал, что причиной этому служит корыстная воля и убогое правосознание таких людей.

⁶ Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. *Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма*, отв. ред. тома Е. И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 347–348.

⁷ Свод законов Российской Империи. Книга Пятая. Том XV. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/48.html#img49> (дата обращения: 01.09.2024).

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 174–181. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002889696?page=181&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 01.09.2024).

Можно заключить, что идеалы честности и справедливости как средство достижения зрелого правосознания и гаранты законопослушности гражданина также могут быть включены в содержание антикоррупционного воспитания, которое продолжало развиваться в недрах гражданского и нравственного воспитания.

В XXI в. отечественными педагогами предпринимаются попытки выделения антикоррупционного воспитания в самостоятельное направление педагогики. Это связано не только с развитием современного антикоррупционного законодательства, но и с научным поиском оптимальных и эффективных инструментов предупреждения коррупционного поведения. В этом аспекте интерес представляет определение понятия антикоррупционное воспитание С. М. Николаева. Под антикоррупционным воспитанием автор в широком педагогическом смысле понимает «специально организованное, целенаправленное и управляемое воздействие с целью формирования в обществе неприятия коррупции, в том числе и при осуществлении учебно-воспитательного процесса» [19, с. 161]; в узком педагогическом смысле – «процесс и результат специализированной учебно-воспитательной работы, направленной на организацию противодействия коррупции» [19, с. 161]. Ключевым элементом содержания антикоррупционного воспитания, по мнению С. М. Николаева, можно назвать неприятие коррупции. Поддерживая точку зрения автора, обозначим, что С. М. Николаев акцентирует внимание на пассивных аспектах антикоррупционного поведения – неприятии. Однако мы полагаем, что для антикоррупционного воспитания справедлива симметрия, вытекающая из целесообразности формирования как пассивных, так и активных паттернов антикоррупционного поведения, базирующихся на таких качествах личности и установках, как нравственность, справедливость, гражданственность и пр.

С. С. Гайдукова определяет антикоррупционное воспитание как «развитие ценностных установок и способностей к проявлению гражданской позиции, уважению закона, волевому и решительному отказу от его нарушений» [20, с. 131]. Л. О. Бродзели и И. В. Кичева под антикоррупционным воспитанием предлагают понимать «целенаправленный процесс формирования антикоррупционного мировоззрения как ценностных ориентиров и морально-нравственных установок личности, опирающихся на идеалы честности, совести, достоинства, убеждений в неприемлемости коррупции, сознательный отказ от коррупции во всех ее проявлениях, уважения к закону и соблюдения правовых норм антикоррупционного поведения, развитие гражданской ответственности и активной гражданской позиции как непримиримого отношения к коррупции» [21, с. 38–39]. Обобщая точки зрения С. С. Гайдуковой, Л. О. Бродзели и И. В. Кичевой, можно заключить,

что авторы делают акцент на активном антикоррупционном поведении, детерминированном определенным набором качеств личности и ценностных установок. При этом исследователи в качестве таких установок называют широкий круг новообразований: гражданская позиция и ответственность, уважение к закону, готовность к правомерному поведению и пр. В результате содержание антикоррупционного воспитания трактуется достаточно широко, что затрудняет его дифференциацию на современном этапе развития педагогической науки с нравственным, гражданским и патриотическим воспитанием, каждое из которых имеет свои цели, форму и содержание.

Обсуждение

В педагогике выделяют несколько подходов к пониманию *содержания воспитания*. Согласимся с мнением О. Н. Ротановой, что категория *содержание воспитания* развивается в рамках трех основных подходов: первый подход рассматривает содержание воспитания как моделируемый вид социальной деятельности; второй – как совокупность ценностей, справедливых для определенного исторического периода; третий – как направление профессиональной педагогической деятельности и конкретные задачи педагога при реализации воспитательного процесса [22, с. 71–72].

Рассматривая генезис содержания антикоррупционного воспитания, мы пришли к тому, что в источниках дореформенного законодательства и в трудах отечественных педагогов преобладает аксиологический компонент. В основе антикоррупционного воспитания с древнейших времен лежит традиционное представление о морали и нравственности. В работах современных исследователей нравственность также включена в содержание антикоррупционного воспитания. Так, В. И. Савченков предлагает положить в его основу общее этическое золотое правило нравственности [23], берущее начало во многих религиозных учениях и философских взглядах. Поддерживая позицию исследователя, отметим, что этические нормы в большей мере выступают необходимой предпосылкой формирования качеств личности, позволяющих как в бытовой, так и в профессиональной сфере противостоять коррупционному давлению и осознанно отказываться от вступления в коррупционные отношения. По убеждению Н. В. Блажевич, этический элемент в антикоррупционном воспитании способствует формированию правильных представлений об идеалах, принципах, а также нормах антикоррупционного поведения [24, с. 95–97]. Верным будет подчеркнуть, что нравственный элемент выступает катализатором антикоррупционного поведения, формируя и в необходимых случаях активизируя когнитивный, эмоционально-волевой и ценностно-целевой компоненты деятельности.

Анализ архаичных памятников права показывает, что несмотря на отсутствие нормативного определения понятия *коррупция*, формы коррупционного поведения были определены действовавшим законодательством. Это дает нам возможность не только выделить неодобряемые обществом и государством образцы отклоняющегося поведения, но и обозначить основные направления воспитательного воздействия, имевшие целью их искоренение. Посулы, мздоимство, лихоимство, дача взятки находили резко негативную оценку в трудах отечественных педагогов. Однако до начала XXI в. антикоррупционное воспитание не выделялось в самостоятельное направление педагогики и развивалось в недрах нравственного, гражданского, патриотического и правового воспитания на основе таких ценностей, как правда, справедливость, гражданственность. Сегодня указанные ценности составляют содержание антикоррупционного воспитания и находят свое отражение в качествах личности, формируемых в процессе такого воспитания. Изучение памятников права и трудов отечественных педагогов дает возможность утверждать, что среди качеств личности, опосредующих правомерное поведение, особенно выделяются: законопослушание, честность, правдивость, бескорытность.

Современные зарубежные ученые, отмечая низкую эффективность антикоррупционного просвещения, предлагают обратиться к потенциалу антикоррупционного воспитания, содержанием которого должно выступать развитие нравственных качеств личности на основе религии и национальных культурных традиций [25]. Такие качества личности, как честность, дисциплинированность, трудолюбие, чувство ответственности, чувство долга и т.д., составляют содержание любого вида воспитания. Эти качества имеют универсальный характер и не носят специфической антикоррупционной направленности. Их особенность заключается в том, что сформированность данных качеств определяет цели, ценности, мотивы и установки личности, а значит, и поведение человека в различных жизненных и профессиональных ситуациях. Качества личности, проявляющиеся в ситуациях коррупционного давления, определяют уровень антикоррупционной готовности лица к активному либо пассивному антикоррупционному поведению. Некоторые авторы предлагают ограничить содержание антикоррупционного воспитания только установками о негативности коррупции и формированием желания ей противодействовать законными способами [26, с. 111–112]. Полагаем, что указанный подход не свободен от критики. В этой связи представляется верной позиция Д. А. Бистяйкиной, согласно которой посредством антикоррупционного воспитания формируются не только основы нравственного самосознания личности, но и чувство патриотизма и гражданской солидарности [27].

В работах отечественных авторов акцент смещен на деятельностный компонент содержания антикоррупционного воспитания. Зафиксировано, что в качестве варианта содержания исследователи называют моделируемый вид социальной деятельности – антикоррупционное поведение [2, с. 14; 19, с. 161]. Критикуя эту позицию, укажем, что поведение детерминируется целями, ценностями, установками, привычками и пр. Несформированность приведенных элементов деятельности либо их фрагментарность не позволят личности реализовать заложенный в них антикоррупционный потенциал. Ограничение содержания антикоррупционного воспитания поведением не дает возможности определить его ключевые компоненты: ценности и качества личности.

Заключение

Анализ источников древнего русского права и трудов отечественных педагогов демонстрирует, что антикоррупционное воспитание имеет длительный период своего становления и развития. Возникнув как результат осознания государством и обществом негативного влияния коррупции на все сферы общественной жизни, на сегодняшний день антикоррупционное воспитание приобрело значение эффективной меры противодействия этому негативному явлению. Однако не всегда антикоррупционное воспитание выступало как самостоятельная педагогическая категория. Вплоть до XXI в. изучаемый вид педагогической деятельности развивался в недрах нравственного, гражданского, правового и патриотического воспитания. Современное развитие педагогической науки позволяет выделить специфическое содержание антикоррупционного воспитания с учетом российских педагогических традиций.

Изучение нормативных источников, трудов классиков отечественной педагогики и работ современных исследователей показывает, что развитие содержания антикоррупционного воспитания проходило в рамках трех основных компонентов: традиционные ценности, качества личности и антикоррупционное поведение.

Источники права свидетельствуют, что наказуемыми коррупционными деяниями были еще с древнейших времен. Посулы, лихоимство, мздоимство и дача взятки противопоставлялись морали и традиционным ценностям: правда, справедливость, гражданственность. При этом как государство, так и общество предъявляли определенные требования к качествам личности, достаточным для пассивного и активного антикоррупционного поведения: законопослушание, честность, правдивость, бескорытность. К тому же, имея универсальный характер, указанные качества формируют содержание современного антикоррупционного воспитания и выступают важнейшей предпосылкой антикоррупционного поведения.

В результате современное понимание содержания антикоррупционного воспитания аккумулирует практически все элементы, сложившиеся в истории: морально-нравственные идеалы и установки, культурно-исторические ценности, гражданские и нравственные качества личности, развитое правосознание, результатом которых является законопослушание и отказ от нарушений норм антикоррупционного законодательства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Иглин А. В., Варданян В. С. Антикоррупционное воспитание – форм фактор обеспечения национальной и экономической безопасности РФ. *Теория права и межгосударственных отношений*. 2021. Т. 1. № 1. с. 75–86. [Iglin A. V., Vardanyan V. S. Anti-corruption education – the form factor of ensuring national and economic security of the Russian Federation. *Teoriia prava i mezhgosudarstvennykh otnoshenii*, 2021, 1(1): 75–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/czaarm>
2. Кириллов С. И., Кривошеев С. В. Антикоррупционное воспитание студентов во время реализации образовательного процесса. *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*. 2021. № 22. С. 10–16. [Kirillov S. I., Krivosheev S. V. Anti-corruption education of students during the implementation of the educational process. *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii "Vzaimodeistvie ugovolno-ispolnitelnoi sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: Istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty"*, 2021, (22): 10–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axwtkm>
3. Ерина К. А., Блинова П. С. Антикоррупционное воспитание и образование (на примере курсантов образовательных организаций ФСИН России). *Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики*. 2022. № 2. С. 19–21. [Erina K. A., Blinova P. S. Anti-corruption education and training (on the example of cadets of educational organizations of the federal penitentiary service of Russia). *Actual problems of penitentiary science and practice*, 2022, (2): 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phkpru>
4. Шобухин В. Ю. Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 8. С. 46–57. [Shobukhin V. Yu. Anti-corruption education in the activities of prosecutors and peculiarities of its legal regulation. *Lex Russica*, 2021, 74(8): 46–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.046-057>
5. Адольф В. А., Адольф К. В., Грак Д. В. Антикоррупционное воспитание учащегося: утопия или реальность. *Школьные технологии*. 2021. № 6. С. 130–135. [Adolf V. A., Adolf K. V., Grak D. V. Anti-corruption education of a student: Utopia or reality. *School technologies*, 2021, (6): 130–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yokjxq>
6. Панферкина И. С. Антикоррупционное воспитание и его роль в профессионально-нравственном воспитании сотрудников органов внутренних дел. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2019. № 5-3. С. 58–60. [Panferkina I. S. Prospects of using the educational potential of administrative and legal disciplines. *Obshchestvennaia bezopasnost, zakonnost i pravoporiadok v III tysiacheletii*, 2019, (5-3): 58–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phcgmi>
7. Рыбалкин Д. А. Формирование антикоррупционной позиции курсантов вузов МВД России средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2015. 22 с. [Rybalkin D. A. *Formation of anti-corruption stance in cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia by means of socio-cultural activities*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2015, 22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kazaxh>
8. Сергеева Ю. С. Формирование у студентов – будущих бакалавров юриспруденции компетентности в сфере противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 24 с. [Sergeeva Yu. S. *Formation of anti-corruption competence in bachelors of law*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2018, 24. (In Russ.)]
9. Зауторова Э. В. Антикоррупционное воспитание будущих сотрудников пенитенциарной системы. *Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление*. 2020. № 4. С. 14–19. [Zaurova E. V. Anti-corruption education of future employees of the penitentiary system. *Theory and practice of scientific research: Psychology, pedagogics, economy and management*, 2020, (4): 14–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gyxhbk>

10. Кочнев И. Ю., Рыбалкин Д. А., Романюк О. Н. Антикоррупционное воспитание как один из компонентов личности безопасного типа поведения юриста. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 75-3. С. 230–233. [Kochnev I. Yu., Rybalkin D. A., Romanyuk O. N. Anti-corruption education as one of the components of the personality of a safe type of behaviour of a lawyer. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2022, (75-3): 230–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/esiqbb>
11. Панферкина И. С., Вьюнова Д. А., Кожевникова В. Ю. Антикоррупционное воспитание курсантов в системе профессионально-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел. *Научный альманах*. 2019. № 4-1. С. 129–131. [Panferkina I. S., Vyunova D. A., Kozhevnikova V. Yu. Anti-corruption education of cadets in the system of professional and moral education of employees of the internal affairs bodies. *Nauchnyi almanakh*, 2019, (4-1): 129–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wwygb>
12. Тряев А. Г. Понятие и сущность процесса антикоррупционного воспитания личности. *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 2. С. 145–151. [Тряев А. Г. Concept and essence of anti-corruption personality education process. *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, (2): 145–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51379/kpj.2021.146.3.020>
13. Селдушева О. В. Становление антикоррупционного законодательства на примере древнерусского права как начало стратегического развития борьбы с коррупцией. *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 683–687. [Seldusheva O. V. Formation of anti-corruption legislation in Ancient Russian law as the early strategic development of anti-corruption. *Juridical techniques*, 2015, (9): 683–687. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twwgvj>
14. Шукайло Т. И. Становление и развитие теоретико-правовых основ противодействия коррупции. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки*. 2013. Т. 26. № 1. С. 322–325. [Shukailo T. I. Establishment and development of the theoretical and legal foundations of anti-corruption. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2013, 26(1): 322–325. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utadqb>
15. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР, 1954. Т. 3. 676 с. [Radishchev A. N. *The complete works*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1954, vol. 3, 676. (In Russ.)]
16. Берлин П. А. Русское взяточничество как социально-историческое явление. *Современный мир*. 1910. № 8. [Berlin P. A. Russian bribery as a socio-historical phenomenon. *Sovremennyi mir*, 1910, (8). (In Russ.)] URL: <https://www.modernproblems.org.ru/hisrory/242> (дата обращения: 01.09.2024).
17. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М.-Л.: АПН РСФСР, 1948, Т. 2. 653 с. [Ushinsky K. D. *Collected works*. Moscow-Leningrad: APS RSFSR, 1948, vol. 2, 653. (In Russ.)]
18. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Парогъ, 1993. 235 с. [Ilyin I. A. *The essence of legal consciousness*. Moscow: Rarog, 1993, 235. (In Russ.)]
19. Николаев С. М. Понятие и сущность антикоррупционного воспитания. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7-2. С. 159–162. [Nikolaev S. M. Notion and essence of anti-corruption education. *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, 2011, (7-2): 159–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mxizyw>
20. Гайдукова С. С. Антикоррупционное воспитание в системе педагогического вуза. *Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края): Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Славянск-на-Кубани, 28–29 мая 2016 г.)* Славянск-на-Кубани: Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2016. С. 129–133. [Gaidukova S. S. Anti-corruption education in the pedagogical university. *Factors and conditions for the eradication of corruption and other negative phenomena in education: Psychological and pedagogical aspect in the Krasnodar Region: Proc. All-Russian (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Slaviansk-na-Kubani, 28–29 May 2016*. Slaviansk-na-Kubani: The Branch of KubSU in the town of Slavyansk-on-Kuban, 2016, 129–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbqorb>
21. Бродзели Л. О., Кичева И. В. Понятийно-терминологический аппарат антикоррупционного воспитания: к постановке проблемы. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. № 10. С. 35–42. [Brodzeli L. O., Kicheva I. V. Conceptual and terminological apparatus of anticorruption education: Considering the issue. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (10): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zthyaaj>
22. Ротанова О. Н. Содержание воспитания современного образования в России. *Современное педагогическое образование*. 2023. № 3. С. 71–77. [Rotanova O. N. The content of modern education in Russia. *Modern Pedagogical Education*, 2023, (3): 71–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvvgdc>

23. Савченков В. И. Интегрированное антикоррупционное воспитание одновременно воспитание нравственное. *Вопросы педагогики*. 2019. № 11-1. С. 209–212. [Savchenkov V. I. Integrated anti-corruption education at the same time as moral education. *Voprosy pedagogiki*, 2019, (11-1): 209–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgjdff>
24. Блажевич Н. В. Профессионально-этическое антикоррупционное воспитание сотрудников органов внутренних дел как методологическая проблема. *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2020. № 2. С. 94–105. [Blazhevich N. V. Professional and ethical anti-corruption education of internal affairs officers as a methodological problem. *Vestnik Tiimenskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2020, (2): 94–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnhtuk>
25. Gustiawati S., Baisa H. The anti-corruption education on the basis of religion and national culture. *Jurnal cita hukum*, 2020, 8(2): 399–414. <https://doi.org/10.15408/jch.v8i2.16503>
26. Попова А. И., Посадскова С. В. Антикоррупционное воспитание. *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 1. С. 109–116. [Popova A. I., Posadskova S. V. Anti-corruption education. *Science. Society. State*, 2021, 9(1): 109–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-1-14>
27. Бистяйкина Д. А. Антикоррупционное воспитание: теоретико-методологические подходы. *E-SCIO*. 2021. № 11. С. 727–731. [Bistyaykina D. A. Anti-corruption education: Theoretical and methodological approaches. *E-SCIO*, 2021, (11): 727–731. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpfnuu>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ycujra>

Формирование навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества

Иванов Евгений Юрьевич

Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 6736-2946

<https://orcid.org/0000-0002-8855-2920>ivanzmeeff@rambler.ru

Аннотация: В настоящее время одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования МВД России, является формирование у курсантов навыков самоорганизации уже на первом курсе. Это вызвано необходимостью преодоления трудностей адаптации и самореализации первокурсников, что в совокупности понимается как профессионализация, успешность которой как раз и зависит от навыков в планировании и организации собственной деятельности. Формирование указанных навыков самоорганизации предлагается осуществлять посредством наставничества в двухвекторной форме, то есть одновременном сопровождении наставником-сотрудником образовательной организации и наставником-старшекурсником. Цель – разработать модель формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества. В исследовании используются теоретические (анализ научно-педагогической литературы, моделирование) и эмпирические (педагогический эксперимент, тестирование) методы. Методологически данная работа реализуется в специально созданном со-бытийном сообществе наставников и наставляемых, которое постулирует гуманитарно-антропологический подход. На данных методолого-теоретических основаниях разработана и описана модель формирования у курсантов первого курса навыков самоорганизации с помощью наставничества, состоящая из семи взаимообусловленных и взаимосвязанных компонентов. В модели охарактеризованы этапы организации, формы, методы, средства, ресурсы и условия наставнической деятельности. Результативность наставничества как средство формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса определилась по итогам опытно-экспериментальной работы на базе факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России. По трем из шести шкал выбранной диагностической методики были продемонстрированы более высокие результаты у обучающихся группы, где апробировались новшества, по сравнению с контрольной группой. Результаты исследования могут быть применены в учебно-воспитательной работе образовательных организаций высшего образования МВД России и послужить основой для дальнейшего научно-практического обоснования возрождения института наставничества в органах внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: профессионализация, наставничество, профессиональная адаптация, самоорганизация, курсанты, первый курс, образовательные организации МВД России

Цитирование: Иванов Е. Ю. Формирование навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 62–69. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-62-69>

Поступила в редакцию 01.12.2024. Принята после рецензирования 10.01.2025. Принята в печать 10.01.2025.

full article

Mentoring as a Means of Developing Self-Organization Skills in First-Year Military Students of Education Organizations under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Evgeny Yu. Ivanov

St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 6736-2946

<https://orcid.org/0000-0002-8855-2920>

ivanzmeeff@rambler.ru

Abstract: Military students, or cadets, should acquire self-organization skills as early as during their first year in education institutions under the Ministry of Internal Affairs. Self-organization helps them in adaptation and self-realization, i.e., professionalization, which depends on successful planning and organization. The humanitarian-anthropological approach postulates mentoring in an artificial co-event community of mentors and mentees. The author proposed to develop self-organization skills through a two-vector mentoring, i.e., a parallel support by two mentors, a member of the teaching staff and a senior cadet. The research idea was to design a model for developing self-organization skills in first-year military students through mentoring. The article describes a review and an empirical study, which included a pedagogical experiment and testing. The model consisted of seven correlating components. It specified organizational stages, forms, methods, means, resources, and conditions of mentoring. The experiment involved students of the department of military personnel workers, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs. The experimental group demonstrated better results in three out of six scales. The results can be applied in the educational work in academic institutions of higher education under the Ministry of Internal Affairs or facilitate the revival of the institute of mentoring in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: professionalization, mentoring, professional adaptation, self-organization, cadets, first year students, education organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Citation: Ivanov E. Yu. Mentoring as a Means of Developing Self-Organization Skills in First-Year Military Students of Education Organizations under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 62–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-62-69>

Received 1 Dec 2024. Accepted after review 10 Jan 2025. Accepted for publication 10 Jan 2025.

Введение

В последнее десятилетие, в соответствии с запросами рынка труда, актуализируется вопрос о формировании в процессе профессионального образования у обучающихся не только «жестких» профессиональных (*hard skills*), но и так называемых «мягких» навыков (*soft skills*), в числе которых располагаются навыки self-менеджмента: саморазвитие, самообразование и самоорганизация [1]. При этом оценка *soft skills* выпускников как надпрофессиональных навыков [2] в мировой организационно-педагогической практике рассматривается в контексте возможного показателя производительности образовательной организации, способности подготовить специалиста XXI в. [3]. Не обходит стороной данная проблема и образовательные организации высшего образования МВД России (ОО ВО МВД России), которые осуществляют подготовку сотрудников полиции к правоохранительной деятельности в условиях динамично изменяющегося общества, когда *soft skills* становятся все более востребованы в профессиональной деятельности.

Специфика же ОО ВО МВД России заключается в том, что курсанты с самых первых дней обучения являются сотрудниками полиции, на них возлагаются установленные законодательством Российской Федерации права и обязанности, в том числе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Следовательно, появляется необходимость формирования у курсантов одновременно *hard skills* и *soft skills* уже на первом курсе. Однако если существует большое количество действующих в ОО ВО МВД России программ, в процессе освоения которых первокурсники приобретают первоначальные профессиональные «жесткие» навыки, то формирование «мягких» навыков требует поиска и обоснования эффективных педагогических средств. В этом направлении следует осуществлять научный поиск с акцентом на самоорганизацию как один из первостепенных компонентов успешной адаптации курсантов первого курса ОО ВО МВД России [4].

Т. В. Триндюк и коллеги, рассматривая варианты интерпретации термина *самоорганизация* с позиций системного, деятельностного, личностно-ориентированного и компетентного подходов, определяют ее одновременно как процесс планирования, организации и управления человеком собственными временем и ресурсами, а также как образовательный результат формирования перечисленных способностей [5]. В таком наиболее широком прочтении, по мнению Э. В. Педько, самоорганизация обучающихся военных образовательных организаций основывается на личных ценностно-смысловых установках, которые способствуют военно-профессиональной подготовке курсантов [6, с. 91]. Аналогичные основания можно обнаружить и в условиях ОО ВО МВД России, если учитывать сочетание строгой регламентированности курсантской жизни и внеплановых распоряжений и указаний командиров и начальников [7] как отображение реальной полицейской службы. Вместе с тем наиболее проблемным в обозначенном аспекте является первый год обучения, что обусловлено трудностями в профессиональной адаптации курсантов [8], результаты исследования которой были изложены нами в предыдущих публикациях [9]. Там же профессиональную адаптацию мы признаем компонентом профессионализации, следуя современным общемировым тенденциям в педагогических и социологических исследованиях указанного процесса в помогающих профессиях служения, таких как врач, учитель, пожарный, полицейский [10–13] и т. д.

В организации профессионального воспитания и успешной профессионализации представителей названных профессий М. Р. Илакавичус предлагает основываться на положениях гуманитарно-антропологического подхода, позволяющего рассмотреть этнографию профессии и ориентироваться на личностное самоопределение в профессии служения в условиях событийного сообщества [14]. Ведь, как пишут основоположники подхода В. И. Слободчиков и А. А. Остапенко, «ясное гуманитарно-антропологическое мышление даст ясные практики в педагогике, психологии, социальной работе» [15, с. 54]. Одной из таких практик М. Р. Илакавичус называет наставничество как наиболее актуальное в современной России средство «сбережения и развития человеческого потенциала, личностного и социального развития» [16], а также как средство сопровождения молодого сотрудника полиции в аксиосфере профессии служения более опытным товарищем [17]. В таком сопровождении особенно нуждаются курсанты первого курса ОО ВО МВД России, т. к. они впервые по-настоящему сталкиваются с трудностями профессионализации и, как показывает практика, преодолеть их самостоятельно им довольно сложно, а порою и невозможно.

Цель статьи – разработать модель формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества. Для достижения поставленной цели решались задачи по теоретической разработке и описанию целесообразной модели, апробации предложенного средства формирования навыков самоорганизации у первокурсников, проверки его результативности.

Именно впервые описанная и разработанная модель формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества, выбор гуманитарно-антропологического подхода как методолого-теоретической основы, а также существенная связь на теоретическом уровне между самоорганизацией и профессионализацией определили научную новизну работы.

Теоретическая значимость состоит в раскрытии содержания понятия *самоорганизация* в контексте учебной и служебной деятельности курсантов, в выборе наставничества как средства формирования соответствующих навыков, в ориентире на актуальные в настоящее время тенденции гуманизации воспитательного пространства образовательных организаций, находящихся в ведении силовых структур.

Методы и материалы

Методологической основой настоящего исследования послужил гуманитарно-антропологический подход (В. И. Слободчиков, А. А. Остапенко, М. Р. Илакавичус), транслирующий на философском уровне ценностно-смысловое содержание профессии служения, на общенаучном уровне предьявляющий способы организации событийного сообщества, а на конкретно-научном уровне фиксирующий наставничество как результативное средство педагогического сопровождения профессионализации курсантов первого курса ОО ВО МВД России. Методологическая основа, цели и задачи работы определили выбор теоретических (анализ научно-педагогической литературы, моделирование) и эмпирических (педагогический эксперимент, тестирование) методов. Моделирование осуществлялось в соответствии с требованиями ингерентности, простоты и адекватности к нормативной модели, обозначенными А. М. Новиковым и Д. А. Новиковым [18]. Для диагностики сформированности навыков самооценки у первокурсников применялся опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой [19].

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России в три этапа. На первом этапе (январь–июнь 2023 г.) проводились разработка модели и исследование уровня самоорганизации у курсантов

первого курса в традиционных нормативных условиях, на втором этапе (январь-июнь 2024 г.) апробировались предложенные нами новшества, а на заключительном этапе (июнь-октябрь 2024 г.) производились обобщение, анализ, систематизация данных и подготовка этой публикации. В исследовании приняли участие 123 курсанта, из которых 62 курсанта первого курса в 2023 г. (контрольная группа – КГ) и 61 курсант первого курса в 2024 г. (экспериментальная группа – ЭГ). Тестирование проходило анонимно и дистанционно с использованием онлайн-сервиса Yandex Forms. Достоверные различия ($p < 0,05$) между выборками определялись с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни (U-критерий).

Результаты

Проведенный анализ научно-педагогической литературы позволил нам рассматривать процесс формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса ОО ВО МВД России в контексте их зарождающейся профессионализации. В свою очередь, профессионализация понимается не как отдельный смысловой конструкт, а как один из элементов самоопределения и саморазвития личности, проявляющийся в профессии служения, что основано на идеях гуманитарно-антропологического подхода. Для отражения идеального состояния объекта исследования, его компонентного содержания и наполнения, функциональной связи, а также проверки результативности наставничества как средства формирования навыков

самоорганизации у курсантов первого курса была предложена соответствующая модель (рис. 1).

Модель являет собой семикомпонентную структуру, где каждый компонент взаимосвязан и взаимобусловлен с другими по принципу импликационной связи, это подчеркивает нормативность модели. При этом методолого-теоретический компонент, содержащий антропологический подход, становится ее ядром, через данный компонент проходят все логико-функциональные связи. Первым в модели расположен Целевой компонент, включающий конкретно сформулированную цель и три задачи, решение которых может привести к достижению поставленной цели, следовательно, к результативному формированию навыков самоорганизации у первокурсников ОО ВО МВД России, что заявлено в седьмом, результативном компоненте модели. В таком виде нами реализуется соответствие целей и задач результату, а управленческо-педагогический инструментарий вынесен в отдельные компоненты.

Управленческий компонент модели включает два блока: этапы организации наставничества и контроль за реализацией наставнической деятельности как основного средства формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса ОО ВО МВД России. Первый блок инкорпорирует пять управленческих этапов, выделенных М. Р. Илакавичус [20]: инициатива руководства, создание условий для принятия педагогическим коллективом идей со-бытия (базис в гуманитарно-антропологическом подходе),

Рис. 1. Модель формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества

Fig. 1. Model for mentoring as a means of developing self-organization skills in first-year cadets of education institutions under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

совместное планирование маршрута наставнической деятельности всеми заинтересованными членами педагогического коллектива, непосредственная наставническая деятельность и анализ полученных педагогических результатов с определением пути дальнейшего совершенствования данной работы. Следующий блок вариативен, т. к. предполагает консультативную функцию, но не в качестве «пожарной команды» для решения сиюминутных проблем, а помощь наставникам и наставляемым в самостоятельном преодолении появившихся затруднений, используя их личностный потенциал и ресурсы воспитательного пространства. В Содержательном компоненте раскрываются условия реализации, способ координации мероприятий, методы и формы наставничества. Под условиями понимается комплекс кадровых, материально-технических и информационных ресурсов, где первые составлены триумвиратом «руководство – преподаватели – курсанты», вторые соответствуют нормативным требованиям к материально-техническому обеспечению учебного и воспитательного процесса в ОО ВО МВД России, третьи конкретизированы информационным сопровождением наставнической деятельности, причем самими наставляемыми на официальных информационных ресурсах, в социальных сетях, в стенной печати или иных продуктах рефлексивной деятельности. Координация мероприятий осуществляется специально назначенным модератором из числа наиболее опытных педагогов-наставников, а в качестве методов, применяемых в наставнической деятельности, используются антропопрактики в со-бытии [21]. Операционный компонент представлен динамической и персональной составляющими, где первая отображена процессом сопровождения наставником наставляемого, происходящим в их личной встрече, а вторая – характеристиками личности наставника и наставляемого. Критериально-оценочный компонент составлен с помощью соотношения понимания в рамках выбранной методологии

составных частей самоорганизации и шести факторов, выделенных Е. Ю. Мандриковой в ходе исследования самоорганизации деятельности человека и его навыков структурирования времени.

На основании того, что разработанная модель является только абстрактным мыслительным образцом, для определения результативности формирования навыков самоорганизации у курсантов первого курса ОО ВО МВД России с помощью наставничества была проведена опытно-экспериментальная работа. Первичная диагностика (январь 2023 г. и январь 2024 г.) с применением опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой достоверных различий в полученных данных между ЭГ и КГ не определила. Следовательно, обе группы в начале опытно-экспериментальной работы были схожи по заданному критерию, методика их формирования (по ведущему единичному критерию) [22] была выбрана верно. Результаты итоговой диагностики, проведенной в июне 2023 г. и июне 2024 г., представлены на рисунке 2.

Обнаруженные различия ($p < 0,05$) по шкале ОСД *Планомерность* между результатами в ЭГ ($19,22 \pm 3,33$) и КГ ($16,63 \pm 4,12$) демонстрируют более развитые по итогам опытно-экспериментальной работы у курсантов ЭГ навыки тактического планирования, они достаточно планомерны и склонны к последовательной деятельности по сравнению с курсантами КГ. Результаты по шкале ОСД *Целеустремленность* характеризуют курсантов ЭГ ($32,86 \pm 4,12$) как умеющих ставить перед собой конкретные цели, понимать их и двигаться к достижению, в отличие ($p < 0,05$) от курсантов КГ ($27,16 \pm 5,02$), которые в большей степени склонны переключать свое внимание на субъективно более значимую деятельность. По шкале ОСД *Настойчивость* различия на уровне значимости в 95 % выявлены между данными ЭГ ($19,46 \pm 3,86$) и КГ ($16,34 \pm 4,24$), что показывает развитие волевых навыков завершения начатого у первых относительно курсантов КГ.

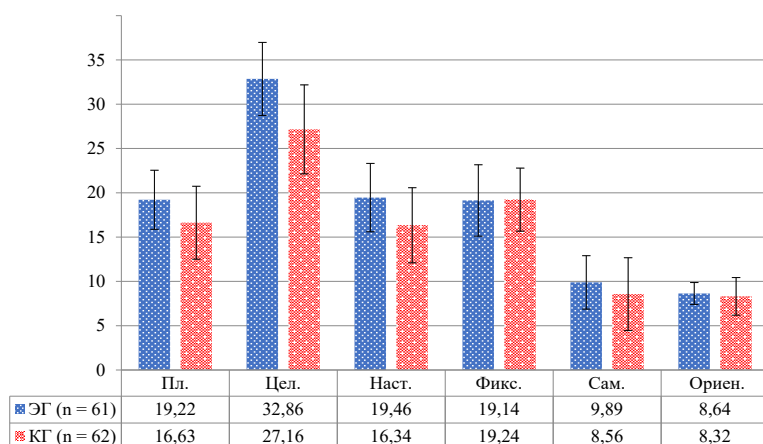

Рис. 2. Результаты итоговой диагностики с применением опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой
Fig. 2. Questionnaire of Self-Organization by E. Yu. Mandrikova: Final test

Прим.: Пл. – планомерность; Цел. – Целеустремленность; Наст. – Настойчивость; Фикс. – Фиксация; Сам. – Самоорганизация; Ориен. – Ориентация на настоящее.

Такая разнородность результатов не случайна. М. В. Пешков утверждает, что у курсантов ОО ВО МВД России только при непосредственном сотрудничестве с педагогом (в нашем случае наставниками) нормативная организация собственной деятельности переходит в самоорганизацию [23]. Анализ данных итоговой диагностики это подтверждает.

По шкалам ОСД *Фиксация*, *Самоорганизация* и *Ориентация на настоящее* достоверных различий в результатах итоговой диагностики не обнаружено, что объясняется следующим:

1. В соответствии с исследованием Т. Н. Михайловой, ведущую роль в профессиональном становлении личности курсанта ОО ВО МВД России играют инструментальные ценностные ориентации, прежде всего, исполнительность [24], что нашло отражение в высоких показателях по шкале *Фиксация* в обеих группах.

2. С первых дней обучения все курсанты обязаны соблюдать распорядок дня, фиксировать исполнение своих обязанностей в специальных планирующих документах (отчеты, рапорта, графики, ведомости и т. п.) – это предполагает норму в использовании вспомогательных средств планирования, а значит, детерминирует отсутствие различий по шкале «Самоорганизация».

3. Близкие значения итоговой диагностики в ЭГ ($8,64 \pm 1,23$) и КГ ($8,32 \pm 2,12$) по шкале *Ориентация на настоящее* обусловлены особой значимостью для курсантов происходящего здесь и сейчас, о чем Е. А. Слесарева, С. Ю. Михайлова и Д. Е. Смирнов прямо указывают в ракурсе исследования смысловых ориентаций обучающихся ОО ВО МВД России [25].

Изложенное выше возвращает нас к процессу профессионализации как в некоторой степени тождеству описываемых смысловых ориентаций. Но общий суммарный балл по ОСД в ЭГ ($109,21 \pm 3,14$) достоверно выше ($p < 0,05$), чем в КГ ($96,25 \pm 3,63$), что в интерпретации автора опросника Е. Ю. Мандриковой демонстрирует более высокий уровень ответственности и умения планировать, развитые волевые качества и настойчивость у курсантов ЭГ по сравнению с обучающимися КГ. Схожий результат теоретически озвучен Т. Д. Скудновой как развитие профессиональной субъектности с комплексной помощью со стороны наставника, его первостепенной позиции в формировании атмосферы творчества и самодисциплины для первокурсников [26]. В этом мы видим корреляционную связь позитивного итога опытно-экспериментальной работы и организованного на факультете подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России в 2024 г. наставничества в форме одновременного взаимодействия наставляемого с двумя наставниками.

Заключение

Формирование навыков самоорганизации как *soft skills* у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России в настоящем исследовании было предложено осуществлять посредством наставничества в двухвекторной форме: офицер-курсант и курсант-курсант. Рассматривая самоорганизацию как устойчивый навык использования человеком собственных ресурсов, умение планировать и организовывать собственную деятельность, мы пришли к выводу, что формирование указанного навыка наиболее эффективно в личной встрече первокурсника с более опытными обучающимися и сотрудниками в специально созданной со-бытийной атмосфере. Поэтому гуманитарно-антропологический подход стал в работе ведущим, и на основании его принципов была разработана и описана целесообразная модель, которая состоит из семи взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов. Инструментально и методически модель насыщена антропопрактиками и реализована в совместной деятельности руководства ОО ВО МВД России и заинтересованных членов педагогического коллектива, что соответствует основным требованиям, предъявляемым к нормативной модели.

Опытно-экспериментальная работа по формированию навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества, в свою очередь, продемонстрировала высокую результативность предложенного средства. Так, результаты итоговой диагностики показали курсантов ЭГ более планомерными, волевыми и организованными, умеющими последовательно реализовывать служебные цели, социально обязательными и исполнительными в отличие от обучающихся КГ. Данные результаты стали возможными благодаря помощи со стороны наставников. И если офицеры-наставники были в большей степени наставниками-фасилитаторами, то наставники-старшекурсники выступали как личный пример в преодолении затруднений в адаптации и профессиональной самореализации, а значит и профессионализации.

Результаты исследования могут быть использованы в учебно-воспитательной работе ОО ВО МВД России и послужить основой для дальнейшего научно-практического обоснования возрождения института наставничества в органах внутренних дел РФ.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Сорокопуд Ю. В., Амчиславская Е. Ю., Ярославцева А. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1. С. 194–196. [Sorokopud Yu. V., Amchislavskaya E. Yu. Yaroslavtseva A. V. Soft skills and their role in training modern. *The world of science, culture and education*, 2021, (1): 194–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-194-196>
2. Фомина С. Н., Добрынин К. А., Григорьева И. Г. Систематизация дефиниции "soft skills" в отечественной и зарубежной научной литературе. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2021. Т. 20. № 1. С. 156–163. [Fomina S. N., Dobrynin K. A., Grigorieva I. G. Systematization of the definition of "soft skills" in domestic and foreign scientific literature. *Scientific notes of the Russian State Social University*, 2021, 20(1): 156–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2021-20-1-156-163>
3. Balcar J. Is it better to invest in hard or soft skills? *The Economic and Labour Relations Review*, 2016, 27(4): 453–470. <https://doi.org/10.1177/1035304616674613>
4. Кузнецова И. А. Адаптация курсантов образовательных организаций МВД России: стимул личностного роста или точка возникновения регрессии. *Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация образовательного процесса: Всерос. науч.-метод. конф. с Междунар. уч. (Омск, 17 февраля 2023 г.) Омск: ОМА МВД России, 2023. С. 88–92. [Kuznetsova I. A. Adaptation of cadets of education organizations under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: A stimulus for personal growth or a point of regression. *Improving educational programs, planning, and implementation of education: Proc. All-Russian Sci.-Method. Conf. with Intern. participation, Omsk, 17 Feb 2023. Omsk: OmA of MVD of Russia, 2023, 88–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cvckgj>**
5. Триндюк Т. В., Лысогорова Л. В., Зубова С. П. О понятии «самоорганизация» в синергетике и педагогике. *Гуманитарные Балканские исследования*. 2020. Т. 4. № 3. С. 39–41. [Trindyuk T. V., Lysogorova L. V., Zubova S. P. About the concept of "self-organization" in synergy and pedagogy. *Gumanitarnye Balkanskie issledovaniia*, 2020, 4(3): 39–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34671/SCH.HBR.2020.0403.0009>
6. Педько Э. В. Роль самоорганизации в процессе воспитания профессиональной ответственности курсантов в условиях цифровой трансформации образования. *Научный потенциал*. 2022. № 1. С. 89–93. [Pedko E. V. The role of self-organization in the process of education of professional responsibility of cadets in conditions of digital transformation of education. *Nauchnyi potentsial*, 2022, (1): 89–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/skyytt>
7. Трофимова Ю. В. Самоорганизация и доминирующее эмоциональное состояние курсантов вуза МВД России. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2017. № 9-1. С. 185–188. [Trofimova Yu. V. Self-organization and the dominant emotional state of cadets at a university of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Sociology in the modern world: Science, education, creativity*, 2017, (9-1): 185–188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvmoii>
8. Осинцева Л. М. Проблемы самоорганизации у обучающихся в Барнаульском юридическом институте МВД России. *Полицейская деятельность*. 2022. № 6. С. 62–70. [Osintseva L. M. Problems of self-organization among students at the Barnaul law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Police activity*, 2022, (6): 62–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2022.6.38862>
9. Иванов Е. Ю. Исследование профессиональной адаптации как компонента профессионализации курсантов образовательных организаций МВД России. *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2024. № 3. С. 100–110. [Ivanov E. Yu. Research of professional adaptation as a component of professionalization of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2024, (3): 100–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-3/09>
10. Abbott P., Meerabeau L. Professionals, professionalization and the caring professions. *The sociology of the caring professions*, eds. Abbott P., Meerabeau L. London: Routledge, 2020, 1–19. <https://doi.org/10.4324/9781003070955-1>
11. Rymza M. B. Social work and other helping professions in the process of professionalization. The specificity of Poland after 1989 from the perspective of the sociology of professions. *Problemy Polityki Społecznej*, 2020, 51(4): 49–74. <https://doi.org/10.31971/pps/131162>
12. Sundberg K. W., Witt C., Abela G., Mitchell L. M. Peeling the paradigm: Exploring the professionalization of policing in Canada. *Journal of Community Safety and Well-Being*, 2021, 6(4): 187–190. <https://doi.org/10.35502/jcswb.227>
13. Terpstra J., Schaap D. The politics of higher police education: An international comparative perspective. *Policing: A journal of policy and practice*, 2021, 15(4): 2407–2418. <https://doi.org/10.1093/policing/paab050>
14. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения. *Научно-педагогическое обозрение*. 2023. № 3. С. 86–93. [Ilakavichus M. R. Humanitarian and anthropological approach as a basis for the organization

- of professional education of service professionals. *Pedagogical Review*, 2023, (3): 86–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-86-93>
15. Слободчиков В. И., Остапенко А. А. Глобальные практики человекообразования: мировоззренческий формат, методологические основания, типы общественных укладов. *Народное образование*. 2020. № 6. С. 53–68. [Slobodchikov V. I., Ostapenko A. A. Global practices of human formation: Ideological format, methodological foundations, and types of social structures. *Public education*, 2020, (6): 53–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktyxmp>
  16. Илакавичус М. Р. Наставничество в современной России: актуализация ценностей и смыслов. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 1. [Ilakavichus M. R. Mentoring in modern Russia: Actualization of values and meanings. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2024, 12(1). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/115PDMN124.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
  17. Илакавичус М. Р. Наставничество как практика поддержки личностно-профессионального воспитания молодого сотрудника полиции. *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022)*: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 г.) СПб., 2022. С. 256–259. [Ilakavichus M. R. Mentoring as a practice of supporting the personal and professional education of a young police officer. *Current problems in the psychology of law enforcement: Concepts, approaches, and technologies (Vasiliev Readings 2022)*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 15 Apr 2022. St. Petersburg, 2022, 256–259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkuqdz>
  18. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с. [Novikov A. M., Novikov D. A. *Methodology*. Moscow: SINTEG, 2007, 668. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfgvjn>
  19. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 87–111. [Mandrikova E. Yu. Developing a questionnaire of self-organization. *Psychological diagnostics*, 2010, (2): 87–111. (In Russ.)] URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/i41i2cox7a/73401318.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
  20. Илакавичус М. Р. Внедрение целевой модели наставничества: проблемы и решения. *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 4. С. 15–24. [Ilakavichus M. R. Implementing a targeted mentoring model: Challenges and solutions. *Pedagogical review*, 2021, (4): 15–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-15-24>
  21. Илакавичус М. Р. Антропопрактики в образовательном процессе организаций высшего образования системы МВД России. *Преподаватель XXI век*. 2021. № 4-1. С. 79–87. [Ilakavichus M. R. Anthropopractices in the educational process of higher education institutions of Russian Ministry of Internal Affairs system. *Prepodavatel XXI veka*, 2021, (4-1): 79–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-79-87>
  22. Гонсалес С. Е. Рациональная методика формирования экспериментальных групп студентов вуза. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2017. № 2. С. 44–50. [Gonzalez S. E. Rational methodology of formation of experimental groups of students in higher education institution. *Uchenye zapiski universiteta im P. F. Lesgafta*, 2017, (2): 44–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxzlmz>
  23. Пешков М. В. Структурно-функциональная модель самообразовательной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России. *Человеческий капитал*. 2023. № 3. С. 170–175. [Peshkov M. V. Structural and functional model of self-educational activity of cadets of educational organizations of the MIA of Russia. *Human Capital*, 2023, (3): 170–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2023.03.17>
  24. Михайлова Т. Н. Ценностное отношение к профессии как основа воспитания и образования курсанта вуза МВД России. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2020. № 3. С. 67–73. [Mikhaylova T. N. The value attitude to the profession as the basis for the upbringing and education of cadet of higher educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Gumanitarnye nauki (g. Ialta)*, 2020, (3): 67–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxinrh>
  25. Слесарева Е. А., Михайлова С. Ю., Смирнов Д. Е. Смысложизненные ориентации как компонент смысловой сферы личности процесса профессионализации курсантов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 8. С. 316–325. [Slesareva E. A., Mikhailova S. Yu., Smirnov D. E. Meaning-life orientations as a component of semantic orientation areas of personality of cadets of the Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, (8): 316–325. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10504>
  26. Скуднова Т. Д. Институт наставничества как социальный феномен. Государственное и муниципальное управление. *Ученые записки*. 2023. № 1. С. 258–263. [Skudnova T. D. The institution of mentoring as a social phenomenon. State and Municipal Management. *Scholar Notes*, 2023, (1): 258–263. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qagvso>

Отношение к здоровью и здоровому образу жизни студенческой молодежи

Светличная Татьяна Геннадьевна

Северный государственный медицинский университет,

Россия, Архангельск

eLibrary Author SPIN: 4011-8103

<http://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Смирнова Елена Алексеевна

Череповецкий государственный университет, Россия, Череповец

eLibrary Author SPIN: 1540-3581

<http://orcid.org/0000-0002-9383-0649>smirnova56@yandex.ru

Кытина Полина Дмитриевна

Череповецкий государственный университет, Россия, Череповец

eLibrary Author SPIN: 9139-7402

<https://orcid.org/0009-0000-3371-8527>

Аннотация: Здоровье – это базовая человеческая ценность. Цель – выявить факторы (пол, курс и направление подготовки, религиозность), влияющие на отношение студентов к своему здоровью и здоровому образу жизни. Объектом исследования стали студенты Череповецкого государственного университета, предметом – отношение к здоровью. Всего опрошено 526 человек. Инструментом исследования послужил опросник «Отношение к здоровью» Р. А. Березовской, состоящий из 10 вопросов, которые могут быть распределены по четырем шкалам: когнитивная, эмоциональная, поведенческая, ценностно-мотивационная. В результате отмечается, что по большинству вопросов мнение у студентов не сформировано. И если в состоянии благополучия студенты оценивают свое состояние как спокойное, счастливое и радостное, то и при ухудшении здоровья они не испытывают негативных эмоций. При этом они ничего не делают для профилактики заболеваний и затрудняются назвать, какие же практики поведения ими используются при недомогании. Причем студенты не считают себя здоровыми людьми или ограниченными в ресурсах (временных, материальных и т. д.). Можно утверждать о пассивности изучаемой группы. Средний балл по ценностно-мотивационной шкале составляет 4,8 балла. В итоге подтверждается тенденция о восприятии ценности здоровья как не витальной, а инструментальной ценности, необходимой для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, отношение к здоровью, студент, система ценностей, фактор риска

Цитирование: Светличная Т. Г., Смирнова Е. А., Кытина П. Д. Отношение к здоровью и здоровому образу жизни студенческой молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 70–86. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-70-86>

Поступила в редакцию 11.10.2024. Принята после рецензирования 02.12.2024. Принята в печать 05.12.2024.

full article

Health and Healthy Lifestyle Attitudes in University Students

Tatyana G. Svetlichnaya

Northern State Medical University, Russia, Arkhangelsk

eLibrary Author SPIN: 4011-8103

<http://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Elena A. Smirnova

Cherepovets State University, Russia, Cherepovets

eLibrary Author SPIN: 1540-3581

<http://orcid.org/0000-0002-9383-0649>smirnova56@yandex.ru

Polina D. Kytina

Cherepovets State University, Russia, Cherepovets

eLibrary Author SPIN: 9139-7402

<https://orcid.org/0009-0000-3371-8527>

Abstract: Health is a fundamental human right. The authors studied gender, age, major, and religious commitment as factors that affected attitude towards health and healthy lifestyle in 526 students of the Cherepovets State University, Russia. The survey relied on the questionnaire of *Health Attitudes* developed by R. A. Berezovskaya. The questionnaire

consisted of ten questions distributed by cognitive, emotional, behavioral, and value-motivational scales. Most students demonstrated no definite opinion on health-related issues. In good health, they assessed their mental state as calm, happy, and joyful; however, they denied that bad health could make them experience negative emotions. The students admitted taking no regular health-promoting measures and hesitated to describe the behavioral practices they turn to when sick. They considered themselves neither healthy, nor limited in such resources as time, money, etc. The sample group proved to be rather passive in their attitude towards their own health with an average score of 4.8 points on the value-motivational scale. The survey confirmed the current trend to perceive health not as vital, but as instrumental, i.e., not a goal in itself, but a value that makes it possible to achieve a certain goal.

Keywords: health, healthy lifestyle, attitude towards health, university student, value system, risk factor

Citation: Svetlichnaya T. G., Smirnova E. A., Kytina P. D. Health and Healthy Lifestyle Attitudes in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 70–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-70-86>

Received 11 Oct 2024. Accepted after review 2 Dec 2024. Accepted for publication 5 Dec 2024.

Введение

Безусловно, здоровье является одной из базовых человеческих ценностей [1; 2]. По мнению В. С. Чурая, состояние здоровья молодежи выступает одним из показателей социального благополучия общества и государства, уровня медицинского обеспечения страны в целом [3, с. 105]. Другими словами, здоровье служит основой для самореализации молодых людей, способности к созданию полноценной семьи, к труду и творческой активности [4–6].

В послании Федеральному Собранию глава государства В. В. Путин уделил большое внимание молодежной, семейной политике и вопросам здоровья¹. Согласно модели здоровья, предложенной Ю. П. Лисицыным, определяющими факторами здоровья являются: образ жизни (50–55 %), внешняя среда (20–25 %), генетика (15–20 %), а на долю здравоохранения приходится только 8–10 % [7]. Однако в современном мире все чаще здоровье рассматривается не как высшая человеческая ценность, а как инструмент для достижения намеченных жизненных целей и задач [8; 9]. Духовный мир современного общества переплетается с ожиданиями быстрых и позитивных перемен, поиском ценностей в западной модели жизни. В результате растет фрагментарность взглядов, усиливается противоречивость духовного мира и поляризация интересов взрослых и детей. Нередко индивид выбирает неправильные ценностные приоритеты, становится сложным позитивное взаимодействие с другими людьми [10; 11]. Студенты, с одной стороны, являются кадровым резервом будущего, и их здоровье и образование могут значительно повлиять на развитие России в целом [12]. С другой стороны, педагоги в будущем будут выступать для своих учеников модельной, в том числе и в отношении здоровья, профессиональной группой. Поэтому изучение отношения студентов к здоровью и здоровому образу жизни (ЗОЖ),

а также выявление факторов, влияющих на это, является крайне актуальным.

Цель – выявить факторы (пол, курс и направление подготовки, религиозность), влияющие на отношение студентов к своему здоровью и ЗОЖ.

Методы и материалы

В марте-мае 2024 г. выполнено социологическое исследование методом интервьюирования среди студентов Череповецкого государственного университета (ЧГУ). Опрошено 526 человек (n = 526). Объектом стали студенты ЧГУ, предметом – отношение к здоровью.

Минимальный объем выборочной совокупности был рассчитан с помощью формулы, выведенной из уравнения предельной ошибки выборки, и составил 299 человек при численности обучающихся на 18 июня 2024 г., равной 1347 человек (бакалавры, специалисты и магистры очной формы обучения); величине доверительного коэффициента (Z), равного 1,96; максимального размера ошибки (Δ), равного 0,05, а также предполагаемого удельного веса лиц в популяции (p), негативно относящегося к своему здоровью 50 % (0,5). Инструмент исследования – опросник «Отношение к здоровью» Р. А. Березовской [13]. Опросник состоит из 10 вопросов, которые могут быть распределены по четырем шкалам: когнитивная, эмоциональная, поведенческая, ценностно-мотивационная. Студенты должны были оценить каждое утверждение в соответствии со степенью своего согласия по шкале, где 1 – абсолютно не согласен или совершенно не важно; 2 – не согласен, это не важно; 3 – скорее не согласен; 4 – не знаю (не могу ответить); 5 – скорее согласен, чем нет; 6 – согласен, очень важно; 7 – абсолютно согласен, безусловно важно. При анализе отношения к здоровью могут быть выделены противоположные типы отношений: адекватное и неадекватное.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

Под здоровьем мы понимаем определение, предложенное Всемирной Организацией Здравоохранения: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»².

Здоровый образ жизни – это образ жизни человека, направленный на сохранение и укрепление здоровья.

Количественная обработка данных включает в себя подсчет средних значений по каждому утверждению в отдельности (Mean), 95 % доверительный интервал для средней арифметической, определение моды распределения (Mo) и стандартного отклонения (Std. deviation).

Для оценки параметров статистической взаимосвязи между набором факторов (пол, отношение к религии) и степенью согласия респондентов с вопросами-суждениями использован критерий Стьюдента для независимых выборок. Для анализа данных в трех и более группах (курс, направление подготовки), в которых вариация между группами сравнивается с вариацией внутри групп, использовался однофакторный дисперсионный анализ для независимых выборок. Достоверными считались различия при вероятности ошибки менее 5 % ($p < 0,05$). Обработка статистических данных произведена с помощью пакетов прикладных программ SPSS ver. 23.0.

Социально-демографические характеристики студентов обозначены в таблице 1. Средний возраст (Mean) составил 20,7681 лет, стандартное отклонение (Std. deviation) 4,01561. Студенты, принявшие участие в исследовании, представлены женщинами (75,9 %) и мужчинами (24,1 %). Распределение студентов по направлениям подготовки соответствует фактическому соотношению студентов, обучающихся в ЧГУ.

Исходя из таблицы 1, религиозными людьми себя считают 47,9 % студентов. 52,1 % студентов таковыми себя не считают. Основой мировоззрения большинства (57,6 %) явилось православное христианство, а для 15,3 % – другие религиозные конфессии. Атеистами себя считают 22,2 % студентов; не определились с мировоззрением – 4,9 %.

В таблице 2 указаны характеристики мировоззренческих основ верующих и неверующих обучающихся. Определено, что большинство (89,3 %) верующих студентов исповедуют Православное христианство, каждый десятый (9,5 %) – другие религии. Половина (41,6 %) неверующих причисляют себя к атеистам. Другая половина разделяет мировоззрения Православного христианства (28,5 %) и других религий (20,4 %). Не определившиеся в вопросах своего мировоззрения причисляют себя к неверующим (9,5 %).

Табл. 1. Социально-демографическая характеристика студентов, %

Tab. 1. Socio-demographic profile of university students, %

Характеристика		%
Пол	мужской	24,1
	женский	75,9
Курс	1–2	43,4
	3–5	56,6
Направление подготовки	Институт информационных технологий (ИИТ)	6,3
	Инженерно-технический институт (ИТИ)	11,4
	Бизнес-школа (БШ)	13,2
	Гуманитарный институт (ГИ)	29,9
	Институт педагогики и психологии (ИПиП)	32,9
Вера	Факультет биологии и здоровья (БиЗ)	6,3
	верующие	47,9
Основа мировоззрения	неверующие	52,1
	не определились	4,9
	Православие	57,6
	Атеизм	22,2
	Агностицизм	5,9
	Высшие силы	2,3
	Гедонизм	1,9
	Ислам	1,5
	Буддизм	1,3
	Стойцизм	1,1
	Протестантизм	1,1
Сатанизм	0,2	

Табл. 2. Характеристика мировоззренческих основ верующих и неверующих обучающихся, %

Tab. 2. Believers vs. non-believers, %

Показатель	Верующие	Неверующие
Не определились с мировоззрением	0,0	9,5
Атеизм	1,2	41,6
Православное христианство	89,3	28,5
Другие мировоззренческие основы	9,5	20,4

Прим.: $\chi^2 = 214,88$; $p = 0,001$.

² Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946 (с изм. от 24.05.1973). СПС КонсультантПлюс.

Результаты

По нашим данным, под понятием *здоровый образ жизни* каждый третий (35,8 %) студент понимает режим и качество питания, сна и отдыха. В два раза меньше называют отсутствие вредных привычек (17,3 %) и спорт (15,1 %). Каждый десятый (10,9 %) называет регулярное прохождение профилактических медицинских осмотров и *гармония души и тела* (12 %) (рис.).

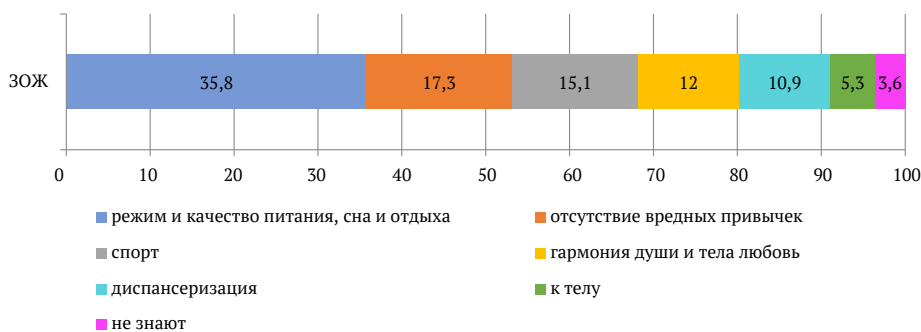
В пределах статистической погрешности находятся ответы *любовь к своему телу* (5,3 %) и затруднившиеся с ответом на этот вопрос (3,6 %).

По данным, приведенным нами, у студентов не сформировано отношение к своему здоровью, и они не могут ответить на поставленные в исследовании вопросы. Средний балл по шкалам составляет 4,53028 (не знаю). Таким образом, у студентов чаще вообще не сформировано отношение к вопросам здоровья, и они не могут на них ответить.

Полученные данные по шкале *когнитивный уровень* позволят нам определить степень компетентности студентов в вопросах здоровья, знание

основных факторов риска. Эти данные свидетельствуют о низком уровне знаний в сфере здоровья. Средний балл по когнитивной шкале составляет 4,911, т.е. в большинстве случаев студенты затрудняются ответить на поставленные вопросы вне зависимости от курса или направления обучения. В таблице 3 представлены обобщенные оценки студентов когнитивного восприятия вопросов здоровья. Анализируя указанную шкалу, а также в дальнейшем мы будем представлять только те данные, в которых выявлена статистически значимая взаимосвязь между группами.

Несмотря на то что разница в ответах у мужчин и женщин статистически значима, но значения между средними показателями не столь велики. Так, средние показатели в ответах мужчин о значимости влияния на осведомленность в области здоровья информации, полученной из следующих источников: радио и телевидение, врачи, друзья и знакомые, ниже, чем у женщин (табл. 3). Влияние веры также оказывает статистически значимое воздействие на изучаемый фактор.

Рис. Определение студентами понятия *здоровый образ жизни*, %
Fig. Concept of *healthy lifestyle* as defined by university students, %

Табл. 3. Осведомленность о здоровье (источники) и факторы, влияющие на здоровье
Tab. 3. Health awareness (sources) and health-affecting factors

Критерий	Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность	
Влияние на осведомленность в области здоровья информации, полученной из источников						
<i>средства массовой информации (радио, телевидение)</i>						
Пол	мужской	3,653	1,0	2,013	3,3–4,0	p = 0,006
	женский	4,215	5,0	1,999	4,0–4,4	
всего		4,079	5,0	2,015	3,9–4,3	
<i>врачи (специалисты)</i>						
Пол	мужской	4,427	7,0	2,034	4,2–4,9	p = 0,012
	женский	5,040	7,0	1,792	4,9–5,2	
всего		4,916	7,0	1,865	4,8–5,1	
<i>газеты и журналы</i>						
Вера	верующие	2,669	1,0	1,761	2,5–2,9	p = 0,004
	неверующие	2,237	1,0	1,643	2,0–2,4	
всего		2,444	1,0	1,711	2,3–2,6	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
<i>друзья, знакомые</i>						
Пол	мужской	4,126	5,0	1,923	3,8–4,5	p = 0,009
	женский	4,636	6,0	1,793	4,5–4,8	
Вера	верующие	4,737	6,0	1,840	4,5–5,0	p = 0,008
	неверующие	4,310	5,0	1,186	4,1–4,5	
всего		4,513	6,0	1,836	4,4–4,7	
<i>научно-популярные книги о здоровье</i>						
Вера	верующие	3,872	3,0	2,005	3,6–4,1	p = 0,041
	неверующие	3,518	1,0	1,950	3,3–3,8	
всего		3,688	1,0	1,981	3,5–3,9	
Факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на состоянии здоровья						
<i>качество медицинского обслуживания</i>						
Пол	мужской	5,023	7,0	1,929	4,7–5,4	p = 0,001
	женский	5,726	7,0	1,579	5,6–5,9	
Вера	верующие	5,733	7,0	1,672	5,5–5,9	p = 0,021
	неверующие	5,390	7,0	1,704	5,2–5,6	
всего		5,557	7,0	1,695	5,4–5,7	
<i>экологическая обстановка</i>						
Пол	мужской	5,015	7,0	1,910	4,7–5,4	p = 0,001
	женский	5,824	7,0	1,559	5,7–6,0	
Вера	верующие	5,796	7,0	1,590	5,3–5,7	p = 0,029
	неверующие	5,474	7,0	1,758	5,6–6,0	
всего		5,629	7,0	1,685	5,5–5,8	
<i>профессиональная деятельность</i>						
Вера	верующие	5,342	7,0	1,692	5,1–5,6	p = 0,022
	неверующие	5,001	6,0	1,720	4,8–5,2	
всего		5,165	7,0	1,713	5,0–5,3	
<i>особенности питания</i>						
Пол	мужской	5,496	7,0	1,736	5,2–5,8	p = 0,010
	женский	5,942	7,0	1,461	5,8–6,1	
всего		5,834	7,0	1,542	5,7–6,0	
<i>вредные привычки</i>						
Пол	мужской	5,055	7,0	2,222	4,7–5,5	p = 0,018
	женский	5,578	7,0	1,925	5,4–5,8	
всего		5,452	7,0	2,011	5,3–5,6	
<i>образ жизни</i>						
Пол	мужской	5,708	7,0	1,741	5,4–6,0	p = 0,046
	женский	6,052	7,0	1,490	5,9–6,2	
всего		5,9696	7,0	1,559	5,8–6,1	
<i>недостаточная забота о своем здоровье</i>						
всего		5,684	7,0	1,749	5,5–5,8	

В итоге верующие чаще неверующих получают информацию по вопросам здоровья в газетах и журналах, у друзей и знакомых и в научно-популярных книгах.

Студенты считают, что все названные факторы оказывают существенное влияние на здоровье. Однако женщины придают более высокую значимость качеству медицинского обслуживания, экологической обстановке, особенностям питания, вредным привычкам и образу жизни. А верующие больше неверующих придают значение качеству медицинского обслуживания, экологической обстановке и профессиональной деятельности.

Когнитивное восприятие оказывает прямое влияние на то, как индивид эмоционально воспримет вопросы, связанные со здоровьем. Полученные данные по шкале *эмоциональный уровень* позволят нам определить отношение к здоровью. Эти данные свидетельствуют о низком эмоциональном уровне в сфере здоровья у студентов.

Средний балл по эмоциональной шкале составляет 4,5606, т. е. в большинстве случаев студенты не могут определиться с чувствами, которые вызывают у них изменение в вопросах здоровья. В таблице 4 представлены обобщенные оценки студентов эмоционального восприятия вопросов здоровья.

В ситуации благополучия студенты спокойны, счастливы, радостны, уверены в себе и ощущают себя в безопасности. При этом статистически значимо более высокие показатели отмечают женщины и верующие студенты.

При ухудшении здоровья студенты не могут определиться со своим эмоциональным состоянием практически по всем утверждениям. Женщины статистически значимо чаще расстраиваются, а мужчины не уверены в этом. Студенты ГИ статистически значимо чаще ($p = 0,004$) расстраиваются при ухудшении здоровья, тогда как студенты ИТ чаще не уверены в этом.

Табл. 4. Самооценка уровня эмоционального восприятия здоровья
Tab. 4. Emotional perception of health: self-assessment

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Самооценка эмоционального состояния при благополучии						
<i>спокойствие</i>						
Пол	мужской	5,559	7,0	1,884	5,2–5,9	p = 0,008
	женский	6,055	7,0	1,555	5,9–6,2	
всего		5,935	7,0	1,652	5,8–6,1	
<i>удовлетворенность</i>						
Пол	мужской	5,448	7,0	1,896	5,2–5,9	p = 0,006
	женский	5,964	7,0	1,595	5,9–6,2	
Вера	верующие	5,992	7,0	1,609	5,9–6,3	p = 0,045
	неверующие	5,697	7,0	1,745	5,6–6,0	
всего		5,840	7,0	1,686	5,8–6,1	
<i>счастье</i>						
Пол	мужской	5,189	7,0	2,010	5,2–5,9	p = 0,001
	женский	5,914	7,0	1,625	5,9–6,2	
Вера	верующие	5,932	7,0	1,631	5,7–6,1	p = 0,014
	неверующие	5,558	7,0	1,841	5,3–5,8	
всего		5,739	7,0	1,751	5,6–5,9	
<i>радость</i>						
Пол	мужской	5,118	7,0	1,974	4,8–5,5	p = 0,001
	женский	5,832	7,0	1,644	5,7–6,0	
Вера	верующие	5,852	7,0	1,646	5,7–6,1	p = 0,014
	неверующие	5,478	7,0	1,834	5,3–5,7	
всего		5,659	7,0	1,754	5,5–5,8	
<i>безопасность</i>						
Пол	мужской	5,267	7,0	1,840	5,0–5,5	p = 0,049
	женский	5,636	7,0	1,832	5,5–5,8	
всего		5,547	7,0	1,839	5,4–5,7	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
<i>безразличие</i>						
всего		2,695	1,0	2,039	2,5–2,9	
<i>ничто не беспокоит</i>						
всего		4,486	7,0	2,199	4,3–4,7	
<i>уверенность в себе</i>						
Вера	верующие	5,569	7,0	1,797	5,4–5,8	p = 0,035
	неверующие	2,226	7,0	1,915	5,0–5,5	
всего		5,393	7,0	1,865	5,2–5,6	
<i>ощущение свободы</i>						
Пол	мужской	5,094	7,0	1,957	4,8–5,4	p = 0,027
	женский	5,508	7,0	1,798	5,3–5,7	
всего		5,408	7,0	1,845	5,3–5,6	
<i>чувство внутреннего удовлетворения</i>						
Пол	мужской	5,102	7,0	2,019	4,8–5,5	p = 0,008
	женский	5,636	7,0	1,790	5,5–5,8	
Вера	верующие	5,673	7,0	1,801	5,5–5,9	p = 0,047
	неверующие	5,350	7,0	1,801	5,1–5,6	
всего		5,507	7,0	1,860	5,4–5,7	
Самооценка эмоционального состояния при ухудшении своего здоровья						
<i>спокойствие</i>						
Пол	мужской	3,629	1,0	2,046	3,3–4,0	p = 0,001
	женский	2,792	1,0	1,815	2,6–3,0	
всего		2,994	1,0	1,905	2,8–3,2	
<i>сожаление</i>						
Курс	1	4,208	5,0	1,980	3,8–4,6	p = 0,042
	2	4,175	4,0	1,850	3,9–4,5	
	3	3,531	3,0	1,853	3,2–3,9	
	4	3,925	3,0	1,922	3,6–4,2	
	5	3,727	5,0	1,348	2,8–4,6	
всего		3,941	5,0	1,898	3,8–4,1	
<i>озабоченность</i>						
Пол	мужской	4,252	5,0	1,847	3,9–4,6	p = 0,004
	женский	4,814	7,0	1,941	4,6–5,0	
всего		4,678	7,0	1,932	4,5–4,8	
<i>вина</i>						
Пол	мужской	3,007	1,0	1,883	2,7–3,3	p = 0,008
	женский	3,566	1,0	2,069	3,3–3,7	
Курс	1	3,923	1,0	2,109	3,5–4,4	p = 0,037
	2	3,503	1,0	2,058	3,2–3,9	
	3	3,095	1,0	1,957	2,8–3,4	
	4	3,260	1,0	2,004	3,0–3,5	
	5	3,727	1,0	1,954	2,4–5,0	
всего		3,408	1,0	2,037	3,2–3,6	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
<i>расстраиваюсь</i>						
Пол	мужской	4,228	4,0	1,948	3,9–4,6	p = 0,001
	женский	5,142	7,0	1,874	5,0–5,3	
Направление подготовки	ИИТ	4,030	4,0	1,845	3,4–4,7	p = 0,001
	ИТ	4,233	7,0	2,134	3,7–4,8	
	БШ	4,957	7,0	2,017	4,5–5,4	
	ГИ	5,286	7,0	1,898	5,0–5,6	
	ИПП	5,023	7,0	1,898	4,7–5,3	
	БиЗ	4,727	7,0	2,050	4,0–5,5	
всего		4,922	7,0	1,931	4,8–5,1	
<i>страх</i>						
Пол	мужской	3,055	1,0	2,005	2,7–3,4	p = 0,001
	женский	4,443	7,0	2,080	4,2–4,6	
Направление подготовки	ИИТ	3,484	1,0	1,954	2,8–4,2	p = 0,001
	ИТ	2,816	1,0	2,127	2,3–3,4	
	БШ	4,342	7,0	2,049	3,9–4,8	
	ГИ	4,465	7,0	2,179	4,1–4,8	
	ИПП	4,260	7,0	2,030	4,0–4,6	
	БиЗ	4,090	5,0	2,126	3,3–4,8	
всего		4,108	7,0	2,144	3,9–4,3	
<i>раздражение</i>						
Направление подготовки	ИИТ	3,939	3,0	2,030	3,2–4,7	p = 0,019
	ИТ	3,400	1,0	2,156	2,8–4,0	
	БШ	3,957	1,0	2,108	3,5–4,5	
	ГИ	4,394	4,0	1,937	4,1–4,7	
	ИПП	3,820	4,0	1,972	3,5–4,1	
	БиЗ	3,666	5,0	1,947	3,0–4,4	
всего		3,960	4,0	2,020	3,8–4,1	
<i>подавленность</i>						
Пол	мужской	3,645	3,0	1,8902	3,3–4,0	p = 0,001
	женский	4,543	7,0	2,061	4,3–4,8	
Направление подготовки	ИИТ	3,636	1,0	2,028	2,9–4,4	p = 0,001
	ИТ	3,500	1,0	2,174	2,9–4,1	
	БШ	4,457	7,0	1,953	4,0–4,9	
	ГИ	4,726	7,0	1,906	4,4–5,0	
	ИПП	4,416	7,0	2,082	4,1–4,7	
	БиЗ	3,878	3,0	2,102	3,1–4,6	
всего		4,327	7,0	2,056	4,2–4,5	
<i>сильная тревога</i>						
Пол	мужской	3,118	1,0	1,917	2,8–3,5	p = 0,001
	женский	4,528	7,0	2,135	4,3–4,7	
Направление подготовки	ИИТ	3,454	1,0	2,151	2,7–4,2	p = 0,001
	ИТ	3,033	1,0	2,146	2,5–3,6	
	БШ	4,128	1,0	2,199	3,6–4,7	
	ГИ	4,528	7,0	2,101	4,2–4,9	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Направление подготовки	ИПП	4,497	7,0	2,089	4,2–4,8	p = 0,001
	БиЗ	3,909	3,0	2,097	3,2–4,7	
всего		4,188	7,0	2,169	4,0–4,4	
<i>стыд</i>						
всего		2,46	1,0	1,852	2,3–2,6	

Полученные данные по шкале *поведенческий уровень* позволят нам соотнести степень соответствия действий и поступков студента требованиям ЗОЖ. Эти данные свидетельствуют о низком внимании, которое студенты уделяют практическому выполнению профилактических и лечебных мероприятий. Средний балл по поведенческой шкале составляет 3,838. В таблице 5 указаны обобщенные оценки студентов стратегий поведения по профилактике и лечению заболеваний.

Для поддержания своего здоровья из представленных вариантов действий студенты выбрали отрицательные ответы, т.е. они игнорируют профилактику заболеваний. При этом не посещают врача при недомогании статистически значимо реже студенты ИТ, чем БШ (p = 0,047). Избегают вредных

привычек чаще студенты ИПП, чем ГИ (p = 0,019), посещают спортивные секции чаще студенты БиЗ, чем ИИТ (p = 0,024). При ухудшении своего здоровья практически все не смогли ответить на вопрос, какие действия они предпринимают.

Полученные данные по *ценностно-мотивационной* шкале дают нам возможность определить значимость для студентов такой ценности, как здоровья, и ориентацию на его сохранение и укрепление. Средний балл по поведенческой шкале составляет 4,810 (табл. 6).

К главным ценностям жизни студенты отнесли здоровье и материальное благополучие, причем материальное благополучие и интересная работа в жизни женщин играют значимо большую роль.

Табл. 5. Характеристика поведенческих стратегий по профилактике и лечению заболеваний

Tab. 5. Health-promoting and treatment strategies

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Действия для поддержания здоровья (регулярность)						
<i>занимаюсь физическими упражнениями (зарядка, бег и т. п.)</i>						
Вера	верующие	4,753	7,0	2,040	4,5–5,0	p = 0,028
	неверующие	4,354	7,0	2,095	4,1–4,6	
всего		4,547	7,0	2,075	4,4–4,7	
<i>диета</i>						
Вера	верующие	3,657	1,0	1,968	3,4–3,9	p = 0,006
	неверующие	3,189	1,0	1,902	3,0–3,4	
всего		3,418	1,0	1,947	3,3–3,6	
<i>соблюдение режима сна и отдыха</i>						
всего		4,245	5,0	2,018	4,1–4,4	
<i>закаливание</i>						
Пол	мужской	2,771	1,0	1,903	2,4–3,1	p = 0,009
	женский	2,285	1,0	1,778	2,1–2,5	
Вера	верующие	2,561	1,0	1,878	2,3–2,8	p = 0,045
	неверующие	2,244	1,0	1,744	2,0–2,5	
всего		2,403	1,0	1,811	2,3–2,6	
<i>посещение врача с профилактической целью</i>						
Пол	мужской	3,055	1,0	2,036	2,7–3,4	p = 0,002
	женский	3,726	1,0	2,1625	3,5–3,9	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Направление подготовки	ИИТ	2,878	1,0	1,899	2,2–3,6	p = 0,013
	ИТ	3,001	1,0	1,939	2,5–3,5	
	БШ	4,071	7,0	2,247	3,5–4,6	
	ГИ	3,445	1,0	2,279	3,1–3,8	
	ИПП	3,786	1,0	2,070	3,5–4,1	
	БиЗ	3,606	1,0	2,014	2,9–4,3	
Вера	верующие	3,856	1,0	2,188	3,6–4,1	p = 0,002
	неверующие	3,288	1,0	2,080	3,0–3,5	
всего		3,564	1,0	2,150	3,4–3,8	
<i>контроль веса</i>						
Вера	верующие	4,494	7,0	2,100	4,2–4,8	p = 0,015
	неверующие	4,040	1,0	2,169	3,8–4,3	
всего		4,260	7,0	2,145	4,1–4,4	
<i>посещение бани (сауны)</i>						
Направление подготовки	ИИТ	3,272	1,0	2,239	2,5–4,0	p = 0,010
	ИТ	3,183	1,0	2,236	2,6–3,8	
	БШ	3,085	1,0	2,138	2,6–3,6	
	ГИ	3,133	1,0	2,192	2,8–3,5	
	ИПП	3,630	1,0	2,259	3,3–4,0	
	БиЗ	4,575	7,0	2,358	3,7–5,4	
Вера	верующие	3,884	1,0	2,290	3,6–4,2	p = 0,001
	неверующие	2,938	1,0	2,112	2,7–3,2	
всего		3,395	1,0	2,248	3,2–3,6	
<i>исключение вредных привычек</i>						
Направление подготовки	ИИТ	4,303	7,0	2,364	3,5–5,1	p = 0,020
	ИТ	4,333	7,0	2,391	3,7–5,0	
	БШ	4,457	7,0	2,211	3,9–5,0	
	ГИ	4,108	7,0	2,390	3,7–4,5	
	ИПП	4,913	7,0	2,153	4,6–5,2	
	БиЗ	5,181	7,0	2,128	4,4–5,9	
	всего		4,524	7,0	2,292	
<i>посещение спортивных секций (шейпинг, тренажерный зал, бассейн и т. п.)</i>						
Направление подготовки	ИИТ	2,818	1,0	2,083	2,1–3,6	p = 0,030
	ИТ	4,116	1,0	2,504	3,5–4,8	
	БШ	3,714	1,0	2,438	3,1–4,3	
	ГИ	3,522	1,0	2,422	3,1–3,9	
	ИПП	3,751	1,0	2,303	3,4–4,1	
	БиЗ	4,636	7,0	2,369	3,8–5,5	
Вера	верующие	4,004	7,0	2,399	3,7–4,3	p = 0,007
	неверующие	3,445	1,0	2,353	3,2–3,7	
всего		3,716	1,0	2,389	3,5–3,9	
<i>практика специальных оздоровительных систем (йога, китайская гимнастика и др.)</i>						
Пол	мужской	2,370	1,0	2,026	2,0–2,7	p = 0,001
	женский	3,105	1,0	2,308	2,9–3,3	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Вера	верующие	3,187	1,0	2,381	2,9–3,5	p = 0,010
	неверующие	2,678	1,0	2,122	2,4–2,9	
всего		2,927	1,0	2,264	2,7–3,1	
Действия при недомогании						
<i>обращение к врачу</i>						
Вера	верующие	4,589	7,0	1,984	4,3–4,8	p = 0,004
	неверующие	4,094	5,0	1,923	3,9–4,3	
всего		4,334	5,0	1,965	4,2–4,5	
<i>не обращают внимания</i>						
всего		3,076	1,0	1,929	2,9–3,2	
<i>самолечение</i>						
Пол	мужской	4,527	7,0	1,846	4,2–4,9	p = 0,018
	женский	4,959	6,0	1,773	4,8–5,1	
всего		4,855	6,0	1,798	4,7–5,0	
<i>руководствуются советом друзей, родственников, знакомых</i>						
Пол	мужской	4,244	7,0	1,998	3,9–4,6	p = 0,032
	женский	4,669	6,0	1,920	4,5–4,9	
всего		4,466	7,0	1,946	4,3–4,7	

Табл. 6. Значимость здоровья в индивидуальной иерархии ценностей студентов

Tab. 6. Health in personal hierarchy of values

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
Самооценка роли ценностей в данный момент						
<i>счастливая семейная жизнь</i>						
Вера	верующие	5,988	7,0	1,705	5,8–6,2	p = 0,001
	неверующие	5,328	7,0	1,893	5,1–5,6	
всего		5,646	7,0	1,833	5,5–5,8	
<i>материальное благополучие</i>						
Пол	мужской	5,385	7,0	1,843	5,1–5,7	p = 0,001
	женский	6,002	7,0	1,470	5,9–6,2	
всего		5,853	7,0	1,589	5,7–6,0	
<i>верные друзья</i>						
всего		5,581	7,0	1,740	4,8–5,1	
<i>здоровье</i>						
всего		5,969	7,0	1,578	5,8–6,1	
<i>интересная работа (карьера)</i>						
Пол	мужской	5,385	7,00	1,847	5,1–5,7	p = 0,036
	женский	5,769	7,00	1,579	5,6–5,9	
всего		5,676	7,0	1,654	5,5–5,8	
<i>признание и уважение окружающих</i>						
Пол	мужской	4,448	7,0	2,159	4,1–4,8	p = 0,026
	женский	4,922	5,0	1,741	4,8–5,1	
всего		4,808	7,0	1,859	4,7–5,0	

Критерий		Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность
<i>независимость (свобода)</i>						
Пол	мужской	5,236	7,0	1,981	4,9–5,6	p = 0,018
	женский	5,694	7,0	1,543	5,5–5,9	
всего		5,583	7,0	1,669	5,4–5,7	
Действия, необходимые для достижения успеха в жизни						
<i>хорошее образование</i>						
Вера	верующие	5,127	7,0	1,653	4,9–5,3	p = 0,036
	неверующие	4,821	5,0	1,679	4,6–5,0	
всего		4,971	5,0	1,673	4,8–5,1	
<i>материальный достаток</i>						
всего		5,222	7,0	1,7043	5,1–5,4	
<i>способности</i>						
Пол	мужской	5,574	7,0	1,734	5,3–5,9	p = 0,036
	женский	5,967	7,0	1,509	5,8–6,1	
всего		5,849	7,0	1,573	5,7–6,0	
<i>везение (удача)</i>						
всего		4,695	5,0	1,712	4,6–4,8	
<i>здоровье</i>						
Пол	мужской	4,929	7,0	1,877	4,6–5,3	p = 0,012
	женский	5,401	7,0	1,637	5,2–5,6	
Направление подготовки	ИИТ	4,606	5,0	1,902	3,9–5,3	p = 0,046
	ИТ	5,683	7,0	1,567	5,3–8,1	
	БШ	5,271	7,0	1,776	4,9–5,7	
	ГИ	5,184	7,0	1,686	4,9–5,5	
	ИПП	5,433	7,0	1,636	5,2–5,7	
	БиЗ	5,001	7,0	1,920	4,3–5,7	
Вера	верующие	5,510	7,0	1,650	5,3–5,7	p = 0,004
	неверующие	5,083	7,0	1,742	4,9–5,2	
всего		5,287	7,0	1,709	5,1–5,4	
<i>упорство, трудолюбие</i>						
Пол	мужской	5,787	7,0	1,707	5,5–6,1	p = 0,007
	женский	6,092	7,0	1,476	6,0–6,2	
всего		6,019	7,0	1,539	5,9–6,2	
<i>поддержка друзей, знакомых</i>						
всего		5,228	7,0	1,708	5,1–5,4	
Причина недостаточной или нерегулярной заботы о здоровье						
<i>здоров(а)</i>						
всего		3,243	1,0	1,984	3,1–3,4	
<i>нет силы воли</i>						
всего		3,669	1,0	2,154	3,5–3,9	
<i>нет времени</i>						
всего		3,906	1,0	2,168	3,7–4,1	
<i>скучно</i>						
всего		3,114	1,0	2,118	2,9–3,3	

Критерий	Mean	Mo	Std. Deviation	95 % ДИ для средней	Достоверность	
<i>избегаю ограничений</i>						
всего	3,003	1,0	1,963	2,8–3,2		
<i>не знаю, что нужно делать</i>						
Направление подготовки	ИИТ	2,757	1,0	1,714	2,2–3,4	p = 0,003
	ИТ	2,650	1,0	2,032	2,1–3,2	
Направление подготовки	БШ	1,885	1,0	1,499	1,5–2,2	p = 0,003
	ГИ	2,668	1,0	1,959	2,4–3,0	
	ИПП	2,849	1,0	2,017	2,6–3,2	
	БиЗ	2,393	1,0	1,539	1,9–2,9	
всего	2,610	1,0	1,910	2,5–2,8		
<i>нет условий</i>						
всего	3,110	1,0	2,083	2,9–3,3		
<i>материальные ограничения</i>						
Пол	мужской	2,968	1,0	2,011	2,6–3,3	p = 0,007
	женский	3,538	1,0	2,164	3,3–3,8	
всего	3,401	1,0	2,140	3,2–3,6		
<i>есть более важные дела</i>						
всего	3,387	1,0	2,122	3,2–3,6		

Счастливая семейная жизнь в системе ценностей верующих студентов занимает ключевые позиции.

Для достижения успеха, по мнению студентов, необходимо трудолюбие и способности, гораздо чаще так считают женщины, и здоровье. Последнее наиболее важную роль играет в жизни женщин и верующих студентов. Нужно подчеркнуть, что для достижения цели студенты усомнились в необходимости хорошего образования (верующие чаще неверующих).

Далее мы поинтересовались причиной, по которой они не заботятся о своем здоровье. Они отвергли все наши предположения. Они не считают себя здоровыми и при этом располагают временем и условиями и не испытывают для этого материальных затруднений.

В таблице 7 представлены корреляции между фактором *здоровье* для достижения поставленной цели и основными ценностями, сформированными у студентов. Также мы рассмотрели влияние на формирование ценности здоровья таких источников, как семья, друзья, карьера и СМИ (табл. 8).

Наивысшую ценность для студентов составляют здоровье и материальное благополучие. По нашим данным, существует прямая и сильная зависимость между ценностью здоровья и материального благополучия ($r = 0,684$, $p = 0,001$). К тому же мы выявили прямую сильную зависимость ($r = 0,699$, $p = 0,001$) между отношением к здоровью как к ценности и использованием здоровья как средства для достижения поставленной цели. Существует связь между использованием здоровья

Табл. 7. Зависимость ценности здоровья от других ценностей

Tab. 7. Health-as-value attitude vs. attitude influencer

Ценности	rp	p
Здоровье	0,699	0,001
Материальное благополучие	0,605	0,001
Семья	0,560	0,001
Друзья	0,560	0,001
Карьера	0,606	0,001
Уважение	0,533	0,001
Свобода	0,573	0,001
Пол	0,088	0,044
Вера	0,092	–

Табл. 8. Влияние источников на формирование ценности здоровья у студентов

Tab. 8. Health awareness (sources) and health-affecting factors

Ценности	rp	p
Радио / ТВ	0,420	0,001
Газеты, журналы	0,210	0,001
Врачи	0,506	0,001
Друзья, знакомые	0,467	0,001
Научно-популярные книги	0,331	0,001
Вера	0,122	0,005

в достижении цели и полом ($r_p = 0,088$, $p = 0,044$). Так, женщины чаще готовы использовать здоровье для достижения цели, чем мужчины (5,401 против 4,929 соответственно; $p = 0,012$)

В результате влияние на формирование отношения к здоровью как ценности (зависимость прямая, но слабая) оказывает семья. Сильной зависимости по другим источникам получения информации не выявлено. Возможно, студенты получают всю актуальную для них информацию в сети Интернет, что, к сожалению, в анкете Р. А. Березовской не исследуется.

Обсуждение

Мировоззрение раскрывает базовое отношение человек–мир: от того, как человек понимает свою роль в мире, зависит его образ мыслей, поведение, отношения в обществе. Словосочетание *религиозное мировоззрение* указывает на жизненный, бытийный характер религии, на то, что ее нужно понимать как образ жизни и мысли [14]. По нашим данным, каждый второй человек (47,9 %) является верующим. В литературе мы нашли данные [15] о снижении доли верующих в современном обществе. Если в мобилизационном поколении процент верующих составлял 56 %, то в поколении миллениалов этот показатель достиг 32 %.

Безусловно, здоровье в системе ценностей относится к витальным и имеет большое значение как для отдельного индивида, так и для общества в целом [16–18]. Мы выяснили, что ценность коррелирует со многими факторами. Например, Е. В. Дмитриева приводит данные о влиянии пола на отношение к здоровью [19]. По данным автора, женщины более высоко по сравнению с мужчинами оценивают здоровье (61,7 % против 50,1 %), однако по данным, полученным нами, существует такая взаимосвязь при использовании здоровья для достижения других благ в жизни, а в отношении здоровья как ценности статистической разницы не выявлено.

Е. В. Дмитриева пишет о влиянии на отношение к здоровью семейного статуса [19]. Ценность здоровья более высока у мужчин, никогда не вступавших в брак, а более низкий ее уровень регистрируется у женатых мужчин. Л. С. Шилова и О. С. Копина приводят данные о зависимости отношения к здоровью от уровня доходов в семье [10]. Так, чем выше доход, тем значительней ценность здоровья (61,9 % против 38,3 % соответственно). Таким образом, уже в 1993 г. сложившаяся экономическая ситуация в стране перераспределила население на более высокую оценку здоровья как инструмента для достижения целей. А. Ф. Ковалевская также свидетельствует о росте ценности индивидуального здоровья как инструментальной ценности, необходимой для достижения благ (престижной работы, материального благополучия и пр.) [20].

О влиянии здоровья на такие статусные позиции, как «положение, семья, труд, профессия, патриотизм, активная позиция, независимость» [21, с. 231], сообщает и Б. С. Ерасов.

Большинство опрошенных студентов не считают себя здоровыми людьми. Средний балл 3,243 вне зависимости от пола, веры, курса и направления обучения. По данным Ю. Н. Беляевой и Г. Н. Шеметовой, 40 % девушек и 22 % юношей оценили свое здоровье как удовлетворительное [22]. По данным, приведенным В. В. Радаевым, Ю. Н. Беляевой, Г. Н. Шеметовой, для поддержания своего здоровья студенты: гуляют (72 %), занимаются физической культурой (40–58,5 %), употребляют витамины и БАДы (16–39,6 %), ходят в баню или закаливаются (21 %), придерживаются диеты (7–18,6 %) [15; 22]. По данным О. В. Лисиной, студенты считают, что наиболее серьезное влияние на здоровье оказывает образ жизни, состояние окружающей среды и стресс [23]. О. А. Денисова и А. П. Денисов обнаружили противоречия между высокой самооценкой студентов в отношении приверженности принципам ЗОЖ и недостаточной готовностью к использованию здоровьесберегающих технологий в качестве повседневной практики [24].

К. Р. Амлаев и соавторы утверждают о влиянии пола на приверженности лечению [25]. Например, мужчинам труднее понять порядок проведения профилактических прививок и выполнять инструкции к лекарственным препаратам.

Практически по всем показателям мы получили либо отрицательные ответы, либо нейтральные, когда студент не смог определиться с поставленным вопросом. Возможно, такая пассивная тенденция объясняется той характеристикой молодежи, которую приводит в своей работе В. В. Радаев [15]. Он наделяет их чертами «апатичности, безучастности, пассивности и наличием "подросткового сознания"» [15, с. 20], которые свое время ежедневно проводят в Интернете (65 %). Они не любят читать книги или читают их только в электронном формате.

Заключение

В поведении студентов во время ухудшения здоровья проявляются две противоположные тенденции. Во-первых, они демонстрируют медицинскую активность и посещают врача (4,9), а во-вторых, обращаются за советом к друзьям (4,5) и видимо занимаются самолечением. Причем они осознают, что на здоровье оказывает влияние образ жизни (5,9 – очень важно). При этом они ничего не делают для профилактики заболеваний и затрудняются назвать, какие же практики поведения ими используются при недомогании (от 2,4 закаливание (не согласен) до 4,5 занятие зарядкой и исключение вредных привычек (не знаю)). Информанты не могут объяснить, почему не проявляют

медицинскую активность в вопросах профилактики заболеваний. Максимальный балл 3,9 (скорее не согласен) получил ответ *нет времени* (3,9).

Когда информанты здоровы, то они спокойны – максимальный балл 5,9 (очень важно), но при ухудшении здоровья они не могут описать свое эмоциональное состояние. Средний балл по всем предлагаемым эмоциональным состояниям составляет от 2,4 – стыда (не согласен) до 4,9 – расстраиваются (не знают / скорее да).

Если рассматривать ценностно-мотивационную составляющую, то и здесь по большинству вопросов они не могли ответить не на один вопрос. Наименьшую ценность для студентов представляют признание и уважение окружающих (4,8 – не знают), а наибольшую – здоровье (5,9 – очень важно). В то же время для достижения успеха в жизни самым главным является упорство – 6,0 (очень важно), здоровье – 5,2 (важно), не важно – везение (4,6 – не знаю). Подтверждается тенденция о восприятии ценности здоровья как не витальной, а инструментальной, необходимой для достижения поставленных целей. Наивысшую ценность для студентов составляют здоровье и материальное благополучие. По нашим данным, существует зависимость между ценностью здоровья и материального благополучия, а также между отношением к здоровью как к ценности и использованием здоровья как средства для достижения поставленной цели.

Женщины чаще мужчин получают информацию о здоровье у врача, они осознают, что образ жизни влияет на его сохранность. Для поддержания здоровья мужчины чаще закаляются, тогда как женщины обращаются к специалистам. В структуре ценностных ориентаций женщин на первом месте находятся материальное благополучие, карьера, признание и независимость. Для достижения цели женщины чаще прибегают к упорству, мужчины более важным считают здоровье.

Верующие студенты для получения информации о здоровье чаще используют такие источники, как друзья и научная литература. Они чаще считают,

что здоровье зависит от качества оказываемой медицинской помощи и экологической ситуации в регионе и профессиональной деятельности. Верующие люди более счастливы, радостны и уверены в себе. Они чаще занимаются спортом, соблюдают диету, закаляются, посещают врача с профилактической целью и при первых симптомах недомогания, контролируют вес, ходят в баню, посещают секции. Для верующих студентов более значима семейная жизнь, они стремятся к хорошему образованию. Также для достижения своих целей они чаще воспринимают здоровье как инструмент для ее достижения.

При недомогании значимо чаще посещают врача студенты Бизнес-школы, чем Инженерно-технического института. Избегают вредных привычек чаще студенты Института педагогики и психологии, чем Гуманитарного института. Полученные результаты могут быть положены в разработку программ по формированию ценностного отношения к своему здоровью. Работа по формированию ценностей и ценностных ориентаций осуществляется на трех уровнях. На когнитивном уровне формируется понимание и представление о ценностях. На эмоциональном уровне развивается способность к осознанию ценностей и переводу их в систему личных смыслов, саморегуляции и осознания. На поведенческом уровне формируются и развиваются навыки поведения на основе ценностных ориентаций.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Кольцов Д. А. Здоровый образ жизни как ценность современного человека. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2014. № 4. С. 27–31. [Koltsov D. A. Healthy lifestyle as a value in contemporary society. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2014, (4): 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgzsf1>
2. Лядова А. В., Лядова М. В. Здоровый образ жизни как ценность: взгляд молодежи. *Казачество*. 2016. № 22. С. 13–17. [Liadova A. V., Liadova M. V. Healthy lifestyle as a value: A view of youth. *Kazachestvo*, 2016, (22): 13–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xirotn>
3. Чурай В. С. Отношение молодежи к проблеме здорового образа жизни. *Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»*. 2023. № 4. С. 105–108. [Churai V. S. The attitude of young people to the problem of a healthy lifestyle. *Russian scientific journal "Telescope: Journal of sociological and marketing research"*, 2023, (4): 105–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-4-105-108>

4. Арсланбекова Э. М., Попова Н. В. Здоровый образ жизни как ценность современной молодежи. *Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество*: Междунар. молодеж. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 66–71. [Arslanbekova E. M., Popova N. V. A healthy lifestyle as a value of modern youth. *Innovative potential of youth: Citizenship, professionalism, and creativity*: Proc. Intern. Youth. Sci. Research Conf., Ekaterinburg, 24 Nov 2020. Ekaterinburg: UFU, 2020, 66–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyavfw>
5. Бондин В. И., Карпова Г. Ф., Лысенко А. В., Мареев В. И., Пономарева И. А., Толстокопа О. Н. Культура здоровья молодежи. М.: Мир науки, 2018. 75 с. [Bondin V. I., Karpova G. F., Lysenko A. V., Mareev V. I., Ponomareva I. A., Tolstokopa O. N. *Youth health culture*. Moscow: Mir nauki, 2018, 75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqzxdx>
6. Маркова Н. В., Рютин С. Г. Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции. *Современные наукоемкие технологии*. 2020. № 3. С. 168–172. [Markova N. V., Ryutin S. G. Health of student youth: Modern trends. *Modern high technologies*, 2020, (3): 168–172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/snt.37961>
7. Лисицын Ю. П. «Модус» здоровья россиян. *Экономика здравоохранения*. 2001. № 2. С. 32–37. [Lisitsyn Yu. P. Mode of health in Russians. *Ekonomika zdravoohraneniia*, 2001, (2): 32–37. (In Russ.)]
8. Ветков Н. Е. Здоровье человека как ценность и его определяющие факторы. *Наука-2020*. 2016. № 5. С. 126–142. [Vetkov N. E. Human health as value and its determinants. *Nauka-2020*, 2016, (5): 126–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcnxnf>
9. Малярчук Н. Н. Здоровье как нравственная ценность и экономический ресурс. *Народное образование*. 2013. № 10. С. 9–17. [Malyarchuk N. N. Health as a moral value and an economic resource. *Public education*, 2013, (10): 9–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roqjpn>
10. Шилова Л. С., Копина О. С. Различия в самосохранительном поведении мужчин и женщин. In: Журавлева И. В., Борзунова Т. И., Коган В. З., Копина О. С., Лакомова Н. В., Шилова Л. С. *Отношение населения к здоровью*. М.: РАН, 1993. С. 86–94. [Shilova L. S., Kopina O. S. Differences in self-preservation behavior of men and women. In: Zhuravleva I. V., Borzunova T. I., Kogan V. Z., Kopina O. S., Lakomova N. V., Shilova L. S. *Attitude of the population to health*. Moscow: RAS, 1993, 86–94. (In Russ.)]
11. Неверов Е. Э., Светличная Т. Г., Смирнова Е. А. Копинг стратегии как инструмент преодоления стресса социальных изменений. *Медицина XXI века в человеческом измерении*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Москва, 28–29 марта 2024 г.) М.: КнигИздат, 2024. С. 62–65. [Neverov E. E., Svetlichnaya T. G., Smirnova E. A. Coping strategies as a tool to overcome the stress of social change. *Medicine of the XXI century in the human dimension*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Moscow, 28–29 Mar 2024. Moscow: KnigIzdat, 2024, 62–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ifcolw>
12. Царев Е. А., Крылова И. Б. Здоровье – главная ценность человека: методические основы обучения. *Инновационные педагогические технологии: VIII Междунар. науч. конф.* (Казань, 20–23 мая 2018 г.) Казань: Молодой ученый, 2018. С. 11–16. [Tsarev E. A., Krylova I. B. Health is the key personal value: Methodological foundations of education. *Innovative pedagogical technologies*: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Kazan, 20–23 May 2018. Kazan: Molodoi uchenyi, 2018, 11–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmxxsx>
13. Никифоров Г. С. Диагностика здоровья. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2007. 950 с. [Nikiforov G. S. *Health diagnostics. Psychological workshop*. St. Petersburg: Rech, 2007, 950. (In Russ.)]
14. Усачев А. В. Философские аспекты современного религиозного мировоззрения. *Культура и искусство*. 2022. № 9. С. 1–16. [Usachev A. V. Philosophical aspects of the modern religious worldview. *Culture and art*, 2022, (9): 1–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2022.9.35868>
15. Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019. 224 с. [Radaev V. V. *Millennials: Current changes in Russian society*. Moscow: HSE, 2019, 224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
16. Мордовский Э. А., Санников А. Л., Корниенко К. Б. Совершенствование организации оказания гражданам медицинской помощи в медицинских организациях Архангельской области. Архангельск: КИРА, 2022. 108 с. [Mordovsky E. A., Sannikov A. L., Kornienko K. B. *Improving the organization of medical care for citizens in medical organizations of the Arkhangelsk region*. Arkhangelsk: KIRA, 2022, 108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfheqm>
17. Мордовский Э. А., Санников А. Л., Баранов А. В., Корниенко К. Б., Цыганова О. А., Юдик К. М., Гудкова С. А. Грамотность в вопросах здоровья населения циркумполярного региона Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30. № 6. С. 1295–1301. [Mordovsky E. A., Sannikov A. L., Baranov A. V., Kornienko K. B., Tsyganova O. A., Yudin K. M., Gudkova S. A. The competence in health issues of population of circumpolar region of the Russian Federation.

- Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 2022, 30(6): 1295–1301. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1295-1301>
18. Мордовский Э. А., Баранов А. В., Санников А. Л., Пилипенко В. А., Баранова И. А., Барышков К. В., Шалаурова Е. В. Детерминанты вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) жителей циркумполярного региона России. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31. № 4. С. 519–526. [Mordovsky E. A., Baranov A. V., Sannikov A. L., Pilipenko V. A., Baranova I. A., Baryshkov K. V., Shalaurova E. V. The determinants of vaccination against the new coronavirus infection (COVID-19) of residents of the circumpolar region of Russia. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 2023, 31(4): 519–526. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-4-519-526>
  19. Дмитриева Е. В. Теоретико-методологические и методологические основы социологии здоровья: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 423. [Dmitrieva E. V. *Theoretical, methodological, and methodological foundations of the sociology of health*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2004, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npwusv>
  20. Ковалевская А. Ф. Роль социокультурного подхода в формировании здоровья человека. *Гуманитарный вектор*. 2010. № 4. С. 68–73. [Kovalevskaya A. F. The role of sociocultural approach to the formation of mans health. *Humanitarian vector*, 2010, (4): 68–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbyijt>
  21. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с. [Erasov B. S. *Social cultural studies*. Moscow: Aspect Press, 2000, 591. (In Russ.)]
  22. Беляева Ю. Н., Шеметова Г. Н. Оценка социально-гигиенических факторов, влияющих на состояние здоровья и заболеваемость студентов вузов. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2024. Т. 70. № 2. [Belyaeva Yu. N., Shemetova G. N. Assessment of social-hygienic factors affecting health and morbidity among university students. *Social aspects of population health*, 2024, 70(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-7>
  23. Лисина О. В. Социокультурные модусы витального поведения православного студенчества. *Дискуссия*. 2014. № 4. С. 112–122. [Lisina O. V. Socio-cultural modi of orthodox students' vital behavior. *Discussion*, 2014, (4): 112–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbxnlm>
  24. Денисова О. А., Денисов А. П. Приверженность учащейся молодежи здоровому образу жизни: результаты социологического исследования. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2024. Т. 70. № 2. [Denisova O. A., Denisov A. P. Adherence to a healthy lifestyle among students: Results of a sociological survey. *Social aspects of population health*, 2024, 70(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-13>
  25. Амлаев К. Р., Дахкильгова Х. Т., Хрипунова А. А., Блинкова Л. Н. Сравнительный анализ уровня грамотности в вопросах здоровья жителей Северо-Кавказского федерального округа. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30. № 1. С. 86–90. [Amlaev K. R., Dahkilgova H. T., Khripunova A. A., Blinkova L. N. The comparative analysis of level of literacy in issues of health among residents of the Northern Caucasian Federal Okrug. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 2022, 30(1): 86–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-86-90>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ewmiqa>

Преподаватель высшей школы в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений

Черникова Наталья Сергеевна

Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, Россия, Луганск

chernikova-igmu@yandex.ru

Аннотация: Российская Федерация осуществляет переход национальной экономики на инновационные направления развития. Вузы выступают одним из элементов инновационной экономики, а также являются и ее субъектами, которые оказывают влияние на социально-экономические преобразования в стране. В статье представлены различные точки зрения ученых на роль преподавателя высшей школы в условиях перехода общества к инновационной экономике. Приведены возможные векторы изменений требований к преподавателю высшей школы в условиях динамики экономических процессов в обществе. Цель – дать ретроспективный и перспективный анализ векторов изменений в фигуре преподавателя вузов, обусловленных общественными процессами перехода к инновационному типу экономики, а также сформулировать основные критерии подобных изменений. Обоснована необходимость модернизации вузов с точки зрения законодательства об образовании и социально-экономических прогнозов. Выявлена роль преподавателей вузов в современной экономике, ориентированной на инновационные процессы. Проведен анализ ряда исследований российских ученых, посвященных изменениям, предъявляемым социально-экономическими процессами в обществе к профессионализму преподавателя высшей школы. Отдельно рассмотрена работа «Лиги Преподавателей Высшей Школы» в контексте инновационных изменений современной высшей школы. В результате приведены соответствия положений исследователей критериям, разработанным автором. Отмечено влияние инновационной экономики на перемены в высшей школе, выявлены новые задачи, которые ставит экономика перед преподавательским вузовским составом. Рассмотрены основные векторы изменений, по которым должна выстраиваться фигура современного вузовского преподавателя, исходя из потребностей российской экономики. Сделан вывод, что переход общества к инновационной экономике актуализирует запросы общества к созданию инновационной среды для развития будущих специалистов. Значимым участником подобной среды является высшая школа. Обозначены перспективы последующих изысканий по теме работы.

Ключевые слова: высшая школа, инновационная экономика, преподаватель вуза, инновационная деятельность, подготовка кадров, студенты

Цитирование: Черникова Н. С. Преподаватель высшей школы в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 87–94. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-87-94>

Поступила в редакцию 01.10.2024. Принята после рецензирования 22.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Academic Staff during Shift towards Innovation Economy: Vectors of Change

Natalya S. Chernikova

Lugansk State Medical University, Russia, Lugansk

chernikova-igmu@yandex.ru

Abstract: The Russian Federation is currently turning to innovation economy. Universities are important constituents of the innovation economy that influence the national socio-economic transformations. The article reviews scientific approaches to the role of faculty in this process, which sets new requirements for academic staff. A retrospective and prospective analysis revealed the current vectors of changes in the social role of a university professor caused by the economic shift, as well as made it possible to formulate the main criteria for these changes. The review of domestic publications also highlighted an urgent need for modernizing the current legislation and socio-economic planning. The articles that describe the requirements to faculty brought about by the new socio-economic processes made it possible to summarize the role of academic staff in the modern innovation-oriented economy and describe

the League of University Professors in the context of innovative changes. The publications under review were compared with the author's own criteria to define the impact of the innovation economy on the higher education and the new tasks that economy poses to faculty members. These vectors of change shape the figure of a modern university professor based on the needs of the Russian economy. The ongoing transition to innovation economy actualizes demands for an innovative development environment with higher education as a key stakeholder.

Keywords: university education, innovative economics, university professor, innovative activity, personnel training, university students

Citation: Chernikova N. S. Academic Staff during Shift towards Innovation Economy: Vectors of Change. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 87–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-87-94>

Received 1 Oct 2024. Accepted after review 22 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

Глобальный кризис экономических систем и поворот российской экономики на инновационный путь развития ставят перед высшей школой сложные задачи, связанные, прежде всего, с повышением качества образования выпускников вузов. Образование в условиях роста инновационного компонента экономики является единственной системой, которой может быть обеспечен рост интеллектуального капитала нашей страны. Высшим образованием создаются такие условия, при которых становится возможным производство инноваций – это достигается путем обновления концептуальной составляющей технологий и самих инновационных продуктов. Высшая школа выступает первичным звеном инноваций, которые возникают в ее стенах, а затем входят в практику исследований, проектов, внедрения инноваций в массовое производство – все это актуализирует выбранную для исследования тему.

Цель статьи – дать ретроспективный и перспективный анализ векторов изменений в фигуре преподавателя вузов, обусловленных общественными процессами перехода к инновационному типу экономики, сформулировать основные критерии подобных изменений.

Изучением изменений требований к преподавателю высшей школы в контексте динамики экономических процессов в стране занимаются исследователи уже довольно давно. Несмотря на то что необходимость модернизации высшей школы, изменения требований к преподавателям в условиях инновационной экономики теперь общепризнана, тема продолжает быть проблемной и только внешне простой. При этом очевидно, что именно преподавательский корпус остается ключевым игроком модернизируемого образования в условиях инноваций. Наиболее авторитетные исследования проводились Л. И. Романковой, ею были заложены методологические основы изучения преподавательского состава вузов. Так, она признавала значимым для развития преподавательского

состава в условиях экономических инноваций организацию и развитие научного общения, выделяя несколько типов преподавателей, в том числе ориентированных на перемены [1]. Интерес представляют и исследования, проведенные учеными Высшей школы экономики (г. Москва), прежде всего, тут нужно назвать имена Я. И. Кузьминова [2], О. Л. Лейбович [3], Е. Н. Геворкяна [4], М. А. Ларионовой [5], А. П. Балакиной [6] и др. В этих исследованиях существенно усиливается глубина проработки указанной темы. Отдельно отметим исследование Е. В. Астаховой, где автором были систематизированы подходы к оценке роли преподавателя высшей школы в условиях инновационной экономики, сделаны выводы об итогах модернизации вузов и указаны возможные перспективы изменения требований к преподавательскому составу в новых условиях [7].

Таким образом, общество, ориентированное на переход к инновационной экономике, изменяет запросы к высшей школе, в том числе к профессионализму преподавательского состава.

В работе использовались общенаучные инструменты сравнения, анализа, обобщения, систематизации.

Результаты

Инновационная экономика оказывает всестороннее воздействие на общество, и это влияние имеет двустороннюю природу – общество обязано своевременно отвечать на вызовы экономики. Прежде всего это заключается в повышении уровня высшего образования, соответствия ожиданий экономики и ее потребностей уровню выпускников вузов.

Необходимость модернизации вузов, обновления системы высшего образования отражаются в законах и нормативных актах, что накладывает ответственность на преподавательский состав вузов. Здесь стоит выделить один из базовых документов – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹,

¹ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 (последняя редакция). СПС КонсультантПлюс.

где ст. 20 урегулирована инновационная деятельность в условиях сферы образования. Инновации реализуются, согласно ст. 20, с целью обеспечения развития и модернизации образования на основе учета направлений общественно-экономического развития России. Инновационная деятельность предполагает, исходя из ч. 3 ст. 20, совершенствование деятельности вуза по таким направлениям, как научно-педагогическое, организационное, учебно-методическое, кадровое, финансово-экономическое, и состоянию материально-технического обеспечения учреждения – его осуществление возможно через форму проектов и программ инновационной природы.

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.»², разработанном Минэкономразвития России, для целей формирования инновационного характера развития экономики необходимым условием называется изменение системы образования. Она сегодня ориентирована не только на повышение показателей качества и доступности, подготовку высококвалифицированных кадров для российской экономики, но и должна быть способна оперативно реагировать на запросы инновационной экономики, в том числе рынка труда.

Другие направления обновления высшей школы в ключе инновационной экономики отражены, например, в «Концепции реформы высшего образования в России до 2030 года», предложенной Сибирским федеральным университетом (Центром стратегических исследований и разработок) [8]. Авторы концепции признают, что в России складывается ситуация, характеризующаяся фундаментальными внешними изменениями в социально-экономической сфере и полная серьезных противоречий изнутри, но при этом обязательным ориентиром для инновационной экономики обозначается составление прогноза будущего развития для высшей школы. В связи с этим авторы концепции требуют поставить высшую школу на путь инновационных подходов к самой организации профессиональной деятельности ее профессорско-преподавательских активов. Перед руководителями вузов авторы концепции ставят задачу настраивать на креативный и исследовательский лад преподавательский состав, развивать способности преподавателей к тому, чтобы выстроить непрерывность развития в будущей профессии у студентов и привести их к успеху, учитывая все перемены, которые приносит инновационный ход развития отечественной экономики [8].

Особое внимание, по словам Л. Х. Урусовой и М. Х. Шигалуговой, нужно уделить роли вузов в подготовке специалистов будущего, которые не только должны соответствовать тем требованиям, которые выдвигает сегодня рынок труда, но и обладать компетенциями самостоятельности в выборе стратегии обучения, курсов, прогрессивных методов в обучении и образовательных технологиях [9].

В настоящее время в разработке Минпросвещения находится «Стратегия развития образования до 2030 года», она будет представлена в Правительство РФ в срок до 4 марта 2025 г.³

В целом перед модернизацией высшей школы стоит задача перейти от трансляционной модели к модели деятельностной, которая была создана за рубежом примерно сорок лет назад и во многом основана на предложениях, внесенных еще Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым [10].

В рамках данного исследования представляет интерес создание и работа межрегиональной общественной организации под названием «Лига Преподавателей Высшей Школы». Лига осуществляет свою деятельность с 2015 г., имеет 50 подразделений в регионах, в ней состоят не менее 5000 преподавателей высшей школы из 76 российских регионов. Вопросы совершенствования высшей школы в условиях перехода к инновационной экономике курируются, прежде всего, Экспертным советом Лиги, им рассматриваются и решаются вопросы высшего образования, управления процессами экономики знаний и повышения качества самой образовательной деятельности при взаимодействии с Комитетом по науке и высшему образованию при Государственной Думе РФ. Также в этом направлении действуют: Экспертный совет по наставничеству (существует при Российской академии образования); рабочие группы, занимающиеся разработкой профстандартов «Преподаватель высшего образования» и «Наставник на рабочем месте». Представители Лиги активно участвуют в роли спикеров, модераторов и экспертов во множестве мероприятий.

Таким образом, роль преподавателей вузов в современной экономике, ориентированной на инновации, становится все более значимой. Можно предложить несколько критериев, значимых векторов изменений фигуры преподавателя вуза в условиях перехода страны к инновационной экономике.

Первый критерий: образование и подготовка кадров на высоком базовом уровне – перед преподавателями ставит задачей подготовить выпускников вузов так, чтобы их уровень профессионализма соответствовал

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития России). СПС КонсультантПлюс.

³ В России появится Стратегия развития образования до 2030 г. *Объясняем.РФ*. 21.08.2024. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/v-rossii-poyavitsya-strategiya-razvitiya-obrazovaniya-do-2030-goda/> (дата обращения: 08.09.2024).

потребностям инновационного характера экономики. Указанное требование включает в себя не только передачу знаниевого компонента, но и развитие компетенций выпускников, связанных с критическим мышлением, гибкостью и адаптивностью мышления к переменам, креативностью, навыками работы в команде и т. д.

Второй критерий: проведение научных исследований – предполагает активное участие преподавателей в исследованиях, инновационных по характеру, а также в таких практиках, которые помогут возникновению инноваций и новых технологий. Работа вузовских преподавателей все чаще становится связанной с разработкой новых продуктов, идей, что и делает развитие экономики передовым и инновационным.

Третий критерий – связь с инновационными проектами на практике: преподаватели выступают связующим звеном между вузом и производством, организуя стажировки, участвуя в совместных программах, которые выводят студентов на уровень инновационной деятельности, знакомят их с реальными экономическими вызовами.

Четвертый критерий: формирование внутривузовской среды для инноваций – предполагает поддержку стартапов, кросс-дисциплинарных инициатив студентов, а также исследовательских групп.

Пятый критерий – обучение в течение всей жизни в профессии: преподаватели, отвечая на вызовы окружающего мира, должны быть готовы к тому, чтобы постоянно обучаться, повышать и развивать квалификацию, наращивать новые компетенции, адаптируя и свои инструменты преподавания – все это основано на освоении новых подходов к обучению и использовании инновационных технологий, в том числе информационных.

Шестой критерий – требования к социально-ответственному поведению: преподаватель может влиять на студентов, развивая у них качества социальной ответственности, что имеет особое значение в условиях инновационной экономики.

Седьмой критерий: международное сотрудничество в сфере инноваций, участие в международных обменах и проектах, что влияет на интеграцию опыта и знаний, а также на развитие у студентов компетенций глобального уровня.

Рассмотрим, исходя из предложенных нами критериев, оценивание преподавателя высшей школы как значимого участника переходных экономических состояний нашей страны в сторону усиления инновационной составляющей на материале современных исследований.

В частности, коллективом Лиги была издана монография «Традиции и инновации высшего образования в Российской Федерации: стратегическая роль преподавателя» [11], в которой определена стратегическая

роль преподавателя высшей школы в развитии гражданского общества и экономики нашей страны. Среди значимых характеристик преподавателя в условиях перехода к инновационной экономике авторы монографии называют соответствие таким нашим критериям, как пятый и шестой – развитие у преподавателя практических компетенций, самообразование и возможность влияния на студентов в целях воспитания гуманного, ответственного и мыслящего специалиста [11].

Вторая монография коллектива авторов Лиги, которую необходимо упомянуть, – это «Межрегиональное взаимодействие в развитии института академического наставничества в системе высшего и дополнительного профессионального образования» [12]. В книге раскрываются возможности повышения квалификации преподавателей вузов в современных условиях, т. е. условия для роста показателей по критерию образования и подготовки кадров высшей школы на высоком уровне. В частности, анализируются возможности наставничества в развитии у преподавателей высшей школы экономического мышления, цифровых компетенций. Наставничество рассматривается и как инновационный процесс (рис.) [12].

В результате в представленных монографиях под эгидой Лиги сформулированы те перемены в требованиях к личности преподавателя высшей школы, которые обусловлены переходом нашего общества к инновационной экономике.

В современных научных публикациях тема изменений, которые накладывает инновационная экономика на уровень преподавательского состава вузов, поднимается также широко и разнообразно. Рассмотрим некоторые из них в соответствии с выделенными нами выше критериями.

Рис. Роли участников наставнической деятельности как инновационного процесса в высшей школе
Fig. Mentoring as an innovative process in higher education

Н. М. Сергеева, анализируя изменения кадрового потенциала преподавателей высшей школы, выявляет следующие тенденции: существование проблемы снижения в обществе социального статуса преподавателя вуза при актуализирующейся необходимости в условиях становления инновационной экономики в том, чтобы преподаватель мог иметь больше возможностей для реализации на практике своего интеллектуального потенциала. При этом Н. М. Сергеева признает за вузами их существование и значимую роль внутри инновационной экономической среды, кроме того, вузы оказывают влияние и на ее формирование [13]. Таким образом, Н. М. Сергеева среди значимых критериев называет, прежде всего, тот, где возможна реализация интеллектуального потенциала преподавателя вуза в условиях инновационных перемен экономики общества.

Э. Р. Бердникова и соавторы считают, что в условиях перехода к инновационному типу экономики важнейшим вектором развития преподавателя высшей школы является нахождение его в системе непрерывного образования (повышения квалификации), что требует усиления работы над повышением у педагога мотивации к саморазвитию. Для достижения указанных целей автор рекомендует применять проектную деятельность, кейс-методы, мозговой штурм, дистанционное обучение [14].

В. В. Горшкова пишет, что будущее в развитии высшей школы в целом видится как педагогика исследования и проектирования, а также педагогика деятельности [15]. Преподавателю сегодня мало быть знающим человеком, поскольку цифровые ресурсы способны более быстро, нежели человек, дать необходимую информацию пользователю по запросу. Преподаватель должен встраиваться в систему непрерывности повышения квалификации для самого себя, чтобы оптимально, на основе запросов инновационной экономики, соотносить в своей деятельности традиционные и инновационные подходы, методы преподавания и общения со студентами. Его самообразовательный опыт должен действовать, по словам В. В. Горшковой, на опережение всех новых социально-экономических вызовов [15]. И с этой точкой зрения нельзя не согласиться.

В статье И. С. Батраковой и коллег подчеркивается рост потребности общества в условиях перехода к инновационному типу экономики в таких качествах преподавателя высшей школы, как готовность к изменениям в своей деятельности в соответствии с модернизацией образования; освоение новых подходов к порядку построения процесса образования с учетом инноваций; усиление совместной деятельности преподавателей вузов и студентов на основе цифровизации образования (помощь в реализации стартапов, разработке и решении кейсов, проектов), взаимообмен

информацией – не только со студентами, но и с другими потребителями информации в инновационно-ориентированном обществе [16].

Е. В. Маркова и соавторы [17] дополняют предложения И. С. Батраковой и др., делая указания на то, что в изменяющихся экономических условиях перед преподавателями высшей школы встает необходимость в участии в таких преобразованиях, как активизация научной работы в вузе на основе создания научно-инновационных структур в образовательной системе, повышения роли вузовского сектора путем участия и разработки инновационных научных исследований и проектов (преследуя целью усиление роли науки в обеспечении инноваций в развитии отечественной экономики), равно как и концентрации ресурсов в значимых областях сферы научного и технического развития, инновационной деятельности. Следование этим задачам ставит необходимость для педагогов в обучении на протяжении всей своей профессиональной жизни, воспитание у себя культуры мышления на основе инновационности [17]. Точка зрения Е. В. Марковой и коллег наиболее полно отражает выделенные нами выше критерии.

Обсуждение

Сравнение полученных результатов с данными в других исследованиях показывает, что переход общества к инновационным преобразованиям в экономике выстраивает перед преподавателем высшей школы новые векторы развития, связанные, прежде всего, с развитием его профессионализма, требованиями к непрерывному процессу самообразования, развитием практических компетенций (у себя, своих коллег и студентов), что диктуется изменениями, происходящими в обществе, и запросами, исходящими из него.

Мы согласны с А. Р. Баяновой в том, что поступают запросы на рост конкурентоспособности преподавателей вузов, для чего необходимо существенно трансформировать систему повышения квалификации, а вузу – способствовать выбору направления для реализации карьерных стратегий индивидуально для каждого из преподавателей [18]. Также мы солидарны с Т. В. Громовой [19] в том, что современная инновационная экономика ставит перед преподавателем вуза необходимость работы в условиях нового функционала, когда на него возлагаются, помимо собственно преподавания, функции организатора, функции проектирования, консультирования, фасилитации, супервизии, репетитора и много других, что позволяет свидетельствовать о том, что профессия преподавателя высшей школы обретает инновационные черты. Для достижения этого М. А. Малькова называет эффективным средством планирование и программирование профессионального самосознания,

т. е. перед преподавателем высшей школы стоит задача созидать самого себя как личность, при этом сохраняя определенную самодостаточность [20].

Мы разделяем мнение С. В. Бруева и соавторов о том, что решение перечисленных вопросов предполагает организацию систематической работы по повышению у вузовских преподавателей квалификации, значимая часть этой работы должна быть посвящена практическим аспектам применения новейших образовательных методик и технологий [21]. Мы согласны с точкой зрения О. Е. Широковой о том, что в наши дни профессионализм преподавателя высшей школы оценивается не только с позиций полноты профессиональной компетенции, но и с учетом наличия универсальных умений, необходимых для эффективной работы в условиях инновационной экономики [22]. Мы разделяем взгляды Т. Е. Исаевой в том, что преподаватель вуза сегодня вынужден покинуть пространство «кабинетной» науки, чтобы представить на суд широкой общественности свои квалификационные заслуги и спектр достижений в их полном и правдивом описании не только в научной, но и в методической отрасли – для того, чтобы оставаться конкурентоспособным специалистом [23]. Мы поддерживаем мысль Е. Ю. Карамышевой и Е. В. Щанина о том, что сложности динамики статуса преподавателя вуза компенсируются интересом к собственной работе и творческим ее характером, которые имеют большое значение для современных кадров высшей школы – несмотря на трансформационные процессы в системе образования [24]; преодолевать трудности преподавателям высшей школы, по словам Д. А. Фомичевой, способен помочь процесс самообразования – это тот актив, который направляет преподавателя вслед за требованиями изменяющейся системы образования [25].

Литература / References

1. Романкова Л. И. Преподаватель высшей школы как профессия. *Экономика образования*. 2001. № 6. С. 27–38. [Romankova L. I. University professor as a profession. *Economics of education*, 2001, (6): 27–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncfoar>
2. Кузьминов Я. И. Наши университеты. *Высшее образование сегодня*. 2007. № 10. С. 8–15. [Kuzminov Ya. I. Our universities. *Higher Education Today*, 2007, (10): 8–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mtgkhz>
3. Лейбович О. Л. Преподаватель вуза: кризис идентичности. *Высшее образование в России*. 2007. № 2. С. 49–61. [Leybovich O. L. University lecturer: Identity crisis. *Higher Education in Russia*, 2007, (2): 49–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/munecd>
4. Геворкян Е. Н. Кадры высшей школы: актуальное состояние. *Высшее образование в России*. 2006. № 9. С. 23–31. [Gevorkyan E. N. Faculty: Current status. *Higher Education in Russia*, 2006, (9): 23–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijwmgh>
5. Ларионова М. А. Преподаватель вуза – субъект модернизации образования. *Высшее образование в России*. 2007. № 12. С. 29–32. [Larionova M. A. A university professor is a subject of education modernization. *Higher Education in Russia*, 2007, (12): 29–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijjnzz>

Заключение

Дальнейшие перспективы исследования заключаются, с нашей точки зрения, в том, чтобы продолжать сближать науку и практику, образовательные возможности вуза и потребности инновационной экономики, что будет ставить перед преподавателями высшей школы задачи, связанные со следованием, а в идеале – с опережением ответа на вопросы, задаваемые экономическим ходом развития общества. Это означает расширение компетенций преподавателей и овладение новыми, способность обучать студентов в тесной связи с актуальными практическими запросами, поступающими от экономики, рынка труда.

Переход общества к инновационной экономике актуализирует запросы общества к созданию инновационной среды для развития будущих специалистов, обладающих уже на старте карьеры высокими профессиональными компетенциями. Значимым участником создания подобной среды является высшая школа. При этом вузы сегодня не просто элементы этой среды, но и ее активные преобразователи – все это порождает вопросы к высшей школе о соответствии запросам и потребностям экономики преподавательского корпуса, кадрового обеспечения вузов в целом. Развитие экономики будет успешным только тогда, когда оно будет тесно сопряжено с наукой, что требует формулировки и постановки новых векторов развития для преподавателей высшей школы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

6. Балакина А. П. Кадровое воспроизводство высшей школы как фактор развития экономики знаний. *Право и образование*. 2006. № 3. С. 51–60. [Balakina A. P. Personnel reproduction of higher education as a factor in the development of the knowledge economy. *Law and Education*, 2006, (3): 51–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kutncz>
7. Астахова Е. В. Университетский преподаватель в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений. *Вчерни записки ХГУ «НУА»*. 2010. № 3. С. 22–31. [Astahova E. V. University professor in the context of social shift to an innovation economy: Vectors of change. *Vcherni zapiski KhGU "NUA"*, 2010, (3): 22–31. (In Russ.)]
8. Лаптева А. В., Дадашева В. А., Ефимов А. В., Румянцев М. В. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030. Красноярск: СФУ, 2012. 182 с. [Lapteva A. V., Dadasheva V. A., Efimov A. V., Rumyantsev M. V. *The future of higher schools in Russia: Expert opinion. Foresight study – 2030: Analytical report*. Krasnoyarsk: SFU, 2012, 182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sciqhd>
9. Урусова Л. Х., Шигалугова М. Х. Модернизация системы образования в России: плюсы и минусы. *Образование и право*. 2022. № 6. С. 182–187. [Urusova L. H., Shigalugova M. H. Modernization of the educational system in Russia: Advantages and disadvantages. *Education and law*, 2022, (6): 182–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-6-182-187>
10. Любимов Л. Л. Авторская концепция модернизации общего образования. *Современная аналитика образования*. 2020. № 2. С. 1–80. [Lubimov L. L. Author's concept of school education modernization. *Sovremennaiia analitika obrazovaniia*, 2020, (2): 1–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mgfzeb>
11. Традиции и инновации высшего образования в Российской Федерации: стратегическая роль преподавателя, ред. Е. В. Ляпунцова, Ю. М. Белозерова, И. И. Дроздова. М.: КНОРУС, 2022. 166 с. [Traditions and innovations of higher education in the Russian Federation: The strategic role of a university professor, eds. Lyapunsova E. V., Belozerova Yu. M., Drozdova I. I. Moscow: KNORUS, 2022, 166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjdkfe>
12. Августа Е. Н., Ананьев В. Н., Айнштейн В. Г. и др. Межрегиональное взаимодействие в развитии института академического наставничества в системе высшего и дополнительного профессионального образования. М.: Образование.Пресс, 2023. 344 с. [Avgusta E. N., Ananyev V. N., Einstein V. G. et al. *Interregional cooperation in the development of the Institute of Academic Mentoring in the system of higher and additional professional education*. Moscow: Obrazovanie.Press, 2023, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mkkqov>
13. Сергеева Н. М. Тенденции и изменения кадрового потенциала высшей школы страны. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 1. С. 247–250. [Sergeeva N. M. Trends and changes in the personnel potential of higher education in the country. *Baltic humanitarian journal*, 2021, 10(1): 247–250. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0056>
14. Бердникова Э. Р., Матурова Э. З., Яшкова Н. В. Организационно-мотивационные аспекты повышения квалификации преподавателей высшей технической школы. *Актуальные проблемы современного транспорта*. 2021. № 1. С. 35–42. [Berdnikova E. R., Maturova E. Z., Yashkova N. V. Organizational and motivation aspects of the training of teachers of a higher technical school. *Aktualnye problemy sovremennogo transporta*, 2021, (1): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzyipv>
15. Горшкова В. В. Проблематизация состояния профессионально-педагогической деятельности преподавателя современной высшей школы. *Образование, инновации, исследования как ресурс развития общества*: II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 июня 2024 г.) Чебоксары: Среда, 2024. С. 200–204. [Gorshkova V. V. Problems of professional and pedagogical activity of university academic staff. *Education, innovation, and research as a resource for community development*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 13 Jun 2024. Cheboksary: Sreda, 2024, 200–204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eogwmp>
16. Батракова И. С., Глубокова Е. Н., Писарева С. А., Тряпицына А. П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования. *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 8-9. С. 9–19. [Batrakova I. S., Glubokova E. N., Pisareva S. A., Tryapitsyna A. P. Changes in university teacher's pedagogical activity in the context of digitalization of education. *Higher Education in Russia*, 2021, 30(8-9): 9–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19>
17. Маркова Е. В., Денисова Т. В., Аль Дарабсе А. М. Ф. Инновации образования и образовательные инновации в условиях современного вуза. *Современные направления развития науки в животноводстве и ветеринарной медицине*: Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 25 апреля 2019 г.) Тюмень: ГАУ Северного Зауралья, 2019. С. 358–362. [Markova E. V., Denisova T. V., Al Darabseh A. M. F. Educational innovations and educational innovations in the conditions of the modern higher education institution. *Modern trends in the development of science in animal husbandry and veterinary medicine*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Tyumen, 25 Apr 2019. Tyumen: Northern Trans-Ural State Agricultural University, 2019, 358–362. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndzcgv>

18. Баянова А. Р. Организационно-педагогические условия развития конкурентоспособности преподавателя высшей школы. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2020. № 3. С. 159–165. [Bayanova A. R. Organizational and pedagogical conditions for development of university lecturer competitiveness. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2020, (3): 159–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.108.3.018>
19. Громова Т. В. Готовность преподавателей высшей школы к цифровой трансформации образования. *Вестник педагогических наук*. 2024. № 3. С. 215–221. [Gromova T. V. Readiness of higher school teachers towards the digital transformation of education. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, 2024, (3): 215–221. (In Russ.)] <https://doi.org/10.62257/2687-1661-2024-3-215-221>
20. Малькова М. А. Интегративные уровневые характеристики профессионально-личностного развития преподавателя высшей школы. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 78-4. С. 77–81. [Malkova M. A. Integrative level characteristics of professional and personal development of a teacher of higher education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2023, (78-4): 77–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wupklp>
21. Бруев С. В., Емельянова И. Е., Рябова Е. В. Особенности педагогической культуры преподавателя высшей школы в современных социокультурных условиях. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 80-3. С. 30–33. [Bruev S. V., Emelyanova I. E., Ryabova E. V. Features of pedagogical culture of a high school teacher in modern socio-cultural conditions. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2023, (80-3): 30–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/amuequ>
22. Широкова О. Е. Профессиональное развитие преподавателя высшей школы. *Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы*: Всерос. (национальная) науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Красноярск – Челябинск – Омск – Нижний Новгород – Санкт-Петербург – Москва, 7–23 ноября 2023 г.) Красноярск: КрасГАУ, 2024. С. 422–423. [Shirokova O. E. Professional development of a higher education teacher. *Professional identity of youth in innovative region: Problems and prospects*: Proc. All-Russian (national) Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Krasnoyarsk – Chelyabinsk – Omsk – Nizhny Novgorod – St. Petersburg – Moscow, 7–23 Nov 2023. Krasnoyarsk: KrasSAU, 2024, 422–423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yblwcu>
23. Исаева Т. Е. Цифровой имидж преподавателя высшей школы: теоретическое обоснование целесообразности создания. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 7. С. 130–138. [Isaeva T. E. Digital image of a university teacher: A theoretical justification for the feasibility of creating. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, (7): 130–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2022.7.18>
24. Карамышева Е. Ю., Щанина Е. В. Проблемы формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы. *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 5. С. 58–62. [Karamysheva E. Y., Shchanina E. V. Problems of formation of social and professional identity of higher school teachers. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2024, (5): 58–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ibhppk>
25. Фомичева Д. А. Самообразование как способ повышения психолого-педагогической компетентности преподавателей высшей школы. *Актуальные проблемы педагогики и психологии*: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 апреля 2023 г.) М.: МГИК, 2023. С. 310–316. [Fomicheva D. A. Self-education as a way to improve the psychological and pedagogical competence of teachers of higher education. *Current problems of pedagogy and psychology*: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 13 Apr 2023. Moscow: MSIC, 2023, 310–316. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfzntw>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ozgawt>

Подготовка педагогических кадров по математике и информатике: опыт, проблемы, перспективы

Глухова Ольга Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5808-8216

<https://orcid.org/0000-0002-7436-4793>

Русакова Нина Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3175-6134

<https://orcid.org/0000-0002-6949-6935>

rusakovana@mail.ru

Аннотация: Вызовы современного общества требуют от системы образования подготовки кадров в области инженерных и цифровых технологий, а также развития фундаментальных наук. Все это вызывает необходимость хорошего математического образования, которое лежит в основе фундаментальных и прикладных исследований. Вместе с тем в последние годы наблюдается снижение уровня математической подготовки абитуриентов, поступающих в вузы, что связано в том числе с нехваткой педагогических кадров в школах. Актуализируются вопросы, связанные с подготовкой будущих педагогов по математике и информатике, обладающих как фундаментальными знаниями по предмету, так и методическими приемами, профессиональными педагогическими компетенциями. Цель – рассмотреть опыт подготовки преподавательских кадров в условиях классического университета. Выделены отличительные черты современного педагога. Показаны возможности подготовки преподавателя математики и информатики в рамках не только традиционных педагогических направлений, но и на других направлениях путем изменения учебных планов и включения в них педагогического блока. Отдельно обсуждаются вопросы предоставления студентам и выпускникам вуза возможности получения квалификации «Преподаватель» в рамках дополнительной профессиональной подготовки. На примерах по отдельным направлениям продемонстрирована реализация профессиональной подготовки специалистов. В результате определены задачи и перспективы подготовки педагогов по математике и информатике для системы образования Кемеровской области – Кузбасса.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, компетенция, качество подготовки, педагогическое образование, подготовка будущих учителей, образовательный процесс

Цитирование: Глухова О. Ю., Русакова Н. А. Подготовка педагогических кадров по математике и информатике: опыт, проблемы, перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 95–103. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-95-103>

Поступила в редакцию 07.12.2024. Принята после рецензирования 09.01.2025. Принята в печать 09.01.2025.

full article

Training Future Teachers of Mathematics and Computer Science: Experience, Problems, and Prospects

Olga Yu. Glukhova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5808-8216

<https://orcid.org/0000-0002-7436-4793>

Nina A. Rusakova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3175-6134

<https://orcid.org/0000-0002-6949-6935>

rusakovana@mail.ru

Abstract: Engineering, digital technologies, and fundamental sciences are experiencing personnel shortage. Profound mathematical education is the basis of fundamental and applied research. However, university applicants have recently been demonstrating poor results in Mathematics, probably, as a result of understaffing in schools. Schools need teachers of Mathematics and Computer Science with fundamental knowledge of the subject, advanced teaching methodology, and professional pedagogical competencies. The author examined the experience of teachers' training at classical universities to profile a modern school teacher. Future teachers of Mathematics and Computer Science should not have to major in pedagogy: a block of pedagogical and methodical disciplines can be integrated into various curricula to provide university graduates with a teaching qualification. The article introduces some

case studies and recommendations on how to improve teachers' training in mathematics and computer science in the Kemerovo Region (Kuzbass).

Keywords: professional training, competence, quality of training, pedagogical education, teachers' training, academic process

Citation: Glukhova O. Yu., Rusakova N. A. Training Future Teachers of Mathematics and Computer Science: Experience, Problems, and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 95–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-95-103>

Received 7 Dec 2024. Accepted after review 9 Jan 2025. Accepted for publication 9 Jan 2025.

Введение

Система российского образования на современном этапе развития общества претерпевает существенные изменения, связанные со сменой модели культурно-исторического развития. Но какие бы реформы не проходили в системе образования, в итоге они замыкаются на конкретном исполнителе: учителе, преподавателе. Именно педагог является основной фигурой при внедрении в практику различных инноваций, и для успешной реализации в новых условиях поставленных перед ним задач должен обладать необходимым уровнем профессиональной компетентности [1].

В 2023 г. была принята Концепция технологического развития на период до 2030 г.¹ В этом документе отмечается первоочередной задачей подготовка кадров для технологической сферы (технологических и инженерных специальностей, математики, информатики и других направлений в области естественных наук). Успешное обучение студентов по этим направлениям требует хорошей подготовки выпускников школ по математике и информатике. Однако, как показывают исследования, даже студенты, поступившие с достаточно высокими баллами (180 и выше), не всегда обладают достаточными знаниями по математике, необходимыми для обучения на таких направлениях подготовки [2–4].

В Перечне поручений по итогам заседания Совета при Президенте по науке и образованию в 2024 г. рассматриваются вопросы «по повышению качества преподавания математики и естественно-научных предметов в системе общего образования, предусматривающих в том числе повышение качества подготовки учителей, преподающих эти предметы, и устранение дефицита таких учителей в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях»².

В таблице 1 представлены статистические данные Министерства просвещения Российской Федерации по численности и вакансиям учителей математики и информатики в Кемеровской области – Кузбассе³.

Как видно из данных таблицы 1, число вакансий как по математике, так и по информатике увеличилось на 20 и 15 %. Кроме того, можно заметить, что практически все преподаватели работают на 2 ставки, что свидетельствует о нехватке учителей по математике и информатике.

Еще одна проблема обеспеченности педагогическими кадрами по рассматриваемым предметам – «старение» учительского корпуса. Министерство просвещения приводит следующие данные по возрастным категориям на 2023/2024 учебный год: учителей математики до 35 лет – 260 человек, 60 лет и старше – 337 человек. По информатике эти цифры составляют 145 и 41 человек соответственно. По уровню

Табл. 1. Численность и вакансии учителей математики и информатики в Кемеровской области – Кузбассе
Tab. 1. Job market for teachers of Mathematics and Computer Science in the Kemerovo Region

Показатель	Математика	Информатика
Число ставок	3202,51	928,95
Численность работников	1543	529
Вакансии 2023/2024 учебный год	61	19
Принято	242	69
Уволилось	250	74
Вакансий на начало 2024/2025 учебного года	75	22

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ № 1315-р от 20.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по науке и образованию от 08.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/> (дата обращения: 01.11.2024).

образования учителей математики с высшим образованием 1467 человек, из них имеют педагогическое образование – 1419. Учителей информатики с высшим образованием – 474, из них педагогическое образование имеют только 447 человек. Остальные учителя имеют среднее специальное образование или являются студентами старших курсов⁴.

Таким образом, проблема подготовки высококвалифицированных педагогических кадров по математике и информатике является актуальной в Кемеровской области. Личность учителя, преподавателя выступает определяющей фигурой в образовании. От уровня его профессиональной компетентности, способности к профессиональному развитию, личностных качеств напрямую зависят результаты успешности обучающегося [5–7]. В Кемеровском государственном университете (КемГУ) накоплен большой опыт подготовки педагогических кадров по математике и информатике, однако выявление проблем и поиска путей их решения – важная задача, стоящая перед учеными и преподавателями университета.

Проблемы профессиональной подготовки учителей рассматривались различными авторами [8–12]. В связи с этим укажем несколько аспектов:

- изучение факторов, влияющих на выбор специальности;
- организация обучения в области педагогического образования;
- адаптация молодых учителей в начале их педагогической деятельности.

В зависимости от того, насколько осознанно абитуриенты делают выбор направления своей будущей подготовки, во многом зависит успешность их обучения. Также на это оказывает большое влияние уровень их школьной подготовки по математике и информатике.

К современным выпускникам-педагогам по математике и информатике предъявляются высокие требования. Качество образования, как указывается в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», определяется не только федеральным образовательным стандартом и потребностями заказчика, но и личностными и социальными ожиданиями человека⁵. Исходя из этого, необходимо было выделить мотивы, которые повлияли на выбор профессии педагога [13; 14]. Представим 2 вида факторов: внешние (осведомленность о профессии учителя, советы родителей и учителей, популярность профессии в обществе) и внутренние (творческий характер профессии, возможность заниматься любимым делом, быть полезным людям) [15]. Изучение данных мотивов позволяет определить проблемы и пути их решения

в подготовке педагогических кадров в области математического образования и информатики.

В ходе обучения студенты овладевают не только теоретическими знаниями. Перед вузом стоит задача подготовить выпускников, обладающих комплексом компетенций, в том числе необходимых для профессиональной деятельности [16–18]. Таким образом, можно выделить такие компетенции, как специальная (в области преподаваемой дисциплины), методическая, социально-психологическая.

Что касается подготовки будущего учителя, а особенно учителя математики и информатики, то мы понимаем, что математика представляет собой довольно сложный предмет, поэтому важно постоянно поддерживать у обучающихся желание учиться. Это утверждение справедливо как для школьников, так и студентов. Поэтому, говоря о формировании профессиональных компетенций, необходимо уделять большое внимание таким аспектам, как интерес к профессии и предмету, самостоятельность и потребность в профессиональном росте.

Л. Н. Толстой говорил: «Не тот учитель, кто получил воспитание и образование учителя, а тот, у кого есть внутренняя уверенность в том, что он есть, должен быть и не может быть иным. Эта уверенность встречается редко и может быть доказана только жертвами, которые человек приносит своему призванию» [цит. по: 19, с. 11].

Результаты

Классический университет традиционно является кузницей педагогических кадров. На протяжении многих лет, начиная с момента основания университета, для системы образования Кузбасса было подготовлено много специалистов. И практически в каждой школе Кемеровской области есть учителя математики и информатики, которые закончили КемГУ. Однако, как было показано ранее, в настоящее время система образования испытывает острую нехватку учителей математики и информатики, что, безусловно, сказывается на уровне математического образования выпускников области.

В КемГУ реализуется профессиональная подготовка педагогов математики и информатики по нескольким направлениям.

Первым и основным направлением подготовки учителей математики и информатики выступает направление 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Математика и информатика»; стандарт предусматривает получение двойной квалификации при увеличении сроков обучения – 5 лет

⁴ Там же.

⁵ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012. Ст. 12. СПС КонсультантПлюс.

(300 з. е.), данное направление реализует Институт образования⁶.

Выбор направления подготовки по двум предметам является оправданным [20]. Во-первых, учителя информатики должны обладать глубокими знаниями по математике, а учителя математики, в свою очередь, не обходятся на уроках без современных информационных технологий. Кроме этого, наличие подготовки по двум предметам делает выпускников конкурентноспособными, позволяет решать проблемы с кадрами в регионе.

Подготовка по указанному направлению началась в 2015 г. на очном отделении (ДО), в 2017 г. добавился набор на заочное отделение (ОЗО). Результаты обучения по этому направлению приведены в таблице 2 (год набора 2017 представлен цифрами по заочному отделению, 2018 – по дневному и заочному отделению, остальные – дневное обучение).

Система образования Кемеровской области получила 50 педагогов по математике и информатике (табл. 2). Однако заметим, что далеко не все выпускники данного направления после окончания университета работают по специальности. В ходе настоящего исследования изучались факторы, которые повлияли на выбор студентами педагогической специальности, и их отношение к выявленным факторам в конце обучения.

В таблице 3 представлены результаты анкетирования, которое проводилось на первом и пятом курсах.

Как показано в таблице 3, целенаправленный выбор (желание стать педагогом) в начале обучения сделали лишь 11 % студентов. Причинами, которые обусловили выбор этого направления подготовки, называют, в частности, нехватку баллов для поступления на другие специальности и просто желание учиться в университете. На 5 курсе уже 84 % студентов говорят о желании стать педагогом. Это свидетельствует о том, что в институте образования на хорошем уровне ведется подготовка студентов. Как отмечают студенты, наличие большого количества разнообразных практик, включенных в учебный план, позволило им лучше понять сущность педагогической деятельности, получить навыки такой деятельности. Кроме того, включение в образовательную программу курсов по методике преподавания отдельных предметов, специальных курсов дало возможность студентам освоить не только недостающие знания по основам математики и информатики, но и более глубоко изучить эти предметы, что является необходимым для современного педагога. Поэтому неслучайно ежегодно выпускники направления показывают высокие результаты: выпуск 2020 года: из 13 человек – 6 красных дипломов; выпуск 2023 года: из 13 человек – 10; выпуск 2024 года: из 13 человек – 5. Таким образом, большая часть студентов, обучающихся по направлению Педагогическое образование (профиль «Математика и информатика»), стремятся к высокому уровню своих знаний [21].

Табл. 2. Профессиональная подготовка по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Математика и информатика»

Tab. 2. Education program 44.03.05 Pedagogical education with two majors: Mathematics and Computer Science

Показатель	2015–2020 ДО	2017–2022 ОЗО	2018–2023 ДО/ОЗО	2019–2024 ДО	2020–2025 ДО
Набор	15	10	15 / 10	15	15
Выпуск	13	9	13 / 8	13	12 ожидаем
Целевой набор	5	0	2 / 0	3	2
Работают в системе образования	9	8	12 / 8	13	9 работают

Табл. 3. Причины выбора педагогического образования, % от числа обучающихся

Tab. 3. Rationale behind choosing pedagogical education, % total students

Причина	В начале обучения (1 курс)	В конце обучения (5 курс)
Целенаправленный выбор (желание стать педагогом)	11	84
Престижность специальности	13	12
Желание быть востребованным в жизни	12	76
Уверенность в будущем трудоустройстве	15	88

⁶ ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Утвержден приказом Минобрнауки РФ № 125 от 22.02.2018. ИПП Гарант.

Выпускники этого направления обладают отличительными чертами современного педагога, который постоянно самосовершенствуется, самокритичен, эрудирован и у него высокая культура труда.

Нами был проведен опрос среди руководства и педагогов школ Кемеровской области по вопросам удовлетворенности ими студентами, проходящими практику в школах на 5 курсе, и выпускниками вуза, пришедшими работать в школу. Всего в анкетировании участвовало 26 учителей и завучей школ, оценивалась деятельность 51 студента и выпускника. Оценка проводилась в пятибалльной системе. Поскольку среди студентов не было тех, кто получил оценку удовлетворительно и неудовлетворительно, в таблице 4 отмечены только оценки отлично и хорошо.

Педагоги школ и руководящие работники высоко оценивают знания и потенциал студентов, обучающихся по специальности 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Математика и информатика» (табл. 4). При этом по договору целевого обучения поступило и завершило обучение по очной форме обучения всего 20 % студентов.

Еще одна возможность расширить количество выпускников вуза для дальнейшей работы в системе образования – осуществлять такую подготовку в рамках других направлений. Это требует некоторой переработки учебных планов. В КемГУ подготовка педагогических кадров осуществляется также в рамках двух направлений института фундаментальных наук: 01.03.01 Математика направленность (профиль) программы «Вещественный, комплексный и функциональный анализ» и 02.03.01 Математика и компьютерные науки направленность (профиль) программы «Математический анализ и приложения». Государственный образовательный стандарт по этим направлениям подготовки предусматривает получение двойной квалификации за счет профессиональной переподготовки без увеличения сроков обучения – 4 года (240 з.е.).

Однако студенты по направлениям «Математика» и «Математика и компьютерные науки» больше ориентированы на другие виды деятельности: научную, исследовательскую и др. Поэтому пропаганда среди студентов важности преподавательской работы требует дополнительных мероприятий. Для этой цели в учебный план данных направлений встроены модуль «Педагогические науки», который включает в себя предметы: Методика преподавания математики, Практикум по решению задач и т.п. Также по этим направлениям предусмотрена одна педагогическая практика, позволяющая студентам получить начальные навыки педагогической деятельности. Благодаря этому появляется возможность подготовки учителей математики для сферы образования.

Назовем еще одну возможность увеличить количество выпускников, которые могли бы работать в школах и колледжах – получение ими дополнительной квалификации «Преподаватель математики и информатики» по программе профессиональной переподготовки «Преподаватель».

В современных условиях студенты имеют возможность получать не одну, а две квалификации, выстраивать собственную траекторию обучения [13]. Подготовка специалистов, востребованных на рынке труда, может быть решена, в частности, за счет получения дополнительной квалификации. Модель обучения, позволяющая бесплатно получать несколько квалификаций, была разработана Министерством науки и высшего образования РФ в рамках поручения Президента РФ [22].

В КемГУ работает программа дополнительного профессионального образования (ДПО), в рамках которой студенты могут получить квалификацию «Преподаватель» по направлению «Математика и информатика». Первоначально программа ДПО реализовывалась платно, последние 4 года для студентов-математиков по программе Министерства образования Кузбасса – бесплатно. На данной программе переподготовки учатся не только студенты математики,

Табл. 4. Оценка качества подготовки выпускников, %
Tab. 4. Assessment of training quality by graduates, %

Вопросы	Отлично	Хорошо
Обладают хорошими знаниями по предмету	89	11
Проявляют инициативу и самостоятельность	74	26
Связывают изучаемый материал с практической жизнью	88	12
Владеют разнообразными формами и методами учебной работы	82	18
Оценивают не только предметные достижения, но и развитие личностных качеств	71	29
Владеют методами воспитательной работы	77	23
Готовы к повышению своего профессионального уровня	81	19

но и студенты других направлений института фундаментальных наук: Физика, Химия. Кроме этого, эту квалификацию могут получить и выпускники прошлых лет на платной основе.

Таким образом, в КемГУ реализуется модель получения диплома с двумя квалификациями на базе Института фундаментальных наук и других институтов по получению профессиональной подготовки преподавателей математики и информатики. Суть этой модели: выпускники получают основной диплом и квалификацию «Бакалавр» по соответствующему направлению и вторую квалификацию по программе Профессиональной переподготовки «Преподаватель» квалификация «Преподаватель математики и информатики». В таблице 5 указано распределение по годам слушателей программы ДПО «Преподаватель».

Табл. 5. Количество слушателей дополнительного профессионального образования

Tab. 5. Students of additional professional education

Год выпуска	Бесплатное обучение	Платное обучение
2022	6	19
2023	14	4
2024	12	11
2025	23	7

За последние 4 года квалификацию «Преподаватель математики и информатики» получили 96 человек (табл. 5). Причем отметим, все слушатели выбрали возможность получить дополнительную квалификацию педагога вполне осознанно, поскольку все уже являются либо студентами 4 курса, либо выпускниками вуза. Получение квалификации именно педагога они рассматривают как дополнительную конкурентоспособность на рынке труда, мобильность, возможность реализовать свою востребованность в обществе. При этом только 65 % слушателей рассматривают возможность работать учителем сразу после окончания вуза, остальные считают, что могут воспользоваться этой возможностью в дальнейшем.

В настоящее время в КемГУ ведется подготовка ИТ-специалистов в Институте цифры. Как показало исследование, студенты этих специальностей также проявляют интерес к получению дополнительной квалификации «Преподаватель математики и информатики». Введение новой модели «перевернутого учебного плана» для бакалавров при обучении ИТ-специалистов для цифровой экономики позволяет им на старших курсах получать дополнительную квалификацию, т. к. профессиональные компетенции формируются у них на первых двух курсах, а освоение части

фундаментальных и общих дисциплин при этом переносится на старшие курсы [23; 24]. Получение ими квалификации «Преподаватель математики и информатики» они связывают с возможностью в дальнейшем работать в ИТ компаниях или в вузе.

Подготовка учителей математики и информатики осуществлялась в институте образования с 2015 г. В 2025 г. будет осуществлен последний выпуск студентов по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Математика и информатика»). Таким образом, в настоящее время пополнение педагогами сферы образования по математике и информатике может быть только за счет студентов-математиков и слушателей, получающих дополнительное образование. В результате нехватка учителей математики и информатики только увеличится. Тем более что последние 3–4 года многие студенты начинали работать в школах с третьего курса, что частично способствовало решению проблемы нехватки учителей.

С 2022 г. Институт образования начал реализацию программы по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Начальное образование и информатика». Выпуска по данной программе не было, и нам пока не ясно, будут ли выпускники этой программы учителями, преподавателями информатики, поскольку большинство из них ориентированы на работу в начальных классах.

В 2024 г. Институт образования открыл набор на программу 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Математика и естественные науки», но стоит большой вопрос: продолжит ли университет набор на данную программу.

Выбор направления, названного выше, заключается в том, что области нужны молодые специалисты по математике и естественным наукам, но участвовать в целенаправленной профориентационной работе через систему целевого набора и другие формы работы с вузом у школ нет возможности. В 2024 г. набор сделан, но с большим трудом. Сложность набора связана с тем, что приведенная программа направлена на подготовку учителей сразу по нескольким предметам: математика, физика, химия, биология. И далеко не все выпускники школ, поступающие на педагогическое образование, обладают необходимой школьной подготовкой и готовы к такому разнообразию предметов. В этом случае более целесообразно остановиться на двух близких профилях, как это было при реализации профиля подготовки «Математика и информатика».

Вторая проблема будущего набора на педагогические специальности по математике, информатике, естественным наукам заключается в том, что начиная с 2025 г. изменится набор вступительных испытаний – он будет четко связан с профилем программы.

Для направления 44.03.05 Педагогическое образование, направленность (профиль) программы «Математика и естественные науки» представлен следующий набор вступительных испытаний: русский язык, математика (профиль), физика / химия / биология (по выбору), а направленность (профиль) программы «Начальное образование и информатика» включает вступительные испытания: русский язык, математика (профиль), информатика. Для абитуриентов непрофильных направлений это достаточно сложно. Абитуриенты, успешно сдавшие ЕГЭ по профильной математике, физике, информатике, за редким исключением, выбирают для себя будущее, связанное с педагогикой.

Решением вопросов набора на педагогические специальности и, соответственно, подготовки учителей математики и информатики может быть расширение профориентационной работы в школах, увеличение количества педагогических классов, расширение взаимодействия вуза и школ по вопросам профессионального самоопределения школьников и ориентация их на педагогическую деятельность [25]. Увеличить количество абитуриентов, поступающих на направление подготовки «Педагогическое образование», можно за счет целевого обучения, тем более что такие студенты по окончании вернутся в школы. Однако целевой набор каждый год сокращается, создается впечатление, что школы не заинтересованы в подготовке кадров. Для организации целевого набора необходима организация взаимодействия школ и управлений образованием на муниципальном и областном уровнях.

Заключение

Опыт подготовки педагогических кадров по математике и информатике в классическом университете имеет глубокие корни. Острая нехватка учителей в школах, с одной стороны, и требования, предъявляемые к выпускникам школ, с другой, ставят перед университетом задачи более широкой подготовки и переподготовки учителей математики и информатики как в форме традиционного обучения, так и в форме получения дополнительной квалификации «Преподаватель». Несмотря на невысокий уровень популярности профессии учитель, количество студентов,

получающих вторую квалификацию, увеличивается, поскольку она дает дополнительные возможности в дальнейшем гарантированно найти работу. Таким образом, развитие системы дополнительного образования позволяет частично решать вопросы по подготовке в области педагогического образования.

С учетом имеющегося опыта в подготовке преподавательских кадров по математике и информатике можно выделить ряд направлений деятельности по решению вопроса обновления и увеличения числа педагогических кадров в системе образования Кемеровской области. Основным направлением является подготовка студентов по соответствующим специальностям. Поэтому есть необходимость возобновления набора по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность (профиль) программы «Математика и информатика». Также необходима системная работа всех заинтересованных лиц (университета, школы, управления образованием в области) по привлечению выпускников школ. Развитие и расширение педагогических классов в области, взаимодействие школ с такими классами с университетом даст возможность обеспечить профессиональное самоопределение школьников и сделать ими осознанный выбор профессии педагога. Увеличение числа абитуриентов, поступающих по целевому набору, позволит, с одной стороны, обеспечить набор на соответствующие педагогические специальности, а с другой – регулировать и улучшать обеспеченность педагогами школ Кемеровской области.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Семенов А. С., Абылкасымова А. Е. Подготовка будущего учителя математики – ключ к изменениям. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2024. Т. 22. № 2. С. 9–28. [Semenov A. L., Abylkassymova A. E. Training the future mathematics teacher: The key to change. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 2024, 22(2): 9–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/LPEJ-24-13>
2. Кондаурова И. К., Захарова Т. Г., Гусева М. А. Региональный опыт подготовки и профессионального становления будущих педагогов-математиков в условиях модернизации среднего и высшего математического образования. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2014. № 4. С. 81–84. [Kondaurova I. K., Zaharova T. G.,

- Guseva M. A. Regional experience training and professional formation of the future teacher of mathematics in the modernization of secondary and higher mathematical education. *Baltic Humanitarian Journal*, 2014, (4): 81–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfaccl>
3. Канева Е. А. Анализ сформированности специальных способностей будущих учителей математики и информатики. *Московский педагогический журнал*. 2024. № 1. С. 137–146. [Kaneva E. A. Analysis of the formation of special abilities of future teachers of mathematics and computer science. *Moscow Pedagogical Journal*, 2024, (1): 137–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2949-4974-2024-1-137-146>
  4. Шурко Г. К. Принципы довузовской подготовки будущих учителей математики и информатики. *Дидактика математики: проблемы и исследования*. 2017. № 46. С. 64–71. [Shurko G. K. Principles of dovuzovsky preparation of future teachers of mathematics and informatics. *Didactics of mathematics: Problems and Investigations*, 2017, (46): 64–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqrgwn>
  5. Шакирова Л. Р., Фалилеева М. В. Цифровые компетенции учителя математики и информатики: анализ опроса работодателей. *Новые информационные технологии в образовании и науке*. 2022. № 5. С. 107–115. [Shakirova L. R., Falileeva M. V. Digital competencies of a teacher of mathematics and computer science: Analysis of a survey of employers. *Novye informatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke*, 2022, (5): 107–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/2587-6910-2022-05-107-115>
  6. Глуханюк Н. С. Психологические основы развития педагога как субъекта профессионализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2001. 40 с. [Glukhanyuk N. S. *Psychological foundations of development of a teacher as a subject of professionalization*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2001, 40. (In Russ.)]
  7. Комаревцева Е. А. Личностная и профессиональная зрелость специалиста. *Ананьевские чтения: науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2006 г.)* СПб.: СПбГУ, 2006. С. 257–259. [Komarevtseva E. A. Personal and professional maturity of a specialist. *Ananyev Readings: Proc. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 24–26 Oct 2006*. St. Petersburg: SPbSU, 2006, 257–259. (In Russ.)]
  8. Синчуков А. В. Математическая подготовка современного учителя математики и информатики. *Инновационная наука*. 2016. № 11-1. С. 173–175. [Sinchukov A. V. Mathematical training of a modern teacher of mathematics and computer science. *Innovation science*, 2016, (11-1): 173–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzuncr>
  9. Шурко Г. К. Теоретические основы подготовки учителя с двумя профилями: математики и информатики. *Дидактика математики: проблемы и исследования*. 2017. № 45. С. 64–74. [Shurko G. K. Theoretical bases of preparation of the teacher with two profiles: Mathematics and computer science. *Didactics of mathematics: Problems and Investigations*, 2017, (45): 64–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/foyhoc>
  10. Калина И. И. Вклад МГУ имени М. В. Ломоносова в формирование технологического суверенитета страны средствами подготовки учителей естественно-научного профиля. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2022. Т. 20. № 3. С. 56–64. [Kalina I. I. Contribution of Lomonosov Moscow State University to forming the country's technological sovereignty by training teachers of science profile. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 2022, 20(3): 56–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-3-56-64>
  11. Лебедева О. В., Гребенев И. В., Авралева Н. В., Чупрунов Е. В. Подготовка учителя физики в классическом университете: исторический опыт и современные задачи. *Педагогическое образование в России*. 2024. № 4. С. 290–296. [Lebedeva O. V., Grebenev I. V., Avraleva N. V., Chuprunov E. V. Training a physics teacher at a classical university: Historical experience and modern tasks. *Pedagogical Education in Russia*, 2024, (4): 290–296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtrorg>
  12. Маланов И. А. Проблемы профессионального становления и развития современных молодых учителей. *Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество*. 2021. № 3. С. 32–36. [Malanov I. A. Problems of professional formation and development of modern young teachers. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*, 2021, (3): 32–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-3-32-36>
  13. Преснякова Т. Н., Анкудинова С. А., Непочатых И. А. Проблема сознательного выбора профессии педагога. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2019. № 2. С. 209–216. [Presnyakova T. N., Ankudinova S. A., Nepochatykh I. A. The problem of conscious choice of teaching profession. *Education. Science. Scientific personnel*, 2019, (2): 209–216. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2019-10116>
  14. Фомина Т. П., Карлова М. Ю. Исследование факторов, влияющих на выбор профессии и успешность обучения студентов по направлению подготовки «Педагогическое образование», средствами статистического анализа. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2018. № 2. С. 59–63. [Fomina T. P., Karlova M. Yu. Study of the factors influencing the choice of profession and academic success of students specializing in "Pedagogical education" by means of the statistical analysis. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2018, (2): 59–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2018-2.13>

15. Кейв М. А., Журавлева Н. А. Оценка готовности студентов 1–2-х курсов – будущих учителей математики к освоению профильных дисциплин в вузе. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2023. № 1. С. 90–99. [Keiv M. A., Zhuravleva N. A. Assessment of readiness of first- and second-year students, future teachers of mathematics, to master vocation-related subjects at university. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2023, (1): 90–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prsnnu>
16. Михеева Т. Б. «Компетенция» и «компетентность»: к вопросу использования понятий в современном российском образовании. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2011. № 5. С. 110–114. [Mikheeva T. B. "Competence" and "competency": On the issue of using concepts in modern Russian education. *Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky*, 2011, (5): 110–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ookfy>
17. Евдокимова В. Е., Устинова Н. Н. Компетентностный и контекстный подходы в педагогической подготовке будущих учителей информатики, математики, физики. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 6. С. 110–112. [Evdokimova V. E., Ustinova N. N. Competence and contextual approach in pedagogical training of future teachers of informatics, mathematics and physics. *The world of science, culture and education*, 2021, (6): 110–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-110-112>
18. Тихонова Ю. В. Глава I. Профессиональная компетентность педагога в развитии личности обучающегося в школе и семье. *Современная наука в теории и практике*, науч. ред. М. Л. Варганова. М.: Перо, 2020. С. 6–42. [Tikhonova Yu. V. Chapter I. Professional competence of the teacher in the development of student's personality at school and at home. *Modern Science in Theory and Practice*, ed. Vartanova M. L. Moscow: Pero, 2020, 6–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aiwszf>
19. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 272 с. [Ananyev B. G. *Person as an object of knowledge*. St. Petersburg: Piter, 2001, 272. (In Russ.)]
20. Кутумова А. А., Шебанова Л. П. Подготовка педагогических кадров в двухпрофильной системе бакалавриата. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. [Kutumova A. A., Shebanova L. P. Technology education in two-level system of pedagogical personnel's training. *Modern problems of science and education*, 2014, (5). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15206> (дата обращения: 10.11.2024).
21. Портнова А. Г., Лесникова С. Л., Русакова Н. А. Использование математических методов для мониторинга качества успеваемости студентов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 3. С. 218–226. [Portnova A. G., Lesnikova S. L., Rusakova N. A. Mathematical methods in monitoring the quality of student performance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 218–226. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-218-226>
22. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход. *Высшее образование сегодня*. 2004. № 8. С. 26–31. [Shadrikov V. D. A new model of a specialist, innovative training, and a competency-based approach. *Higher education today*, 2004, (8): 26–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/skglqx>
23. Волков А. И., Лукин В. Н., Чернышов Л. Н. «Перевернутый» учебный план – это решение или проблема? *Моделирование и анализ данных*. 2023. Т. 13. № 2. С. 206–214. [Volkov A. I., Lukin V. N., Chernyshov L. N. Is the "Inverted" Curriculum solution or problem? *Modeling and Data Analysis*, 2023, 13(2): 206–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/mda.2023130212>
24. Глухова О. Ю., Смоленцев Н. К. Реализация проектного обучения в университете. *Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы: II национ. конф.* (Кемерово, 15 октября 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 9. [Glukhova O. Yu., Smolentsev N. K. Implementation of project-based learning at the university. *Topical issues of science and technology: Problems, forecasts, and prospects: Proc. II Nation. Conf.*, Kemerovo, 15 Oct 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mohiiu>
25. Бурзалова Т. В. О содержательной непрерывности математической подготовки будущего учителя математики и информатики. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 15. С. 17–20. [Burzalova T. V. On substantial continuity of mathematical preparation of future teacher of mathematics and computer science. *Bulletin of the Buryat State University*, 2011, (15): 17–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okiyqh>

review article

<https://elibrary.ru/khybln>

Applying the Fun Fact Approach for Active Learning

Sanesi Matteo

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0003-2912-3496>

sanessimatteo@hotmail.com

Abstract: Social constructivism, introduced by Lev Vygotsky in 1968, has significantly impacted the pedagogical community. It fosters the belief that learning is a collaborative process between students and teachers. While this holds true, simply stating the end goal of education does not guarantee that the path is fully paved. Numerous factors can present obstacles to the complete realization of a student's potential. Today gamification has become a fundamental aspect of the globalized classroom as a tool to achieve this. The Fun Fact approach (FFA) is an innovative side of gamification, which can be used to foster a successful relationship with the students and to support the acquisition of notions on part of the classroom group. The paper examines how to harness digital advancements to tackle the challenges of education, especially the declining attention spans of students in today's fast-paced environment. We offer an in-depth analysis of the effective implementation of the experimental FFA, emphasizing its advantages, disadvantages, and key areas of application, accompanied by illustrative examples. Within this framework, the paper examines the challenges associated with the FFA, as well as the level of commitment and effort required from educators to utilize it efficiently. The innovative aspect lies in its ability to create an approach that, through careful adjustments and strategic implementation, acts as a flexible and adaptable solution to current educational challenges. Particularly noteworthy is the ability of the Fun Fact approach to tackle the common reluctance among students toward abstract concepts or ideas they view as insignificant. This approach ensures relevance and engagement in the learning process. The implementation of this approach is ideally suited for students in advanced academic settings – those who are mature enough to engage meaningfully with gamification strategies, yet young enough to benefit from the flexibility offered by the FFA. After explaining in detail what the FFA is, we examine its advantages, disadvantages and applications. We look at this approach from the perspective of both a student and a teacher as a means to bolster the acquisition process. We ultimately draw our conclusions by reflecting on how the FFA, when properly implemented and executed, holds promise as an effective solution for modern gamification and teaching practices. Additionally, we provide recommendations on how to prevent its misuse, emphasizing the importance of employing it wisely to maximize academic benefit. The findings demonstrate the potential of the FFA, even in its nascent stage of development. The conclusions highlight the pressing need for this approach in the future, particularly considering the flexibility constraints associated with traditional teaching methods. Traditional methods often struggle to offer the adaptability and engagement necessary to meet the demands of the digital age and the era of globalization.

Keywords: pedagogy, fun fact approach, constructivism, gamification, teaching strategy, teaching support

Citation: Sanesi M. Applying the Fun Fact Approach for Active Learning. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 104–116. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-104-116>

Received 4 Oct 2024. Accepted after review 29 Oct 2024. Accepted for publication 31 Oct 2024.

обзорная статья

Использование метода Fun Fact в образовательном процессе

Санези Маттео

Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0003-2912-3496>

sanessimatteo@hotmail.com

Аннотация: Социальный конструктивизм, предложенный Л. С. Выготским в 1968 г., на протяжении долгого времени оказывал влияние на педагогическое сообщество, способствуя убеждению, что обучение является взаимонаправленным процессом между студентами и преподавателями. Несмотря на верность этого утверждения, достижение конечной цели образования не гарантирует, что путь к ней был полностью проложен. Многочисленные факторы могут стать препятствиями на пути к полному раскрытию потенциала студента.

На сегодняшний день геймификация стала фундаментальным аспектом глобализованного образования как инструмент для достижения этой цели. Новым, крайне инновационным аспектом геймификации является метод «забавный факт» (FFA), который может использоваться преподавателем для налаживания успешных отношений со студентами и поддержки усвоения знаний в группе. Цель – рассмотреть новый метод к использованию цифровых достижений для решения возникающих проблем в образовании в ответ на сокращение внимания студентов в быстро меняющемся мире. Проведен всесторонний анализ эффективной реализации экспериментального метода FFA, выделены его преимущества, недостатки и области применения. Исследование сопровождается иллюстративными примерами. Представляется необходимым изучить проблемы, связанные с FFA, а также уровень трудозатрат, необходимых от педагогов для его эффективного использования. Научная новизна исследования заключается в разработке метода, который благодаря тщательным корректировкам и стратегическому применению может служить динамичным и адаптивным решением современных педагогических вызовов. Следует отметить возможность применения FFA для освоения студентами абстрактных концепций и идей, зачастую воспринимаемых ими как несущественные, тем самым способствуя активному вовлечению учащихся в учебный процесс. Реализация данного метода подходит для студентов профильных учебных заведений – тех, кто достаточно зрел, чтобы осмысленно взаимодействовать с геймификационными стратегиями, но в то же время достаточно молод, чтобы извлечь пользу из гибкости, предлагаемой методом FFA. Помимо детального описания FFA, в статье рассматриваются преимущества этого метода, его слабые стороны и перспективные области применения. Метод изучается как с точки зрения студента, так и с точки зрения преподавателя как средство для укрепления процесса усвоения. В итогах исследования отражен потенциал правильно введенного и реализованного в учебной среде метода FFA в качестве эффективного решения для современных практик геймификации и обучения. Предложены рекомендации по предотвращению неправильного использования метода, подчеркнута важность мудрого применения для максимизации учебной выгоды. Результаты исследования демонстрируют потенциал FFA даже на его начальной стадии развития. Подчеркивается настоятельная необходимость в использовании данного метода в будущем, особенно учитывая ограничения, присущие традиционным педагогическим техникам, которые зачастую не обладают адаптивностью, вовлеченностью, необходимыми для удовлетворения требований цифровой эпохи и эпохи глобализации.

Ключевые слова: педагогика, метод Fun Fact, конструктивизм, геймификация, методика обучения, поддержка обучения

Цитирование: Санези М. Использование метода Fun Fact в образовательном процессе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 104–116. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-104-116>

Поступила в редакцию 04.10.2024. Принята после рецензирования 29.10.2024. Принята в печать 31.10.2024.

Introduction

The topic of the article unfolds through its tangible ability to articulate a teaching philosophy that integrates technology, emerging discoveries, and pedagogical challenges, in an effort to unite pragmatics and pedagogy [1]. This fusion leads to searching of an approach that effectively captivates and maintains students' attention in the classroom. The significance of this research lies in the urgent need to cultivate an environment that fosters the academic success of contemporary classrooms. Conventional teaching strategies risk alienating students from education and diminishing their enthusiasm for career pursuits, particularly in the context of globalization. Consequently, this review addresses this critical need by exploring innovative approaches to ensure sustained engagement and interest in learning. The importance of constructivism in pedagogy, which posits that students should actively construct knowledge rather than passively absorb it [2], has been particularly significant in recent years.

Our research objectives are as follows:

- to clarify the concept of the Fun Fact approach, it serves as a clear and accessible method for adapting pedagogy to the modern era, aligning with the goal of enhancing teaching techniques;
- to identify the advantages and disadvantages of the new approach, as an objective analysis of its potential implementations is essential for understanding the scope, benefits, and limitations of the Fun Fact approach. This helped understand its practical uses and pitfalls.

As the first focus, we employed a research method inspired by H. Candra and H. Retnawati [3], who assert that teaching should be guided by an efficient and fruitful approach. This involves student-centered learning, enabling students to take the reins of the process and become active agents of their own growth [4]. As teachers encourage students to gain knowledge through

research, it's crucial to remember that the teacher's role should not be that of an unquestionable leader. Instead, teachers should act as guides, helping students navigate their learning journey. This approach allows students to explore topics more freely and develop their critical thinking skills.

For our second focus, we considered L. S. Vygotsky's collaborative approach to education mentioned previously, with students and teachers at its core. This strategy helped us theorize the implementation of the FFA in practical contexts, discussing its pros and cons alongside its potential. We delved into issues like outdated practices and digital implementation while highlighting the benefits of the technique as a lasting pedagogical solution.

As a review, this work compiles a comprehensive survey of previously published research in the fields of pedagogy and its technological applications. The aim is to provide an overview of the current understanding and issues within pedagogical sciences, focusing on theoretical frameworks rather than presenting new experimental results, as also presented by C. Post et al. [5]. This review critically evaluates existing studies to assess the current landscape, particularly through the lenses of the potential of the FFA in identifying prospect areas for future research and drawing new conclusions from previous findings. Ultimately, this article aims to establish a solid foundation on the topic and elucidate the current state of academic knowledge. It highlights gaps in existing research and outlines key methodologies and techniques to support the future implementation of the FFA. The theoretical framework incorporated a range of relevant works, which is detailed further.

Currently, there is not enough emphasis on constructivism, which could reinforce the negative impacts of rigid, traditional education [6]. This issue is particularly pronounced when teachers are unresponsive to lifelong learning, a challenge that can arise in English-medium instruction (EMI) settings. This is why we consider the words of E. Macaro et al. [7] concerning flexibility in methodology. If it is indeed true that Vygotsky's original theories have evolved, adapted, and improved over the years, then this transformation can be examined through the work of C. C. Liu and I. J. Chen [8], which views constructivism as an evolving framework that responds to and adapts to new challenges.

As times change, so do approaches and methods, particularly in light of the significant transformations brought about by the digital world and globalization [9]. Following the ideas of W. A. Corsaro [10], it seems clear that every age bracket possesses its own culture, rather than mimicking the adult world. As a result, teachers must not only select a teaching strategy that is effective in a constantly changing environment but also understand the unique characteristics and interests of their students. This understanding allows them to connect more

meaningfully with the group, aligning with the principles of constructivism.

Gamification as a pedagogical integration of ludic technologies [11] has already demonstrated its effectiveness in this regard [12]. It involves the use of gaming elements and interfaces to structure a lecture in a way that allows students to learn important information while engaging in a playful manner. This preference for game elements is often linked to digital environments. However, in reality, any element used in the classroom for playful purposes qualifies as true gamification.

The Fun Fact approach, as I briefly outlined in the previous article [13], seeks to demonstrate that students can better elaborate on concepts, facts, and subjects when these are linked to trivia and interesting facts related to the topic at hand. This belief arises from the new global reality, where easy access to entertainment, doom scrolling, and social media [14] makes it hard for many to sustain a long attention span.

Our professional experience shows that rather than opposing a trend – which can distance students and negatively impact their academic performance – it is more effective to adapt to the current reality by embracing change instead of futilely rejecting it [15]. The Fun Fact approach achieves this by renewing students' attention spans through brief moments of respite, providing information in a manner similar to social media. This approach minimizes the rejection and boredom often experienced by distracted students in class, as new information is presented in an engaging way rather than being seen as obligatory.

As a result of the playful environment, which offers undeniable benefits [16], students not only grasp the main concepts but also recall relevant information by associating it with enjoyable facts. This approach is not meant to replace or redefine the entire teaching process; rather, it serves as a supportive framework that complements traditional methods and enriches the learning experience.

It is essential to discuss the pros and cons of the FFA, particularly considering the significant demands placed on teachers to implement this technique in the light of its adaptation towards students' understanding of the subject matter [17]. This study is practically significant as it reveals the approach's potential beyond occasional use, offering insights applicable to broader pedagogical practices.

By utilizing its insights, we can foresee educational reforms that significantly influence both how students perceive education and how educators respond to societal challenges. Therefore, integrating the Fun Fact approach can lead to transformative shifts in education [18], promoting adaptability and innovation among both learners and instructors. The FFA is ideally suited for students who can engage with interesting facts without losing focus. As previously mentioned, the relevance of the FFA lies in the pedagogical necessity of embracing

contemporary society rather than overlooking its role and potential. This effort ensures that pedagogy remains relevant and up-to-date.

Our research question is rooted in the premise that, given the Fun Fact approach is a reliable supporting approach, it is crucial to define its applications in detail. This can enable teachers to utilize it effectively and consciously, avoiding misuse that could harm the learning process. The goal of this research is to identify effective outcomes regarding the phenomenon through systematic and literature review methods. This approach aims to synthesize existing knowledge and data to develop a solution that effectively integrates technology and current pedagogical issues. We conclude by affirming that, while the FFA is still relatively new, it holds significant potential to become a foundational element in education. It can facilitate relationship building within the classroom and enhance students' ability to process information, while also encouraging them to become active participants through dialogue and engagement.

However, employing the Fun Fact approach must be done with caution, as it demands significant effort and extra preparation from teachers. These requirements have sparked considerable debate within the pedagogical community, as highlighted by H. M. Alhothali [19].

Establishing the main characteristics of the Fun Fact approach is essential for granting it the status of a legitimate educational approach. Its pedagogical relevance arises as a response to contemporary challenges in education, particularly concerning student engagement and attention span in the digital era. The formalization of the FFA aims to provide educators with a structured framework to understand its principles, implementation strategies, and potential outcomes. By laying out theoretical foundations, educators can explore the adaptability of the approach across various learning environments and subjects, ensuring its effectiveness beyond sporadic use. This formalization empowers educators to innovate their teaching methods and respond to evolving pedagogical needs. Additionally, integrating the FFA into educational reforms can drive transformative shifts in teaching and learning paradigms [20]. This integration fosters long-term sustainability and ensures that its principles remain essential components of contemporary pedagogy. Furthermore, this process encourages ongoing research and refinement, enhancing the theory's applicability and relevance over time.

Methods and materials

To substantiate the beliefs underlying the Fun Fact approach, we conducted a review of 81 articles from reputable journals. These sources span a global array of studies, lending credibility and universal relevance to our pedagogical investigation. Most of the research reviewed spans from 2020 to 2023, concentrating on current insights

related to technology and gamification – an approach that is becoming increasingly essential in modern education. Key references also include impactful works from the past decade, particularly the mid-2010s, which developed and significantly shaped the dialogue on technology-integrated pedagogy. Moreover, we incorporated foundational sources from 1984 and 1992 to anchor our analysis in vital pedagogical principles that remain relevant to justifying modern educational strategies. Together, these diverse sources reinforce the idea that the issues addressed by the FFA represent a shared, worldwide need for change in education.

The selected sources come from a diverse range of journals, including those found in reviewed academic ones, as well as proceedings from international conferences focused on pedagogy.

Given that this is a new pedagogical approach requiring further research, most of the articles referenced here serve a theoretical purpose: they provide a foundation to support the core principles and defining characteristics of the Fun Fact approach. This literature draws on a broad spectrum of established beliefs and observations, highlighting the ongoing need for advancement within the academic discipline. Additionally, empirical studies – particularly those presenting results from experiments conducted in educational institutions and classroom settings – have also been included, offering valuable real-world insights into the FFA's practical impact and potential for development.

The extensive literature selected for this study serve as the basis of our discourse, with a deductive approach guiding the theoretical framework. By abstracting and generalizing key insights, concepts and perspectives from the material, we aim to understand behaviors and scenarios relevant to the union of pedagogy and technology. These generalized concepts are logically applied to the FFA, allowing us to construct a coherent set of statements and observations that underpin the approach. This structured foundation is intended to provide the Fun Fact approach with the necessary theoretical grounding to support its growth and uphold its relevance in modern educational contexts.

With this established, our discussion gains from analyzing quantitative data from pedagogical experiments that, although not directly related to the Fun Fact approach, offer valuable contextual insights. These studies allow us to observe shifts in pedagogy through the lens of general trends and evolving expectations. By comparing new ideas with these findings, we can assess whether they align with or challenge existing evidence, thereby strengthening the rigor of the study. This solution also situates the Fun Fact approach within an academic framework, adding depth and scholarly value to it. Additionally, examining past research illustrates how advancements in technology, societal changes,

and developments in learning sciences have influenced teaching strategies, shedding light on the relevance of innovations like gamification and digital learning tools. Together, these analyses underscore the impact and aptness of the FFA within modern pedagogy. Our analysis indicates that the current pedagogical landscape, as reflected in the research and experiments reviewed, is well-positioned to support, sustain, and implement the FFA as an emerging approach ripe for further exploration and study.

Results

Having explored the basic concept of the Fun Fact approach, we can now focus on its application in educational settings for young people and young adults. Here, gamification elements can be effectively used to foster meaningful engagement [21]. To fully appreciate the unique value of the FFA as a distinct approach, it is essential to outline its fundamental characteristics, which include the following:

1. Identification of the subject: Ideally, the FFA should be implemented when a lesson plan has already been developed, serving to enhance the ongoing classroom discussion. This approach can be beneficial for any topic or subject matter. For the purpose of this example, we focus on English as a foreign language due to its widespread popularity as a medium of communication and its status as a lingua franca [22].

2. Detection of weak spots: As attention spans diminish due to the multitude of technological distractions, the teacher should identify points in the lesson plan where students are likely to lose focus, such as during repetitive tasks or when delivering explanations. N. Geri et al. [23], in this regard, have found that the technological component does increase the attention span of students, provided the lecture is not overlong. In the context of teaching English as a foreign language, a prime example of such a vulnerable moment would be when explaining a grammar rule.

3. Establishment of the FFA: Once the lesson plan has been created and the educator has identified the key aspects of the lecture, it is time to implement the approach. The teacher deepens the exploration of the subject matter by examining related scenarios and uncovering intriguing facts. This may involve researching interesting experiments linked to the topic, investigating its historical setting, or sharing relevant personal anecdotes, while ensuring that these stories fit appropriately within the lesson's context. This attention towards communication is borrowed from the communicative approach, which, according to A. Wiyono et al. [24], reinforces learning motivation. In our discussion of foreign languages, a fun fact could be a brief note on the origin of specific words: for example, "Words ending in -fer come from the Latin root meaning 'to bring', as seen in English – Lucifer (*bringer of light*), Italian – frigorifero (*bringer of cold*), and Russian –

светофор (*bringer of colors*)". This approach allows students to enjoy a moment of relaxation amidst challenging tasks, offering a refreshing experience similar to encountering information on social media.

4. Implementation of the approach: Once the critical moments have been enhanced with the Fun Fact approach according to the updated lesson plan, the teacher can engage with the topic alongside the students. They can introduce engaging fun facts if classroom attention begins to diminish [25]. Additionally, the teacher has the flexibility to omit certain elements of the FFA outlined in the plan if they determine them to be unnecessary during the lesson, for instance, if students remain attentive when a critical moment arises.

5. Reflection on the results: Once the lecture is finished, the teacher can evaluate the effectiveness of the FFA in this context and make necessary adjustments. Evaluation has gained significant attention in recent times as a tool for assessing various aspects of a class. Studies by L. De Léon et al. [26] and A. L. Reilly and P. Denny [27] highlight its importance, particularly in guiding decisions aimed at enhancing the quality of teaching. Teachers might decide to reduce the use of the FFA if it took too much time or increase it if the classroom could have greatly benefited from more engagement. The flexibility of the approach is evident here, as it can be adapted to different extents without disrupting the learning experience. This allows for customized adjustments to meet the needs of individual classrooms.

Thanks to these five points, it becomes evident that the FFA is defined by a specific set of principles, making it both feasible and an attractive option for students. Its validity lies in its versatility. However, it is essential to recognize that its effectiveness and application largely depend on the teacher's implementation and the group's response and acceptance, similar to the introduction of any new technological implementation [28].

In commencing our discussion of the positive attributes of the FFA, it is essential to emphasize that this technique can be utilized across nearly all fields of study in both school and academic settings. In this context, it would be helpful to provide a few examples that effectively illustrate the Fun Fact approach in action. When discussing world geography, a teacher might briefly mention Sentinel Island, part of an archipelago in the Bay of Bengal, where tribal communities still thrive. When discussing languages and linguistics, a teacher can take a moment to explain how J. R. R. Tolkien, in his *Lord of the Rings*, created various languages, such as Sindarin and Black Speech, by modeling them after real, existing languages with structured grammar and syntax [29]. Science and physics teachers might mention key events in the lives of renowned scholars or share intriguing results from notable experiments [30]. The list of applicable subjects is extensive, as gamification is flexible enough to be used

in training beyond academia as well [31]. These examples may not provide crucial information central to the primary issues explored in the classroom, but they are relevant to the topic and contribute to the broader context.

Having established these examples, let us explore some positive aspects of the FFA.

a. Relief: The Fun Fact approach acts as a helpful tool in situations where students need to concentrate deeply on the material being presented. This necessity often arises when professionals must address complex topics [32]. By incorporating the FFA, teachers provide students an opportunity to catch up on note-taking or to take a brief moment to relax before diving back into their challenging work. As suggested by Rivera and Garden [33], the possibility of maintaining engagement and of improving learning outcomes is a benefit of gamification in general as well. The teacher can also provide cues to students to signal the use of the FFA by introducing it with phrases such as, "This is tangent to the topic, but...", "Where do you think this word comes from?", "Do you know who the first person to do this was?" As a result, students gradually associate these expressions with a moment of respite, allowing them to enjoy the FFA while preparing to continue their work; this has the added benefit of preventing students from experiencing fatigue [34]. In this regard, the FFA, as mentioned before, is also effective for groups with low motivation. The indicators noted earlier can capture the attention of students who may be disengaged for various reasons, helping to foster engagement and alignment within the classroom environment [35]. The teacher can then easily establish rapport with the students, as the classroom, through the use of gamification, transforms into a warm and friendly space. While the focus remains on the topics at hand, the teacher becomes an integral part of the process, guiding students in a supportive manner [36].

b. Curiosity: Once the Fun Fact approach pattern is established and appreciated by the students, every opportunity can be utilized to spark discussions. This encourages students to share their opinions or stories related to the topic at hand. Pluck and Johnson emphasize the importance of student curiosity in the pedagogical process to improve motivation [37]. The FFA not only draws attention to the subject matter but also puts students in the spotlight. It allows them to engage playfully for a brief moment in a context that might not typically invite such interaction [38]. The teacher must still act as a guide, coordinating the discussion to ensure it remains focused on the topic and using verbal cues ("Okay, everyone, back to the topic!") to signal the end of the FFA moment. Furthermore, as explored by Ali and Inayat [39], student curiosity can flourish when there is a solid foundation of support that enables them to explore their personal learning styles and express their feelings freely.

In our current context, student curiosity is viewed as a process that enhances the overall learning experience. When the FFA is employed effectively, students may feel motivated to research the facts themselves, reducing doom scrolling and social media usage by utilizing technology to expand their general knowledge on a topic. This learning form is referred to as self-study [40]. In essence, not only they pay closer attention in class and learn something new, but they also seek to research the new information further to deepen their understanding. Many students today perceive textbooks as outdated and unengaging [41], especially in light of the changes in education brought about by the pandemic, as mentioned by A. H. Prasetyo et al. [42]. This has led to a fundamental reevaluation of education, which now needs to be reinvented to meet the demands of our contemporary society. The FFA can renew students' interest in this context by allowing them to explore, examine, and investigate topics using the tools they already possess and utilize daily. Coates, in this regard, underlines the importance of student engagement [43].

c. Effort: After examining the exploratory opportunities granted to students, it is essential to consider what the FFA entails for teachers. By its nature, this approach requires educators to research their topics and go the extra mile to provide refreshing, playful moments. These moments should align with the class's tone and occur frequently enough for the professional to adopt this stance [44]. The greatest advantage of this reality is that teachers are often more motivated to conduct additional research, discover new ideas, review content, and invest the necessary effort to tailor the classroom environment to meet students' needs [45]. In essence, we find ourselves within the framework of lifelong learning, which is inherently linked to educators [46]. Lifelong learning can be defined as a process that, as the name implies, continues throughout an individual's life and is characterized by a spontaneous, self-driven quest for knowledge, whether for personal or professional reasons. In academia, one of the significant challenges of lifelong learning is the lack of time to engage deeply with the concept [47]. Many professionals struggle to carve out time for this pursuit, despite their good intentions, and institutions may sometimes undervalue its benefits [48].

Among the advantages of lifelong learning, we find that it allows a teacher to maintain a deep understanding of the subject matter over time and stay up-to-date with the latest findings and ideas effortlessly. The Fun Fact approach facilitates this desirable condition naturally, as teachers are motivated to refine and prepare engaging lectures that incorporate genuine feedback from their students. D. Carless and N. Winstone [49] emphasize the pressing need for the pragmatic aspect of institutional feedback practices. In this context, lifelong learning plays a crucial role, driven by the conscious efforts

of educators. This reality is particularly important for enhancing one's digital literacy, which continues to grow in significance in our increasingly globalized era [50].

We have outlined just a few of the most significant advantages for the sake of brevity. However, it would be unjust to view the Fun Fact approach as entirely positive, as its preparation and implementation may not effectively address every scenario. This is true for all pedagogical approaches, as varying contexts require tailored solutions, as explored by D. Morrison-Love and F. Patrick [51] and S. N. D. Mahmud and Z. A. Rahman [52]. Therefore, some potential drawbacks associated with its use are discussed, along with suggestions for how to mitigate or avoid these issues.

a. **Disinterest:** Various factors can influence student engagement in the classroom environment, including multicultural diversity [53], peer relationships [54], and appropriate disciplinary instruments [55]. These elements, among others [56], contribute to the overall energy level of the classroom, a dynamic that may sometimes be beyond the teacher's control, despite their best efforts. In low-energy or hyper-focused classrooms, the FFA may not function effectively for several reasons. Students might not appreciate the gamified component, may prefer to concentrate solely on the primary material, or may become frustrated by what they view as distractions, which can foster resentment toward the teacher and, as noted by K. Pitkulko et al. [57], lead to intrapersonal conflict. Consequently, the supportive framework of the FFA can become an obstacle, potentially resulting in a regression in teaching [58]. This does not imply that the FFA is ineffective. On the contrary, the varied reactions it elicits highlight its flexibility and vibrancy. This enables the teacher to decide whether to implement it fully, infrequently, or not at all.

Ultimately, it is the teacher's responsibility to discern when and where to apply the FFA based on the students' unique traits and the classroom group as a whole. If disinterest begins to manifest during FFA implementation, an attentive teacher must recognize that the timing may be off or that the group may not be suited for this particular strategy.

b. **Time management:** Another context-dependent consideration is time management, which involves allocating a specific amount of time to a task before the teacher deems it satisfactory enough to move on to other topics and questions [59]. Unlike engagement, where the dynamics can be more unpredictable, teachers generally have greater control over organizing class time. While a smooth transition between topics is ideal for introducing new material, there are times when an abrupt shift is necessary due to time constraints, even if it lacks elegance. Effective classroom time management is essential across various teaching

environments, including face-to-face lessons, digital classrooms, and flipped classrooms [60]. In this context, the fun Fact approach naturally introduces an additional layer of time management [61], as it requires time for setup and for facilitating subsequent discussions.

While we have highlighted the potential benefits of allowing open discussions in the classroom, several pitfalls must be considered when giving free rein to the group. Firstly, the teacher must be cautious not to spend excessive time on FFA-related information. Otherwise, students may become accustomed to this pattern and force the teacher to either wait until the conversation exhausts itself or abruptly regain everyone's attention by interrupting the free flow of ideas [62]. Secondly, the time allocated to the FFA can accumulate, potentially resulting in a shorter class dedicated to delivering new, relevant information related to the lecture. To mitigate this possibility, the teacher is responsible for assessing the situation. Teachers can choose to limit the time allocated for the FFA, demonstrating an acceptable time frame for temporary distractions. If they notice that too much time is being lost, they can use the FFA sparingly. Alternatively, they can incorporate the new discussion into the topic, weaving it into the class flow to take advantage of the moment. It is also entirely possible to forgo the FFA altogether, although this decision would deprive the classroom environment of its positive aspects. Time constraints, as noted by C. A. Lundberg, can leave students feeling fatigued and drained [63].

Despite these concerns, it is essential to recognize that discussions arising from the Fun Fact approach do not necessarily equate to a loss in class time management. In fact, they align with the principles of participatory teaching [64], fostering rapport within the group and facilitating a more dynamic exchange of ideas. The primary challenge lies in preventing the discussion from straying too far off-topic, which can lead to idle chatter. Therefore, the teacher's role is to achieve a balance between classroom management and learning, an attitude that R. Tormey [65] describes as a multidimensional approach: knowing when to allow fruitful exploration of the topic and when to steer the conversation back toward the main subject matter.

c. **Teacher stress:** The Fun Fact approach promotes the contemporary concept of lifelong learning and also connects to the idea of differentiated instruction (DI). It focuses on tailoring the teaching process to meet the specific needs of students, as mentioned by M. Pozas et al. [66]. While the FFA is not designed to implement solutions for each individual student, its flexibility allows for varied application depending on the unique dynamics of each classroom [67]. However, the requirement to research two or three fun facts per lesson – or even more if the teacher is particularly motivated – adds

to the workload and can extend the lesson-planning process. It can also be challenging to find relevant facts for specific topics that suit every occasion. Teacher stress has been a prominent issue in recent discussions [68], and if not managed properly, the FFA can inadvertently become a source of additional pressure. Moreover, if an educational institution does not recognize the FFA as a valid lifelong learning approach or as a DI tool, this lack of acknowledgment can compound the stress for teachers. They may find themselves juggling multiple strategies for professional self-realization, which can further contribute to feeling overwhelmed [69].

To prevent teacher burnout, a concern that should not be underestimated, it is wise to adopt a comprehensive lifelong learning approach, particularly in relation to the ongoing enhancement of knowledge applicable to classroom teaching strategies, as highlighted by N. A. Uzir et al. [70]. This allows the FFA to be integrated into teachers' efforts without becoming an additional burden or a constant source of struggle in the classroom. Research developed by J. C. Ploettner [71] has shown that our globalized society now demands a new type of teacher – one who can function both as a professional and as a learner. This shift has been particularly pronounced with the rise of digitalization, which necessitates that educators stay current with developments across various fields [72]. In this context, the FFA serves as a valuable tool to foster awareness of new teaching methodologies. As pedagogy shifts towards a more student-centered approach [73], the role of the student has changed to that of an active participant in the learning process, while the teacher acts as a facilitator of knowledge. The FFA provides students with opportunities to engage in discussions that may have previously been absent, effectively breaking the monotony of traditional lectures, especially in higher education settings. To successfully implement this approach while minimizing the risk of burnout, it is essential for educational institutions to recognize the FFA as a supportive, student-centric, lifelong learning strategy. By doing so, teachers can develop and apply this approach organically, without feeling pressured or constrained.

As demonstrated, the Fun Fact approach represents a fresh and dynamic approach to enhance the classroom experience, complementing more established strategies like gamification and the flipped classroom [74]. Our primary goal was to enrich the learning experience for students across various educational settings, and we have explored both the advantages and challenges associated with implementing the FFA. In our initial analysis, we empathized the versatility of the FFA within the evolving landscape of pedagogy.

This approach not only challenges traditional biases against innovation but also flourishes in our technology-driven era, showcasing its ability to adapt and improve

continuously. Our exploration emphasizes the potential of education to meet new challenges head-on and develop effective teaching strategies, provided there is a dedicated commitment to growth and progress [75].

In pursuing our second objective, we identified the primary strength of the FFA as its inherent flexibility. This trait should not be overlooked, as L. K. Ng and C. K. Lo [76] indicate that sustainable learning fosters broader student engagement. This approach is designed not to replace core elements of the classroom experience but to be integrated seamlessly. This way it allows teachers to adapt and apply it as needed without any strict obligations – except for meeting student expectations if it is heavily utilized. Furthermore, in our current era of digital classrooms [77], the ability to develop and implement the FFA through technology gives it a significant advantage over other approaches that may feel outdated or inadequate in today's educational landscape. We have observed that the FFA encourages students to become active participants in discussions while placing the responsibility on teachers to create the framework for these interactions. Although the approach boasts many positive attributes, we have also addressed some of its challenges, including issues related to time management, student attention, and teacher stress, the latter being particularly crucial for professional development [78]. However, these challenges can be effectively managed with a mindful approach from educators [79]. With patience and awareness, teachers can evaluate the unique needs of their classrooms and adapt the FFA accordingly, potentially utilizing stress reports as referenced by Von der Embse and Mankin [80] in their discussions about teachers. Ultimately, we advocate for further integration of the FFA as a key component among supportive techniques that not only enhance the classroom environment but also foster a sense of unity and respect. Students are likely to appreciate the extra effort their teachers invest in creating a shared learning experience, contributing to a more collaborative and engaging atmosphere [81].

Conclusion

Our observations suggest that the Fun Fact approach is full of potential, with its advantages clearly outweighing its drawbacks. This is especially true since a teacher's expertise can help mitigate the impact of the latter issues.

One of the biggest challenges in modern education is the widespread inability to adapt to the rapidly changing global landscape, especially with the growing importance of technology. The evolving habits of our students pose a significant challenge if left unaddressed or, worse, if they are actively resisted by educators.

Although the FFA is still in its early stages, it has the potential to achieve remarkable outcomes by integrating technology into our society and using it effectively

in a gamified educational framework. Through the FFA, meaningful rapport can be established within the classroom. Technology serves a dual purpose: it is utilized by teachers to research and curate the engaging fun facts presented in class, and it empowers students to deepen their understanding of topics through their own research. This approach not only fosters curiosity and engagement but also encourages a collaborative learning environment where both teachers and students are active participants in the learning experience.

One of the key insights that emerges from the Fun Fact approach is the need for a new type of educator – one who is committed to lifelong learning and adept at staying updated on the latest trends and resources to effectively implement the FFA when necessary. While this shift may pose challenges, the rapid pace of societal advancement necessitates such a change to ensure that pedagogy remains relevant and responsive to the evolving needs of students.

However, a limitation of this study lies in its current scope. While we have highlighted certain qualities of the FFA, a more thorough exploration is necessary that goes beyond the limits of a single academic article. Additionally, as a relatively new approach, the FFA requires further research and testing to gain broader acceptance and application in educational settings.

The effectiveness of the Fun Fact approach is deeply connected to the proactive engagement of educators themselves, who must supplement their lessons with additional material, often necessitating extra time and effort. While the FFA offers promising opportunities for personalized learning and meaningful growth, careful implementation is crucial to ensure it enhances rather than hinders the learning experience.

New grounds for further research emerge from the flexibility of the approach, particularly given its early development stage. Due to its originality, the FFA can greatly benefit from the participation of educators and students worldwide. One of its key advantages is its applicability across diverse academic fields, paving the way for additional research and hands-on experiences.

Our observations highlight how the inherent flexibility of the FFA fosters individualized interpretations, with its benefits enhanced through consistent practice. Dedicated and innovative teachers are well-positioned to enhance their lectures, making them more engaging and satisfying for students through the thoughtful application of this technique. Additionally, the FFA has the potential to spark curiosity and foster meaningful discussions within the classroom environment. In this light, the FFA represents an effort to embrace the modern era rather than reject it outright. Its foundational core, rooted in gamification, employs strategies that align with the digital landscape rather than struggle against it, creating a relaxed and productive atmosphere.

In conclusion, the Fun Fact approach stands as both a solid reality and a launching pad for educators aiming to enhance their lifelong learning practices while keeping pace with students in the digital age. The more the FFA is utilized, the more relevant it is likely to become, evolving alongside the technological landscape and adding a powerful tool to any teacher's arsenal. Gamification, along with its associated tools and the latest research, emerges as a potent strategy for navigating pedagogy into the globalized era. This is due to its adaptability across various contexts, allowing for easy updates, assessments, and scoring, while framing the learning process as enjoyable rather than daunting. Educators must swiftly respond to and adapt to these evolving possibilities to deliver optimal educational experiences. By embracing gamification, professionals can enhance student engagement, promote deeper learning, and better equip learners for the challenges of today's interconnected world.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

References / Литература

1. Muhamad H. M., Saeed S. H. R. Pedagogical thinking in pragmatism John Dewey. *Journal of University of Raparin*, 2021, 8(2): 168–191. [https://doi.org/10.26750/vol\(8\).no\(2\).paper8](https://doi.org/10.26750/vol(8).no(2).paper8)
2. Dagar V., Yadav A. Constructivism: A paradigm for teaching and learning. *Arts and Social Sciences Journal*, 2016, 7(4). <https://doi.org/10.4172/2151-6200.1000200>
3. Kathleen G., Dell'Arena S. High school teachers describe growth mindset related to teaching pedagogy and students' academic achievement. *Psychology*, 2022, 13(7): 994–1008. <https://doi.org/10.4236/psych.2022.137068>
4. Candra H., Retwanati H. A meta-analysis of constructivism learning implementation towards the learning outcomes on civic education lesson. *International Journal of Instruction*, 2020, 13(2): 835–846. <https://doi.org/10.29333/iji.2020.13256a>
5. Post C., Sarala R., Gatrell C., Prescott J. E. Advancing theory with review articles. *Journal of Management Studies*, 2020, 57(2): 351–376. <https://doi.org/10.1111/joms.12549>

6. Granja D. O. Constructivism as theory and teaching method. *Sophia*, 2015, 19: 93–110. (In Span.) [Granja D. O. El constructivismo como teoría y método de enseñanza. *Sophia*, 2015, 19: 93–110.] <https://doi.org/10.17163/soph.n19.2015.04>
7. Macaro E., Akincioglu M., Han S. English medium instruction in higher education: Teacher perspectives on professional development and certification. *International Journal of Applied Linguistics*, 2019, 30(1): 144–157. <https://doi.org/10.1111/ijal.12272>
8. Liu C. C., Chen I. J. Evolution of constructivism. *Contemporary Issues in Education Research (CIER)*, 2010, 3(4): 63–66. <https://doi.org/10.19030/cier.v3i4.199>
9. Gough N. All around the world: Science education, constructivism, and globalization. *Educational Policy*, 1998, 12(5). <https://doi.org/10.1177/0895904898012005003>
10. Corsaro W. A. Interpretive reproduction in children's peer cultures. *Social Psychology Quarterly*, 1992, 55(2): 160–177. <https://doi.org/10.2307/2786944>
11. Alsawaier R. S. The effect of gamification on motivation and engagement. *International Journal of Information and Learning Technology*, 2018, 35(1): 56–79. <https://doi.org/10.1108/IJILT-02-2017-0009>
12. Saleem A. N., Noori N. M., Ozdamli F. Gamification applications in e-learning: A literature review. *Technology, Knowledge and Learning*, 2022, 27: 139–159. <https://doi.org/10.1007/s10758-020-09487-x>
13. Sanesi M. The digital divide: Teaching beyond the screen. *15th International Conference on Education and New Learning Technologies: Proc. Conf.*, Palma, 3–5 Jul 2023. Palma, 2023, 52–58. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2023.0037>
14. Buoncompagni G. Epidemiology of news: Doom scrolling, information overload, and other "Media Pathologies" in our infected society. *Journal of Sociological Research*, 2023, 14(1): 17–27. <https://doi.org/10.5296/jsr.v14i1.20808>
15. Volkova T. G., Talanova I. O. Gamification: Problems and trends. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2022, (5): 26–33. (In Russ.) [Волкова Т. Г., Таланова И. О. Геймификация в образовании: проблемы и тенденции. *Ярославский педагогический вестник*. 2022. № 5. С. 26–33.] <https://doi.org/10.20323/1813-145x-2022-5-128-26-33>
16. Murphy L., Eduljee N. B., Croteau K., Parkman S. Relationship between personality type and preferred teaching methods for undergraduate college students. *International Journal of Research in Education and Science*, 2020, 6(1): 100–109. <https://doi.org/10.46328/ijres.v6i1.690>
17. Suhendra A. The effectiveness of utilizing the productive pedagogies framework as a reflection instrument in teaching and learning of mathematics. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 2022, 43(3): 721–726. <https://doi.org/10.34044/j.kjss.2022.43.3.25>
18. Gunnlaugson O., Cueto de Souza R., Zhao S., Yee A., Scott C., Bai H. Revisiting the nature of transformative learning experiences in contemplative higher education. *Journal of Transformative Education*, 2022, 21(1): 84–101. <https://doi.org/10.1177/15413446211067285>
19. Alhothali H. M. Inclusion of 21st century skills in teacher preparation programs in the light of global expertise. *International Journal of Education and Practice*, 2021, 9(1): 105–127. <https://doi.org/10.18488/journal.61.2021.91.105.127>
20. Chee K. N., Ibrahim N. H., Yahaya N., Surif J., Rosli M. S., Zakaria M. A. Z. M. A review of literature in mobile learning: A new paradigm in teaching and learning pedagogy for now and then. *Advanced Science Letters*, 2017, 23(8): 7416–7419. <https://doi.org/10.1166/asl.2017.9488>
21. Buckley P., Doyle E., Doyle S. Game on! Students' perceptions of gamified learning. *Educational Technology & Society*, 2017, 20(3): 1–10. URL: <https://www.jstor.org/stable/26196115> (accessed 17 Sep 2024).
22. Kuteeva M. Revisiting the "E" in EMI: Students' perceptions of standard English, lingua franca and translanguaging practices. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2020, 23(3): 287–300. <https://doi.org/10.1080/13670050.2019.1637395>
23. Geri N., Winer A., Zaks B. A learning analytics approach for evaluating the impact of interactivity in online video lectures on the attention span of students. *Interdisciplinary Journal of e-Skills and Lifelong Learning*, 2017, 13: 215–228. <https://doi.org/10.28945/3875>
24. Mudiono A., Wiyono B. B., Maisyaroh M., Supriyanto A., Wong K. T. The effects of the communicative approach and the use of information technology on students' motivation and achievement in Indonesian language learning. *Journal of Language Teaching and Research*, 2023, 14(3): 808–819. <https://doi.org/10.17507/jltr.1403.29>
25. Bradbury N. A. Attention span during lectures: 8 seconds, 10 minutes, or more? *Advances in Physiology Education*, 2016, 40(4): 509–513. <https://doi.org/10.1152/advan.00109.2016>
26. De Léon L., Corbeil R., Corbeil M. E. The development and validation of a teacher education digital literacy and digital pedagogy evaluation. *Journal of Research on Technology in Education*, 2023, 55(3): 477–489. <https://doi.org/10.1080/15391523.2021.1974988>

27. Reilly A. L., Denny P. Constructive evaluation: A pedagogy of student-contributed assessment. *Computer Science Education*, 2010, 20(2): 145–167. <https://doi.org/10.1080/08993408.2010.486275>
28. Gündüz A. Y., Akkoyunlu B. The gamification tool for the classroom response systems: Kahoot! *Hacettepe University Journal of Education*, 2020, 35(3): 480–488. (In Turk.) [Gündüz A. Y., Akkoyunlu B. Sınıf cevap sistemleri için oyunlaştırma aracı: Kahoot! *Hacettepe Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 2020, 35(3): 480–488.] <https://doi.org/10.16986/HUJE.2019052870>
29. Hemmi Y. Tolkien's The Lord of the Rings and his concept of Native Language: Sindarin and British-Welsh. *Tolkien Studies*, 2010, 7: 147–174. <https://doi.org/10.1353/tks.0.0063>
30. Wang Y. F., Hsu Y. G., Fang K. The key elements of gamification in corporate training – The Delphi method. *Entertainment Computing*, 2022, 40. <https://doi.org/10.1016/j.entcom.2021.100463>
31. Hammarfelt B., de Rijcke S., Rushforth A. D. Quantified academic selves: The gamification of research through social networking services. *Information Research: An International Electronic Journal*, 2016, 21(2). URL: <https://www.informationr.net/ir/21-2/SM1.html> (accessed 17 Sep 2024).
32. Hino K., Funahashi Y. Teachers' guidance of students' focus toward lesson objectives: How does a competent teacher make decisions in the key interactions? *ZDM – Mathematics Education*, 2022, 54: 343–357. <https://doi.org/10.1007/s11858-022-01345-7>
33. Rivera E. S., Garden C. L. P. Gamification for student engagement: A framework. *Journal of Further and Higher Education*, 2021, 45(7): 999–1012. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2021.1875201>
34. Chen Y., Qin X. Student fatigue and its impact on teaching effectiveness based on online teaching. *Education and Information Technologies*, 2023, 29: 10177–10200. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12197-3>
35. Rui P., Moreira A. C., Zurlo F. Gamification in innovation teams. *International Journal of Innovation Studies*, 2022, 6(3): 156–168. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2022.05.003>
36. Klem A. M., Connell J. P. Relationships matter: Linking teacher support to student engagement and achievement. *Journal of School Health*, 2004, 74(7): 262–273. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1561.2004.tb08283.x>
37. Pluck G., Johnson H. L. Stimulating curiosity to enhance learning. *GESJ: Education Sciences and Psychology*, 2011, 2(19): 24–31. URL: https://www.researchgate.net/publication/292088477_Stimulating_curiosity_to_enhance_learning (accessed 17 Sep 2024).
38. Alsawaier R. S. The effect of gamification on motivation and engagement. *International Journal of Information and Learning Technology*, 2018, 35(1): 56–79. <https://doi.org/10.1108/IJILT-02-2017-0009>
39. Inayat A., Ali A. Z. Influence of teaching style on students' engagement, curiosity and exploration in the classroom. *Journal of Education and Educational Development*, 2020, 7(1): 87–102. <http://dx.doi.org/10.22555/joed.v7i1.2736>
40. Taylor L., McGrath-Champ S., Clarkeburn H. Supporting student self-study: The educational design of podcasts in a collaborative learning context. *Active Learning in Higher Education*, 2012, 13(1): 77–90. <https://doi.org/10.1177/1469787411429186>
41. Tam K. Y., Van Tilburg W. A., Chan C. S. Whatever will bore, will bore: The mere anticipation of boredom exacerbates its occurrence in lectures. *British Journal of Educational Psychology*, 2023, 93(1): 198–210. <https://doi.org/10.1111/bjep.12549>
42. Prasetyo A. H., Jasiah J., Idriyani N., Setyawati S. P. Resilience and the character of student curiosity in discovery learning-based online learning. *International Journal of Applied Guidance and Counseling*, 2022, 3(1): 15–21. <https://doi.org/10.26486/ijagc.v3i1.2289>
43. Coates H. The value of student engagement for higher education quality assurance. *Quality in Higher Education*, 2005, 11(1): 25–36. <https://doi.org/10.1080/13538320500074915>
44. Sakarkaya V., Bümen N. T. What triggers teacher research engagement and sustainability in a higher education context in Turkey? *Participatory Educational Research*, 2022, 9(2): 325–342. <https://doi.org/10.17275/per.22.43.9.2>
45. Alfattal E. A new conceptual model for understanding international students' college needs. *Journal of International Students*, 2016, 6(4): 920–932. <https://doi.org/10.32674/jis.v6i4.326>
46. Çilek A., Çoban F. N., Çetin E. Examining the lifelong learning competencies of teachers. *Journal of Teacher Education and Lifelong Learning*, 2023, 5(1): 439–447. <https://doi.org/10.51535/tell.1312486>
47. Friesen N., Anderson T. Interaction for lifelong learning. *British Journal of Educational Technology*, 2004, 35(6): 679–687. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2004.00426.x>
48. Şen N., Yildiz D. H. Examining the relationships between English teachers' lifelong learning tendencies with professional competencies and technology integrating self-efficacy. *Education and Information Technologies*, 2022, 27: 5953–5988. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10867-8>
49. Carless D., Winstone N. Teacher feedback literacy and its interplay with student feedback literacy. *Teaching in Higher Education*, 2023, 28(1): 150–163. <https://doi.org/10.1080/13562517.2020.1782372>

50. Macaro E., Han S. English medium instruction in China's higher education: Teachers' perspectives of competencies, certification and professional development. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2020, 41(3): 219–231. <https://doi.org/10.1080/01434632.2019.1611838>
51. Morrison-Love D., Patrick F. Supporting student teachers to integrate theory, research, and practice: Developing the adaptive subject pedagogy model. *Research in Science and Technological Education*, 2022, 42(3): 595–617. <https://doi.org/10.1080/02635143.2022.2116422>
52. Mahmud S. N. D., Rahman Z. A. Education for sustainability curriculum and pedagogy in higher education institution: Using complex adaptive system as a framework. *Creative Education*, 2018, 9(15): 2627–2646. <https://doi.org/10.4236/ce.2018.915198>
53. Bebell K., Bogoslovskiy V. I., Dobudko T. V., Zhukova T. A., Pisareva S. A. Model for improving the framework of multicultural pedagogy in Russia and Germany. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, 6(4): 176–183. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n4s1p176>
54. Hickey C., Keddie A. Peer groups, power and pedagogy: The limits of an educational paradigm of separation. *The Australian Educational Researcher*, 2004, 31: 57–77. <https://doi.org/10.1007/BF03216805>
55. Demir O., Aslan S. A., Demir M. Examining the relationship between teachers' lifelong learning tendencies and digital literacy levels. *Journal of Educational Technology and Online Learning*, 2022, 5(2): 379–392. <https://doi.org/10.31681/jetol.1034697>
56. Pulido-Martos M., Cortés-Denia D., de la Rosa-Blanca J. J., Lopez-Zafra E. The shirom-melamed vigor measure for students: Factorial analysis and construct validity in Spanish undergraduate university students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, 17(24). <https://doi.org/10.3390/ijerph17249590>
57. Pitulko K., Li O., Kolosova O., Sedova T., Antonova N. Students' coping with mental states caused by intrapersonal conflict. *Polish Psychological Bulletin*, 2022, 53(1): 8–14. <https://doi.org/10.24425/ppb.2022.140476>
58. Squires G. Individuality in higher education. *Studies in Higher Education*, 2006, 5(2): 217–226. <https://doi.org/10.1080/03075078012331377246>
59. Abacioglu C. S., Epskamp S., Fischer A. H., Volman M. Effects of multicultural education on student engagement in low- and high-concentration classrooms: The mediating role of student relationships. *Learning Environments Research*, 2023, 26: 951–975. <https://doi.org/10.1007/s10984-023-09462-0>
60. Junker R., Donker M. H., Mainhard T. Potential classroom stressors of teachers: An audiovisual and physiological approach. *Learning and Instruction*, 2021, 75. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2021.101495>
61. Razali S. N. A. M., Rusiman M. S., Gan W. S., Arbin N. The impact of time management on students' academic achievement. *Journal of Physics: Conference Series*, 2018, 995(1). <https://doi.org/10.1088/1742-6596/995/1/012042>
62. Strom P. S., Strom R. D., Sindel-Arrington T., Rude R. V. Student attention and distraction in community college. *Journal of Educational and Developmental Psychology*, 2023, 13(1): 41–52. <https://doi.org/10.5539/jedp.v13n1p41>
63. Lundberg C. A. The influence of time-limitations, faculty, and peer relationships on adult student learning: A causal model. *The Journal of Higher Education*, 2016, 74(6): 665–688. <https://doi.org/10.1080/00221546.2003.11780863>
64. Khan K., Tahir T., Ishfaq U., Khan A. A study to examine teachers' classroom time management strategies at secondary school level. *Journal of Business & Tourism*, 2021, 3(2): 59–71. <https://doi.org/10.34260/jbt.v3i2.73>
65. Tormey R. Rethinking student-teacher relationships in higher education: A multidimensional approach. *Higher Education*, 2021, 82: 993–1011. <https://doi.org/10.1007/s10734-021-00711-w>
66. Pozas M., Letzel-Alt V., Schwab S. The effects of differentiated instruction on teachers' stress and job satisfaction. *Teaching and Teacher Education*, 2023, 122. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103962>
67. Rollo S., Crutchlow L., Nagpal T. S., Sui W., Prapavessis H. The effects of classroom-based dynamic seating interventions on academic outcomes in youth: A systematic review. *Learning Environments Research*, 2019, 22: 153–171. <https://doi.org/10.1007/s10984-018-9271-3>
68. Pressley T. Ha C., Learn E. Teacher stress and anxiety during COVID-19: An empirical study. *School Psychology*, 2021, 36(5): 367–376. <https://doi.org/10.1037/spq0000468>
69. Ramakrishna M., Singh P. The way we teach now: Exploring resilience and teacher identity in school teachers during COVID-19. *Frontiers in Education*, 2022, 7. <https://doi.org/10.3389/educ.2022.882983>
70. Uzir N. A., Gašević D., Matcha W., Jovanović J., Pardo A. Analytics of time management strategies in a flipped classroom. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2020, 36(1): 70–88. <https://doi.org/10.1111/jcal.12392>
71. Ploettner J. C. A critical look at teacher development for English-medium instruction. *Language Learning in Higher Education*, 2019, 9(2): 263–287. <https://doi.org/10.1515/cercles-2019-0016>
72. Goldbach A., Hauser M., Schuppener S., Leonhardt N., van Ledden H., Bergelt D. Social responsibility in the context of inclusive higher education development – experiences and insights from the perspective of participatory

- teaching. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 2022, 23(4): 799–814. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-04-2021-0140>
73. Herman K. C., Reinke W. M., Eddy C. L. Advances in understanding and intervening in teacher stress and coping: The coping-competence-context theory. *Journal of School Psychology*, 2020, 78: 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2020.01.001>
74. Ryymin E. H. Perspectives from higher education: Applied sciences university teachers on the digitalization of the bioeconomy. *Technology Innovation Management Review*, 2021, 11(2): 24–32. <http://dx.doi.org/10.22215/timreview/1420>
75. Marsh H. W. Students' evaluations of university teaching: Dimensionality, reliability, validity, potential biases, and utility. *Journal of Educational Psychology*, 1984, 76(5): 707–754. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.76.5.707>
76. Ng L. K., Lo C. K. Flipped classroom and gamification approach: Its impact on performance and academic commitment on sustainable learning in education. *Sustainability*, 2022, 14(9). <https://doi.org/10.3390/su14095428>
77. Gironella F. Gamification pedagogy: A motivational approach to student-centric course design in higher education. *Journal of University Teaching & Learning Practice*, 2023, 20(3). <http://dx.doi.org/10.53761/1.20.3.04>
78. Aşıksoy G. The effects of the gamified flipped classroom environment (GFCE) on students' motivation, learning achievements and perception in a physics course. *Quality and Quantity*, 2018, 52: 129–145. <http://dx.doi.org/10.1007/s11135-017-0597-1>
79. Singh M. N. Inroad of digital technology in education: Age of digital classroom. *Higher Education for the Future*, 2021, 8(1): 20–30. <http://dx.doi.org/10.1177/2347631120980272>
80. Von der Embse N., Mankin A. Changes in teacher stress and wellbeing throughout the academic year. *Journal of Applied School Psychology*, 2021, 37(2): 165–184. <http://dx.doi.org/10.1080/15377903.2020.1804031>
81. Akarsu N., Turhan M. The relationship between school moral atmosphere and student engagement in secondary schools. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 2022, 9(4): 694–704. <https://doi.org/10.33200/ijcer.1060331>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lsqwgi>

Некоторые тенденции развития российского федерализма как базового принципа организации механизма государства

Бенедисюк Арина Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4153-1832

89502702238@yandex.ru

Аннотация: Характерной тенденцией хода государственного строительства на современном этапе становится размывание границ механизма государства, определяющей причиной которого является отсутствие системного подхода законодателя к данному институту. Доктрина механизма современного российского государства нуждается в глубоком переосмыслении, разработке четкого представления о системе органов государства, их соотношении и взаимодействии. Цель – исследовать некоторые аспекты развития российского федерализма как базового, системообразующего принципа организации и функционирования государственного механизма. Выявлен ряд правовых пробелов и противоречий. Приведен анализ конституционных изменений, затрагивающих федеративное устройство России: новые предметы ведения Российской Федерации, изменение статуса Государственного Совета. Приводятся рассуждения о тенденции к укрупнению территорий на субфедеральном и муниципальном уровнях. Подробно исследуется нормативное правовое регулирование статуса федеральных округов. Сделан вывод, что федеральный округ есть юридическая фикция. Также сделан общий вывод о необходимости доработки ряда законодательных положений с целью исключения организационных нагромождений и несистемных решений.

Ключевые слова: механизм государства, система публичной власти, принципы организации и функционирования механизма российского государства, федерализм, органы государственной власти, местное самоуправление

Цитирование: Бенедисюк А. Н. Некоторые тенденции развития российского федерализма как базового принципа организации механизма государства. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 117–124. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-117-124>

Поступила в редакцию 11.11.2024. Принята после рецензирования 02.12.2024. Принята в печать 04.12.2024.

full article

Development Trends of Russian Federalism as a Basic State Administration Principle

Arina N. Benedisyuk

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4153-1832

89502702238@yandex.ru

Abstract: The boundaries of the public administration system tend to blur as a result of poor systematic approach of the legislator to this institution. The doctrine of the public administration system of the modern Russian state needs a profound rethinking to obtain a clear system of interacting state bodies. This article describes the development of Russian federalism as a basic, system-forming principle of the organization and functioning of the public administration system. The research revealed a number of legal gaps and contradictions. The analysis included important constitutional changes in the federal structure and its new subjects, the status of the State Council, the tendency to subfederal and municipal territorial enlargement, and the normative legal regulation of the status of federal districts. The author believes that a federal okrug is a fake territorial unit. New legislative provisions are needed to eliminate organizational complexions and non-systemic solutions.

Keywords: public administration system of the state, public authority system, principles of organization and functioning of the public administration system of the Russian state, federalism, state authorities, local self-government

Citation: Benedisyuk A. N. Development Trends of Russian Federalism as a Basic State Administration Principle. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 117–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-117-124>

Received 11 Oct 2024. Accepted after review 2 Dec 2024. Accepted for publication 4 Dec 2024.

Введение

Тема организационного проектирования в системе органов государства в последние годы становится все более актуальной. В экономике и теории управления организационное проектирование означает разработку эффективной организационной структуры и системы управления организацией, является важным инструментом для повышения эффективности и адаптивности организаций в условиях быстро меняющейся внешней среды, предназначено для формирования структуры компании, подчиненной интересам достижения поставленных целей и реализации выбранной стратегии [1, с. 143].

Н. Б. Ефимочкина под научно-организационным проектированием понимает вид деятельности, направленный на развитие и совершенствование системы управления в соответствии с постоянно изменяющимися внешними и внутренними условиями [2, с. 109].

Если рассматривать государство как особую форму организации или вслед за И. А. Ильиным представить государство как публично-правовую корпорацию [3, с. 122], то изучаемый подход применим и к учению о государстве.

По мнению Л. П. Рассказова, механизм государства немислим без системных связей, без них невозможно единство и взаимодействие органов государства [4, с. 122]. В одной из работ С. С. Алексеева высказано соображение о государственном механизме как о совокупности государственных органов, находящихся во взаимодействии [5, с. 22], термин *механизм* лишь оттеняет целостность аппарата, его нацеленность на деятельность, на достижение известного результата [6, с. 35]. Следовательно, формирование комплексного представления о механизме государства возможно лишь при рассмотрении его в динамике и с учетом перспектив развития и достижения поставленных целей.

В этом смысле организационное проектирование в отличие от более привычного государствоведом метода моделирования является категорией гораздо более сложной. Любая модель в конечном итоге представляет собой лишь проекцию реального объекта, в то время как организационное проектирование предполагает изучение системных взаимосвязей, входящих в организацию элементов (органов), и учитывает влияние различных внутренних и внешних факторов, перспектив развития и возможных проблем и кризисов. Одна из задач организационного проектирования – создание такой структуры, которая

бы при минимальных затратах и издержках позволила достичь поставленных целей и реализовать выбранные стратегии развития. Это позволяет увидеть любую модель, в том числе модель системы органов управления в государстве, не только в статике, т. е. как «застывшую в моменте» иллюстрацию структуры органов, наделенных публичными полномочиями, но и в динамике: как властные субъекты разных уровней и компетенции будут взаимодействовать, каковы перспективы их деятельности.

Актуальность этого подхода существенно возрастает ввиду увеличения числа поименованных и непоименованных в Основном законе субъектов, наделенных публично-властными полномочиями, отсутствия четкой правовой регламентации системных взаимосвязей между ними. Все это закономерно порождает ряд серьезных негативных явлений: организационная, информационная и функциональная перегруженность механизма государства, непоследовательность управленческих решений и несостоятельность принимаемых стратегий развития. Отмеченное неизбежно сказывается на эффективности управления.

В этой связи значение теоретических наработок в осмыслении современного состояния механизма государства существенно возрастает. При исследовании данной темы следует исходить из основополагающих и неотъемлемых свойств механизма государства – его системности и иерархичности.

Не вдаваясь в рамках настоящего исследования в рассуждения относительно структуры органов государственного управления в современной России, сконцентрируем внимание на том, что концептуально осталось прежним – на принципах организации и функционирования государственного механизма.

Цель статьи – исследовать некоторые аспекты развития российского федерализма как базового, системообразующего принципа организации и функционирования государственного механизма.

Результаты

Федерализм как базовый принцип организации механизма государства

Принципы как отправные начала, идеи и требования, лежащие в основе формирования, организации и функционирования механизма государства [7, с. 102], должны обладать такими признаками, как фундаментальность, общеобязательность, доктринальная проработанность. К свойствам конституционных принципов

относят также аксиоматичность, которая обосновывается системообразующей ролью конституционных принципов и, как следствие, формулированием ими общеобязательных базовых правил [8, с. 87].

Конституционные принципы выступают концентрированным выражением («движущими идеями») развития общественных отношений, однако, будучи в высокой степени абстрактными положениями для целей практического воплощения, они требуют «раскрытия» юридического содержания [9, с. 58].

В системе принципов организации и функционирования государственного механизма традиционно выделяют общие и частные принципы. Общие – это принципы, относящиеся к механизму государства в целом: народовластие, гуманизм, федерализм, разделение властей, законность. Частные принципы затрагивают отдельные звенья механизма государства. Например, относящийся к судебной власти принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации¹) или принципы организации и деятельности прокуратуры РФ (ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре РФ»²). Подчеркнем, что частные принципы проистекают из общих, конкретизируя их применительно к тому или иному звену государственного механизма.

О ценности принципов в правовом государстве рассуждает Б. А. Кистяковский: «Так как свое высшее выражение верховная власть получает в законодательстве, то из этого следует, что в правовом государстве именно для законодательства установлены известные границы. Такие границы создаются, однако, не какой-либо другой государственной или хотя бы негосударственной властью, а известными принципами и правовыми отношениями, которых государственная власть не может нарушать» [10, с. 286].

Анализируя механизм государства как комплексный, системообразующий для государства феномен, особое внимание следует уделить принципу федерализма, представляющему собой в самом широком смысле разграничение полномочий между федерацией, субъектами, а также муниципальным уровнем власти.

Федерализм – явление многогранное, под которым понимают и метод государственного управления, и способ территориальной организации государства, и своего рода политический компромисс центра и мест и др. Западные исследователи рассматривают федерализм не как совокупность структур и норм, а как процесс, призванный заглушать конфликты центра и мест, унавливать их взаимодействие, обеспечить наиболее

целесообразные в данных условиях методы управления [11, с. 154]. Ю. В. Ким определяет федерализм как «соответствующую идейно-теоретическую парадигму и генерируемую ("одухотворяемую") ею институциональную и ценностно-нормативную систему, а также политико-правовую практику в сфере государственного строительства» [12, с. 100].

Федерализм призван обеспечить и сохранить исторически сложившееся государственное единство, территориальную целостность государства, учитывать и сочетать многообразные интересы государства, интегрировать его территориальные сообщества, учитывать и сочетать многообразные интересы государства и особенности регионов, способствовать их самоорганизации и саморегулированию, противодействовать различным формам обособления регионального, этического и иного свойства [13, с. 56].

Положения о федеративном устройстве в обновленной Конституции РФ. Государственный Совет

Появившееся в 2020 г. в Конституции России понятие *единая система публичной власти* (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132) непосредственно затрагивает федеративное устройство. В ч. 1 ст. 2 ФЗ «О Государственном Совете РФ»³ (Закон № 394-ФЗ) законодатель перечислил звенья, образующие систему публичной власти: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности.

В основе разграничения уровней власти (а по сути – предметов ведения) лежит не территория, а компетенция, определяющая близость уровня публичной власти к народу. По мнению Е. Ю. Зинченко и Е. Н. Хазова, рассматриваемые конституционные новеллы создают правовые предпосылки для включения в структуру федеративных отношений механизмов взаимодействия муниципальных образований с органами публичной власти федерального и субфедерального уровней [14, с. 47].

В результате последних конституционных изменений положения гл. 3 Конституции РФ «Федеративное устройство» подверглись обновлению. Так, в ст. 71 добавлены новые предметы ведения РФ, в частности организация публичной власти. Думается, что под *организацией* следует понимать весь механизм публичной власти: формы ее осуществления, организационная структура на всех уровнях, разграничение предметов ведения, гарантии и ответственность.

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

² О прокуратуре РФ. ФЗ № 2202-1 от 17.01.1992 (ред. от 30.09.2024). СПС КонсультантПлюс.

³ О Государственном Совете РФ. ФЗ № 394-ФЗ от 08.12.2020. СПС КонсультантПлюс.

К ведению федерации к тому же отнесли установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования, информационные технологии, обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных и др.

Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас считают, что дополнение перечня вопросов, относящихся к предметам ведения РФ, отнюдь не означает усиление централизации государственной власти, а является ответом на вызовы времени, объективным расширением сфер государственного регулирования, требующих государственного участия [13, с. 56].

Координировать функционирование органов единой системы публичной власти призван Государственный Совет, формируемый Президентом РФ в целях определения основных направлений внутренней и внешней политики России, приоритетных направлений социально-экономического развития государства (ст. 3 Закона № 394-ФЗ). Председателем Государственного Совета является Президент РФ, а членами – Председатель Правительства РФ, Председатели Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Руководитель Администрации Президента РФ, высшие должностные лица субъектов РФ. По своей правовой природе это консультативный орган при Президенте РФ.

Вместе с тем Государственный Совет не является новой структурой государственного управления. Государственный Совет был создан Указом Президента РФ «О Государственном Совете РФ»⁴ как орган, содействующий реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

Е. В. Виноградова полагает, что «деятельность Государственного Совета Российской Федерации направлена на укрепление федеративных отношений» [15, с. 29]. Расширение состава Госсовета, участие в его работе представителей исполнительной и законодательной ветвей власти, а также представителей субъектов позволит рассматривать проблемные вопросы с разных сторон и будет способствовать принятию наиболее взвешенных решений. Этот шаг нацелен на развитие федеративных отношений. Вопросы, имеющие общегосударственное значение (в частно-

сти, определение приоритетных направлений и целей социально-экономического развития государства, основных направлений регионального и муниципального развития, вопросы, касающиеся взаимоотношений РФ, субъектов РФ, муниципальных образований и др.), должны рассматриваться и решаться посредством открытого диалога между федерацией и субъектами с учетом интересов всех уровней власти. Субъекты РФ должны принимать активное участие в формировании тех направлений внутренней государственной политики, которые затрагивают их интересы, доносят позицию граждан и реальное положение дел в том или ином регионе.

Укрупнение территорий

Говоря о тенденциях развития российского федерализма, нельзя не отметить, с одной стороны, движение в сторону расширения границ России за счет принятия новых субъектов в состав государства, а с другой – к укрупнению субъектов. Укрупнение предполагает объединение, как правило, двух близлежащих субъектов, один из которых экономически более развит и густонаселен, другой – отличается меньшей численностью населения и сравнительно низким социально-экономическим потенциалом. Так, в свое время объединению подверглись Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ в Пермский край⁵, Камчатская область и Корякский автономный округ в Камчатский край⁶, Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ в Забайкальский край⁷ и др.

Необходимо подчеркнуть, что тренд на укрупнение характерен не только для субфедерального уровня, но и для муниципалитетов России. В 2019 г. законодательно введен новый вид муниципальных образований – муниципальный округ, представляющий собой муниципальное образование, создаваемое на месте муниципального района и входящих в состав его территории сельских и городских поселений путем объединения последних; муниципальный округ – это альтернатива муниципальному району [16, с. 61]. В результате указанных изменений в регионах России произошли масштабные преобразования муниципальных районов в муниципальные округа, были ликвидированы сотни городских и сельских поселений [17, с. 33]. Территориальные преобразования посредством укрупнения – это процесс,

⁴ О Государственном Совете РФ. Указ Президента РФ № 1602 от 01.09.2000 (ред. от 21.12.2020). СПС КонсультантПлюс.

⁵ Об образовании в составе РФ нового субъекта РФ в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. ФКЗ № 1-ФКЗ от 25.03.2004 (ред. от 12.04.2006). СПС КонсультантПлюс.

⁶ Об образовании в составе РФ нового субъекта РФ в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа. ФКЗ № 2-ФКЗ от 12.07.2006. СПС КонсультантПлюс.

⁷ Об образовании в составе РФ нового субъекта РФ в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. ФКЗ № 5-ФКЗ от 21.07.2007. СПС КонсультантПлюс.

нацеленный не только на оптимизацию управления, но и еще большую централизацию, укрепление всей вертикали власти. Векторы развития местного самоуправления в России, по справедливому утверждению Н. Л. Пешина, неизбежно сводятся к тому, что в конечном итоге «муниципальная власть должна слиться с властью государственной, органы местного самоуправления должны превратиться в местные органы государственной власти» [18, с. 13].

При этом следует отметить, что одновременно с укрупнением имеет место и *диверсификация* региональной политики: повсеместно разрабатываются собственные экономические и социальные программы⁸, стратегии развития. Принятие стратегий государственного развития – общая мировая тенденция, характерная для многих стран, в том числе федеративных, где они принимаются на различных территориальных уровнях (Канада, Германия, Казахстан, Ирландия и др.) [19, с. 6]. Указанное свидетельствует о смещении политических акцентов в пользу местных условий и потребностей населения конкретного региона России.

Федеральный округ

как административно-управленческая структура

Остановимся еще на одном феномене, имеющем отношение к федерализму. В мае 2000 г. Указом Президента РФ введена новая форма территориального образования – федеральный округ⁹.

Конституционно система федеральных округов не предусмотрена, более того – имеет место недостаточность формальной определенности рассматриваемого явления. К. В. Черкасов полагает, что «федеральные округа представляют собой не оговоренный, но допускаемый Конституцией России элемент» [20, с. 68]. С точки зрения С. Преображенского, система федеральных округов является параллельной структурой управления, дублирующей институционально закреплённый институт власти [21, с. 10].

Применительно к федеральным округам возникла и специально созданная новая государственная должность – Полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе (Полпред), представляющий Президента РФ в пределах соответствующего федерального округа¹⁰.

Институт Полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах трансформировался

из регионального полпредства в целях обеспечения реализации Президентом РФ своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений¹¹. На первый взгляд может показаться, что указанное свидетельствует об оптимизации структур, контролирующих регионы в вопросах реализации направлений политики федерального центра, однако при более детальном рассмотрении структуры данного института выводы об оптимизации представляются преждевременными.

Согласно Конституции России, Полпред подчиняется напрямую Президенту, им назначается на должность и освобождается с нее. Несмотря на длительное существование этого института, до настоящего времени нет ясности о его правовой природе, конституционно не определен его статус. Вместе с тем полномочия Полпредов фактически дублируют полномочия других органов власти, а предоставленные им права весьма широки. Так, согласно Указу Президента «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе»¹², Полномочный представитель имеет право направлять своих заместителей для участия в работе органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа, использовать государственные, в том числе правительственные, системы связи и коммуникации, организовывать в пределах своей компетенции проверки исполнения указов и распоряжений Президента РФ, а также хода реализации федеральных программ, использования федерального имущества и средств федерального бюджета в федеральном округе и др. По словам Е. А. Абаевой, Полпред имеет двойственную природу: являясь, с одной стороны, элементом президентской власти, проводником воли главы государства, с другой – выступает руководителем федерального округа, содействующим эффективному взаимодействию и функционированию государственной власти в субъектах РФ, входящих в состав федерального округа [22, с. 467].

Полномочные представители имеют своих заместителей, а в каждом субъекте РФ действует главный федеральный инспектор. Таким образом, институт Полномочного представителя Президента представлен целой системой должностных лиц, имеющих статус

⁸ См. напр.: Об утверждении государственной программы Кемеровской области – Кузбасса «Экономическое развитие и инновационная экономика Кузбасса». Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 667 от 06.10.2023. URL: <https://bulleten-kuzbass.ru/upload/iblock/8f6/2q9skhzhwp38zcyxsrd29dqzg5o59il/4626357.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

⁹ О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе. Указ Президента РФ № 849 от 13.05.2000 (ред. от 26.06.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ранее на основании Указа Президента РФ № 696 от 09.07.1997 «О полномочном представителе Президента РФ в регионе РФ» действовал институт Полномочных Представителей Президента РФ в регионах.

¹² О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе...

федеральных государственных служащих и осуществляющих свою деятельность на территории всех субъектов государства.

Не вдаваясь в рассуждения относительно практической необходимости существования указанного института, отметим, что теоретическая проработка и конституционно-правовое закрепление его статуса необходимо. Ю. В. Ким справедливо относит рассматриваемый институт к фантомным юридическим конструкциям, «не соотносящимся в своих существенных проявлениях с основами конституционного строя, логикой Конституции в целом» [23, с. 10].

Обозначим, что ряд федеральных органов исполнительной власти имеют свои территориальные подразделения именно в федеральных округах. В частности, такой организационной структурой отличаются федеральные агентства, представляющие собой федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору¹⁵. К агентствам с такой структурой, в частности, относятся Роснедра¹⁴, Росимущество¹⁵, Росжелдор¹⁶.

В результате федеральные округа являют собой административно-управленческие структуры, схожие с образованиями государственно-территориального типа, обусловленные культурно-историческими и экономико-социальными предпосылками. Между тем это не что иное, как юридическая фикция, поскольку округа географически объединяют субъекты РФ только в смысле распространения на них юрисдикции ряда государственно-управленческих структур. По мнению И. В. Ирхина, федеральный округ – это компетенционная надстройка над соответствующими территориями субъектов РФ [24, с. 114].

Литература / References

1. Гребенкина Е. С. Организационное проектирование компаний: структурный аспект. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2009. № 2. С. 138–144. [Grebinkina E. S. Organizational design of companies: Structural aspect. *Vestnic of Rostov State University of Economics*, 2009, (2): 138–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ormgpz>
2. Ефимочкина Н. Б. Организационное проектирование: значение, сущностная характеристика. *Интерактивная наука*. 2017. № 5. С. 107–112. [Efimochkina N. B. Organizational design: Meaning, essential characteristic. *Interactive Science*, 2017, (5): 107–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynbyrf>

¹⁵ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти. Указ Президента РФ № 314 от 09.03.2004 (ред. от 27.03.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Роснедра – Федеральное агентство по недропользованию. URL: <https://rosnedra.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁵ Росимущество – Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. URL: <https://rosim.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁶ Росжелдор – Федеральное агентство железнодорожного транспорта. URL: <https://rlw.gov.ru/about> (дата обращения: 09.09.2024).

Необходимость закрепления правового статуса федерального округа в специальном федеральном законе очевидна. Следует законодательно определить место федеральных округов в системе федеративного устройства РФ, определить порядок взаимодействия между ними, установить принципы создания, изменения, упразднения федеральных округов.

Заключение

Приведенные в статье некоторые противоречивые тенденции развития федерализма в России иллюстрируют существование дублирующих институтов, имеющиеся неточности и противоречия нормативного правового регулирования механизма государства. В этой связи уместно упомянуть справедливое утверждение С. А. Авакьяна: «Как ни строить модель внутригосударственного устройства, все равно важнейший вопрос – не столько структура территории, сколько управление ею» [25, с. 3].

Назрела необходимость проведения масштабной ревизии всего действующего в данной сфере законодательства, базирующейся на серьезных научно-теоретических наработках и практическом переосмыслении фактической модели публично-властной организации России.

Исследованные в работе некоторые тенденции развития федерализма в России как базового принципа организации механизма государства могут служить важным ориентиром системной проработки проблемы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

3. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с. [Ilyin I. A. *The essence of justice*. Moscow: Rarog, 1993, 235. (In Russ.)]
4. Рассказов Л. П. Теория государства и права. М.: РИОР, 2008. 462 с. [Rasskazov L. P. *Theory of State and Law*. Moscow: RIOR, 2008, 462. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxmtnb>
5. Алексеев С. С. Основные понятия теории государства и права: текст лекций. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1986. 62 с. [Alekseev S. S. *Basic concepts of the theory of state and law: Lectures*. Sverdlovsk: Sverdlovskii iurid. in-t, 1986, 62. (In Russ.)]
6. Алексеев С. С. Государство и право: Начальный курс. М.: Юрид. лит., 1993. 176 с. [Alekseev S. S. *State and Law: Introduction*. Moscow: Iurid. lit., 1993, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmlykp>
7. Теория государства и права: Курс лекций, ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. 768 с. [Theory of State and Law: Lectures, eds. Matuzov N. I., Malko A. V. 2nd ed. Moscow: Iurist, 2006, 768. (In Russ.)]
8. Мосин С. А. Свойство аксиоматичности конституционных принципов. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023. № 2. С. 81–88. [Mosin S. A. Property of axiomatichity of constitutional principles. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2023, (2): 81–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/81-88>
9. Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве. *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 12. С. 52–60. [Volodina S. V. The concept of a "principle" in constitutional law. *Lex Russica*, 2023, 76(12): 52–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.205.12.052-060>
10. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб.: ПХГИ, 1998. 800 с. [Kistyakovskiy B. A. *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg: RABS, 1998, 800. (In Russ.)]
11. Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ. *Государство и право*. 1994. № 89. С. 150–158. [Chirkin V. E. Models of modern federalism: A comparative analysis. *State and Law*, 1994, (89): 150–158. (In Russ.)]
12. Ким Ю. В. Фикции в конституционном праве: происхождение, сущность, значение. Кемерово: LAP LAMBERT, 2014. 208 с. [Kim Yu. V. *Fictions in constitutional law: Origin, essence, and meaning*. Kemerovo: LAP LAMBERT, 2014, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxjcx>
13. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Инфра-М, 2020. 240 с. [Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. *Thematic commentary to the law of the Russian Federation on the amendment to the constitution of the Russian Federation of march 14, 2020 n 1-fkz "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities"*. Moscow: Infra-M, 2020, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/anuony>
14. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционная модель современного российского федерализма. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 2. С. 46–50. [Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Constitutional model of modern Russian federalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, (2): 46–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-2-46-50>
15. Виноградова Е. В. Федеративные отношения как интегративная основа современной суверенной российской государственности. *Труды института государства и права РАН*. 2024. Т. 19. № 1. С. 11–35. [Vinogradova E. V. Federal relations as an integrative basis of modern sovereign Russian state. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2024, 19(1): 11–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-1-vinogradova>
16. Баженова О. И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 1. С. 58–66. [Bazhenova O. I. Municipal district: A new solution of the old problem or a new problem of local self-government arrangement in Russia? *Constitutional and municipal law*, 2020, (1): 58–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-58-66>
17. Мурашкинцева А. Н. Местное самоуправление как элемент механизма государства: основные тенденции и перспективы. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2023. № 1. С. 31–34. [Murashkintseva A. N. Local self-government as an element of the state mechanism: Key tendencies and prospects. *Municipal property: Economics, law, management*, 2023, (1): 31–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2023-1-31-34>
18. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти. *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 6. С. 10–15. [Peshin N. L. The constitutional reform of local self-government: A new (old) model

- of the correlation between state and municipal forms of public government. *Constitutional and municipal law*, 2020, (6): 10–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-6-10-15>
19. Андриченко Л. В. Стратегия государственного регионального развития Российской Федерации: правовые основы. *Журнал российского права*. 2017. № 5. С. 5–17. [Andrichenko L. V. Strategy of state regional development of the Russian Federation: Legal framework. *Journal of Russian Law*, 2017, (5): 5–17. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_58f48b493b3517.28201840
20. Черкасов К. В. Федеральные округа: природа и сущность. *Государство и право*. 2008. № 12. С. 67–75. [Cherkasov K. V. Federal districts: Nature and essence. *State and Law*, 2008, (12): 67–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jujzzl>
21. Преображенский С. Судьба резидентов. *Наша власть: дела и лица*. 2008. № 2. С. 6–13. [Preobrazhensky S. The fate of residents. *Nasha vlast: Dela i litsa*, 2008, (2): 6–13. (In Russ.)]
22. Абаева Е. А. Современная конституционно-правовая регламентация организации и деятельности Полномочных представителей Президента в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2016. Т. 16. № 4. С. 464–472. [Abaeva E. A. Modern constitutional-legal regulation of the organization and activity of Presidential Plenipotentiary Envoy to Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2016, 16(4): 464–472. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-4-464-472>
23. Ким Ю. В. Конституционные и квазиконституционные феномены в структуре российской государственности: к вопросу об особенностях российского конституционализма. *Конституционное и муниципальное право*. 2023. № 12. С. 2–16. [Kim Yu. V. Constitutional and quasi-constitutional phenomena in the structure of the Russian statehood: On special aspects of Russian constitutionalism. *Constitutional and municipal law*, 2023, (12): 2–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-2-16>
24. Ирхин И. В. О некоторых проблемах институционализации конституционно-правового статуса федеральных округов в Российской Федерации. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013. № 1. С. 108–114. [Irkhin I. V. On certain problems of institutionalization of the constitutional and legal status of federal districts in the Russian Federation. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2013, (1): 108–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdkznb>
25. Авакьян С. А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России. *Конституционное и муниципальное право*. 2010. № 3. С. 2–12. [Avakyan S. A. Modern issues of constitutional and municipal construction in Russia. *Constitutional and municipal law*, 2010, (3): 2–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lmchxt>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lyrndj>

Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики

Даньшин Александр Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2860-0310

<https://orcid.org/0000-0003-0107-8531>danschin.garant2013@yandex.ru

Аннотация: По объему и темпам развития правового регулирования цифровых технологий и искусственного интеллекта в разных сферах общественной жизни Китай, безусловно, выступает мировым лидером. Цель статьи – провести анализ основных нормативных актов Китайской Народной Республики по применению в судопроизводстве страны цифровых технологий и искусственного интеллекта. Особое внимание уделено документам Верховного народного суда Китайской Народной Республики «Правила онлайн-судопроизводства народных судов» (2021 г.) и «Правила работы народных судов в режиме онлайн» (2022 г.), устанавливающим в качестве главной цели их принятия укрепление в судопроизводстве Китая с помощью цифровых технологий принципов справедливости, эффективности, безопасности и равенства для всех граждан страны. Важное место в нормативных актах занимают вопросы обеспечения безопасности размещения на платформах «умного суда» различных документов. При этом впервые в мировой практике признается в отношении подлинности таких документов, если применялись технологии блокчейна, принцип *допустимой презумпции* (*gratum praesumptione*). Отмечается, что не менее значимым является также правовое обеспечение использования цифровых технологий и искусственного интеллекта для всестороннего и эффективного надзора над деятельностью судей, поскольку такой надзор считается в Китае существенным фактором повышения доверия к судебной власти. Сделан вывод, что в настоящее время правовое закрепление этических принципов применения цифровых инноваций является одним из основных направлений нормотворческой деятельности по совершенствованию в Китайской Народной Республики системы судопроизводства.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, правовое регулирование, правовые и этические принципы, судопроизводство, «умный суд», искусственный интеллект, блокчейн

Цитирование: Даньшин А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 1. С. 125–137. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-125-137>

Поступила в редакцию 17.09.2024. Принята после рецензирования 25.11.2024. Принята в печать 28.11.2024.

full article

Digital Regulation and Artificial Intelligence in Court in the People's Republic of China

Alexander V. Danshin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2860-0310

<https://orcid.org/0000-0003-0107-8531>danschin.garant2013@yandex.ru

Abstract: The People's Republic of China is the global leader in terms of community code of digital technologies and artificial intelligence. The article describes the current digital regulation of legal proceedings in China. The analysis involved *The Rules for Online Proceedings of People's Courts* (2021) and *The Rules for the Online Operation of People's Courts* (2022) issued by the Supreme People's Court of the People's Republic of China. These documents strengthen the principles of justice, efficiency, security, and equality for all citizens who use

digital technologies as part of court proceedings. These regulatory acts protect documents published on smart court platforms: for the first time in world practice, these documents acquire *gratum preasumptione* if created with the help of blockchain technologies. Digital technologies and artificial intelligence serve as effective tools of supervision that control the professional activities of judges: in China, such supervision is believed to increase public confidence in the judiciary. The consolidation of ethical principles for the use of digital innovations is a key priority of the judicial system in the People's Republic of China.

Keywords: People's Republic of China, legal regulation, legal and ethical principles, judicial proceedings, smart court, artificial intelligence, blockchain

Citation: Danshin A. V. Digital Regulation and Artificial Intelligence in Court in the People's Republic of China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 125–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-125-137>

Received 17 Sep 2024. Accepted after review 25 Nov 2024. Accepted for publication 28 Nov 2024.

Введение

Правовая политика Китайской Народной Республики (КНР) по созданию эффективного механизма применения цифровых технологий в различных сферах общественной жизни страны «дает возможность Китаю содействовать развитию искусственного интеллекта, а не препятствовать ему» [1, с. 67], устанавливая барьеры лишь идеологического характера, касающиеся соблюдения социалистических ценностей. В полной мере это относится и к практическому использованию возможностей цифровых инноваций в судопроизводстве, а также к юридическому сопровождению этого процесса, хотя Китай и не был здесь первопроходцем. Первыми в этом направлении были Южная Корея, Сингапур, Великобритания и некоторые другие страны, однако они сразу натолкнулись на этом пути на различные политические, организационные, финансовые, этические и прочие проблемы, серьезно затормозившие внедрение цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов, чем не преминул воспользоваться Китай. В «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения», принятом Госсоветом КНР в июле 2017 г., была поставлена цель сформировать к 2025 г. необходимую нормативную базу, где нашли бы свое закрепление принципы государственной политики, этические нормы, критерии оценки безопасности и контроля в этой области¹.

Основная задача данного исследования – анализ нормативных актов Верховного народного суда КНР по реализации этого плана в части использования цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводстве КНР, что не было еще предметом подробного рассмотрения в научных работах российских авторов.

Результаты

Интернет-суды как научно-практические полигоны по изучению эффективности применения цифровых технологий в судебной системе Китая

В «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» было отмечено о необходимости создания и развития в стране «умного суда» (智慧法院 – чжихуэй фаюнь), в котором ИИ применялся бы «при сборе доказательств, разборе различных [судебных] дел, прочтении и анализе юридических документов»². Первым шагом в реализации этой задачи предлагалось осуществить пилотные программы, результаты которых были бы учтены при подготовке соответствующего законодательства. Уже через месяц Верховный народный суд КНР запустил одну из таких программ, учредив специальный «Интернет-суд Ханчжоу» (г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян), который должен был судебные споры, связанные с электронной коммерцией (о защите личных и имущественных прав, об онлайн-покупках, о владении доменным именем и т. п.), рассматривать полностью или преимущественно в режиме онлайн, широко используя достижения современных цифровых технологий, включая отдельные элементы ИИ. Этот город был выбран не случайно, поскольку именно там народные суды накопили большой опыт рассмотрения споров в области электронной торговли, т. к. в Ханчжоу находится штаб-квартира крупнейшей китайской компании в сфере интернет-коммерции "Alibaba Group". Несмотря на то что в Китае тогда еще не было нормативных актов, регламентирующих деятельность таких судов, где применение различных цифровых технологий является основной формой

¹ Notice of the State council issuing the New Generation of artificial intelligence development plan. The foundation for law and international affairs. Pt. 6. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed 13 Sep 2024).

² Ibid. Pt. 20. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

их работы³, а электронная платформа, на которой начал свою работу «Интернет-суд Ханчжоу», была создана одной из крупных коммерческих компаний, что создавало риск использования этой платформы в ее бизнес-интересах, однако в течение первого года работы этого суда в него обратились более 12 тыс. истцов, а продолжительность одного судебного разбирательства стала на 50 % меньше, чем в обычных судах [2, с. 78].

Через год к этой пилотной программе были подключены также Пекин и Гуанчжоу (пров. Гуандун), которые, являясь основными центрами китайской интернет-индустрии, часто сталкивались с административными и гражданско-правовыми спорами в этой сфере. Один только «Интернет-суд Пекина» за первый год своей работы рассмотрел более 25 тыс. дел, причем почти в 80 % случаях хотя бы одна из сторон не проживала в столице, но получала возможность участвовать в процессе без личной явки в суд, что существенно повысило доступность правосудия для жителей страны по вопросам компетенции этих судов [3, с. 141]. К середине 2019 г. интернет-суды в Пекине, Гуанчжоу и Ханчжоу приняли к своему рассмотрению уже почти 120 тыс. дел и рассмотрели более 88 тыс., причем 98 % из них завершились без подачи апелляций⁴.

Работа интернет-судов в Пекине и Гуанчжоу началась уже при наличии специального нормативного акта, принятого буквально за несколько дней до присоединения к правому эксперименту новых его участников. Этим нормативным актом стал «Регламент Верховного народного суда "О некоторых вопросах при рассмотрении дел интернет-судами"⁵, целью которого была унификация деятельности первых трех интернет-судов и тех, которые будут открываться в дальнейшем⁶, а также установление общих правил по использованию цифровых технологий в работе обычных народных судов. Интернет-суды стали своеобразным научно-практическим полигоном, где эксперты проводили анализ эффективности этих

правил, а судьи на практике осваивали возможности цифровых технологий, что подготовило базу для создания целого ряда документов по правовому регулированию формирующейся системы «умных судов», которая включала бы в себя не только интернет-суды, но и всю судебную систему страны. В этом Регламенте содержится ряд положений, получивших свое развитие в последующих нормативных актах, которые напрямую касаются отдельных аспектов правового регулирования применения в судопроизводстве цифровых технологий, среди которых, например, такие:

- процедуру идентификации личности участников судебного разбирательства, которая обязательно должна проводиться до его начала, необходимо осуществлять с использованием «национальной платформы унифицированной идентификации и получением защищенной учетной записи для входа в судебную платформу»⁷;
- возможность «в соответствии с заявлением сторон или потребностями судебного разбирательства», в том числе в связи с «необходимостью установления личности, проверки оригинала и осмотра физических объектов в суде», перевода судебного процесса из режима онлайн в офлайн⁸;
- при загрузке на платформу онлайн-разбирательств любых материалов (в том числе имеющих характер доказательств) в электронной форме суд имеет право, в случае «возражения сторон о подлинности» этих материалов, «требовать от сторон предоставить оригинал»⁹;
- синхронные электронные стенограммы судебных разбирательств (судебное следствие, обмен доказательствами, прения сторон, вынесение и провозглашение решения / приговора и др.), созданные с использованием технологий распознавания речи, после их онлайн-проверки и подтверждения подлинности «будут иметь ту же юридическую силу, что и письменные стенограммы»¹⁰.

³ Существовавшие на тот момент документы регулировали только первые шаги в использовании судами электронных средств аудио- и видеофиксации отдельных этапов судебного разбирательства. Напр.: «Положение Верховного народного суда о прямой трансляции судебных заседаний народными судами» (2010 г.), «Положения Верховного народного суда об обнародовании в сети Интернет решений народных судов» (2013 г.), «Регламент Верховного народного суда КНР "О некоторых вопросах аудио- и видеозаписи судебных заседаний народных судов КНР"» (2017 г.) и др.

⁴ China's supreme court issues a white paper on Chinese courts and internet judiciary – China Justice Observer (CJO). URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/supreme-peoples-court-issues-a-white-paper-on-china-court-and-internet-judiciary> (accessed 19 Sep 2023).

⁵ 最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定“法释” (2018) 16号·已于2018年9月3日通过·自2018年9月7日起施行 (Регламент Верховного народного суда «О некоторых вопросах при рассмотрении дел интернет-судами»). URL: <https://harbin.customs.gov.cn/cusoms/ztzl86/302310/5366122/gjmylylfgf/5402808/5402830/index.html> (accessed 13 Sep 2024).

⁶ К началу 2021 г. интернет-суды появились также в Шанхае, Шэньчжэне (пров. Гуандун), Чэнду (пров. Сычуань), Сямьне (пров. Фуцзянь) и других городах, образовав вскоре целую сеть таких судов, покрывшую многие регионы страны.

⁷ 最高人民法院关于... (Регламент Верховного народного суда... Ст. 6).

⁸ Ibid. Article 1, 12.

⁹ Ibid. Art. 10.

¹⁰ Ibid. Art. 20.

Верховный народный суд КНР о принципах применения в судопроизводстве цифровых технологий и искусственного интеллекта

Эти принципы можно увидеть во всех принятых в дальнейшем Верховным народным судом КНР документах, среди которых самыми важными являются следующие:

- «Извещение об осуществлении работы по созданию умных судов в 2019 г.» (июль 2019 г.);
- «Меры по реализации Пилотной реформы по упрощению и диверсификации гражданского судопроизводства» (январь 2020 г.);
- «Уведомление Верховного народного суда об усилении и стандартизации онлайн судопроизводства в ходе профилактики эпидемии пневмонии нового типа и борьбы с ней» (апрель 2020 г.);
- «Правила работы народных судов в режиме онлайн» (декабрь 2021 г.);
- «Правила онлайн-медиации народных судов» (декабрь 2021 г.);
- «Мнения Верховного народного суда об усилении применения блокчейна в судебной сфере» (май 2022 г.);
- «Мнения Верховного народного суда о регулировании и усилении судебного применения искусственного интеллекта» (декабрь 2022 г.) и др.

Наиболее значимым нормативным актом, созданным в Китае в связи с развитием системы «умных судов», являются принятые Судебным комитетом Верховного народного суда КНР «Правила онлайн-судопроизводства народных судов» (2021 г.), названные в этом документе важным достижением «в построении новой модели интернет-правосудия с "китайскими особенностями и мировым лидерством"»¹¹. Лидерство Китая по использованию в судах возможностей цифровых технологий и ИИ не вызывает сомнений, хотя бы по такому примеру, как создание в 2019 г. не имевшей тогда аналогов цифровой юридической платформы «Китайский мобильный микро-суд», которая позволяет участвовать в судебных заседаниях непосредственно со своего смартфона. Эта платформа эффективно использует такие возможности ИИ, как распознавание лица, определение подлинности документов, обмен доказательствами и др., а программа «Умный суд», связанная с этой платформой, исправит в представленных документах возможные ошибки, устную речь участников процесса синхронно преобразует в электронную стенограмму, создаст протокол судебного заседания, подготовит

проект решения или приговора, сформирует по делу электронный архив [4, с. 123].

Судопроизводство с применением цифровых технологий при установлении нескольких запретов (интересы государственной безопасности, защита государственной и личной тайны и др.) и определенных ограничений, касающихся главным образом уголовного процесса, можно проводить в Китае по большинству гражданских, административных и уголовных дел¹².

При наличии несомненных преимуществ судебных разбирательств с использованием цифровых инноваций (удобство для сторон, снижение затрат на судопроизводство, сокращение времени судебных разбирательств, «прозрачность» судебного процесса, возможность общественного и служебного контроля над работой судей и др.) существуют риски, которые видны уже сейчас и те, что могут проявиться в будущем, что отмечают многие российские исследователи [5, с. 157; 6, с. 84; 7, с. 62; 8, с. 285]. Например, существует опасность для разработчиков интеллектуальных судебных платформ, которые не являются специалистами в области права, пойти по пути существующих стереотипов порядка принятия судебных решений, что значительно ускорит рассмотрение конкретного дела, но может привести к неправильным оценочным суждениям и нанести серьезный ущерб законным интересам сторон судебного разбирательства [9]. Среди наиболее существенных рисков можно также назвать непрозрачность алгоритмов или технические просчеты создателей соответствующих цифровых программ, а также умышленное непропорциональное вмешательство в их создание со стороны желающих помешать объективному судебному разбирательству в своих личных или корпоративных корыстных интересах.

Учитывая это обстоятельство, нормативные акты, регулирующие порядок применения в судебном процессе цифровых технологий, вопросам защиты от несанкционированного вмешательства в этот процесс уделяют особое внимание. Из 39 статей «Правила онлайн-судопроизводства народных судов» более чем в 10 содержатся прямые или косвенные правовые гарантии защиты от возможных непропорциональных вмешательств. Одним из самых уязвимых мест, как с технической стороны, так и с позиции психологического отношения людей к такой потенциальной возможности, является доступ к размещаемым на цифровых платформах электронным материалам. Если технической стороной безопасности таких

¹¹ 人民法院在线诉讼规则 2021年5月18日 最高人民法院审判委员会第1838次会议通过·自2021年8月1日起施行 (Правила онлайн-судопроизводства народных судов. Одобрены 1838-м заседанием Судебного комитета Верховного народного суда 18 мая 2021 г., вступают в силу с 1 августа 2021 г.). URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_13183010 (accessed 13 Sep 2024).

¹² В онлайн-режиме могут рассматриваться лишь те уголовные дела, для которых предусмотрена ускоренная форма производства, а также дела о смягчении приговоров, об условно-досрочном освобождении и т. п. См: 人民法院在线诉讼规则... (Правила онлайн-судопроизводства народных судов... Ст. 3).

материалов занимаются соответствующие специалисты в этой области¹⁵, то этот документ закрепляет правовые гарантии защиты законных интересов сторон при размещении электронных документов на всех этапах судебного разбирательства. К таким гарантиям относятся:

- обязанность народного суда «посредством онлайн-сравнения документов и лицензий, аутентификации на платформе идентификации личности и т. д.» проверять личные данные всех участников судебного процесса при прохождении ими обязательной электронной регистрации, во время которой указывается «подлинное имя, номер мобильного телефона, идентификационный номер резидента, номер паспорта, показатель в системе единого социального кредита (рейтинга), а также информация о предмете судебного разбирательства»¹⁴;
- обязательная повторная проверка личных данных при осуществлении судебных процедур посредничества или обмена доказательствами, а «в случае необходимости личность должна быть также проверена в режиме офлайн»¹⁵;
- предоставление судами необходимой помощи сторонам процесса по цифровой обработке материалов и размещения их на судебной платформе¹⁶;
- право сторон выбрать для обмена электронными документами, а также предоставления других видов доказательств, асинхронную форму онлайн-разбирательства¹⁷;
- возможность использования в судебном разбирательстве любых представленных сторонами электронных материалов лишь после их рассмотрения и одобрения судом¹⁸;
- обязанность народного суда потребовать предоставления оригиналов электронных материалов, если какая-либо из сторон выдвигает разумные обоснования того, что эти материалы не соответствуют оригиналу или они являются неполными или неясными, или электронный формат должным образом не стандартизирован¹⁹;

- право суда принимать решение о соответствии оцифрованного документа его оригиналу в том случае, если у сторон нет возражений по поводу его подлинности, или процесс формирования электронных материалов был заверен нотариально, или электронные материалы подтверждены судом в ходе другого судебного разбирательства и др.²⁰;
- право сторон, в случае обоснованных причин, выдвигать возражения в отношении подлинности электронных данных, хранящихся по технологии блокчейна, как до их сохранения в технологической цепочке, так и после загрузки в последовательную цепочку блоков²¹;
- право сторон или суда приглашать на судебное заседание соответствующих специалистов для экспертной оценки подлинности электронных данных, хранящихся с помощью технологии блокчейна²²;
- принятие окончательного решения о подлинности электронных данных, даже если они хранились с помощью технологии блокчейна, исключительно решением суда²³.

В перечисленных нормах обращает на себя внимание то обстоятельство, что сторонам процесса предоставляется право свободно высказывать свои возражения по поводу подлинности любых электронных документов, в том числе если они размещены с использованием технологии блокчейн, в высочайшей надежности которой мало кто сегодня сомневается, признавая низведение рисков с помощью этой технологии «до минимального значения» [10, с. 129]. Все возражения сторон должны быть рассмотрены судом, который принимает решение исходя из исследования факторов соответствия процессов, используемых на реализующих технологию блокчейна платформах, «требованиям соответствующих национальных или отраслевых стандартов с точки зрения системной среды, технической безопасности, методов шифрования, передачи данных, проверки информации и т. д.» и другим обязательным условиям²⁴. Тем самым, не забывая о соблюдении принципа *отправления*

¹⁵ Например, развивая технологии блокчейна, обеспечивающие в настоящее время максимально возможный уровень безопасности электронных данных.

¹⁴ 人民法院在线诉讼规则... (Правила онлайн-судопроизводства народных судов... Ст. 7).

¹⁵ Ibid. Art. 7.

¹⁶ Ibid. Art. 11.

¹⁷ Ibid. Art. 14.

¹⁸ Ibid. Art. 12.

¹⁹ Ibid. Art. 12.

²⁰ Ibid. Art. 13.

²¹ Ibid. Article 17, 18.

²² Ibid. Art. 19.

²³ Ibid. Art. 16.

²⁴ Ibid. Art. 17.

правосудия в интересах людей, которым предоставлены большие права в части сомнений о подлинности представленных электронных материалов, «Правила онлайн-судопроизводства народных судов» уверенно вводят в систему судопроизводства страны одну из самых перспективных инновационных технологий хранения, обработки и передачи документов, в то время как в России внедрение этой технологии до сих пор остается лишь предметом дискуссий [11, с. 13]. В Китае такую технологию стали применять еще со времени открытия первых интернет-судов [12, с. 162], а Верховный народный суд КНР своим документом придал подлинности сохраненных в блокчейне электронных данных характер презумпции, что «является крупным мировым прорывом в реализации цифровых форм защиты права» [13, с. 29].

В то же время необходимо отметить, что эта презумпция, в соответствии с принятой в ряде стран ее традиционной классификацией [14, с. 29], не является несомненной / неоспоримой (*conclusive*), а лишь только предварительной (*provisional*), что в соответствии с документом Верховного народного суда будет правильнее называть *допустимой презумпцией* (*gratum praesumptione*), поскольку решение о подлинности электронных материалов, а также возможности допустить их в качестве доказательства всегда принимает только суд. Это специально подчеркивается и в принятых Верховным народным судом в марте 2022 г. «Правилах работы народных судов в режиме онлайн», которые обязывают суды использовать для этого различные интеллектуальные платформы, в том числе и «платформу судебного блокчейна»²⁵. Эти правила к тому же обязывают народные суды всех уровней создать у себя на основе использования цифровых технологий судебные информационные платформы, которые должны включать в себя такие элементы, как:

- система интеллектуального обслуживания населения;
- интеллектуальная система сопровождения судебных разбирательств;
- система судебной открытости;
- система интеллектуального правоприменения;
- судебный центр обработки данных;

- система гарантии безопасности и технического обслуживания;
- интеллектуальная система управления²⁶.

Система интеллектуального обслуживания населения должна состоять из онлайн-сервисов народных судов, платформы электронных судебных разбирательств, платформы медиации народных судов, горячей линии судебных служб, платформы обслуживания электронных документов, системы онлайн-сохранения материалов, системы онлайн-мониторинга и др., что позволит обеспечить в онлайн-режиме функции подачи заявлений, посредничества, обмена доказательствами, идентификации лиц, принудительного исполнения, просмотра материалов дела и т. п.²⁷ Свободный доступ населения к различным юридическим платформам²⁸, где размещаются видеозаписи судебных заседаний или осуществляются их прямые трансляции²⁹, дает возможность гражданам страны прогнозировать направление судебного разбирательства в связи со своим обращением в суд, оценить возможные риски и характер решения суда [15]. Кроме того, судьи на этих платформах постоянно находятся под пристальным контролем общества, что, безусловно, снижает уровень коррупции в судебной среде [16, с. 163]. Пример Китая в этой области является актуальным и для России, «поскольку двери российских судов продолжают оставаться практически закрытыми» [17, с. 218].

Интеллектуальная система сопровождения судебных разбирательств и система судебной открытости предназначены для предоставления онлайн-услуг как самим судьям, так и персоналу судов. Эти электронные платформы должны иметь функции управления информацией о рассматриваемых делах, распознавания речи участников судебного процесса, управления испытательным сроком осужденных, уведомления о подлежащих пересмотру делах, подготовки проектов решений или приговоров и др.³⁰ Кроме того, обеспечивая «интеллектуальный каталог электронных файлов дел, автоматическое повторное заполнение информации, онлайн-рассмотрение и утверждение, архивирование одним щелчком мыши, рассмотрение, передачу апелляционных дел и консультирование по ним в режиме онлайн, они также

²⁵ Online operation rules of the people's courts. The online operation rules of the people's courts, as adopted at the 1,861st session of the adjudication committee of the supreme people's court on December 30, 2021, are hereby promulgated and shall take effect on March 1, 2022. Art. 23. URL: <https://english.court.gov.cn/lawsrules.html> (accessed 13 Sep 2024).

²⁶ Ibid. Art. 4.

²⁷ Ibid. Art. 5.

²⁸ Напр.: 中国裁判文书网 («Сеть судебных документов КНР»), 中国审判流程信息公开网 («Сеть раскрытия информации о судопроизводстве в КНР»), 中国庭审公开网 («Открытая сеть судебных слушаний в КНР»), 中国执行信息公开网 («Сеть раскрытия информации об исполнительном производстве в КНР») и др.

²⁹ На одной только платформе 中国庭审公开网 («Открытая сеть судебных слушаний в КНР»), запущенной с сентября 2026 г., доступна видеозапись более 22 млн судебных процессов, а количество их просмотров превысило 83 млрд. См.: URL: <https://tingshen.court.gov.cn/> (accessed 13 Sep 2024).

³⁰ Online operation rules of the people's courts... Art. 6.

позволяют в режиме онлайн выполнять весь процесс рассмотрения дела, включая прием и распределение дел, судебное разбирательство, групповое обсуждение, вынесение решения, завершение и архивирование дела»³¹. В связи с этим в некоторых судах Китая уже несколько лет назад существенно сократили штатное количество технических работников с передачей их функций интеллектуальным цифровым платформам, а помощников судей освободили от многих обязанностей по делопроизводству, что позволяет им более продуктивно проходить профессиональную подготовку к будущей работе в качестве судьи [18, р. 59]. Количество же судей за последние годы практически не изменилось, но это, благодаря внедрению современных технологий, не помешало им в 2022 г. рассмотреть в 2,5 раза больше дел, чем в 2012 г. [15]. Помимо преимуществ, связанного с уменьшением времени судебного разбирательства³², а также качества оформления необходимых документов, Верховный народный суд КНР обращает внимание на абсолютную прозрачность работы судов как для населения, так и для контроля со стороны председателей судов или их заместителей³³.

Система интеллектуального правоприменения помогает сотрудникам правоохранительных органов выполнять функции по контролю и обеспечению принудительного исполнения судебных решений, поиску лиц, взысканию имущества, наложения наказаний за ненадлежащее исполнение решений суда, совершенствования механизма обратной связи и т. п.³⁴

Судебный центр обработки данных, а также система гарантий безопасности и технического обслуживания обеспечивают безопасное и надежное хранение электронных документов (в том числе с помощью блокчейна) на открытых общегосударственных юридических электронных платформах³⁵. Для более активного продвижения технологии блокчейна в мае 2022 г.

были опубликованы «Мнения Верховного народного суда об усилении применения блокчейна в судебной сфере», где отмечалось, что технология блокчейна укрепит доверие к правосудию и будет способствовать предотвращению и устранению рисков, что усилит «продвижение "умных судов" по всем направлениям и модернизацию судебной системы»³⁶ страны. Причем подчеркивалось, что это доверие, благодаря внедрению такой технологии, должно быть обеспечено, прежде всего, гарантией безопасности хранения судебных материалов, а также «повышения эффективности и качества идентификации электронных доказательств»³⁷. В этом документе перед народными судами была поставлена цель повсеместно создать к 2025 г. «блокчейн-альянс, обеспечивающий совместное использование и взаимосвязь между народными судами и всеми социальными секторами»³⁸, в том числе правоохранительными органами³⁹.

В ряде регионов страны такой блокчейн-альянс уже существует и активно используется, подтверждением чего является, например, одобренная Верховным народным судом КНР в 2021 г. и рекомендованная к внедрению по всей стране практика работы суда промежуточной инстанции⁴⁰ г. Хэфэй (пров. Аньхой)⁴¹. Еще в 2017 г. в этом суде была создана интеллектуальная платформа для рассмотрения дел о смягчении наказаний и условно-досрочном освобождении, которая получила свидетельство о регистрации авторских прав на компьютерное программное обеспечение, выданное Государственным управлением по авторским правам. После получения соответствующих заявлений пенитенциарные учреждения региона готовят материалы сразу на большое количество лиц и в «пакетном» режиме отправляют их на электронную платформу суда. Эти материалы автоматически регистрируются в суде, и после нажатия кнопки «Получить» по всем заявлениям сразу, но индивидуально по каждому

³¹ Ibid. Art. 30.

³² В то же время, как отмечают некоторые китайские исследователи, на современном этапе внедрения в судебную систему информационных технологий время самой подготовки к судебным заседаниям увеличивается в 1,5–2 раза. См.: URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/online-litigation-in-china-centralized-or-decentralize> (accessed 27 Sep 2024).

³³ 人民法院司法改革案例选编（十一）. [案例174] 安徽省合肥市中级人民法院：建设跨部门大数据办案平台 实现减刑假释案件“查、控、管”一网通办（Избранные случаи судебной реформы народных судов (11). [Дело 174] Народный суд промежуточной инстанции города Хэфэй, провинция Аньхой: Создание межведомственной платформы обработки дел с большими данными для реализации единого сетевого «расследования, контроля и управления» делами о смягчении наказания и условно-досрочном освобождении). URL: <https://www.hncourt.gov.cn/public/detail.php?id=187110> (accessed 13 Sep 2024).

³⁴ Online operation rules of the people's courts... Article 7, 31.

³⁵ Ibid. Article 9–12.

³⁶ Opinions of the Supreme people's court on strengthening blockchain application in the judicial field. The supreme people's court of the people's republic of China. 25 May 2022. URL: https://english.court.gov.cn/2022-05/25/c_761407.htm (accessed 13 Sep 2024).

³⁷ Ibid. Points 9, 10.

³⁸ Ibid. Pt. 2.

³⁹ Ibid. Points 4, 32.

⁴⁰ Судами промежуточной (средней) инстанции являются суды на уровне провинций, автономных округов или городов центрального подчинения Китая.

⁴¹ 人民法院司法改革案例选编... (Избранные случаи судебной реформы народных судов...)

заявителю, автоматически формируются необходимые суду документы, причем за несколько минут формируются сотни дел с абсолютной степенью точности их оформления. После проведения судебных онлайн-заседаний по этим делам, в отношении тех лиц, кто соответствует условиям для смягчения приговора или условно-досрочного освобождения, нажатием кнопки «Сгенерировать документы» платформа автоматически, а именно с помощью интеллектуальной системы распознавания речи, формирует стенограмму судебного заседания, а затем создает протокол, постановление суда и другие юридические документы, которые заверяются электронными подписями членов суда, автоматически преобразовываются в формат PDF и отправляются тюремным властям для исполнения.

Интеллектуальная система управления обеспечивает надзор вышестоящих судебных органов и других государственных структур над судебным персоналом и всем ходом судебных разбирательств⁴². Все интеллектуальные судебные системы, которые в соответствии с «Правилами работы народных судов в режиме онлайн» могут быть использованы в судопроизводстве, помимо выполнения своих специфических задач должны (в той или иной форме) обеспечить всесторонний надзор над судебной деятельностью. Такой надзор считают в Китае важным фактором повышения доверия людей к судебной власти, поэтому регулированию этого вопроса уделяют на современном этапе особое внимание. Надзор над судами закреплен в «Законе КНР об организации народных судов», где установлено, что «Народные суды признают надзор народа и обеспечивают, чтобы народ имел право ...контролировать их работу» (ст. 11)⁴³. Среди тех, кто имеет право и обязан это делать, председатель Верховного народного суда Китая Чжоу Цян в своем отчетном докладе перед Всекитайским собранием народных представителей в марте 2023 г. назвал Всекитайское собрание народных представителей, Государственный совет, Верховную народную прокуратуру, местные партийные и правительственные органы всех уровней, а также «представителей всех слоев общества и народных масс» и др., подчеркнув, что этот надзор надо принимать судам «как неизбежное требование в осуществлении народной демократии в судебной деятельности и важную гарантию достижения справедливого правосудия»⁴⁴. О том, что надзор над судами более эффективно можно осуществлять

с использованием ИИ, свидетельствуют сегодня многие китайские исследователи. Большое внимание этому вопросу уделено, например, в научной статье, которую можно назвать программной, поскольку она написана председателем Высшего народного суда Шанхая Цзя Юем и опубликована в 2024 г. в одном из ведущих юридических журналов страны «Юридические исследования» (法学研究 – Фасюэ яньцзю). Не затрагивая уже давно существующую в стране возможность контролировать ход судебного процесса на открытых судебных платформах, автор показал преимущества использования современных цифровых технологий для профессионального контроля работы судов со стороны их руководителей и вышестоящих судебных органов. Основным преимуществом, по его мнению, является возможность перехода от «надзора после завершения дела» к «предварительному надзору», а значит, от «исправления ошибок в [завершенном] деле» к «предотвращению системных ошибок» на любом этапе судебного процесса [15]. В то же время многие китайские исследователи, работающие за рубежом, видят в усилении контроля судейского начальства над судьями значительно больше минусов, чем плюсов, называя, например, этот контроль «игрой в кошки-мышки», которая, при фактическом существовании в Китае системы оценки качества работы судей, позволяет манипулировать их решениями в угоду желаемой для обеих сторон статистики [19, p. 270–279].

Нормативное регулирование как преграда появления в судебной системе Китая судей-роботов с искусственным интеллектом

Активное внедрение ИИ во многие сферы судебной деятельности вызывает опасение возможной замены в будущем обычных судей роботами, а значит, и появление «нового субъекта процессуальных отношений – цифрового судьи» [20, с. 25]. Некоторая эйфория по поводу такой перспективы, возникшая на первых этапах внедрения в судопроизводство инновационных цифровых технологий, спровоцировала как в Китае, так и в других странах бурные дискуссии, в ходе которых некоторые уже видели в недалекой перспективе «суды без судей», где все вопросы решает беспристрастный искусственный супер-интеллект, который, несомненно, имеет перед человеком множество преимуществ, главным из которых является способность накапливать, извлекать, сравнивать, сопоставлять большие объемы данных и моментально предлагать решение и др.,

⁴² Online operation rules of the people's courts... Art. 8.

⁴³ 中华人民共和国人民法院组织法. 一九七九年七月一日第五届全国人民代表大会第二次会议通过 (Закон КНР об организации народных судов. Принят на Второй сессии Пятого Всекитайского собрания народных представителей 1 июля 1979 г.). URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国人民法院组织法/7545124> (accessed 13 Sep 2024).

⁴⁴ 最高人民法院工作报告. 2023年3月7日在第十四届全国人民代表大会第一次会议上 (最高人民法院院长 周强) (Отчет председателя Верховного народного суда Чжоу Цяна о работе Верховного народного суда на первом заседании 14-го Всекитайского собрания народных представителей 7 марта 2023 г.). URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202303/e1abfbee8ef3493291db5ab4cf60fcf9.shtml> (accessed 19 Sep 2024).

что соответствует, например, утверждению Аристотеля о том, что «закон – это свободный от безотчетных позывов разум» [21, с. 481]. Поскольку ИИ лишен влияния такого характера позывов (личностных, родственных и корпоративных связей, материальных социальных, карьерных выгод и др.), его использование значительно снижает субъективность и произвольность судебных решений, улучшает единообразие применения закона и предсказуемость правосудия, повышая, таким образом, доверие к судебной системе страны. Однако технология принятия решений ИИ представляет собой, по образному выражению современных исследователей, своего рода «черный ящик», функционирование которого также требует своего правового контроля, прежде всего, в области создания алгоритмов обработки данных [22], нейтралитет которых при использовании в правосудии вызывает определенные сомнения [23, с. 315]. В связи с этим в «Синей книге о верховенстве права», опубликованной в 2024 г. Институтом права Китайской академии общественных наук и Издательством литературы по общественным наукам, было подчеркнуто, что в течение последнего года «Китай значительно увеличил темпы законодательства в области надзора за искусственным интеллектом»⁴⁵.

В ходе этих дискуссий специалисты в области философии, теории права, психологии и др. обращали внимание на то, что у человека перед машиной есть одно главное преимущество – способность выносить оценочные суждения, которые складываются под влиянием различных субъективных факторов, в том числе этики и морали [15]. В основе же принципа работы ИИ лежит лишь электронная программа и модель машинного обучения, не обладающие человеческой волей и сознанием. Если судья будет полагаться только на ИИ, то он невольно возложит всю моральную ответственность на машину и «в конечном итоге полностью потеряет моральное право принимать решения, отказываясь тем самым от статуса высокоморального человека» [24], самоуничтожая себя как личность.

Перспектива такого развития событий отвергается последними нормативными актами КНР без всяких оговорок. Хотя еще в первых документах утверждалось,

что применение ИИ является лишь «интеллектуальной услугой», «системой интеллектуального обслуживания», «услугой судебному персоналу», «системой интеллектуального правоприменения»⁴⁶ и т. п., что, несомненно, дистанцирует его от судебной власти как таковой, но не позволяет однозначно увидеть пределы и глубину охвата ИИ институтов судебной системы страны. К тому же в июле 2022 г. Верховный народный суд КНР опубликовал документ, который обязал всех судей перед вынесением решения по какому-либо делу обязательно обращаться к использующей технологии ИИ системе «умного суда», а в случае расхождения с рекомендацией этой платформы предоставлять руководству суда письменное обоснование своей позиции⁴⁷. Хотя это и объяснялось желанием исключить необоснованные решения и снизить уровень коррупции, такая мысль была негативно воспринята как общественностью страны, так и судьями, которые далеко не всегда соглашались с решениями, предложенными ИИ [25, с. 74–75], в том числе и потому, что «Судебный процесс, как образно сказал один из китайских судей, – это искусство и, как нет двух одинаковых картин, так нет и двух одинаковых дел» [26]. В отчете Верховного народного суда за 2022 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей однозначно было заявлено, что в «умном суде», который даже на мировой арене «стал ярким явлением китайского правосудия»⁴⁸, «искусственный интеллект может только помогать и не может заменить решения судей»⁴⁹. Такого же мнения придерживается, например, и судья Верховного Суда РФ В. В. Момотов, подчеркнувший, что судьба человека не может быть доверена бездушным роботам и «ответственность за принятие окончательного решения должна лежать только на судье, именно он должен оценить полученные от искусственного интеллекта результаты» [27, с. 190], а предиктивные технологии могут рассматриваться лишь «в качестве помощника судьи, но не его замены» [27, с. 190]. В Китае многие вопросы по этому поводу сняли принятые в декабре 2022 г. «Мнения Верховного народного суда о регулировании и усилении судебного применения искусственного интеллекта»⁵⁰, где обозначено:

⁴⁵ 法治蓝皮书：中国在人工智能监管等方面加大立法步伐（Синяя книга о верховенстве закона: Китай увеличил темпы принятия законодательства о надзоре за искусственным интеллектом и другими аспектами). URL: <https://baijia-hao.baidu.com/s?id=1799560686571637664&wfr=spider&for=pc> (accessed 13 Sep 2024).

⁴⁶ См. напр.: Online operation rules of the people's courts... Article 5–7, 14, 23.

⁴⁷ Судей В КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений. *РАПСИ. Новости*. 19.07.2022. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (accessed 13 Sep 2024).

⁴⁸ 最高人民法院工作报告 – 2023年3月7日在第十四届全国人民代表大会第一次会议上（Отчет о работе Верховного народного суда – [принят] 7 марта 2023 г. на первом заседании 14-го Всекитайского собрания народных представителей). URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202303/e1abf6ee8ef3493291db5ab4cf60cf9.shtml> (accessed 13 Sep 2024).

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Этот документ полностью согласуется с принятым 25 сентября 2021 г. Министерством науки и технологий КНР «Этическим кодексом для искусственного интеллекта нового поколения». См.: 新一代人工智能伦理规范（Этический кодекс для искусственного интеллекта нового поколения). URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (accessed 13 Sep 2024).

«Независимо от уровня технологического развития, искусственный интеллект не может заменить решения судей. Вспомогательные результаты искусственного интеллекта могут использоваться только в качестве ориентира для судебной работы или надзора за судебным процессом и управления им, чтобы гарантировать, что судебные решения всегда принимаются судьейским составом... Судебную ответственность в конечном счете несет судья. Все лица имеют право выбирать – пользоваться ли помощью, предоставляемой судебным искусственным интеллектом, или отказаться в любое время от взаимодействия с продуктами и услугами искусственного интеллекта»⁵¹.

Среди других принципов, которые должны лежать в основе судебного применения ИИ (законности, национальной безопасности, отсутствия какой-либо дискриминации, прозрачности и др.), этот документ на первое место ставит принцип *общественного порядка и хороших обычаев*, что должно быть обеспечено интеграцией «основных социалистических ценностей во весь процесс судебных исследований, разработок технологий и применения продуктов искусственного интеллекта»⁵². Для неукоснительного соблюдения этого принципа предусматривается проведение всесторонних «этических аудитов», одним из механизмов которых должен стать специальный Судебный комитет по этике ИИ⁵³.

Выполнив к настоящему времени задачу по формированию в стране к 2025 г. необходимой нормативной базы, дальнейшая работа, в соответствии с «Планом развития искусственного интеллекта нового поколения», направлена теперь на подготовку и принятие к 2030 г. «более всеобъемлющих законов и нормативных актов»⁵⁴ и, прежде всего, таких, которые сформировали бы и закрепили в этой области систему этики и политики, чтобы интеллектуальное сопровождение процесса отправления правосудия было положительно воспринято всем обществом и получило его поддержку. О стремлении опираться в таких вопросах на мнение народа свидетельствует, например, то, что на общенациональное обсуждение в августе 2023 г. был вынесен проект закона по использованию технологий распознавания лиц, в котором подчеркивается,

что «организации, использующие технологию распознавания лиц, должны получить согласие отдельных лиц, прежде чем собирать данные об этих лицах», и что «если это не предусмотрено законодательством, ни одна организация или частное лицо не может использовать технологию распознавания лиц для анализа такой конфиденциальной личной информации, как раса, этническая принадлежность, религиозные убеждения, состояние здоровья или социальное положение»⁵⁵. Однако в этом проекте так и остались «белые пятна» в правовом регулировании некоторых важных вопросов, например, «неясность понятия "согласие" в процессе обработки персональных данных» [28, с. 277], необходимых для распознавания лиц с помощью ИИ, «неясные стандарты для криминализации нарушения сбора информации об изображении лица» [28, с. 278] и др.

Несмотря на то что этот закон до сих пор не принят, хотя технологии распознавания лиц используются в Китае уже давно, сам факт его публичного обсуждения служит одним из формальных подтверждений неоднократных заявлений властей об обязательном учете ими при разработке нормативных актов моральных и этических норм, которые сложились в современном китайском обществе. По мнению китайских законодателей, в развитии «социалистической судебной системы с китайской спецификой» [29, с. 143] необходимо строго придерживаться духовных и морально-этических принципов «Метода Ма Сиу», которые были сформулированы еще в первые годы после образования КНР и считаются главным условием реализации в стране «правосудия для народа» [29, с. 143]. Этот аспект стал одним из центральных на состоявшемся в июле 2024 г. в рамках Всемирной конференции по ИИ Форуме по вопросам верховенства права, где вице-президент Китайского юридического общества Гань Цзанчунь подчеркнул, что в процессе внедрения ИИ нужно «стремиться найти разумный баланс между морально-этическими принципами и законом»⁵⁶. Именно такую задачу и решают сегодня в Китае в области правового регулирования ИИ, прекрасно понимая, что процесс его внедрения в различные сферы общественной жизни, в том числе и в судебную деятельность, является необратимым.

⁵¹ 最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见. 法发 [2022]33号 (Мнения Верховного народного суда о регулировании и усилении судебного применения искусственного интеллекта (2022 г.). № 33. П. 5.). URL: <https://www.bjcourt.gov.cn/article/newsDetail.htm?Nid=190007094&channel=100001011> (accessed 13 Sep 2024).

⁵² Ibid. Pt. 7.

⁵³ Ibid. Pt. 20.

⁵⁴ Notice of the State council issuing... Pt. 6.

⁵⁵ China mulls first nationwide comprehensive guidelines for use of facial recognition technology. Ministry of justice of the People's Republic of China. 8 Oct 2023. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-08/10/c_909702.htm#:~:text=According%20to%20the%20draft%20regulations,solely%20for%20that%20stated%20purpose (accessed 13 Sep 2024).

⁵⁶ 把握数字时代法律变革趋势 为数字中国建设提供有力法治支撑 (Уловите тенденцию правовых изменений в цифровую эпоху и окажите решительную поддержку верховенству закона в построении цифрового Китая). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1804086191097388274&wfr=spider&for=pc> (accessed 13 Sep 2024).

Заключение

Проведенный анализ нормативных актов Китайской Народной Республики по применению в судопроизводстве страны цифровых технологий и ИИ позволяет прийти к следующим выводам:

1. В области практического применения в судопроизводстве КНР цифровых технологий и ИИ, а также правового сопровождения этого процесса, Китай в настоящее время является бесспорным мировым лидером.

2. Основная цель нормотворческой деятельности в этой области, которая осуществляется главным образом Верховным народным судом КНР, – укрепление в судебной системе страны таких правовых ценностей, как справедливость, эффективность, безопасность и равенство для всех граждан Китая.

3. Несмотря на множество несомненных преимуществ использования в судопроизводстве цифровых технологий, существуют и нежелательные риски, среди которых наиболее существенным выступает непрозрачность алгоритмов цифровых программ, что делает вопросы правовой защиты от неправомерного вмешательства в их создание одними из основных.

4. Важным решением в обеспечении безопасности использования в судопроизводстве цифровых технологий стало придание подлинности сохраненных в блокчейне электронных данных характера презумпции, которая тем не менее не является неоспоримой (*conclusive*), а лишь только *допустимой презумпцией*

(*gratum preasumptione*), поскольку решение о подлинности этих данных всегда принимает только суд.

5. Несмотря на полную прозрачность на электронных судебных платформах всех этапов судопроизводства, особое внимание уделяется правовому обеспечению многостороннего надзора над деятельностью судей, который считается значимым фактором повышения доверия к судебной власти и более эффективно может осуществляться с использованием цифровых технологий и ИИ.

6. В нормативных актах Китая использование цифровых технологий в судопроизводстве страны однозначно ограничивается сферой *интеллектуальной услуги, системы интеллектуального обслуживания* и т. п., что исключает возможность замены судей судьями-роботами с ИИ.

7. В настоящее время основным направлением регулирования в судебной сфере КНР цифровых технологий и ИИ выступает правовое закрепление этических принципов осуществления «правосудия для народа».

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 1. С. 46–73. [Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence: Experience of China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024, 2(1): 46–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>
2. Трошинский П. В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития. *Российское правосудие*. 2021. № 6. С. 75–82. [Troshchinskiy P. V. The court system of China in the digital age: Main development directions. *Russian justice*, 2021, (6): 75–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2021.6.75-82>
3. Журкина О. В., Максименко Е. И. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая. *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 138–143. [Zhurkina O. V., Maksimenko E. I. Digital justice: A case study of China's Internet courts. *Matters of Russian and International Law*, 2020, 10(6-1): 138–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.63.35.051>
4. Фоков А. П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда». *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2021. № 8. С. 119–124. [Fokov A. P. Digital justice in the People's Republic of China: Digital reality and the organization of smart court. *Science and education: Economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2021, (8): 119–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gsygly>
5. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения. *Lex Russica*. 2020. Т. 73. № 1. С. 145–159. [Gracheva Yu. V., Korobeev A. I., Malikov S. V., Chuchaev A. I. Criminal and legal risks in the field of digital technologies: Problems and suggestions. *Lex Russica*, 2020, 73(1): 145–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.145-159>

6. Спесивов Н. В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 2. С. 81–90. [Spesivov N. V. From fantastic theories to objective reality: Is there future for artificial intelligence and productive technologies in administration of criminal justice? *Lex Russica*, 2023, 76(2): 81–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.195.2.081-090>
7. Горян Э. В. Этические принципы регулирования искусственного интеллекта в финансово-банковском секторе Китая и России (сравнительно-правовой аспект). *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2022. Т. 14. № 4. С. 60–71. [Goryan E. V. Ethical principles of artificial intelligence in financial and banking sector of China and Russia (a comparative legal aspect). *The territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, 2022, 14(4): 60–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/060-071>
8. Трезубов Е. С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 283–300. [Trezubov E. S. Excluding "bad cases" from the judicial burden through the introduction of artificial intelligence technologies. *Herald of civil procedure*, 2024, 14(2): 283–300. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-283-300>
9. 郑曦. 人工智能司法运用的风险与规制. *人民法院报*, 2021. [Zhang X. Risks and rules of judicial use of artificial intelligence. *People's Court Report*, 2021. (In Chin.)] URL: http://legalinfo.moj.gov.cn/pub/sfbzhfx/sfbzpfzll/202101/t20210121_115486.html (accessed 15 Jul 2024).
10. Константинов П. Д. Административное судопроизводство, электронный документооборот, блокчейн и смарт-контракты: точки соприкосновения. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 124–137. [Konstantinov P. D. Administrative proceedings, electronic document management, blockchain and smart contracts: Points of convergence. *Herald of civil procedure*, 2024, 14(2): 124–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-124-137>
11. Латышева Н. А. Концепция электронного правосудия и новое понимание документационного обеспечение судопроизводства. *Администратор суда*. 2022. № 1. С. 11–15. [Latysheva N. A. The concept of electronic justice and new understanding of the documentary support of judicial proceedings. *Court Administrator*, 2022, (1): 11–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2022-1-11-15>
12. Шереметьева Н. В., Батуру И. В., У Шуань. Особенности электронного правосудия в КНР. *Право и политика*. 2020. № 2. С. 159–163. [Sheremetyeva N. V., Baturu I. V., Wu Shuan. Features of electronic justice in the PRC. *Law and politics*, 2020, (2): 159–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/abjhg>
13. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 45 с. [Rusakova E. P. *The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: The experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa, and some other countries*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2022, 45. (In Russ.)]
14. Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М.: Волтерс Клувер, 2008. 169 с. [Serikov Yu. A. *Presumptions in civil proceedings*. Moscow: Walters Kluwer, 2008, 169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoqipf>
15. 贾宇. 论数字法院. *法学研究*, 2024, (4). [Jia Y. On the Digital Platform. *Law Research*, 2024, (4). (In Chin.)] URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NDkzNzAzMA==&mid=2653734803&idx=1&sn=28a2f9c86c07bd224ae181c62197ff41&chksm=bc4c235ec4eb8d5575e05cf45d9ea9bfc636ebda7a21c2dcc2ffa28866e93-ac5a29aa7fdec70&scene=27 (accessed 15 Jul 2024).
16. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Цифровые технологии в судебной системе КНР: нормативно-правовой аспект. *Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 27 марта 2020 г.)* Чита: ЗабГУ, 2020. С. 160–168. [Troshchinsky P. V., Molotnikov A. E. Digital technologies at the court system of China: Law aspects. *Relevant issues of China's development during regionalization and globalization: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 27 Mar 2020*. Chita: TSU, 2020, 160–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypppeb>
17. Зеленская Л. А. Отдельные вопросы перспективы использования «электронного правосудия»: опыт Российской Федерации и зарубежных стран. *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 10. С. 214–219. [Zelenskaya L. A. Selected issues of the prospects for the use of "electronic justice": Experience of the Russian Federation and foreign countries. *Theory and practice of social development*, 2023, (10): 214–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.26>
18. Wang N. "Black box justice": Robot judges and ai-based judgment processes in China's court system. *2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS)*: Proc. Intern. Symposium, Tempe, AZ, 12–15 Nov 2020. Tempe: IEEE, 2020, 56–65. <https://doi.org/10.1109/ISTAS50296.2020.9462216>

19. Ng K. H., Chan P. "What gets measured gets done": Metric fixation and China's experiment in quantified judging. *Asian Journal of Law and Society*, 2021, 8(2): 255–281. <https://doi.org/10.1017/als.2020.28>
20. Романовская О. В., Романовская Е. А. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы. *Наука. Общество. Государство*. 2024. Т. 12. № 1. С. 21–31. [Romanovskaya O. V., Romanovskaya E. A. Legal regime of digital justice: Problems and perspectives. *Science. Society. State*, 2024, 12(1): 21–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-1-3>
21. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. [Aristotle. *Essays: In 4 vols.* Moscow: Mysl, 1983, vol. 4, 830. (In Russ.)]
22. 刘静. 风险与应对: 论大数据司法鉴定的平台构建. *法学杂志*, 2024年07月04日. [Liu J. Risk and Response: On creating a platform for forensic assessment of big data. *Law Journal*, 4 Jul 2024. (In Chin.)] URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0MDY1ODYzNw==&mid=2247493438&idx=1&sn=718d13fbd4656badd316366a6649281d&chksm=e915d69cde625f8a4186cecf906d62af962c6cc8c892fab662fc31b224dad8c6426fbb004c3&scene=27 (accessed 15 Jul 2024).
23. Жмакин Г. Н. Искусственный интеллект в судебном процессе. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 301–318. [Zhmakin G. N. Artificial intelligence in litigation. *Herald of civil procedure*, 2024, 14(2): 301–318. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-301-318>
24. 雷磊. ChatGPT对法律人主体性的挑战. *华政法学*, 2023年09月22日. [Lei L. Calling the ChatGPT subjectivity of legal entities. *Chinese Political Science and Law*, 22 Sep 2023. (In Chin.)] URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI2NDE4Nzc0Nw==&mid=2247491207&idx=1&sn=df74ad286ab72e7545d56c97572c556d&chksm=eab1248bddc6ad9da04ea0c31eee15f5115a2c1394b660e11011ed9e7b6d62c28809efa2ab63&scene=27 (accessed 15 Jul 2024).
25. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Сапкеев Д. В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2023. № 3. С. 70–76. [Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Sapkeev D. V. Philosophical, legal and ethical aspects of "smart court" organization: The Chinese experience. *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, 2023, (3): 70–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-70-76>
26. 王健. AI办案, 司法领域的“数字革命”. *民主与法制*, 2024年07月31日. [Wang J. AI (Artificial Intelligence) reviewing cases or the Digital Revolution in the judicial sphere. *Democracy and the Rule of Law*, 31 Jul 2024. (In Chin.)] URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5MjQzMDU0Nw==&mid=2656850526&idx=1&sn=54714e3b1379c512995c51c2fe78ff01&chksm=8a4c31f0deb4bfd548a884d5455079cd0a37bcc2905be969a55f9cf63cb66d1917b5128231c6&scene=27 (accessed 15 Jul 2024).
27. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 5. С. 188–191. [Momotov V. V. Artificial intelligence in litigation: State and prospects for use. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, (5): 188–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191>
28. Цзя Ш., Чжан Ц. Правовая защита права гражданина на изображение лица при применении технологии распознавания лиц в законодательстве Китая. *Правоведение*. 2024. Т. 68. № 2. С. 271–283. [Jia S., Zhang J. Legal protection of a citizen's right to a facial image when applying facial recognition technology in Chinese law. *Pravovedenie*, 2024, 68(2): 271–283. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.210>
29. Даньшин А. В. Метод Ма Сиу как принцип социалистической судебной системы с китайской спецификой: история и современное понимание. *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 9. С. 133–145. [Danshin A. V. Ma Siu method as a principle of the socialist judicial system with Chinese specifics: History and modern understanding. *Lex Russica*, 2023, 76(9): 133–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.133-145>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hrebiq>

Парадокс приватности: проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет

Канакова Анна Евгеньевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 2367-5878

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

kananna19@yandex.ru

Аннотация: Использование сети Интернет изначально сопровождалось анонимностью лица, так как его действия фактически не имели никакой привязки к его реальной жизни, но по мере развития технологий в рамках сети Интернет стали появляться возможности, серверы, пользование которыми требовало от лица предоставления реальных данных, что привело к появлению цифровых образов, напрямую связанных с конкретными личностями в офлайн-пространстве. Но не все субъекты смогли и (или) захотели приспособиться к новому содержательному и функциональному наполнению сети Интернет, отчего сформировались парадоксальные ситуации, когда, во-первых, люди продолжали воспринимать виртуальное пространство как гарантированно анонимное и, во-вторых, даже зная о возможности раскрытия информации, включающейся в категорию *частная жизнь*, не предпринимают каких-либо действий для сохранения этих данных нераскрытыми. Вторая обозначенная проблема получила наименование *парадокс приватности*, но становилась предметом исследования в рамках социально-экономических, а не юридических наук. Цель – определить положение статуса анонимности в сети Интернет в качестве либо обязательного содержания права на неприкосновенность частной жизни, либо явления, требующего ограничения в целях обеспечения защиты прав и законных интересов других лиц и обеспечения безопасности государства. В результате были сделаны предложения, направленные на нормативное установление баланса между анонимностью и правом на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: право, неприкосновенность частной жизни, анонимность, цифровизация, парадокс приватности, социальные сети, сеть Интернет, способы аутентификации, утечка данных

Цитирование: Канакова А. Е. Парадокс приватности: проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 138–146. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-138-146>

Поступила в редакцию 03.12.2024. Принята после рецензирования 25.12.2024. Принята в печать 25.12.2024.

full article

Privacy Paradox: Privacy Issues on the Internet

Anna E. Kanakova

Altai State University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 2367-5878

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

kananna19@yandex.ru

Abstract: Initially, the Internet provided personal anonymity because users' actions online had no actual connection to their real life. As technologies developed, new opportunities required users to provide their personal data, which led to digital information being directly related to real people. However, some users failed to adapt to the new functional Internet content: they keep treating it as anonymous environment. Even being aware of the potential threat, they make no attempts to protect their private life data, the phenomenon defined as the privacy paradox. It is a popular research subject in social studies and economics; however, the privacy paradox remains understudied by law scientists. The author studied the status of anonymity on the Internet as either a mandatory content of the right to privacy, or a phenomenon requiring restriction in order to protect the rights and legitimate interests of citizens and the state security. The article contains some proposals for establishing the normative balance between anonymity and the right to privacy on the Internet.

Keywords: right, confidentiality, anonymity, digitalization, privacy paradox, social networks, Internet, authentication methods, data leakage

Citation: Kanakova A. E. Privacy Paradox: Privacy Issues on the Internet. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2025, 9(1): 138–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-138-146>

Received 3 Dec 2024. Accepted after review 25 Dec 2024. Accepted for publication 25 Dec 2024.

Введение

Сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни современного общества, без которой не обходится ни один значимый социальный процесс. Однако с момента появления сети Интернет ее наполнение и понимание значительно изменились [1, с. 16, 20–23].

Использование сети Интернет изначально сопровождалось анонимностью лица, т. к. его действия фактически не имели никакой привязки к его реальной жизни. По мере развития технологий стали появляться серверы, пользование которыми требовало от лица предоставления реальных данных. Например, использование портала Госуслуги, оплата услуг (прослушивание музыки, просмотр фильмов, использование онлайн-программ и т. п.), покупка товаров в интернет-магазинах с последующей доставкой приобретенных вещей. Во всех указанных случаях лицо передает тот или иной объем данных о самом себе, позволяющий в дальнейшем его идентифицировать, что фактически ставит под сомнение возможность сохранения анонимности.

Можно обозначить две социальные тенденции, связанные с вопросами анонимности в сети Интернет: одна часть людей продолжает воспринимать сеть Интернет как приватное пространство, где *анонимность* является его незыблемой характеристикой [2, с. 128], другая часть проявляет настороженность к анонимным, маскирующимся пользователям, приравнивая их действия к попытке уйти от ответственности [1, с. 20; 3, с. 112]. Это противоречие порождает необходимость определения роли и значения анонимности для сети Интернет и позиции государства по отношению к этому явлению, в частности, либо признания ее составной частью права на неприкосновенность частной жизни с предоставлением соответствующих гарантий и механизмов защиты, либо запрещая ее, ограничивая право на неприкосновенность частной жизни в целях защиты прав и законных интересов других лиц и обеспечения безопасности государства.

Цель – определить положение статуса анонимности в сети Интернет в качестве либо обязательного содержания права на неприкосновенность частной жизни, либо явления, требующего ограничения в целях обеспечения защиты прав и законных интересов других лиц и обеспечения безопасности государства.

Методы и материалы

В рамках проведенного исследования использовался ряд методов научного познания, в частности, общенаучные (диалектический, логический метод) и специальные (формально-юридический, правового моделирования) методы, комплексное применение которых позволило не только выявить проблему, но и предложить пути ее решения.

Результаты

Парадокс приватности

Вопросы парадокса приватности чаще всего являются объектом исследований социально-экономических наук. Так, Д. В. Пигин и Е. С. Черепанова [4], рассматривая данный вопрос с философских позиций, проанализировали имеющиеся на настоящий момент научные труды, посвященные тематике *парадокса приватности* [5–8] и *самораскрытию личности* [9; 10]. Причем, анализируя основополагающую в этой сфере работу Сьюзен Барнс, обосновывающей несоответствие между беспокойством людей о конфиденциальности своих данных и мерами, которые они предпринимают для их защиты, авторы приходят к выводу, что никакого парадокса и нет, т. к. проблемы оказались достаточно очевидными, а их решение – понятным. Согласиться с этим умозаключением можно лишь частично, потому что сам факт признания несовершенства нормативных правовых актов и недостатка образования не порождает готовое решение обозначенной проблемы.

Тезис о том, что люди обеспокоены сохранностью личной информации, хранящейся в сети Интернет, но не предпринимают каких-либо мер по ее защите, находит статистическое подтверждение. Так, в 2017 г. Левада-центр провел опрос, посвященный безопасности персональных данных, в рамках которого 46 % опрошенных осознают наличие проблемы безопасности персональных данных в сети Интернет, при этом 41 % опрошенных не предпринимают каких-либо действий для защиты данной информации¹. В 2021 г. В. В. Полякова и К. С. Фурсов выявили, что 84 % опрошенных пользователей выразили обеспокоенность возрастающими рисками утраты контроля над собственными данными в сети Интернет. При этом была выявлена следующая тенденция: разновекторность поведения одних и тех же людей

¹ Безопасность персональных данных. Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 25.05.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/25/bezopasnost-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 15.11.2024).

по смежным вопросам. Так, 73 % респондентов стараются не указывать личную информацию в сети, например, 61 % из опрошенных предпочитают оплачивать интернет-покупки непосредственно при получении товара. Однако 49 % этих же опрошенных пользователей готовы предоставлять личную информацию, если понимают цели ее использования и разделяют их важность².

Рассматриваемый вопрос парадокса приватности порождает правовые проблемы, когда субъекты права не предпринимают достаточных мер для защиты частной жизни, фактически самостоятельно раскрывая соответствующую информацию и делая ее доступной неопределенному кругу лиц, но при этом требуют от государства и властных структур обеспечения анонимности и неприкосновенности их частной жизни.

Причины утечки данных пользователей

Разумеется, поведение пользователей не является единственной причиной, снижающей эффективность обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни в сети Интернет [11–18].

В качестве иных причин можно указать следующие.

1. Субъективное заблуждение у человека о том, что он обладает полноценной возможностью управлять собственной информацией, размещенной в сети Интернет [19, с. 25]. Так, анализ политики конфиденциальности социальной сети ВКонтакте³ наглядно демонстрирует, что использование социальной сети скрывает за собой множество процессов, связанных с обработкой информации о человеке и о его действиях в сети Интернет. Например, обработке подлежат не только персональные данные пользователя, но и иная информация, связанная с использованием цифрового ресурса. Вместе с этим сайт ВКонтакте предусматривает передачу персональных данных пользователей не только по запросу органов публичной власти, но и иным лицам, в частности, в ситуациях, когда пользователи используют приложения, размещаемые на сайте.

Важным аспектом вопроса контроля информации о самом себе служит возможность удаления данной информации. Так, в политике конфиденциальности

сайта ВКонтакте (п. 5.1.5) указано, что пользователь имеет право удалить информацию о самом себе, однако такая возможность не дает им полный контроль над информацией о самом себе, поскольку внутренние правила сети и российское законодательство создают иные рамки для действия этой процедуры. Согласно п. 5.1.5 Политики конфиденциальности сайта ВКонтакте, администрация сайта хранит на своих электронных носителях персональные и иные необходимые данные пользователя, во-первых, предоставляя пользователю возможность в будущем восстановить удаленную страницу (в течение 210 дней) и, во-вторых, выполняя требования российского законодательства (в течение 6 месяцев электронные сообщения хранятся в полном объеме⁴; в течение 1 года хранится информация о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки указанных сообщений и информация об этих пользователях⁵). Помимо этого, администрации сайтов снимают с себя ответственность за разглашение и распространение информации, ставшей доступной другим пользователям из-за изначально выбранного уровня конфиденциальности соответствующих данных (пункты 6.3.3 и 8.2), что согласуется с действующим российским законодательством и судебной практикой.

Определение Конституционного Суда РФ № 248-О стало базой для наполнения содержанием права на неприкосновенность частной жизни, под которым следует понимать предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера⁶. Однако представленное определение не стоит понимать расширительно как право контроля любой информации. Так, согласно ст. 152.2 ГК РФ, по общему правилу сбор, хранение, распространение и использование любой информации о частной жизни лица не допускаются без согласия гражданина, однако если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле, то сбор, хранение, распространение и использование такой информации нельзя признать нарушением указанного общего правила. Верховный Суд РФ подтверждает отмеченное законодательное

² Полякова В. В., Фурсов К. С. Готовы ли пользователи Рунета делиться персональными данными? *Цифровая экономика: экспресс-информация*. НИУ ВШЭ. 11.03.2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com. URL: <https://vk.com/privacy> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Об утверждении Правил хранения организатором распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» текстовых сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Постановление Правительства РФ № 256 от 26.02.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Определение Конституционного суда РФ № 248-О от 09.06.2005. *СПС КонсультантПлюс*.

положение, признавая преступным нарушением личной жизни распространение только той информации, которую человек хранил в тайне⁷.

Таким образом, идея о том, что человек имеет абсолютную возможность контролировать информацию о самом себе, является ошибочной и технически невозможной.

2. Технические особенности работы соответствующей системы. В частности, онлайн-следающие технологии – те, на которые человек сам согласился, и те, которыми компании пользуются вопреки желанию и осведомленности лица.

В первом случае речь идет о технологии Cookies, основной функционал которой сводится к ускорению работы сайтов, позволяя запоминать то, что пользователь уже прошел идентификацию на определенном сайте, сохранять выбранное им оформление и т. п. Однако указанная технология также собирает статистические данные о действиях пользователей, формируя анонимные анкеты, в первую очередь для персональной настройки, например, рекламы, высвечиваемой соответствующему лицу. В большинстве случаев пользователи дают согласие на использование данных файлов, не вчитываясь и оценивая риски такого разрешения, что впоследствии может стать основой для утечки данных (перехват Cookies) и отслеживания действий лица (использование сторнних Cookies).

Во втором случае речь идет не только и не столько о лицах, целенаправленно взламывающих сайты, а о действиях самих владельцев сайтов, обрабатывающих информацию без соответствующего позволения. Так, 21 февраля 2014 г. А. Л. Бурков, юрист из Екатеринбурга, обратился в Замоскворецкий районный суд Москвы с иском к ООО «Гугл» о нарушении неприкосновенности частной жизни и тайны переписки, суть которого заключалась в том, что реклама в его аккаунте Gmail соответствовала содержанию его личных писем, связанных с поездкой в Страсбург (реклама о получении шенгенской визы и покупке дешевых билетов)⁸. В первой инстанции иск отклонили на основании того, что он был подан не к тому юридическому лицу. Рассмотрение дела

в апелляционном порядке привело к отмене решения первой инстанции и удовлетворению иска на сумму 50 тыс. рублей за нарушение тайны переписки, закрепленное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ⁹. Кассационная жалоба Google по данному делу была отклонена, тем самым окончательно признавая незаконность обработки данных, содержащихся в письмах пользователей, для целей формирования перечня появляющихся рекламных объявлений¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сама среда сети Интернет является благодатной почвой для появления условий нарушения права на неприкосновенность частной жизни: обычный человек не знает всех технических и правовых особенностей, которыми ловко пользуются владельцы сайтов, получая доступ к информации, в той или иной мере приносящей коммерческую выгоду.

Несмотря на стремления государства, направленные на повышение уровня правовой и технической грамотности, цель, когда все население страны будет легко ориентироваться в данных вопросах, видится нереалистичной. Следовательно, решать сложившуюся проблему нужно иными способами, что вновь возвращает к вопросу анонимного присутствия в сети Интернет.

Обсуждение

Анализ международных актов, актов и практики правоприменения зарубежных стран позволяет выявить определенную тенденцию: на международном уровне стремятся гарантировать анонимность лица в сети Интернет, а государства предпринимают попытки данную анонимность ограничить.

Так, согласно рекомендациям Комитета министров Совета Европы от 23 февраля 1999 г. № R(99)5, анонимность доступа к Интернету, его анонимное использование, в том числе анонимность проводимых платежей, считаются лучшими средствами обеспечения приватности [3, с. 112]. В Декларации о свободе обмена информацией в Интернете от 28 мая 2003 г.¹¹ устанавливается обязанность государств учитывать желание пользователей не идентифицировать свою личность.

⁷ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 25.12.2018. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Google не позволил снять с себя «корпоративную вуаль». *Право.ру*. 23.04.2015. URL: https://pravo.ru/court_report/view/118126/ (дата обращения: 15.11.2024).

⁹ Россиянин отсудил у Google 50 тыс. руб. за нарушение тайны переписки. *РБК*. 25.09.2015. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/09/2015/55f967169a7947dfc3bac1b9 (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁰ Суд отклонил кассационную жалобу Google по делу о нарушении тайны переписки в Gmail. *Цифровая Россия*. 25.12.2015. URL: <https://d-russia.ru/sud-otklonil-kassacionnuyu-zhalobu-google-po-delu-o-narushenii-tajny-perepiski-v-gmail.html> (дата обращения: 15.11.2024).

¹¹ Декларация о свободе обмена информацией в Интернете. Принята 28.05.2003 на 840-ом заседании заместителей министров. СПС КонсультантПлюс.

В 1996 г. в штате Джорджия был принят закон о защите компьютерных сетей¹², согласно которому гражданам было запрещено скрывать свою личность в интернет-коммуникации, но уже в сентябре этого же года отмеченный акт был обжалован в федеральном окружном суде, т. к. нарушал Первую поправку к Конституции США (ACLU of Georgia v. Miller (1977 F.Supp 1228, N. D. Ga. 1997)).

В 2007 г. в Южной Корее было установлено требование об идентификации пользователей, которое впоследствии было признано Верховным судом, противоречащим Конституции [2; 20].

Отдельного внимания заслуживает исследование С. С. Кузнецовой, посвященное анонимности в сети Интернет, в котором она обозначила понятие категории *право на анонимность* и проанализировала подходы, применяемые в зарубежных странах.

Анализ зарубежного законодательства позволил автору сделать вывод о том, что современная практика правового регулирования анонимности перешла от ее гарантирования, свойственного раннему Интернету, к ее ограничению. Так, во многих странах установлены ограничения анонимности лиц в сети Интернет (Австрия, Бразилия, КНР, Беларусь, Оман, Саудовская Аравия, Туркменистан, Турция и др.).

Вместе с этим С. С. Кузнецова отмечает влияние судебных решений на вопросы анонимности. Так, еще в 1983 г. Конституционный Суд ФРГ выделил право на информационное самоопределение, включающее в себя право на анонимность. В 1995 г. Верховный суд США признал необходимость защиты анонимности в качестве средства гарантирования свободы выражения мнения и решений (дело «Макинтайр против Избирательной комиссии штата Огайо»).

Также С. С. Кузнецова отметила, что международным сообществом уже неоднократно заявлялось о необходимости обеспечения правовой защиты анонимности (Декларация «О свободе общения в сети Интернет», специальные доклады ООН 2013, 2015, 2018 гг.). При этом ЕСПЧ рассматривает вопрос анонимности более узко, ограничивая его в рамках права на уважение частной и семейной жизни (Breuer v. Bundesrepublik Deutschland Case C-582/14) и свободы выражения мнений (Delfi AS v. Estonia, 2015, ECtHR 64669/09) [21].

Стремление государств к деанонимизации пользователей сети Интернет объясняется необходимостью защиты прав граждан и юридических лиц. Но в условиях демократического, правового государства и гражданского общества возникает вопрос о границах,

за которые государство не должно заходить, уважая частную жизнь и саморегуляцию.

Причем важно подчеркнуть, что согласно позиции Комитета ООН, обозначенной в Комментарий к Международному пакту о гражданских и политических правах¹³, именно государство должно предпринимать эффективные меры для обеспечения неприкосновенности частной жизни, в частности, недопущения попадания информации о частной жизни лица субъектам, не имеющим права на обработку соответствующих данных.

Заключение

Разумеется, юридическая доктрина содержит различные предложения, связанные с защитой права на неприкосновенность частной жизни и регулированием цифровой среды [22–26]. Например, можно обнаружить предложения, в первую очередь связанные с расширением корреспондирующих прав пользователей обязанностей операторов связи, владельцев в сети Интернет и других лиц, предоставляющих услуги.

Несмотря на то что ужесточение регулирования является наиболее ожидаемой и очевидной реакцией, реальная ее эффективность будет минимальной. Основные риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни кроются в поведении самого человека и иных лиц, что невозможно устранить путем увеличения обязанностей и ответственности у владельцев сайтов.

Логичным вариантом является перенесение данных обязательств на властный субъект, т. е. государство. Например, в работе А. Н. Ващекина и А. В. Дзедзинского рассматриваются такие вопросы, как цифровое гражданство, цифровые пространства, условно совпадающие с границами определенных государств, которые могут составлять цифровые регионы (объединение цифровых пространств нескольких государств), из которых можно «депортировать» сетевых / реальных граждан и т. д. [2, с. 131–133]. Несмотря на то что утверждение авторов о том, что многие государства стали отходить от роли наблюдателя и начали реализовывать активную цифровую политику [2, с. 133–134], видится верным, стремление создать единый информационный регион, особенно с главенствующей ролью России, представляется сложнореализуемым, по крайней мере на данном этапе правового и технического развития и взаимодействия.

На основе обозначенного выше напрашиваются выводы о том, что позволить сохранять полную анонимность в сети Интернет недопустимо, а взять

¹² Georgia Computer System Protection Act. URL: <https://forums.anandtech.com/threads/attn-georgians-proposed-changes-to-georgia-computer-protection-act-laws.1080251/> (accessed 15 Nov 2024).

¹³ CCPR general comment No. 16: Article 17 (Right to privacy), the right to respect of privacy, family, home and correspondence, and protection of Honour and reputation. UNHCR. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1988/en/27539> (accessed 15 Nov 2024).

под контроль все виртуальное пространство не представляется возможным. Как зачастую бывает, истина и решение этой проблемы находятся посередине.

Ни одно государство в мире не способно самостоятельно провести регулирование всего цифрового пространства, доступ к которому есть у лица, проживающего на его территории. Соответственно, установление правил поведения возможно только в отношении так называемой виртуальной территории, которую само же государство создает (например, сайт Госуслуги) или под взаимодействие с которой существует правовое основание.

Вопросы анонимности поднимаются в тех случаях, когда изначально правила сайта не предусматривали необходимости афиширования реальных личностей пользователей перед сторонними субъектами (государством), но такая обязанность появилась в дальнейшем. Так, с 1 ноября 2024 г. блогеры с 10 тыс. подписчиков на каналах обязаны передавать информацию о себе в Роскомнадзор в рамках борьбы с анонимностью¹⁴.

Указанное требование распространяется на социальные сети, внесенные в Реестр социальных сетей Роскомнадзора (ВКонтакте, Одноклассники, X (ранее Twitter), TikTok, Likee, YouTube, Telegram, LiveJournal, Пикабу, Pinterest, Дзен, RuTube, Twitch, Discord и Yappy), только часть которых относится к российскому сегменту Интернета. Последствия отсутствия такой регистрации связаны не только с рекламой, репостами и финансированием, но и с закрытием доступа к странице, данных о которой нет в обсуждаемом Реестре¹⁵. Фактически эта норма создает карикатурную ситуацию, в рамках которой Роскомнадзор может теоретически закрыть доступ ко всем крупным блогерам, кроме российских.

Проблема указанных изменений заключается в том, что это не акт договоренностей, а одностороннее решение. Однако благодаря этой трансформации законодатель сделал шаг в сторону наиболее подходящей для реализации на современном этапе правового и технологического развития модели: создание виртуальной территории, зоны (т. е. совокупности ресурсов), на которую будут распространяться правовые положения РФ. Особенностью такого подхода является то, что один и тот же сайт одновременно может / будет «виртуальной территорией» сразу нескольких государств, исполняя требования этих стран.

Таким образом, модель регулирования правомочий в сети Интернет, в частности, права на неприкосновенность частной жизни, должна идти по следующей градации:

- международный уровень, на котором устанавливаются базовые положения, правовые принципы регулирования виртуального пространства, прав и свобод в нем осуществляемых;
- внутреннее законодательство каждого государства, которое имеет распространение на определенную «виртуальную территорию», а именно сайты, созданные данным государством, и сайты, выразившие согласие на подчинение правилам поведения, установленным в определенном государстве;
- соглашения и договоренности между администрацией сайта и пользователем и (или) между владельцами разных интернет-ресурсов, определяющие правила и условия, на которых происходит взаимодействие, использование функционалов сайта и основания для предотвращения такого взаимодействия.

При этом выделение названных трех уровней регулирования сети Интернет не снимает вопроса гарантий и защиты права на неприкосновенность частной жизни, особенно с учетом того, что, во-первых, пользователи сети Интернет одновременно стремятся к собственной анонимности и установлению личности человека, нарушившего их права в виртуальном пространстве, и, во-вторых, применение наказания к лицу в офлайн и защита прав лиц, нарушенных в виртуальном пространстве, возможны только при наличии или установлении привязки виртуальных образов к конкретным людям.

В данном случае государству необходимо принять на себя роль посредника и организовать портал, целью которого будет исключительно формирование виртуального образа, связанного с конкретным человеком, на основе которого он сможет проходить аутентификацию на иных ресурсах. Использование для этих целей портала Госуслуги невозможно, т. к. он содержит о личности человека значительно больше информации, чем та, которая необходима для регистрации на любом ресурсе в сети Интернет, что может вызвать опасения насчет утечки этих данных на сайты, куда человек изначально не собирался их предоставлять. Таким образом, у государства уже будут достоверные данные о лице, совершающим действия под определенным аккаунтом, что даст возможность передавать его данные на сайт в зашифрованном виде, формируя цифровые и буквенные вариации или позволяя использовать вместо реального имени выдуманный логин. Преимущества этого способа можно распределить сразу по нескольким направлениям:

¹⁴ С 1 ноября блогеры с 10 тыс. подписчиков должны передавать информацию о себе в Роскомнадзор. *Российская Газета*. 01.11.2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/01/goluj-parol.html> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁵ О внесении изменений в ФЗ «О связи» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 303-ФЗ от 08.08.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

1. *Защита персональных данных.* В случае несанкционированного доступа к аккаунту злоумышленники получают только зашифрованную информацию, которую будет невозможно или крайне затруднительно сопоставить с личностью реального человека.

2. *Возможность осуществления реального контроля пользователем оборота информации о нем.* Каждый человек сможет самостоятельно и осознанно принимать решения о раскрытии информации о том, что под определенным идентификатором «скрывается» именно он.

3. *Упрощение механизмов защиты нарушенных прав и привлечения к ответственности.* Использование такого способа аутентификации устраняет необходимость установления личностей лиц, ставшими участниками соответствующих правоотношений.

Использование данного метода позволит повысить эффективность защиты прав и свобод человека в сети Интернет, в частности, его права на неприкосновенность частной жизни, однако важно отметить, что функционирование этого механизма все равно будет ограничено, а именно перечнем тех порталов, которые

будут согласны на доступ к их функционалу такими обезличенными для них пользователями, и списком лиц, добровольно изъявивших желание избрать именно такой способ аутентификации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and/or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации», <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01133: Digitalization of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01133/>

Литература / References

1. Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 1. С. 14–38. [Trufanova E. O. Private and public in the digital space: Blurring of the lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, 3(1): 14–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>
2. Ващекин А. Н., Дзедзинский А. В. Проблемы правового регулирования отношений в цифровом пространстве. *Правосудие*. 2020. Т. 2. № 2. С. 126–147. [Vashchekin A. N., Dzedzinsky A. V. Problems of legal regulation in the digital space relations. *Justice*, 2020, 2(2): 126–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.2.126-147>
3. Мочалов А. Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы ее правового регулирования. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2021. № 4. С. 111–121. [Mochalov A. N. The paradox of anonymity on the Internet and the problems of its legal regulation. *Surgut State University Journal*, 2021, (4): 111–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-4-111-121>
4. Пигин Д. В., Черепанова Е. С. Память сети: проблема приватности в интернет-коммуникации. *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5. № 1. С. 64–75. [Pigin D. V., Cherepanova E. S. Internet memory: Exploring the problem of privacy in online communication. *Tempus et Memoria*, 2024, 5(1): 64–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.062>
5. Flender C., Müller G. Type indeterminacy in privacy decisions: The privacy revisited. *Quantum Interaction: Proc. 6 Intern. Symposium, Paris, 27–29 Jun 2012*. Springer, 2012, 148–159. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-642-35659-9_14
6. Taddicken M. The privacy paradox in the social web: The impact of privacy concerns, individual characteristics, and the perceived social relevance on different forms of self-disclosure. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2014, 19(2): 248–273. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12052>
7. Пронкина Е. С. Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве. *Вестник РГГУ. Серия: История. Философия. Культурология. Востоковедение*. 2018. № 8-1. С. 155–165. [Pronkina E. S. The privacy paradox: Why users of social media disclose personal information in public space. *PSUH bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 2018, (8-1): 155–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-155-165>
8. Barnes S. B. A privacy paradox: Social networking in the United States. *First Monday*, 2006, (9). URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/1394/1312> (accessed 15 Nov 2024).

9. Сапон И. В., Лебедев Д. Е. Самораскрытие пользователей в социальных сетях: теоретический обзор. *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 3. С. 267–288. [Sapon I. V., Lebedev D. E. Self-disclosure of social network sites: A theoretical review. *Vestnik NSUEM*, 2018, (3): 267–288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yghdsx>
10. Сапон И. В. Причина раскрытия личной информации в профиле социальной сети «ВКонтакте». *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 2. С. 97–105. [Sapon I. V. Reasons for self-disclosure in SNS profile: The case of "VKontakte". *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2020, (2): 97–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.014>
11. Кузнецов А. А., Мальцева Д. И. Проблемы реализации частной жизни: современные угрозы и перспективы защиты личных прав. *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 104-9. С. 56–60. [Kuznetsov A. A., Maltseva D. I. Problems of private life implementation: Current threats and prospects for the protection of personal rights. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2023, (104-9): 56–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2023-484>
12. Чеснокова Л. В. Размытие границ между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 2. С. 22–38. [Chesnokova L. V. Blurring the line between publicity and privacy on social media and the privacy paradox. *Philosophical problems of IT and Cyberspace*, 2021, (2): 22–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.2.2>
13. Молонтоев А. Д., Тонхоноева А. А. Анонимность в Сети. *Информационные системы и технологии в образовании, науке и бизнесе: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Улан-Удэ, 1 июля 2021 г.)* Улан-Удэ: БГУ, 2021. С. 106–111. [Molontoev A. D., Tonkhonoeva A. A. Anonymous on the network. *Information systems and technologies in education, science, and business: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Ulan-Ude, 1 July 2021. Ulan-Ude: BSU*, 2021, 106–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1626-0-106-111>
14. Романовская Е. А. Право на неприкосновенность частной жизни и проблемы противодействия доксингу. *Российский конституционализм: уроки истории и современность (К 30-летию конституции Российской Федерации 1993 года)*: Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 г.) СПб.: СПбУ МВД РФ, 2023. С. 312–315. [Romanovskaya E. A. The right to privacy and the problems of countering doxing. *Russian constitutionalism: Lessons from history and modernity (30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation 1993)*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg 15 Dec 2023. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, 2023, 312–315. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wighvx>
15. Зайцева В. В., Костилова Г. В. Частная жизнь в условиях информатизации общества. *Молодые ученые России: XV Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 октября 2022 г.)* Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 83–85. [Zaitseva V. V., Kostikova G. V. Private life in the conditions of informatization of society. *Young scientists of Russia: Proc. XV All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Penza 12 Oct 2022. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2022, 83–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txcoir>
16. Лапутько К. В. К вопросу о неприкосновенности частной жизни и защите данных. *Pravo.by*. 2022. № 1. С. 111–115. [Laputko K. V. To the question of the personal privacy and data protection. *Pravo.by*, 2022, (1): 111–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nooizk>
17. Буравов И. С. Проблемы защиты частной жизни и персональных данных в Интернете. *Сборник материалов курсантских (студенческих) научно-практических мероприятий*: конф. (Новокузнецк, 16 декабря 2020 г. – 24 июня 2021 г.) Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2021. С. 52–55. [Buravov I. S. Problems of protecting privacy and personal data on the Internet. *Proceedings of military students' scientific and practical activities*: Proc. Conf., Novokuznetsk, 16 Dec 2020 – 24 Jun 2021. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the FPS of Russia, 2021, 52–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfeftn>
18. Цирукина Д. К., Мусалитина Е. А. Конфиденциальность личной переписки в Интернет-чатах в условиях информационного общества. *Глобальные проблемы современности: поиски и пути решения: общественное онлайн-обсуждение и круглый стол. (Комсомольск-на-Амуре, 27–29 октября 2022 г.)* Комсомольск-на-Амуре: КНАГУ, 2022. С. 240–242. [Tsirukina D. K., Musalitina E. A. Privacy of personal correspondence in internet chats in the information society. *Global problems of our time: Search and solutions*: Proc. Public Online Discussion and Round Table, Komsomolsk-on-Amur, 27–29 Oct 2022. Komsomolsk-on-Amur: KnASU, 2022, 240–242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sijpqb>
19. Сапон И. В., Леденев Д. Е. Управление приватностью в профиле социальной сети: анализ теории Сандры Петронио. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2020. № 2. С. 21–33. [Sapon I. V., Ledenev D. E. Privacy management on SNS profile: Analysis of Sandra Petronio's theory. *Proceedings of Higher education institutions. Sociology. Economics. Politics*, 2020, (2): 21–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fynfhp>

20. Михайлов С. В. Анонимность в Интернете. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2017. № 17. С. 26–32. [Mikhailov S. V. Anonymity on the Internet. *Zhurnal suda po intellektualnym pravam*, 2017, (17): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqqapr>
21. Кузнецова С. С. Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты. *Российское право: образование, практика и наука*. 2020. № 5. С. 33–41. [Kuznetsova S. S. The right to anonymity on the Internet: Current issues of implementation and protection. *Russian Law: Education, practice, researches*, 2020, (5): 33–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-5-33-41>
22. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. 27 с. [Fedosin A. S. *Protecting the constitutional right of people and citizens to privacy in the automated processing of personal data in the Russian Federation*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Saransk, 2009, 27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkzsud>
23. Коростелева Т. О. Неприкосновенность частной жизни в цифровой среде. *Эволюция российского права*: XX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. (Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 г.) Екатеринбург: УрГЮУ, 2022. С. 1040–1046. [Korosteleva T. O. Immunity of private life in digital environment. *The evolution of Russian law*: Proc. XX Intern. Sci. Conf. of young scientists and students, Ekaterinburg, 28–29 Apr 2022. Ekaterinburg: USLU, 2022, 1040–1046. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emmvlz>
24. Шапова А. А. Особенности правового регулирования конституционного права каждого производить информацию в сети «Интернет». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20. № 1. С. 114–118. [Shapova A. A. Features of legal regulation of the constitutional right of everyone to produce information on the Internet. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Economics. Management. Law*, 2020, 20(1): 114–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-114-118>
25. Игумнов В. В. Публично-правовое регулирование цифрового профилирования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 32 с. [Igumnov V. V. *Public law regulation of digital profiling in the Russian Federation*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2024, 32. (In Russ.)]
26. Соловкин С. В. Публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 33 с. [Solovkin S. V. *Public law regulation of automated human data collection processes in the context of digital transformation*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2024, 33. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sbnivi>

Вина в деликтном праве: переосмысление

Севостьянова Ангелина Алексеевна

НИУ Высшая школа экономики – Москва, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8852-8109

sevostyanovaw@mail.ru

Аннотация: Классическая правовая категория вины как элемента состава деликта формировалась в ходе разработки различных правовых концепций, каждая из которых находит все большее подтверждение своей обоснованности в ходе дискуссий между исследователями, представляющими различные типы научной рациональности. Последователи субъективной концепции вины вдохновляются естественным правом, а сторонники объективной ищут аргументы в позитивистской теории. Поэтому выбрать одну концепцию вины из разных парадигм представляется затруднительно, как и определить верной только естественную или позитивную школу права. Каждая концепция вины помогает найти справедливое решение для своей «категории» дел, но в рамках постклассического периода концепции вины с ее коммуникативной теорией истины и релятивизмом быть не может. Стремление вести право по бинарной формуле *или / или* вернет нас к классической рациональности, что с приходом субъективно-объективной вины (*и / и*) может лишить нас многомерности права. Усложняет изучение вины ее презумпция в деликтном праве, которая освобождает суды от необходимости детального исследования вины при установлении ответственности, поэтому недостаток эмпирических данных о вине порождает ощущение незавершенности и оставляет пространство для дальнейших правовых дискуссий. Цель – рассмотреть вину с позиции подходов, сформировавшихся в судебной практике, интерпретируя ее как объективно-субъективную категорию. Этот подход, основанный на постклассической теории права, позволяет охарактеризовать вину как словесное описание конкретного действия через закрепленную норму права в тексте решения. При этом анализ ситуации, воспринимаемой правонарушителем и существующей в его сознании, осуществляется через призму вовлеченности субъекта оценки в контекст правонарушения с учетом объективных обстоятельств. В результате установлено, что вина (как и другие элементы) – конструкт, то есть ее понимание возможно только в социальных отношениях, а не через зеркало природы (по Р. Рорти), основное назначение которого суды не видят в качестве условия деликтной ответственности.

Ключевые слова: вина, неосторожность, умысел, деликт, деликтная ответственность, гражданская ответственность, правовой конструкт

Цитирование: Севостьянова А. А. Вина в деликтном праве: переосмысление. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 147–160. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-147-160>

Поступила в редакцию 06.01.2025. Принята после рецензирования 27.01.2025. Принята в печать 30.01.2025.

full article

Fault in Tort Law: A Reinterpretation

Angelina A. Sevostianova

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8852-8109

sevostyanovaw@mail.ru

Abstract: As an element of tort, the classical legal category of fault evolved together with other legal concepts. Each of these concepts finds increasing validation through the dialogue and debate among representatives of different scientific approaches. Followers of the subjective concept draw inspiration from natural law, while proponents of the objective concept seek justification in positivist theory. Therefore, choosing one concept of fault from different legal paradigms is as challenging as declaring either the natural or positivist school of law as the sole correct approach. Each concept of fault helps achieve fair resolutions within its own category of cases, yet a single overarching concept of fault cannot exist in the post-classical period, characterized by its communicative theory of truth and relativism. All attempts to frame law within the binary *either/or* formula come from classical rationality. Considering the subjective-

objective fault (*both/and*), such an approach may deprive the law of its multidimensional nature. Additionally, the presumption of fault in tort law relieves courts from the need to conduct a thorough examination of fault when determining liability. As a result, the lack of empirical data on fault fosters a sense of incompleteness and leaves room for further legal discourse. In this article, the author explores the concept of fault from the perspective of judges, interpreting it as an objective-subjective category. This approach is rooted in post-classical legal theory. It describes fault as the verbal articulation of a specific action embedded in the legal norm and reflected in the text of judicial decisions. The offender's perception exists within their consciousness. It is analyzed based on the evaluator's involvement in the context of the offense and all objective circumstances. Like other legal elements, fault is a construct, i.e., its understanding is possible only as part of social relations, not *in the mirror of nature* (as per R. Rorty). Courts, in this sense, do not regard fault as a necessary condition for tort liability.

Keywords: fault, negligence, intent, tort, tort liability, civil liability, legal construct

Citation: Sevostianova A. A. Fault in Tort Law: A Reinterpretation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 147–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-147-160>

Received 6 Jan 2025. Accepted after review 27 Jan 2025. Accepted for publication 30 Jan 2025.

Введение

Вина в деликтном праве всегда воспринимается как бинарная оппозиция: объективная и субъективная [1, с. 520; 2; 3], поведенческая и психическая [4; 5], гражданско-правовая и уголовно-правовая [6, с. 22], причинения и вины [7, с. 83] и др. Разрушение классической рациональности во взглядах на вину началось с появлением концепции субъективно-объективной вины [8, с. 70], хотя рассуждения о неоднозначности вины были и ранее (в трудах Е. А. Флейшиц) [9, с. 70].

Примечательно, что внутри концепций ученые также пытаются выработать полярные точки зрения. Например, что такое субъективность в контексте рассуждений о вине: с одной стороны, под ней понимают отношение причинителя вреда к своим действиям (бинарность хотел / не хотел), с другой – анализ поведения конкретного причинителя вреда именно с учетом его субъектных качеств (профессионал / непрофессионал). Объективность различными авторами понимается неоднозначно. Она может подразумевать установление субъективных элементов (хотел / не хотел; знал / не знал) на основе объективных обстоятельств, сопутствующих правонарушению (таких как оценка действий правонарушителя или анализ обстановки). К тому же объективность может означать констатацию самого факта причинения вреда.

Однако приведенные концепции требуют их деконструирования, т. к. ни субъективная вина (во всех ее проявлениях: желание, намерение, отношение лица к своему поведению или учет обстоятельств субъекта деликта), ни объективная вина (оценка внутренних процессов через объективные факты, анализ действительности, наличие самого вреда) в смысле, придаваемом им учеными, сами по себе не могут быть признаны конвенционально для определения вины по следующим причинам [10, с. 55]:

1. Правовое понимание происходящей реальности может быть разделено на внешнюю (объективная реальность восприятия), внутреннюю (субъективные намерения лица) и нормативную (социокультурная приемлемость действий) составляющие. Это различие подчеркивает, что каждая из них имеет самостоятельное место в правовой науке, не исключая и не подменяя друг друга, что доказал Ю. Хабермас [11, с. 84]. Внешняя составляющая проявляется через поведение правонарушителя, которое воспринимается третьими лицами (непосредственно или косвенно). Внутренняя составляющая, хотя и не поддается прямой правовой оценке из-за ее субъективного характера, остается важной, поскольку любой деликвент действует, исходя из намерений, желаний и других мотивов. Тем не менее некоторые исследователи исключают ее из понятия вины из-за сложности объективного анализа. Нормативная составляющая выражается в оценке поведения правонарушителя третьими лицами, основанной на совпадении или несовпадении с их ожиданиями, а в рамках позитивистской модели – на соответствии нормам закона.

2. Нормативные утверждения не поддаются проверке через традиционные эпистемологические методы (истина или ложь), поскольку они зависят от культурных и социальных контекстов, в которых они функционируют. Следовательно, если объективная вина не может быть однозначно верифицирована или фальсифицирована, то *a fortiori* субъективная вина не может быть достаточно осмыслена для ее единственного применения. Однако отсутствие такой фальсификации не свидетельствует о том, что субъективная вина отсутствует. Вина как правовая категория не сводится исключительно к объективным или субъективным аспектам, а представляет собой взаимодополнение.

3. Нормативные утверждения содержат перформативную установку, выражающую намерения субъекта и, что самое важное – это ожидание их приемлемости другими субъектами. Это указывает на то, что вина в деликтах зависит не только от индивидуальных особенностей причинителя вреда, но и от того, как поведение воспринимается третьими лицами, соответствует ли оно ожиданиям оборота (признание стандарта среднего человека в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25)¹.

4. Низкая эффективность процессуальных механизмов установления субъективной вины в гражданском процессе, а также скептическое отношение судей к свидетельским показаниям, что ограничивает объективную концепцию.

5. Декларирование в ст. 1064 ГК РФ презумпции вины, что дает возможность судьям не устанавливать данный элемент состава деликта, но указать в решении на ее наличие по причине непровержения ее ответчиком.

Приведенные размышления подтверждают, что исходить исключительно из субъективной или объективной вины представляется неверным, т. к. это ограничивает правовую рациональность и может привести к несправедливым решениям. Например, если деликвент Н. утверждает, что не хотел причинить вред, но по объективным обстоятельствам установлено, что удар был нанесен, вывод о его невиновности из-за отсутствия намерения вряд ли будет справедлив (доведение до абсурда). Также несправедливыми будут решения крайней позиции объективной вины, когда вина устанавливается в силу факта наличия вреда. Подобное понимание вины смешивается с концепцией строгой ответственности, т. е. когда в *corpus delicti* отсутствует элемент вины. Кроме того, вред как последствие не всегда является обязательным элементом состава деликта, исключением служит так называемый «грозный деликт», при котором наступление вреда лишь предполагается, но еще не наступило.

Применение подобной концепции вины находит отражение в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ признал подрядчика, оказавшего услугу по предоставлению платного проезда по автомобильной дороге М-4 «Дон», виновным в инциденте, в результате которого автомобиль столкнулся с диким животным, что привело к причинению имущественного вреда². Анализ судебного акта показывает, что для констатации вины в форме неосторожности было достаточно факта причинения вреда.

Среди концепций вины рассматривается стандарт разумного человека (*reasonable test*) [12, с. 56], который вызвал особенно оживленную дискуссию среди ученых и судей разных правовых порядков. В контексте российской судебной практики по деликтной ответственности суды редко используют данный тест. Суды предпочитают использовать традиционные подходы к установлению вины, ориентируясь на конкретные факты дела и применяя нормы законодательства без активного использования более сложных теоретических моделей. На наш взгляд, главная проблема применения такого теста заключается в том, что все люди подвержены ошибкам. Как оценить ситуацию, в которой любой человек на месте правонарушителя мог бы совершить тот же проступок, если все тесты строятся на предположении об идеальном, никогда не ошибающемся человеке? Это создает сложности при применении стандартов, которые не учитывают человеческие ошибки и реальную способность к предвидению последствий своих действий, что может привести к несправедливым результатам в правоприменительной практике. Право не должно и не может создавать из человека Геркулеса (по Р. Дворкину), в ином случае мы будем мерить ятрогенные деликты по стандарту врача в частной клинике, где всегда есть персонал, врачи не ограничены во времени обследования, средствах и много отдыхают. Средний человек не способен на причинение вреда, поэтому насколько справедливо мерить тех, для которых создано право деликта и ответственности с тем, для кого данной правовой парадигмы не существует? Оценка поведения лица на основе объективной вины, осуществляемая путем сопоставления с заранее установленным судом абстрактным трафаретом, невозможно без анализа субъективных факторов: знаний правонарушителя, его возможностей, границ свободы действий, а также профессиональных и личностных качеств. Без учета этих элементов перенос ситуации на абстрактную модель превращается в безапелляционный иллюзорный процесс очерчивания границ трафарета, лишенный реальной связи с обстоятельствами дела (как это происходит сейчас в судебной практике из-за презумпции вины).

Методы и материалы

Наиболее распространено раскрытие вопроса о категории вины в деликтном праве посредством исторического или формально-юридического анализа. При этом их применение, как правило, игнорирует эмпирические данные, что сводит вину к сугубо теоретической дискуссии [13, с. 117]. Тогда как любые

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. СПС КонсультантПлюс.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 14-КГ24-15-К1 от 22.10.2024. СПС КонсультантПлюс.

юридические понятия в гражданском праве, включая вину, являются интерпретативными, т. е. их понимание зависит от интерпретатора или интерпретирующего сообщества [14, р. 225–227; 15, р. 25; 16, р. 45]. Сколько-нибудь юридически значимую интерпретацию юридическому понятию дает именно суд, чем объясняется особое внимание автора к судебной практике. В настоящей статье мы предпримем попытку преломить достижения постклассической теории права к пониманию вины, используя ее методологию. Особое внимание будет уделено методу деконструкции (по Ж. Деррида), согласно которому, в первую очередь, нельзя сводить вину только к устоявшимся постулатам: виновен / не виновен или умышленно / неосторожно.

Результаты

Установление умышленной вины

Характеристика умысла не представлена в нормативных актах и весьма поверхностно раскрывается в юридической литературе. Выходит, что более ясный ответ может быть обнаружен только в судебных текстах.

1. В подавляющем большинстве случаев суды констатируют умышленную вину **автоматически**. В частности, вина квалифицируется в качестве умышленной тогда, когда умысел (прямой или косвенный) установлен:

- вступившим в законную силу обвинительным приговором³;
- вступившим в законную силу постановлением суда по делу об административном правонарушении⁴.

Это, как нам представляется, игнорирует позицию Конституционного Суда РФ о том, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения; иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности⁵.

С другой стороны, Верховный Суд РФ, хотя и следуя приведенной правовой позиции, в решениях по гражданским делам смешивает различные виды юридической ответственности, усматривая противоречие между выводом о гражданско-правовой вине лица и наличием постановления о прекращении уголовного дела. Нижестоящие суды в этом вопросе остаются на своей позиции, строго принимая во внимание именно конституционно-правовые предписания⁶. Очевидно, что мотивировочная часть судебного решения в таких случаях должна содержать процесс установления гражданско-правовой виновности или невиновности лица, но не указание на противоречие между тем, что уголовное дело прекращено, а в гражданском деле установили вину.

В другом деле Верховный Суд РФ также мотивировал отмену судебного акта нижестоящей инстанции тем, что уголовное дело не возбуждалось, обвинительный приговор не выносился, но гражданско-правовая ответственность все же была⁷.

Хотя такая практика не является единичной⁸, в массиве правоприменительных решений имеются исключительные случаи, когда Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ подчеркивает обязанность суда устанавливать вину в гражданском процессе самостоятельно, не придавая заранее установленной силы в этом вопросе судебным решениям запретительных отраслей права, в том числе постановлению по делу об административном правонарушении⁹.

Труднее сказать об установлении вины по гражданскому делу при наличии процессуального документа о прекращении уголовного дела в связи с освобождением от уголовной ответственности, т. е. на основании главы 11 УК РФ. Такие случаи довольно распространены и могут быть сведены к 4 основаниям: деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещение ущерба (ст. 76.1 УК РФ), назначение судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). В перечисленных случаях уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям,

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4-КГ23-88-К1 от 23.01.2024; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ22-106-К4 от 07.02.2023; Определение Пермского краевого суда по делу № 33-2560/2023 от 28.02.2023; Решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-47657/2022 от 21.02.2023; Определение Саратовского областного суда по делу № 33-9045/2022 от 08.11.2022; Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14487/2023 от 05.09.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ23-223-К4 от 23.01.2024; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 48-КГ22-16-К7 от 12.07.2022; Определение Иркутского областного суда по делу № 33-10658/2023 от 11.12.2023; Определение Белгородского областного суда по делу № 33-4117/2023 от 22.08.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса РФ, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ, статьи 199.2 Уголовного кодекса РФ и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лыска и А. Н. Сергеева. Постановление Конституционного Суда РФ № 39-П от 08.12.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4-КГ23-88-К1...

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ22-106-К4...

⁸ Решение Ленинский районного суда г. Саранска по делу № 2-2368/2023 от 11.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 78-КГ24-1-К3 от 01.04.2024. СПС КонсультантПлюс.

т. е. в действиях обвиняемого (подозреваемого) имеет место основание уголовной ответственности – все признаки соответствующего состава преступления, включая вину (ст. 8 УК РФ). В таком случае лицо не осуждено и не оправдано, но освобождено от ответственности, к тому же «говорить об освобождении от уголовной ответственности можно лишь тогда, когда эта ответственность существует, т. е. когда есть от чего освободиться» [17, с. 83].

В связи с этим следующая позиция является обоснованной применительно лишь к вышеуказанным статьям уголовного закона: Уголовное преследование в отношении ответчика прекращено не по реабилитирующему основанию, с чем ответчик был согласен при рассмотрении уголовного дела, не настаивая на прекращении производства по иным – реабилитирующим основаниям, соответственно, довод ответчика о том, что она не была признана виновной в совершении преступления, признан не имеющим правового значения для настоящего дела¹⁰.

Здесь же стоит отметить не абсолютность этого правила для разрешения гражданских дел ввиду особенностей уголовно-правового регулирования. Так, прекращение уголовного дела в связи с истечением давности (ст. 78 УК РФ) не всегда указывает на наличие признаков состава преступления в действиях лица, хотя по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ) данное основание является нереабилитирующим. Более того, в науках криминального цикла ведутся споры о необходимости признания данного основания в качестве реабилитирующего. Некоторым компромиссом стало недавнее введение ч. 2.1 ст. 27 УПК РФ с целью реализации Постановления Конституционного Суда РФ № 33-П от 18.07.2022¹¹. Новая норма гласит, что если лицо возражало против прекращения уголовного дела в связи с истечением давности и в период продленного

срока расследования вина лица не была установлена, то уголовное дело прекращается по реабилитирующему основанию. Это еще раз подчеркивает, что в гражданском деле суды не имеют оснований ни для автоматического установления вины, ни для констатации ее отсутствия, т. к. прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям суть уголовной политики, цель которой не сводится к определению виновности или невиновности лица.

На наш взгляд, в случае если уголовное дело было прекращено по основаниям, не связанным с истечением давности, стандарт опровержения вины будет гораздо выше. Иными словами, суд имеет возможность приписать виновность лица, если иное не будет доказано вне разумных сомнений в гражданском процессе ответчиком (в условиях презумпции вины в деликтном праве). По гражданским делам, в которых лицо является ранее освобожденным от уголовной ответственности в связи с истечением давности, судам следует устанавливать вину самостоятельно, а материалы уголовного дела могут служить лишь письменными доказательствами¹².

2. В случае если в отношении лица не были приняты процессуальные решения в рамках уголовного или административного процессов, суды устанавливают **умысел, исходя из параметров нарушения стандартов поведения**. Умысел принято связывать с тем, что лицом не предприняты никакие меры заботливости и осмотрительности с учетом дополнительных обстоятельств (продолжительность правонарушения, общественная опасность, очевидность)¹³.

В этой связи суды нередко постулируют нормы УК РФ о признаках умышленной вины без какого-либо гражданско-правового объяснения. В частности, можно встретить следующие рассуждения правоприменителей: под умыслом понимается предвидение вредного результата противоправного действия и желание (либо сознательное допущение) наступления последствий¹⁴.

¹⁰ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-21928/2023 от 08.11.2023; Постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 33-2996/2023 от 21.02.2023; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-33319/2022 от 31.01.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова. Постановление Конституционного Суда РФ № 33-П от 18.07.2022. СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 55-КГ22-6-К8 от 31.01.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹³ «допущенные ответчиком нарушения носили массовый характер ввиду предложения к продаже в сети Интернет, что позволило привлечь широкий круг потребителей, а также высокую степень общественной опасности по причине предложения к продаже несертифицированного товара неизвестного происхождения, истцом был зафиксирован длящийся характер нарушения, а также не совершения каких-либо действий по прекращению нарушения исключительных прав истца, что также свидетельствует об умышленности действий»: Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-184517/2018 от 18.09.2019; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-166839/2018 от 08.04.2019; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-169068/2018 от 23.01.2019. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А06-11385/2019 от 17.10.2023; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А32-57529/202 от 11.09.2023; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-17003/2023 от 06.06.2023; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А48-9288/2022 от 27.03.2023; Постановление Арбитражного суда Центрального округа по делу № А64-7394/2018 от 15.09.2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А50-177/2018 от 20.12.2018; Решение Центрального районного суда города Волгограда по делу № 2-3871/2023 от 13.09.2023. СПС КонсультантПлюс.

В иных случаях со ссылкой на аналогию закона (ст. 6 ГК РФ) суды приводят в полном объеме положения ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно»¹⁵ и описывают вину в ее уголовно-правовом понимании.

Примечательно, что анализ судебной практики показывает стремление правоприменителей исключить умышленный характер вины, если:

- приговором или решением суда по делу об административном правонарушении не был установлен умысел¹⁶;
- когда имелось ненадлежащее исполнение обязанностей («По мнению судов, умысел ответчика выражается в нарушении требований Закона о банкротстве. Однако указанное не означает, что нарушение им названных обязанностей, а также иных требований закона само по себе свидетельствует о наличии в его действиях вины в форме умысла»)¹⁷;
- или при таком поведении лица, которое просто не соответствует необходимому стандарту [18] (как это было в деле о привлечении арбитражного управляющего к ответственности за причиненные убытки кредиторам в результате того, что его действия отклонялись от стандарта поведения обычного арбитражного управляющего, что, по мнению судов, свидетельствует о грубой неосторожности, а не об умысле)¹⁸.

Анализ судебной практики показывает, что нет оснований утверждать, что суды придерживаются исключительно субъективной или объективной концепции вины при установлении умысла, поскольку в правовой действительности применяется сочетание обеих концепций без строгого их разграничения [19, с. 256]. Многими зарубежными авторами признано, что концепции вины и ее элементы могут дублировать друг друга [20, р. 23]. Так, на это обращал внимание Апелляционный суд Англии и Уэльса, отмечая, что «все эти тесты неизбежно пересекаются»¹⁹.

Нам действительно важны внешние проявления, выражающиеся в фактических действиях лица, совершающего правонарушение. Причинитель вреда может утверждать, что он не хотел совершать неправомерное действие, более того, он даже мог действительно не хотеть наступления негативных

последствий, но обстоятельства конкретного дела могут свидетельствовать об обратном. Об этом же пишут J. K. Robbennolt и V. P. Hans, отмечая, что в деликтном праве действия, совершаемые с желанием произвести эффект, и действия, совершаемые со знанием того, что эффект наверняка наступит, рассматриваются как равнозначные для целей умышленных деликтов. Согласно этому правилу, Н. признается ответственным за умысел (при нанесении побоев), т. к. очевидно, что Н. в значительной степени был уверен, что его действия вызовут соответствующие последствия (причинения вреда здоровью), даже если это и не входило в его цели, желания [21].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда указано: «Суд апелляционной инстанции также не проанализировал то обстоятельство, что Галышев **в силу своего возраста** осознавал, что в случае неблагоприятного падения семимесячного ребенка и соударения его различными частями тела с поверхностью земли у ребенка могли образоваться повреждения различной степени тяжести, которые как по отдельности, так и в совокупности могли сопровождаться развитием угрожающих жизни состояний и повлечь наступление смерти потерпевшего»²⁰ (прим. – выделено автором). Как можно заметить, в данном случае используется объективная концепция, согласно которой выбрасывание младенца из окна неминуемо влечет смерть, что свидетельствует об умысле. Выкидывание чего-либо может привести к разрушению, не говоря уже о выкидывании ребенка. В этом деле четко проявляется формула умысла, которая заключается в следующем: осознание лицом упреčnosti собственного поведения (приписывается судами презумптивно), предвидение реальной возможности наступления последствий (приписывается судами презумптивно) на основании ожиданий третьих лиц [22]. Следовательно, все субъективные составляющие вины судами приписываются, даже если на самом деле лицо не предвидело возможных последствий своих действий, что еще раз подчеркивает сложность понятия вины. Если мы представим, что описанное нами дело стало предметом рассмотрения гражданского суда о взыскании вреда, причиненного преступлением, то, как мы можем утверждать из результатов

¹⁵ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-25746/2022 от 08.02.2023; Определение Верховного суда Республики Татарстан по делу № 33-1249/2020 от 13.02.2020; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А71-14714/2019 от 17.08.2020; Постановление Третьего кассационного суда по делу № 8Г-1333/2024 от 14.02.2024; Определение Иркутского областного суда по делу № 33-9531/2018 от 01.11.2018; Определение Верховного суда Чувашской Республики по делу № 33-460/2018 от 07.02.2018; Решение Арбитражного суда Липецкой области по делу № А36-210/2020 от 23.06.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-5143/2023 от 31.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № 309-ЭС17-4796 от 16.08.2017. СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 310-ЭС17-4393 от 17.08.2017. СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Court of Appeal of England and Wales, *Roe v Minister of Health* [1954] 2 QB 66. Legal reference system "Legal Data".

²⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 45-УДП23-31К7 от 23.08.2023. СПС КонсультантПлюс.

обобщения судебной практики, установление вины свелось бы к констатации вступившего в силу приговора суда, а значит, и о наличии состава деликта без выяснения вины при достаточном доказательстве самой противоправности.

Для избежания простого постулирования представляется необходимым показать, как это работает с позиции социального конструирования правовой реальности [23, с. 70]:

- 1) в большинстве приговоров «уголовная» формула вины подробно не описывается судами, которые опускают даже нормативно установленные признаки по ст. 25 (умысел) и ст. 26 (неосторожность) УК РФ. Вывод об умысле или неосторожности для целей возложения уголовной ответственности, как показывает анализ судебной практики, делается на основании фактических обстоятельств дела;
- 2) большинство решений по гражданским делам, где описывается умышленная форма вины, представляют собой изложение фактических обстоятельств, которые уже были установлены в рамках предшествующего цивилистическому процессу, указывая на противоправность, которой достаточно для признания лица ответственным за совершенный деликт;
- 3) простое несоблюдение стандартов достаточно для возложения ответственности, но недостаточно для определения степени ответственности, на которую влияет умышленная форма вины. Установление же умысла происходит через подробный анализ фактических обстоятельств, которые, по сути, выражаются в описанной ранее формуле. Так, суд установил, что у правонарушителя было осознание (знание) совершаемого деяния (приписывание), а именно продажа несертифицированного товара неизвестного происхождения под чужим товарным знаком, т. к. продавал его именно он; предвидение негативных последствий (приписывание), заключающееся в том, что любой и каждый при использовании товарного знака, принадлежащего другому лицу, на нелегализованных товарах приводит к уменьшению деловой репутации, а также к ущербу правообладателя, тем более когда такие действия носят массовый характер; лицо не исключало возможность наступления последствий (приписывание) по причине своего поведения, предвидело их (приписывание), что подтверждает длящийся характер нарушения и знание о высокой деловой

репутации владельца товарного знака²¹. Снова все субъективные составляющие лишь приписываются, а вина строится на изложении фактических обстоятельств, которые противоречат нормам-запретам, ожиданиям третьих лиц.

Как пишет Р. А. Duff, четкого деления между *actus reus* и *mens rea* нет, поскольку каждый раз, когда мы пытаемся найти в этом четкую дихотомию, то приходим лишь к проблемам ввиду того, что сами по себе человеческие действия для права ничего не означают, как и воля в отрыве от действия. Нажатие выключателя без осознания того, что тем самым лицо приводит в действие бомбу, не свидетельствует о его виновности, которая доказывается объективными фактами (доказательства знания лица о взрывном устройстве, информационная осведомленность), как и наоборот: осознание и желание взорвать бомбу в отрыве от объективно направленных на это действий остается юридически безразличным [24, с. 202; 25, с. 226].

На этом делает акцент Д. В. Дождев в одной из своих последних работ, которая посвящена умыслу в договорной ответственности, а именно: «Нормативные ожидания кредитора на психологическом уровне проявляются как доверие, но выходят далеко за рамки индивидуальной психики. Они относятся к социальному уровню личности, к сфере регулирования, нормирования и обладают **формальной экзистенцией**» (прим. – выделено автором) [26, с. 45]. На наш взгляд, данный вывод полностью применим к умыслу в деликтах. Более того, в высказывании Д. В. Дождева отмечено самое важное – неуловимая игра субъективного и объективного в вине, где объективное воплощает в себе субъективные проявления правонарушителя. Поэтому вывод, который можно встретить во многих работах, о том, что субъективная и объективная концепции вины не применимы к одному и тому же деликту, с нашей точки зрения, является спорным.

Это же подтверждает Конституционный Суд РФ, когда пишет, что «умышленно лишь в тех случаях, когда на основе обстоятельств, свидетельствующих об **очевидности** для должностных лиц (работников) юридического лица, ответственных за исполнение данных требований, противоправности их действий (бездействия) и о возникновении, в связи с этим реальной угрозы»²² (прим. – выделено автором). Та самая объективная очевидность как раз свидетельствует об умысле правонарушителя, но что понимается под *объективно очевидным*? На наш взгляд, указанное ассоциируется с законодательными запретами, поскольку преобладающее число гражданских дел,

²¹ Постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда по делу № А78-8004/2023 от 28.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²² По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот». Постановление Конституционного Суда РФ № 39-П от 21.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

в которых был установлен умысел, основаны на том, что это же лицо ранее было привлечено к ответственности за нарушение уголовно-правового запрета, установленного конкретной нормой особенной части УК РФ. Аналогично в гражданском праве – нарушение запрета, скорее всего, будет свидетельствовать об умысле. Верно пишут Н. Kozioł и соавторы о том, что намерение (умысел) лица в причинении вреда считается установленным, если лицо знало, что действие является запрещенным и такое действие может причинить вред [27, с. 601].

Дифференциация видов умысла в деликтном праве обычно не проводится. Суды рассматривают как прямой, так и косвенный умысел в уголовном праве как единый умысел в деликтном праве. Однако в некоторых случаях встречаются исключения:

- «была установлена вина Васильева А. И., равно как и наличие косвенного умысла»²⁵;
- «усматриваются признаки вины работников... в форме умышленного бездействия (косвенного умысла), так как, неоднократно запуская насос при закрытой заглушке манифолда в нарушение инструкций, указанные лица допускали наступление опасных последствий в виде аварии»²⁴;
- «отсутствие прямого либо косвенного умысла на причинение истцу вреда здоровью, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, суд считает необходимым снизить размер компенсации морального вреда»²⁵;
- «учитывает вину ответчика, который, усматривая на товаре товарный знак, мерк к установлению его владельца не предпринимал, что свидетельствует об умышленном характере его вины с косвенным умыслом, поскольку лицо знало и понимало, что использует товарный знак, на который ему не было предоставлено прав, но сознательно допускал возможность реализации товара без разрешения собственника»²⁶;
- «Есин Д. С. не мог не осознавать с учетом сферы его полномочий, в которые входили действия по осуществлению должного контроля финансовых операций обществ, противоправного характера своих действий, предвидение возможности наступления вредных последствий и желание (прямой умысел) или сознательное допущение (косвенный умысел) их наступления. Соответственно, допущенные бездействия Есина Д. С. в такой ситуации обладают умыслом»²⁷.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что умысел в деликтном праве – это не только субъективная концепция. О начале вины можно утверждать лишь в контексте приписывания судами таких терминов, как *предвидел, осознавал, хотел*, которые на самом деле не имеют практического значения, а используются в силу традиции необходимости их отражения в тексте судебного решения. Конструирование умысла происходит через объективные обстоятельства дела. Если институт преюдиции основывается на возможности использования установленных фактических обстоятельств из уголовного дела, то в сочетании с презумпцией вины в деликтном праве умысел становится эфемерной категорией.

Установление неосторожной вины

Неосторожность является типичным видом вины в деликтном праве, умысел скорее исключение из общего правила. В судебной практике принята позиция, что неосторожная вина следует из такого поведения, при котором причинителем вреда проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности. Вместе с тем такой ход мысли может привести лишь к преждевременным и в некоторых случаях ошибочным выводам. Например, находясь в своей квартире на пятом этаже здания, не желая выносить колесо от автомобиля, лицо начинает сбрасывать его из окна. Представим, что с заметным криком из окна лицо предупредило всех окружающих: *Берегись, кидаю колесо!* Сброшенное из окна колесо от соударения с поверхностью земли отпрыгивает и падает на ребенка, причиняя ему смерть. Мгновенно действие, начинавшееся как попытка избавиться от неудобства, оказывается деликтом. Лицо предприняло минимальную степень заботы путем предупреждения окружающих. Однако ожидаемо, что сбрасывание тяжеловесного колеса в людный двор содержит в себе реальную возможность причинения смерти человеку. Надежда на предотвращение вреда не основана на реальных обстоятельствах, способных предотвратить последствие [28, с. 88].

Более того, данная концепция вызывает много вопросов: какие предпринятые меры можно отнести к тем, которые могут быть учтены в качестве юридически значимых; что такое минимальная степень и как в каждом случае она определяется?

1. **Установление грубой неосторожности.** Суды при определении грубой неосторожности прибегают к доктрине, воспроизводя в судебных актах такие идеи: «по абстрактному мерилу вины под грубой

²⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А56-110625/2017 от 08.10.2018. СПС КонсультантПлюс.

²⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-73235/2016 от 07.10.2016. СПС КонсультантПлюс.

²⁵ Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска по делу № 2-2393/2023 от 27.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²⁶ Постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда № А78-8004/2023 от 28.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда по делу № А46-5666/2023 от 27.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

неосторожностью потерпевшего следует считать такое поведение лица, при котором отсутствует та минимальная степень заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого обычного разумного человека, и непринятие им очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях предотвращения наступления вреда»²⁸.

К минимальной степени и очевидным мерам также добавляются:

- нарушение очевидных правил поведения, не требующих специальных познаний в определенных сферах жизнедеятельности²⁹;
- действия, которые заведомо для лица создают явную угрозу наступления негативных последствий³⁰;
- явная неосмотрительность³¹.

Обозначенные маркеры помогают судам описывать случаи, когда нарушаются четко закрепленные требования, в том числе:

- правила дорожного движения («грубая неосторожность – не проявление лицом той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника имущественного оборота, оказавшись он на месте должника, и непринятие должником очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях избежания отрицательных последствий. В данном случае водитель понимал или должен был понимать, что нарушение им правил дорожного движения способно повлечь наступление вредных последствий, однако он самонадеянно рассчитывал избежать таких последствий»)³²;
- различные правила безопасности («проявив грубую неосторожность: "не проявление той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника

имущественного оборота и непринятие очевидных мер", а именно, не убедившись в выключении газовой плиты, то есть, нарушив правила противопожарной безопасности»)³³;

- правила содержания животных (ослабление контроля за поведением собак, выпас скота вблизи электропередач)³⁴, содержания трассы для лыжни³⁵, а также коммунальные, строительные правила и правила охраны труда³⁶.

Как можно заметить, суды при установлении грубой неосторожности в принципе не устанавливают предпринятые правонарушителем меры, тем более их степень, как на то указывает ПП ВС РФ № 7.

При установлении грубой неосторожности суды анализируют типичность совершенного проступка, а затем приписывают указанное к предвидимости:

- «предполагает предвидение лицом большой вероятности наступления вредоносных последствий своего поведения и наличие легкомысленного расчета, что они (такие последствия) не наступят»³⁷;
- «грубая неосторожность со стороны собственника имущества предполагает не просто нарушение требований заботливости и осмотрительности, а несоблюдение элементарных, простейших требований, характеризующееся безусловным предвидением»³⁸;
- «грубая неосторожность предполагает предвидение большой вероятности наступления вредоносных последствий и наличие легкомысленного расчета, что они не наступят»³⁹.

Причинение вреда здоровью третьему лицу в результате нарушения ПДД действительно является классическим примером грубой неосторожности, т.к. это типичное правонарушение, а автоделикты

²⁸ Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А53-12645/2008 от 24.02.2009. СПС КонсультантПлюс.

²⁹ Решение Петрозаводского городского суда (Республика Карелия) по делу № 2-290/2024 от 18.01.2024. СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Решение Ленинского районного суда города Самары по делу № 2-4820/2023 от 12.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

³¹ Решение Промышленного районного суда города Владикавказа по делу № 2-239/2016 от 23.02.2016. СПС КонсультантПлюс.

³² Постановление Седьмого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-22499/2023 от 19.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

³³ Постановление Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-354/2012 от 06.02.2012. СПС КонсультантПлюс.

³⁴ Решение Нефтекамского городского суда (Республика Башкортостан) от 26.10.2010 (б/н); Постановление Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-1779/2024 от 13.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

³⁵ Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14281/2022 от 26.06.2022. СПС КонсультантПлюс.

³⁶ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-16357/2023 от 12.09.2023; Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14281/2022...; Решение Вологодского городского суда по делу № 2А-10070/2023 от 13.11.2023; Решение Белебеевского городского суда (Республика Башкортостан) по делу № 2-1456/2023 от 15.12.2023; Определение Северского городского суда (Томская область) по делу № 11-39/2023 от 06.04.2023; Определение Самарского областного суда по делу № 33-714/2024 от 13.02.2024; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-488/2024 от 06.02.2014. СПС КонсультантПлюс.

³⁷ Решение Ногинского городского суда (Московская область) по делу № 2-55/2022 от 03.02.2022. СПС КонсультантПлюс.

³⁸ Решение Центрального районного суда города Прокопьевска (Кемеровская область) по делу № 2-891/2023 от 12.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

³⁹ Определение Московского областного суда по делу № 33-9540/2023 от 20.03.2023; Решение Городецкого городского суда (Нижегородская область) по делу № 2-1172/2021 от 07.10.2021; Решение Сокольского районного суда (Вологодская область) по делу № 2-19/2024 от 13.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

часто приводят к последствиям, которые предсказуемы для большинства участников оборота. Однако действия делинквента, такие как уверенность в контроле над ситуацией, полагание на отсутствие пешеходов и наличие большого водительского стажа, говорят о том, что умысел отсутствует. Но насколько правильно утверждать это, если последствия автокатастроф, как правило, ожидаемы с более тяжкими последствиями, включая смерть третьих лиц? Могут ли подобные меры предосторожности определять форму вины? Почему в этой ситуации субъективная концепция вины преобладает над объективной (мы считаем, что у правонарушителя не было ни намерения, ни желания, ни знания о последствии в виде смерти), хотя такие фразы, как *предвидел* или *осознавал*, только приписываются судами из-за невозможности их объективной проверки? Или же признак случайности в этом контексте действительно свидетельствует об отсутствии умысла? Кроме того, следует ли считать смерть третьего лица в результате нарушения ПДД типичным, атипичным или вероятностным последствием для умышленного нарушения правил дорожного движения?

Здесь возникает и другой вопрос, связанный с положениями п. 1 ст. 1079 ГК РФ, т. е. со строгой ответственностью, при которой вина, казалось бы, не должна устанавливаться судом, однако обобщение правоприменительной практики свидетельствует об обратном. Объяснить это могут ряд причин:

- формальное воспроизведение материалов уголовного дела или дела об административном правонарушении;
- вина не является условием деликтной ответственности, а влияет на определение размера ответственности.

Установление вины при строгой ответственности может иметь значение исключительно для определения размера ответственности. Об этом обоснованно пишут J. K. Robbennolt и V. P. Hans, указывая, что степень, виды и тяжесть оснований для привлечения лица к ответственности являются важными для определения объема ответственности (*extent of liability*). Авторы приводят следующий пример: курьер либо случайно (потому что он забыл, что в грузовике была включена задняя передача), либо умышленно (потому что он разозлился на собственника дома) въехал на своем грузовике в дом, причинив ущерб, который страховая компания оценила примерно в 1000 долларов. Данный случай был предложен для обсуждения

участникам социального исследования. В результате чего ими был определен размер ответственности в 1732,14 доллара для намеренно причинившего вред курьера и 792,86 доллара для курьера, причинившего вред ненамеренно [29, с. 46]. Об этом есть некоторые рассуждения и в российской литературе, в том числе о признании необходимости учета вины либо для обоснования размера ответственности [30, с. 412], либо для его опровержения [31, с. 42].

На текущий момент нет исследований, которые бы подтвердили на конкретных схожих фактических обстоятельствах при неодинаковых формах вины разный размер ответственности. Типичные случаи, в которых суды указывают на учет таких обстоятельств, относятся к делам о взыскании компенсации морального вреда (в силу прямого указания п. 2 ст. 1101 ГК РФ)⁴⁰. Более редкими служат ситуации, когда суды учитывают степень вины, в том числе простой характер неосторожности⁴¹; приводят рассуждения об отграничении простой неосторожности от грубой для изменения размера ответственности⁴² и другие обстоятельства⁴³.

Итак, ключевыми признаками грубой неосторожности в судебной практике можно назвать: а) наступление последствий или угроза их наступления, которые типично ожидаемы третьими лицами; б) нарушение (отклонение от ожидания) конкретных (однозначных) правил и инструкций; в) типичность нарушения. Однако указанные признаки могут быть подвергнуты деконструкции.

2. Установление простой неосторожности.

Понятие *легкая неосторожность* используется, прежде всего, в научных изысканиях [32; 33, с. 107], тогда как в практике, как мы видим, такая вина обозначается синонимичными понятиями *простая неосторожность*, *простая небрежность*, *небрежность*, под которыми понимается менее упречное, чем грубо неосторожное поведение.

Относительно содержания всех этих понятий выработан общий консенсус. Так, Верховным Судом РФ простая неосторожность определяется отсутствием требуемой при определенных обстоятельствах внимательности, предусмотрительности и заботливости⁴⁴, что не вносит определенности, т. к. это же понятие применяется для всех других видов вины. Нижестоящие инстанции отталкиваются от следующего тезиса при понимании простой неосторожности: «При грубой неосторожности нарушаются обычные, очевидные для всех требования, предъявляемые к лицу, осуществляющему

⁴⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 78-КГ24-1-КЗ...

⁴¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области № А60-21377/2011 от 21.10.2011. СПС КонсультантПлюс.

⁴² Решение Центрального районного суда г. Новосибирска № 2-4868/2014 от 13.11.2014. СПС КонсультантПлюс.

⁴³ Определение Тюменского областного суда № 33-5160/2021 от 06.10.2021. СПС КонсультантПлюс.

⁴⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ21-135-К4 от 17.12.2021. СПС КонсультантПлюс.

определенную деятельность. При простой неосторожности, наоборот, не соблюдаются повышенные требования»⁴⁵.

В отдельных судебных актах приведенное понимание дополняется такими признаками, как:

- недостаточность осмотрительности и внимательности («лицо проявляло некоторую осмотрительность и внимательность, однако недостаточную для того, чтобы избежать причинение вреда»⁴⁶);
- вмененное долженствование («ответчик не желал причинить истцу страдания, но мог и должен был предвидеть, что его действия повлекут нравственные страдания истца»⁴⁷);
- обыкновенность неосмотрительности («к простой неосторожности следует относить обычную неосмотрительность, опрометчивость, легкомыслие в предотвращении, избегании какой-либо опасности»⁴⁸; «при грубой неосторожности проявляется явная неосмотрительность, а при простой неосторожности неосмотрительность не носит явно выраженного характера»⁴⁹).

Описание простой неосторожности судами в большинстве случаев совпадает. Исключение составляют редкие практики, когда такое описание является хаотичным и неопределенным из-за смешения несоотносимых признаков. Например, при определении простой неосторожности через уголовно-правовую категорию *легкомыслия* (грубая неосторожность), а также в случаях приписывания предвидения очевидных последствий (характерных умыслу) простой неосторожности.

Нередко простая неосторожность интерпретируется через отождествление с уголовно-правовой категорией *небрежность*⁵⁰ (наименее упречный вид неосторожности в уголовном праве), закрепленной в ч. 3 ст. 26 УК РФ.

На наш взгляд, простую неосторожность следует рассматривать в тех случаях, когда лицо предприняло меры, которые, по его мнению, были достаточными для предотвращения негативных последствий, но последствия все равно наступили. При этом, исходя из норм законодательства и (или) ожиданий третьих лиц, делинквент должен был предпринять другие действия и (или) гораздо в большем количестве. Важно к тому же учитывать конкретные обстоятельства, включая объективные характеристики причинителя вреда, такие как образование, опыт, а также обстановку, в которой произошел деликт. Обращение к названным обстоятельствам, как нам видится, отнюдь не предопределяет субъективный характер вины в гражданском праве. Поскольку повышение размера ответственности, например, за деликт именно по той причине, что его совершил профессионал, отражает учет объективно существующих обстоятельств.

В частности, суд, процитировав ранее вынесенный по тому же факту приговор, указал, что врач «проявляя преступную небрежность, не предвидел возможности наступления общественно-опасных последствий своих бездействия и действий в виде смерти ФИО23, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, имея высшее медицинское образование, длительный стаж работы по специальности врача анестезиолога-реаниматолога, обладая для этого необходимыми знаниями и навыками, должен был и мог предвидеть эти последствия»⁵¹. Аналогично и в других решениях⁵².

Наиболее часто встречающийся в судебной практике деликт в виде совершения ДТП не исключает возможность установления у причинителя вреда простой неосторожности. Например, если вождение при соблюдении скоростного режима и иных правил дорожного движения было осложнено суровыми погодными

⁴⁵ Определение Кемеровского областного суда № 33-2388/2023 от 16.03.2023; Определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 33-1552/2023 от 06.03.2023; Решение Колпашевского городского суда (Томская область) № 2-13/2023 от 22.02.2023; Решение Норильского городского суда (Красноярский край) № 2-33/2023 от 17.01.2023; Определение Тюменского областного суда № 33-6286/2022 от 12.12.2022; Определение Хабаровского краевого суда № 33-7854/2022 от 01.12.2022; Определение Кемеровского областного суда № 33-10505/2022 от 08.11.2022; Определение Верховного суда Республики Башкортостан № 33-18809/2022 от 03.11.2022; Решение Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 2-3433/2022 от 03.11.2022; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-1239/2022 от 01.05.2022; Определение Московского областного суда № 33-2327/2021 от 20.01.2021; Постановление Первого Арбитражного апелляционного суда № А43-596/2020 от 26.10.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁶ Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 2-5543/2019 от 20.08.2019; Решение Первомайского районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 2-1609/2020 [М-1705/2020] от 09.11.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁷ Решение Октябрьского районного суда г. Владимира (Владимирская область) № 2-3319 от 29.09.2010. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁸ Определение Свердловского областного суда № 33-3533/2022 от 23.03.2022; Определение Пермского краевого суда № 33-8473/2021 от 06.09.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁹ Решение Заводского районного суда г. Орла (Орловская область) № 2-2931/2014 от 29.12.2014; Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 2-1826/2023 от 06.06.2023; Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) № 11-113/2018 от 22.06.2018; Определение Краснодарского краевого суда № 33-7240/2018 от 01.03.2018; Постановление 17-ого Арбитражного апелляционного суда № А50-20086/2013 от 15.05.2014; Постановление Четырнадцатого Арбитражного апелляционного суда № А05-8758/2010 от 13.01.2011. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵⁰ Определение Чкаловского районного суда № 11-7/2017 от 01.07.2017. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵¹ Решение Заволжского районного суда города Твери № 2-2785/2021 от 02.12.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵² Определение Владимирского областного суда № 33-2584/2020 от 02.09.2020; Определение Оренбургского областного суда № 33-1167/2020 от 13.02.2020; Определение Верховного суда Республики Башкортостан № 33-8238/2020 от 04.08.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

условиями, что стало условием возникновения аварии с причинением вреда здоровью, поскольку на водителя как профессионала возложен высокий стандарт осмотрительности. Отличие данного примера от ранее рассмотренного в контексте грубой неосторожности заключается в том, что лицо управляло автомобилем так, как оно это делает обычно, и не совершало типичного нарушения, такого как проезд на красный сигнал светофора. Однако действия в измененных условиях требовали другого поведения, которого водитель не выбрал.

Таким образом, возможность установления простой неосторожности – это оценка фактических обстоятельств дела, которые чаще всего связаны с тем, что неправомерное поведение обуславливается совокупностью внешних обстоятельств, которые не были учтены делинквентом при совершении поступка.

Заключение

Профессор частного права Оксфордского университета Н. Scott, исследующая предсказуемость в деликтном праве, утверждает, что обязанность заботы заключается в осуществлении разумно предсказуемого поведения [34, р. 287]. Стоит добавить, что предсказуемость или ожидания должны строиться с учетом исторического и социокультурного контекста правовой реальности. Вопрос об ожиданиях тесно связан с предвидимостью. Если мы должны оправдывать ожидания других относительно нашего поведения, то обязаны предвидеть последствия наших поступков, их влияние на третьих лиц, включая причинение вреда, который все признают таковым. На наш взгляд, эта идея часто упускается из виду в российском праве. Можно сделать вывод, что субъективная концепция вины ориентирована на делинквента как на субъекта, который должен соблюдать регулятивное правило. Она возлагает на него обязанности по знанию, предвидению и, в некоторых случаях, даже желанию, в отличие от объективной концепции вины, которая отражает во внешнем мире происходящее, не соответствующее ожиданиям общества и то, что способен оценить суд.

В действительности нельзя четко определить имманентные признаки вины. Это понятие релятивное (относительное), конвенциональное (как «договоряются» законодатели), оно суть – социальный конструкт, лишь отчасти отражающий некоторые социальные реалии: уничтожение чужого имущества; привлечение врача другой квалификации для операции из-за нехватки медицинского персонала; проезд на красный сигнал светофора, чтобы успеть на важную встречу, при этом те же действия могут быть совершены без вины, когда потерпевший сам просит уничтожить имущество; когда привлечение врача другой специальности было крайней необходимостью; когда красный сигнал светофора горит всегда из-за его неполадки.

В естественном состоянии нельзя представить вину; вина есть не что иное, как ряд признаков (субъективных и объективных), помогающих нам описать несоответствующее поведение, приводящее к нарушению субъективного права.

Презумпция вины, установленная в ст. 1064 ГК РФ, реализуется в качестве общего правила строгой ответственности, т. к. суды фактически освобождены от ее установления. В этой связи вина теряет свое значение условия деликтной ответственности в условиях отсутствия развитой системы страхования.

Для умышленной вины в деликтном праве субъективная концепция вины не свойственна, а ее словомаркеры (осознавал, предвидел, желал) приписываются судами для соблюдения традиции, за которой не следует какое-либо объяснение [35; 36]. В действительности умысел либо приписывается на основании уже вынесенного ранее судебного акта по уголовному или административному делу, что в совокупности с презумпцией вины в деликтном праве и преюдицией делает умысел эфемерной категорией. В иных случаях умысел определяется по фактическим обстоятельствам, через которые проявляется поведение причинителя.

Грубая неосторожность проявляется в типичных нарушениях, последствия которых ожидаемы третьими лицами. Однако делинквент, совершая действия, исходит из точно определенных обстоятельств, которые, по его мнению, могут предотвратить вредный результат. Этот вид неосторожности характерен для нарушений очевидных правил с четко установленной моделью поведения, таких как правила дорожного движения.

Простая неосторожность заключается в поведении лица, которое для него является привычным, но в силу изменившихся условий оно должно было предпринять иные меры или в большем количестве, однако эти меры не были предприняты.

Условное деление вины на умысел и неосторожность, включая грубую и простую, существует только в идеальных концепциях. В действительности дать точное определение каждой форме вины невозможно из-за их социальной конструируемости, что означает, что форма вины определяется в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела. Это требует ориентира исключительно на типичность наступивших последствий, характер поступка и внешние обстоятельства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Красавчиков О. А. Советское гражданское право. М.: Высш. шк., 1969. Т. 2. 533 с. [Krasavchikov O. A. *Soviet civil law*. Moscow: Vyscs. shk., 1969, vol. 2, 533. (In Russ.)]
2. Байбак В. В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте. *Закон*. 2016. № 10. С. 132–143. [Baibak V. V. General conditions of liability for breach of obligations of Article 401 of Russian civil code: Old rules in the new context. *Law*, 2016, (10): 132–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wymwoz>
3. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Киевский университет, 1955. 308 с. [Matveev G. K. *Fault in soviet civil law*. Kyiv: Kyiv University, 1955, 308. (In Russ.)]
4. Плотников В. А. Неосторожность как форма вины в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 26 с. [Plotnikov V. A. *Negligence as a form of fault in civil law*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1994, 26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlhzub>
5. Голубцова Ю. А. Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 30 с. [Golubtsova Yu. A. *Legal construction of fault in Russian civil law*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2015, 30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zprvqf>
6. Цитович П. П. Обязательства: конспект лекций по русскому гражданскому праву, читанных в Университете Св. Владимира П. П. Цитовичем: (весенний семестр 1887 г.). Киев: Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К, 1887. 104 с. [Tsitovich P. P. *Obligations: Lecture notes on Russian civil law, delivered at St. Vladimir University by P. P. Tsitovich (spring semester 1887)*. Kiev: Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K, 1887, 104. (In Russ.)]
7. Богданов Е. В. Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве. *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 4. С. 75–85. [Bogdanov E. V. Separate methodological problems of the evolution of guilt in civil law. *Lex Russica*, 2023, 76(4): 75–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.197.4.075-085>
8. Иваненко В. В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения. *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23. № 1. С. 7–70. [Ivanenko V. V. The content of fault in civil law: In search of an optimal solution. *Civil Law Review*, 2023, 23(1): 7–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-7-70>
9. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 239 с. [Fleishits E. A. *Obligations arising from harm and unjust enrichment*. Moscow: Gos. izd-vo iurid. lit., 1951, 239. (In Russ.)]
10. Севостьянова А. А. Вина в смысле, придаваемом ей судами. *Закон и власть*. 2024. № 5. С. 54–60. [Sevostianova A. A. Fault in the sense attributed to it by the courts. *Law and Authority*, 2024, (5): 54–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/exwrkc>
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с. [Habermas J. *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Nauka, 2000, 377. (In Russ.)]
12. Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с. [Krylov V. G., Romanov A. K. *Tort obligations and tort liability in the English, German and French law*. Moscow: Iustitsinform, 2017, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfkwj>
13. Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования. СПб.: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2018. 124 с. [Chestnov I. L. *Methodology and methods of scientific research*. St. Petersburg: SPbLI (b) UP RF, 2018, 124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypwgxb>
14. Dworkin R. *Justice of robes*. Cambridge: Harvard University Press, 2006, 320.
15. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2004, 24(1): 1–37. <https://doi.org/10.1093/ojls/24.1.1>
16. Dworkin R. *Law's empire*. Cambridge: Harvard University Press, 1986, 470.
17. Звечаровский И. Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2018. № 12. С. 81–87. [Zvercharovskiy I. E. Exemption from liability and punishment in Russian criminal law. *Courier of the university named after O. E. Kutafin*, 2018, (12): 81–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.081-087>
18. Зикун И. И. О профессиональном стандарте деятельности доверительного управляющего. *Закон*. 2024. № 2. С. 26–36. [Zikun I. I. On the professional standard of trustee conduct. *Law*, 2024, (2): 26–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-26-36>
19. Харламов А. Н., Пристенский В. Н. Вина, ответственность, право в контексте взаимоотношений личности с социумом (социально-философский аспект). *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014. № 1. С. 253–261. [Kharlamov A. N., Pristenskiy V. N. Blame, responsibility, law in the context of the relationship

- between an individual and the society (social-philosophical aspect). *Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia*, 2014, (1): 253–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzvvhvx>
20. Mulheron R. *Principles of tort law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 1204.
  21. Robbennolt J. K., Hans V. P. *The psychology of tort law*. NY: New York University Press, 2016, 320.
  22. Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. *Вестник гражданского права*. 2010. № 5. С. 171–215. [Pirvits E. E. Fault, chance, and force majeure in civil law. *Civil Law Review*, 2010, (5): 171–215. (In Russ.)]
  23. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2016. № 2. С. 62–93. [Chestnov I. L. Constructivist paradigm in law. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2016, (2): 62–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjujxv>
  24. Duff R. A. *Answering for crime: Responsibility and liability in the criminal law*. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2007, 342.
  25. Dyson M. *Explaining tort and crime: Legal development across laws and legal systems, 1850–2020*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, 448. <https://doi.org/10.1017/9781316534861>
  26. Дождев Д. В. Умысел (dolus) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности. *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23. № 5. С. 9–54. [Dozhdev D. V. Fraudulent intent (dolus) and "Human Nature" in the system of contractual liability. *Civil Law Review*, 2023, 23(5): 9–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-9-54>
  27. *Basic questions of tort law from a comparative perspective*, comp. Askeland B., Cardi W. J., Green M. D., Koziol H., Ludwichowska-Redo K., Menyhárd A., Moréteau O., Oliphant K., Yamamoto K. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015, 912.
  28. Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1968. 188 с. [Dagel P. S. Problems of fault in Soviet criminal law. Vladivostok: Dalnevostochnoe knizhnoe izdatelstvo, 1968, 188. (In Russ.)]
  29. Robbennolt J. K., Hans V. P. *The psychology of tort law*. NY: New York University Press, 2016, 320.
  30. Идрисов Х. В. Вина как условие деликтной ответственности: доктрина и правовое регулирование. *Наука и молодежь*: Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Грозный, 22 октября 2021 г.) Грозный: ЧГУ, 2021. С. 409–413. [Idrisov H. V. Guilt as a condition of tort liability: Doctrine and legal regulation. *Science and youth*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. of Students, Postgraduates and Young Scientists, Grozny, 22 Oct 2021. Grozny: CSU, 2021, 409–413. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36684/52-2021-1-409-413>
  31. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М: Статут, 2013. 133 с. [Shevchenko A. S., Shevchenko G. N. *Delictual obligations in Russian civil law*. Moscow: Statut, 2013, 133. (In Russ.)]
  32. Александров Г. А. Просрочка заказчика в договоре подряда. *Проблемы строительного права*, сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. Вып. 1. С. 30–74. [Alexandrov G. A. Delay of the customer in the contract. *Problems of construction law*, ed. and comp. Shcherbakov N. B. Moscow: Statut, 2022, iss. 1, 30–74. (In Russ.)]
  33. Дювернуа Н. Л. Конспект лекций по гражданскому праву. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1894. 402 с. [Duvernois N. L. *Lecture notes on civil law*. St. Petersburg: Tipo-lit. B. M. Volfa, 1894, 402. (In Russ.)]
  34. Scott H. The history of foreseeability. *Current Legal Problems*, 2019, 72(1): 287–314. <https://doi.org/10.1093/clp/cuz009>
  35. Белов В. А. Что такое предвидимость? *Закон*. 2019. № 3. С. 33–46. [Belov V. A. Foreseeability? *Law*, 2019, (3): 33–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zawbhv>
  36. Лухманов М. И. Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 222 с. [Lukhmanov M. I. *Model of delictual liability in situations of alternative causal uncertainty*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2022, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqvgho>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hyssgw>

Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации

Сырбо Владислав Анатольевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3685-5781

Крапивина Дарья Андреевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

postdaria42@gmail.com

Аннотация: В условиях стремительного технологического прогресса и повсеместного внедрения искусственного интеллекта в процесс создания различного рода произведений институты авторского и смежного права сталкиваются с новыми вызовами, требующими пересмотра устоявшихся правовых подходов. Цель – рассмотреть проблемы института авторства в контексте произведений, созданных с помощью алгоритмов и машинного обучения. Проанализированы существующие юридические рамки и новые модели, которые могли бы учесть специфику цифрового контента в правовом поле. Рассмотрен вопрос о том, за кем должно признаваться авторство на произведения, созданные искусственным интеллектом: за разработчиком искусственного интеллекта, пользователем, который инициировал процесс создания, задав соответствующий запрос роботу, или за самим юнитом искусственного разума. Уделено внимание проблеме автоматизированного процесса извлечения данных в цифровой среде, который создает повышенный риск нарушения авторских и смежных прав и часто приводит к спорам между правообладателями и пользователями. В результате установлено, что трансформация институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации является сложным и многогранным процессом, который бросает вызов законодателю и правоприменителям, вытесняя устоявшиеся подходы к правовому регулированию отношений, возникающих в сфере авторских и смежных прав.

Ключевые слова: авторское и смежное право, цифровая среда, искусственный интеллект, творческий характер деятельности, авторство на произведение, юнит искусственного интеллекта, использование информации, парсинг

Цитирование: Сырбо В. А., Крапивина Д. А. Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 161–172. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-161-172>

Поступила в редакцию 06.12.2024. Принята после рецензирования 20.01.2025. Принята в печать 20.01.2025.

full article

Transformations of Copyright and Neighboring Rights in the Digital Era

Vladislav A. Syrbo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3685-5781

Daria A. Krapivina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

postdaria42@gmail.com

Abstract: The rapid technological development has introduced artificial intelligence (AI) to creative industries. As a result, institutions of copyright and neighboring, or related, rights are facing new challenges that require new legal approaches. The authors examined various copyright issues connected with works of art generated with the help of digital algorithms and machine learning. The analysis of the current laws in this sphere revealed new models that could accommodate the specifics of digital content within the legal domain. The authorship of AI-generated works can belong to the developer of the AI, the user who initiated the process, or the AI unit itself. Automated data extraction increases the risk of infringement, often leading to disputes between rights holders and users. The transformation of copyright and related laws caused by digitalization is a complex and multifaceted process that challenges legislators and law enforcement agencies. It is bound to replace the current approaches to the copyright and neighboring rights.

Keywords: copyright and neighboring rights, digital environment, artificial intelligence, creative activity, authorship, AI unit, information use, parsing

Citation: Syrbo V. A., Krapivina D. A. Transformations of Copyright and Neighboring Rights in the Digital Era. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 161–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-161-172>

Received 6 Dec 2024. Accepted after review 20 Jan 2025. Accepted for publication 20 Jan 2025.

Введение

Институт авторского права играет большую роль в развитии сферы творчества и культуры, мотивируя авторов создавать свои произведения и предоставляя правовую охрану результатам их творческой деятельности. В условиях стремительного развития технологий, особенно в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ), авторское право столкнулось с новыми вызовами, в частности, в способах создания, распространения и использования произведений обнаружилось существенные новшества.

В настоящее время, по оценкам отдельных специалистов, мир переживает Четвертую промышленную революцию или же Индустрию 4.0. Четвертая промышленная революция – это концепция, описывающая текущую стадию технологического развития, которая изменяет способы производства, управления и взаимодействия в обществе [1, с. 33]. Данный термин был введен в оборот Клаусом Мартином Швабом, немецким экономистом, основателем и президентом Всемирного экономического форума в Давосе в его книге «Технологии Четвертой промышленной революции» [2, с. 9, 42]. В ней автор подчеркивает, что Индустрия 4.0 характеризуется слиянием физических, цифровых и биологических технологий, что приводит к значительным изменениям в экономике и обществе. Четвертая промышленная революция основана на быстром развитии технологий, таких как ИИ [3, с. 42–44].

Развитие и постоянное совершенствование технологий ИИ во многом облегчает решение задач, стоящих перед людьми в различных сферах жизни. Во-первых, оно в значительной степени способствует повышению эффективности работы путем автоматизации рутинных задач, позволяя тем самым несколько разгрузить людей и сосредоточиться на более творческих и стратегических аспектах своей деятельности. Во-вторых, ИИ способствует улучшению качества работы в сфере обслуживания, потому как высокотехнологичные автономные системы уже на данном этапе промышленной революции могут за короткий временной промежуток обрабатывать большое количество запросов пользователей и предоставлять им индивидуализированные рекомендации.

Помимо пользы, развитие технологий стало причиной множества неразрешенных по сей день сложностей в области авторского права. Одна из главных проблем – определение автора произведения, созданного технологиями ИИ. Кроме того, в настоящее время

существенно облегчен процесс доступа пользователей к произведениям ввиду их размещения в сети Интернет, что увеличивает опасность нарушения авторских прав, поскольку неограниченный круг пользователей получает возможность и новый инструментарий для копирования и распространения охраняемого контента без разрешения правообладателей.

Результаты

Определение авторства на произведения, созданные при использовании искусственного интеллекта

Технологии ИИ продолжают активно развиваться в самых различных сферах. Тем не менее правовой статус таких систем остается во многом неясным. Важно разобраться, может ли ИИ самостоятельно создавать объекты, подпадающие под наше представление о результатах интеллектуальной деятельности, которые в свою очередь подлежат правовой защите. Нормы российского гражданского законодательства, исходя из природы творческой деятельности, дают достаточно обтекаемое определение объектам авторского права. Так, согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) объектами авторских прав являются произведения в области науки, литературы и искусства вне зависимости от их достоинства и назначения, которые выражены определенным способом. Для того чтобы произведение подпадало под разряд объектов, охраняемых авторским правом, необходимо соблюдение двух условий: во-первых, оно должно быть выражено в материальной форме, при этом речь идет не столько о необходимости его содержания на каком-либо материальном носителе, сколько о способности его восприятия органами чувств. Разумеется, объекты авторского права охраняются вне зависимости от формы, в которой они выражены, однако они должны быть доступными для восприятия людьми. Во-вторых, оно должно быть создано творческим трудом автора, в его содержании должна быть выражена идея. При этом самостоятельным объектом выступает не сама по себе идея, охране подлежит индивидуальная форма выражения мыслей и идей автора [4, с. 51–52]. Под творческим характером охраноспособного произведения подразумевается, что оно было создано не посредством заранее определенной методики выполнения последовательных действий, хотя к объектам авторского права могут относиться, например, схемы, чертежи и карты,

процесс создания которых подразумевает соблюдение некоторых алгоритмов их получения, но не ограничивается лишь механистическим следованием этим алгоритмам. Таким образом, охраноспособное произведение рассматривается не просто как результат механической работы, а продукт творческого труда, в котором индивидуальность автора проявляется через различные средства и формы. Процесс их создания зачастую основывается на личном опыте и особенных методах, которые сложно поддаются описанию и стандартизации [5, с. 115–116, 120–121].

В отношении ИИ существует мнение, что, выполняя запрос человека, он действует лишь по заранее заданным разработчиками алгоритмам, и поэтому не может рассматриваться как-то иначе, нежели технический инструмент, используемый человеком в процессе своей деятельности. Однако действительность опровергает такое представление, становится очевидным, что новейшие технологии способны самостоятельно генерировать новые идеи и изобретения [6, с. 21–23]. Например, «Большая языковая модель» (Large Language Model), являющаяся совокупностью нейронных сетей, обученных на больших базах данных (Big Data), способна самостоятельно распознавать и составлять тексты на естественном человеческом языке, привычном для читателей настолько, что они зачастую и не догадываются, что это написал не человек.

В современном мире люди повсеместно прибегают к помощи ИИ в различных сферах в силу его способности к более эффективному и оперативному выполнению однородных задач на протяжении большого количества времени, в частности, на производстве, в сфере обслуживания и даже в медицине. Это разнообразие поднимает вопросы о правомерности использования уже существующих объектов интеллектуальной собственности при обучении юнитов ИИ, а также о правовом статусе результатов применения ИИ, что требует переосмысления отдельных правовых подходов в сфере интеллектуальной собственности [7, с. 76].

О способности ИИ создавать предметы искусства специалисты и общественность высказываются уже достаточно продолжительное время. В большинстве случаев роль ИИ оценивают в качестве особого инструмента, которым пользуются авторы в процессе создания новшеств, или же он выступает одним из звеньев в цепи этих новшеств [6, с. 24]. В этом аспекте считается, что искусственный разум ничем не отличается от других средств, способствующих достижению того или иного творческого результата. Например, Суд по интеллектуальным правам в Постановлении № С01-57/2014 от 24.07.2015 по делу № А24-1669/2013

рассуждал о творческой основе деятельности автора в процессе создания фотографии при использовании фотоаппаратуры. Суд указал на то, что «под творческой деятельностью фотографа следует понимать следующие его действия по созданию результата интеллектуальной деятельности: выбор экспозиции, размещение объекта фотоснимка в пространстве, выбор собственной позиции для совершения фотосъемки, установка света и / или адаптация своего местонахождения и места нахождения объекта фотосъемки под имеющееся освещение, подбор световых фильтров для объектива, установка выдержки затвора, настройка диафрагмы, настройка резкости кадра, проявление фотопленки (для пленочных фотоаппаратов), проявление фотографий (для пленочных фотоаппаратов), обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ (для цифровых фотоаппаратов)»¹. В указанном процессе фотоаппарат является лишь техническим средством, используя которое автор создает объект авторского права, в данном случае речь идет о фотографии. Приведенная судебная позиция в целом до настоящего времени отображает общий подход, в соответствии с которым техника и технологии относятся к разряду вспомогательных средств в процессе творческой деятельности человека. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² отмечено, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Между тем современный высокотехнологичный машинный разум несравним с фотоаппаратом в привычном его понимании или подобными техническими устройствами.

В настоящее время становится очевидно, что роботы все же способны в автоматическом режиме создавать результаты, подпадающие по своим внешним признакам под разряд объектов авторского права, на которые может распространяться правовая охрана, если рассматривать их отдельно от процесса их создания. Одним из наиболее известных «произведений», созданных ИИ на сегодняшний день, является выставленный в 2016 г. в музеях Нидерландов «Следующий Рембрандт» – портрет несуществующего в реальности мужчины, написанный ИИ на основе проанализированных им работ художника. В сентябре 2020 г. авторитетная британская газета The Guardian опубликовала статью, текст которой полностью был написан ИИ GPT-3. Список подобных примеров можно продолжить и для сферы поэзии, и для сферы создания музыкальных произведений.

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам № С01-57/2014 от 24.07.2015 по делу № А24-1669/2013. *ИПП Гарант*.

² О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019. *СПС КонсультантПлюс*.

Выделяя результат интеллектуальной деятельности в качестве объекта правовой охраны, законодатель, в первую очередь, исходит из традиционного подхода, акцентирующего внимание на творческом вкладе человека. Так, согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь, либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ. Законодательство исходит из постулата о том, что автором творческого произведения может быть только человек, вложивший свои интеллектуальные (творческие) усилия в процесс его создания.

Между тем ключевая профильная международная организация – Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) – не могла не отреагировать на стремительно меняющуюся реальность и в 2019 г. подготовила «Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта», где рассуждает о потенциале ИИ, в том числе и в творческой сфере, и о необходимости законодательного урегулирования сложившейся проблемы с определением субъекта авторского права. В данном документе поставлен ряд актуальных вопросов, ответы на которые еще предстоит найти:

1. Необходимо ли допускать на законодательном уровне возможность признания авторства за роботизированной системой ИИ, или же автором должен быть лишь человек?

2. Если авторские права остаются за человеком, следует ли разработать четкие критерии для определения того, кто именно является автором (разработчик ИИ либо его пользователь), или же эту задачу стоит решать индивидуально?

3. Необходимо ли вводить специальные нормы для регулирования авторства на произведения, созданные ИИ, или же подойдут существующие правила для других технологий?

По мере разрешения обозначенных и связанных с ними вопросов будет создаваться более эффективная и справедливая правовая среда, которая призвана учитывать интересы всех участников, включая

разработчиков технологий, потребителей и, возможно, самих систем ИИ.

В это же время в России Указом «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³ сформированы задачи развития ИИ. К одной из таких задач относится создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ. Само понятие *искусственный интеллект* в Указе Президента РФ представлено как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [1, с. 35]. В этой связи примечательно, что, с одной стороны, за ИИ как будто бы признается способность превзойти самого человека в результатах «интеллектуальной» деятельности (используется выражение *как минимум*), но, с другой стороны, осознанно или неосознанно, но очевидно пресекаются возможные попытки отождествлять ИИ с человеком с точки зрения когнитивных способностей, оставляя за первым лишь право на имитацию когнитивных функций. Позднее в Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года»⁴ закономерно указано, что одной из основных проблем в правовом регулировании является правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ.

Итак, если ИИ способен самостоятельно генерировать идеи и решения, закономерным является вопрос: может ли юнит ИИ считаться автором, т. е. субъектом права на произведение, и каким образом следует трактовать его интеллектуальные достижения?

В литературе разделяются мнения о том, за кем именно следует признавать авторские права в таких случаях. Некоторые ученые исходят из того, что основанный на алгоритмах процесс генерирования оригинального текста (изображения, музыки) отождествляется с мыслительной деятельностью человека, на основе чего отвергается связь результата интеллектуальной деятельности с личностью самого творца, тем самым происходит отход от устоявшегося понимания автора как физического лица, создавшего соответствующий объект своими творческими усилиями [8, с. 177]. С таким подходом сложно согласиться,

³ О развитии искусственного интеллекта в РФ (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 (ред. от 15.02.2024). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. Распоряжение Правительства РФ № 2120-р от 19.08.2020. СПС КонсультантПлюс.

т. к. он базируется на игнорировании индивидуальности творца, что во многом рассматривается первоосновой авторского права, смыслом его существования. В первую очередь, не следует забывать о философском аспекте данного вопроса, который уходит корнями глубоко в понимание самой природы творчества и его неразрывной связи с личностью автора. Творчество всегда было актом индивидуальности, выражением внутренних переживаний человека, его мыслей и идей, что может быть утеряно в условиях технологического генерирования контента [9, с. 11]. Например, российский юрист и публицист В. Л. Этин, говоря о невозможности приравнивания произведений, созданных роботизированной технологией, и продукта мыслительной деятельности человека, исходит из того, что ИИ способен лишь к генерации текстов на основе объединения уже существующих работ [10, с. 8–12].

Вопрос о субъектности ИИ часто обсуждается не столько в плоскости нормативной возможности ее признания, сколько в плоскости того, насколько это разумно и необходимо, и, если это необходимо в силу неустанно развивающихся и совершенствующихся технологий, то в рамках какого института должны быть оформлены такие права. Со своей стороны не станем отрицать изрядную долю схоластики в сложившейся дискуссии, но отметим, что она легко погашается конкретным практическим опытом. Так, в 2017 г. на международном форуме «Будущих инвестиционных инициатив» ("Future Investment Initiative"), проходившем в Эр-Рияде, власти Саудовской Аравии приняли решение предоставить гражданство своей страны роботу-гидоиду Софии – изобретению гонконгской компании Hanson Robotics [11, с. 95–96; 12, с. 20–25]. В итоге, София стала первым роботом в мире, наделенным гражданскими правами. Конечно, этот отдельный пример не повод для «переворота» в праве, но если подобный опыт будет множиться, к чему имеются все предпосылки, право должно быть способным дать адекватный ответ новой реальности. В этой связи примечательно, что Европарламент как законодательный орган не остался в стороне от тенденций практики и в Резолюции от 16.02.2017 выдвинул предложение о наделении наиболее умных юнитов ИИ, способных к выполнению задач в автономном режиме, особым правовым статусом электронного лица. Вероятно, в этом случае речь идет о наделении роботов некой правосубъектностью наряду с физическими и юридическими лицами. Однако правовая характеристика статуса такого электронного лица остается неясной [13, с. 65–66]. Применительно же к российской правовой действительности, исходя из понимания правосубъектности как способности физического или юридического лица иметь и осуществлять права и обязанности, робот не может считаться субъектом

правовых отношений. Такой подход соответствует онтологической точке зрения, согласно которой ИИ рассматривается в качестве объекта права [14, с. 280].

В настоящее время можно утверждать о существовании нескольких доктринальных подходов к разрешению вопросов определения субъекта авторского права на произведения, созданные роботами:

1. В соответствии с первым подходом, права авторства должны быть закреплены за разработчиком ИИ, т. е. за программистом. По своей правовой природе ИИ условно можно отнести к программе для электронной вычислительной машины (ЭВМ), которая в рамках гражданского законодательства рассматривается в качестве одного из объектов, отнесенных к разряду произведений. Исходя из ст. 1261 ГК РФ, программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Автором технологии цифрового интеллекта считается физическое лицо, вложившее творческие усилия в его разработку. Если исходить из рассматриваемого подхода, то все произведения, написанные ИИ, понимаются в качестве одной из функций робота, созданного программистом, т. е. некоего «побочного продукта». Соответственно, авторство на такие произведения закрепляется за разработчиками на основании того, что именно они заложили в роботизированную систему способность к их созданию [15, с. 172]. Исходя из такого подхода, в 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, призванный закрепить авторство на результаты интеллектуальной деятельности, созданные роботом, за его разработчиками, правообладателями программы, которая непосредственно была использована для их формирования [16, с. 409].

Данный подход, с одной стороны, позволяет избежать правовой неопределенности относительно субъектов авторских прав на произведения, которые были созданы автономными машинными технологиями, обеспечивает защиту интересов создателей ИИ, а также может подтолкнуть разработчиков к созданию новых, более совершенных программ и технологий.

С другой – сторонники такого подхода не обращают внимание на то, что как таковой творческой деятельности программистов непосредственно в процессе создания полученных произведений нет, что уже противоречит базовому пониманию института авторского права. Иными словами, разработчик ИИ создает алгоритм, который затем используется роботом для генерирования текстов, но сам по себе процесс разработки и настройки программного обеспечения не предопределяет создание конкретного произведения.

Участие разработчиков систем ИИ непосредственно в процессе создания последними произведений можно свести к следующему:

- программисты при разработке машинного разума задают лишь формат результатов его будущей деятельности, будь то генерирование ответов в виде стихотворных текстов, музыкальных произведений или объектов живописи;
- они создают базу данных, на основании которой ИИ и составляет ответы на запросы пользователей;
- разработчики предпринимают действия по обучению машинного интеллекта, направленному на автоматизированное генерирование специфических видов объектов авторских прав.

Можно сделать вывод о том, что человек (хоть и обеспечивает) не играет ключевую роль в процессе создания результатов деятельности ИИ, т. к. итоговый результат создается именно роботом в автоматизированном режиме, а человек лишь создает некие условия для его функционирования. Следовательно, разработчик не вносит индивидуального творческого вклада в созданное ИИ произведение и, соответственно, не может считаться его автором [9].

2. Второй подход предполагает признавать в качестве автора произведения, созданного роботом, пользователя программы, разработанной на основе ИИ. Основным аргументом этой позиции является то, что такие произведения создаются в результате взаимодействия юнита ИИ и его пользователя-физического лица, который задает основные параметры, выбирает стиль, тему и другие аспекты, т. е. формирует исходные данные и контролирует конечный результат [17, с. 130].

В целом недостатки такой точки зрения схожи с недостатками первой и сводятся к отсутствию решающего творческого вклада со стороны пользователя в создании произведения как результата интеллектуальной деятельности [18, с. 157].

Указанный подход отчасти применим и не будет противоречить российскому гражданскому законодательству, если созданное ИИ произведение в последующем будет изменено пользователем. Так, согласно п. 1 ст. 1260 ГК РФ лицу, осуществившему переработку производного произведения, предоставляется право авторства соответственно на результат, полученный в ходе переработки [19, с. 171].

3. Третий подход, ограниченно предлагаемый теоретиками в области авторского права, заключается в наделении правами авторства на произведения, созданные роботами, самих юнитов ИИ. Такая позиция, существующая лишь в ранге гипотезы, подвергается критике со стороны большинства ученых, которые исходят прежде всего из отсутствия необходимости признавать ИИ, существующий, по их мнению, в статусе специфичного объекта гражданского права, в качестве субъекта и наделять его правами

и обязанностями наравне с индивидуальными и коллективными субъектами гражданских правоотношений [1, с. 34]. В первую очередь, по мнению, в частности, С. Е. Чаннова, нормы гражданского права должны быть направлены на охрану прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц [20, с. 97]. Отход от данной догмы сулит глобальные изменения во всей правовой системе, что в том числе может привести к падению института авторского права в том виде, в котором он существует по сей день. Не будучи сторонниками радикального признания за ИИ некой правосубъектности, все же отметим, что в обосновании позиции и контрпозиции в приведенном подходе каждая из сторон далека от исчерпывающей убедительности: сторонники этого подхода ограничиваются выдвиганием гипотезы без представления ее доказательств-обоснований, противники же в своей аргументации не слишком отделились от формулы *этого не может быть, потому что не может быть никогда*.

4. Согласно четвертому подходу, у произведений, созданных на базе ИИ, вовсе не может и не должно быть автора ввиду специфичности их происхождения. В соответствии со ст. 1225 ГК РФ личные и неимущественные, а также исключительные права первоначально (в отношении исключительных прав) принадлежат автору результата интеллектуальной деятельности [21, с. 144–145]. Ввиду того, что на основании рассматриваемого подхода автор у произведения, созданного автоматизированным машинным разумом, отсутствует, личные неимущественные права не находят своего субъекта, т. е. в отношении такого объекта они вовсе отсутствуют. При этом неразрешенным остается вопрос о том, кому будут принадлежать исключительные права [22, с. 126]. В данном ключе предлагается провести аналогию с нормой ст. 136 ГК РФ, согласно которой плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. А. В. Гурко предполагает, что ввиду отсутствия у произведений, сгенерированных системой искусственного разума, автора как такового исключительные права на такие результаты интеллектуальной деятельности должны первоначально возникать:

- 1) либо у владельца устройства, которое было использовано для автоматизированного создания произведения;
- 2) либо у пользователя программного обеспечения, которое применялось для генерирования результата интеллектуальной деятельности;
- 3) либо у правообладателя такого программного обеспечения [23, с. 14].

Вопрос, кто же будет являться автором произведения, созданного ИИ, на сегодняшний день остается неразрешенным и весьма дискуссионным в доктрине гражданского права. Постепенная разработка критериев для определения авторства в дальнейшей дискуссии сможет решить сложившуюся проблему.

До тех пор, пока указанная проблема доктринально и нормативно не решена, полагаем правильным придерживаться позиции, согласно которой обладателем авторского права остается человек как правоспособное физическое лицо, чьим непосредственным или опосредованным творческим трудом был создан соответствующий объект, однако принципиальным требованием правового режима использования ИИ при создании такого объекта должно стать императивное требование об указании наряду с автором также и соответствующего юнита ИИ в качестве используемой технологии (средства) получения произведения. Пусть в этом случае и нельзя будет говорить о собственно соавторстве, но это позволит сбалансировать интересы разработчиков технологий, их пользователей и общества. Постепенно, двигаясь по пути выработки критериев вклада ИИ в процесс создания произведения, можно будет всерьез обсуждать необходимость указания ИИ как соавтора. Аналогичный подход можно предложить и для решения вопроса о том, каким образом авторские права будут распределяться между разработчиками ИИ и пользователями. В этой связи важно ориентироваться на соблюдение баланса интересов всех сторон, обеспечивая при этом стимулирование инноваций и развитие технологий.

Парсинг как инструмент, создающий повышенную опасность нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет

С развитием компьютерных технологий и глобальной сети Интернет произошли значительные изменения в среде и условиях, при которых авторские права реализуются. В частности, переход большинства объектов авторских прав, таких как произведения литературы, живописи, фильмы, музыка, в цифровую среду стал одним из ключевых проявлений такой трансформации. Безусловно, глобальная сеть во многом упростила процесс распространения произведений, предоставив авторам возможность самостоятельно, т. е. без обращения к более традиционным каналам популяризации, прибегать к так называемой онлайн-дистрибуции. Это открыло новые возможности достижения аудитории для независимых артистов и авторов. Благодаря Интернету произведения стали доступными для пользователей в любой точке мира, что способствует расширению культурного обмена и доступности разнообразного контента [24, с. 150–151].

Однако наравне с преимуществами цифровизации контента такие изменения породили новые проблемы

в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность. Увеличение доступности контента привело к росту нарушений авторских прав. Веб-пиратство стало серьезной угрозой для авторов и правообладателей, поскольку интернет-технологии упростили нелегальное копирование и распространение произведений. В законодательстве определения термина *пиратство* применительно к копирайту не содержится, под ним принято понимать действия по несанкционированному копированию и последующему распространению информации, защищенной авторским правом, без ведома ее правообладателя. В связи с такими действиями в последнее время упоминается явление, обозначаемое термином *парсинг*.

Парсинг (скрапинг, кроулинг) понимается как процесс по автоматизированному поиску и сбору информационных фрагментов, в наибольшей степени отвечающих запросам пользователей [25, с. 54–55]. Ежедневно мы сталкиваемся с этой технологией при осуществлении поиска информации в сети Интернет. Бот на основании нашей заявки анализирует большое количество сайтов, содержащих информацию, хотя бы косвенно отвечающую на наш запрос, и выбирает отдельные, наиболее подходящие фрагменты. В силу того, что алгоритмы робота настроены на наиболее эффективное выполнение данной задачи в короткие сроки, парсинг представляет из себя новое автоматизированное средство, создающее новый уровень угрозы нарушения авторского права [26, с. 33]. Хотя бы неправомерное извлечение информации может выполняться и вручную, современные алгоритмы способны в считанные секунды обрабатывать огромные объемы информации, делая этот процесс не только быстрым, но и экономически выгодным. В отличие от ручного извлечения данных, которое зачастую ограничено человеческими ресурсами и временем, автоматизированный сбор может приводить к масштабному нарушению прав.

Применение парсинга пока не удостоилось отдельного внимания законодателя, судебная практика в этом вопросе незначительна и не дает однозначного ответа относительно правомерности такого способа сбора информации. Из наиболее заметных примеров часто приводится судебное разбирательство между ООО «ВКонтакте» и Double Data (дело № А40-18827/2017).

Рассмотрение указанного дела длилось шесть лет и закончилось только в сентябре 2022 г. ООО «ВКонтакте» является популярной социальной сетью, аппаратно-программным комплексом, состоящим из нескольких частей. Информационную его часть составляют несколько баз данных, одна из которых сформирована на основании информационных единиц о каждом из пользователей социальной сети. По состоянию на 13 января 2017 г. установлено, что в представленной сети зарегистрировано 406901079 пользователей.

ООО «Дабл» – это организация, занимающаяся научной и исследовательской деятельностью, в том числе по разработке программы, направленной на поиск информации о физических лицах. В частности, программное обеспечение, разработанное ООО «Дабл», было направлено на автоматизированный поиск данных о пользователях социальной сети ВКонтакте на основании минимальных сведений [27, с. 35], например, ФИО, вводимых в поисковой строке, временном эшировании полученной информации на оперативном запоминающем устройстве компьютера пользователя и отображении полученных результатов поиска в количественном показателе. Истец, ООО «ВКонтакте», посчитал, что программа нарушает принадлежащие ему смежные права на базу данных социальной платформы, и по этой причине обратился в суд с иском о признании ООО «Дабл» с требованием о признании его действий по сбору информации из базы данных неправомерными.

Истец выстроил свою правовую позицию на том, что он обладает смежными правами на базу данных, сформированную в том числе из сведений о зарегистрированных лицах. Кроме того, обеспечение функционирования социальной сети, в том числе и создание базы данных ее пользователей, потребовало от ООО «ВКонтакте» значительных материальных, финансовых и иных вложений. В то же время ответчик неправомерно, т. е. без заключения соответствующего соглашения с правообладателем, извлекал из нее информацию в целях исполнения своих обязательств перед контрагентом – АО «Национальное бюро кредитных историй», для которого ООО «Дабл» обязалось предоставлять извлеченную и обработанную в автономном режиме информацию о физических лицах, в том числе такие сведения, как фамилия и имя лица, место его рождения и проживания, фотографии профиля, регулярность посещения сайта социальной сети, устройство, с которого такое посещение осуществляется, а также место работы и учебы. АО «Национальное бюро кредитных историй», в свою очередь, на основании полученных данных проводило оценку кредитоспособности лиц, являющихся заемщиками банков и иных кредитных организаций. В соответствии с п. 1 ст. 1335 ГК РФ изготовителю базы данных, создание которой (включая обработку или представление соответствующих материалов) требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат, принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительное право изготовителя базы данных). Никто не вправе извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование без разрешения правообладателя, кроме случаев, предусмотренных законом. При этом под извлечением материалов

понимается перенос всего содержания базы данных или существенной части составляющих ее материалов на другой информационный носитель с использованием любых технических средств и в любой форме. Таким образом, только обладатель смежного права на базу данных, т. е. ее создатель, вправе беспрепятственно осуществлять из нее выемку информационных единиц, в совокупности составляющих значительную его часть, а также всего массива информации.

Арбитражный суд, рассматривавший данное дело в первой инстанции, отказал истцу в удовлетворении заявленных требований в полном объеме. Принимая это решение, суд исходил из трех оснований:

- по его мнению, истец не предоставил доказательств, свидетельствующих о том, что им была создана база данных в понимании, соответствующим п. 2 ст. 1260 ГК РФ;
- истцом не доказан факт того, что представленная база данных была создана путем существенных материальных, финансовых, организационных и иных вложений, как то закреплено в п. 1 ст. 1334 ГК РФ. На основании пунктов 5.12, 8.2, 8.5 «Правил пользования сайтом ВКонтакте» ООО «ВКонтакте» не предпринимает действий, направленных на размещение информационных материалов на профиле пользователей социальной сети, и не корректирует размещенные ими данные. Суд указал на то, что все произведенные затраты должны носить целевой характер, т. е. должны быть направлены непосредственно на изготовление базы данных;
- истец не привел убедительных доводов, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что ему принадлежат смежные права на соответствующую базу данных [28, с. 68–70].

Суд апелляционной инстанции в свою очередь не согласился с выводами суда первой инстанции и принял решение об удовлетворении исковых требований в части, признав доказанным факт наличия у истца смежных прав на рассматриваемый объект интеллектуальной собственности, а также подтвердив факт неправомерного извлечения ответчиком информации из базы данных, принадлежащей истцу.

Суд по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции согласился с тем, что истец является изготовителем базы данных, отверг довод ответчика о том, что сам процесс формирования базы данных происходил без непосредственного участия истца, посредством размещения пользователями своих персональных данных, указал на то, что для возникновения у лица смежных прав на базу данных не имеет значения, были ли финансовые вложения сделаны непосредственно на изготовление такой базы данных, важно лишь, что ее создание стало результатом значительных финансовых и материальных затрат лица. Однако, отменяя решения нижестоящих

судов и направляя дело на новое рассмотрение, Суд по интеллектуальным правам исходил из недоказанности факта противоправного извлечения информации ответчиком.

Далее дело при новом рассмотрении прошло три инстанции и в итоге было окончено заключением сторонами мирового соглашения, согласно условиям которого ответчик обязался прекратить выемку информации из базы данных истца, что, однако, не должно было трактоваться как признание ответчиком какого-либо из заявленных истцом требований. Фактически стороны в результате затяжного спора отказались от своих первоначальных позиций, установив своего рода *status quo*, причиной чему в немалой степени явилась именно неполная правовая определенность в широко применяемой сфере массивированного автоматизированного копирования информации.

Дело ВКонтакте v. Double Data стало достаточно резонансным и широко обсуждаемым, оно подняло важные вопросы о правомерности парсинга информации. Судебный процесс продемонстрировал сложность и неоднозначность регулирования автоматизированного сбора данных, когда речь идет о контенте, защищенном смежными правами. С одной стороны, парсинг может быть необходимым и высокоэффективным средством анализа данных, а также средством создания и функционирования новых сервисов. С другой стороны, он может нарушать права владельцев контента, что делает эту практику потенциально противоправной в определенных обстоятельствах. В конечном счете вопрос о правомерности парсинга до сих пор остается открытым и зависит от конкретных обстоятельств в условиях действующего законодательства, регулирующего авторские и смежные права и защиту данных. Это подчеркивает необходимость более четкой правовой базы для подобных технологий, очевидно, что при ее разработке необходимо учитывать интересы как правообладателей, так и пользователей данных.

По приведенным выше мотивам, обращаясь к правовому настоящему, отметим, что, по нашему мнению, автоматизированный сбор информации может быть признан незаконным, если пользователи без разрешения правообладателя изымают защищенный авторским правом контент из коммерческих соображений, в то время как использование открытых данных для личных нужд не противоречит закону. Кроме этого, в качестве одного из критериев правомерности иногда выделяется незначительность объема изъятых информации. Согласно п. 4 ст. 1335.1 ГК РФ, лица, использующие информацию из обнародованной базы данных в своих личных, некоммерческих целях, вправе извлекать информацию, составляющую незначительную часть такой базы данных.

Однако, как это часто бывает, критерии значительности или незначительности объема остаются неопределенно оценочными. Приведенная выше норма предусмотрена для случаев изъятия информационных материалов из баз данных, однако мы не видим препятствий для применения аналогичного подхода и к случаям извлечения фрагментов из других типов информационных ресурсов.

Заключение

Трансформация институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации представляет собой сложный и многогранный процесс, который бросает вызов законодателю и правоприменителям, вытесняя устоявшиеся подходы к правовому регулированию отношений, возникающих в сфере авторских и смежных прав. Наблюдающиеся тенденции предоставляют возможность и подталкивают к пересмотру традиционных подходов к охране интеллектуальной собственности. Столкновение с новыми реалиями, такими как создание произведений ИИ, требует переосмысления понятия авторства и его правовых оснований. Важно не ограничиваться адаптацией существующего законодательства, но и разработать новые механизмы, способные учитывать специфику цифрового элемента.

Автоматизированные системы, с одной стороны, способны генерировать контент с высокой степенью оригинальности, что ставит под сомнение существующие модели защиты авторских прав. С другой стороны, это открывает новые горизонты для творчества и инноваций, но также создает риск злоупотреблений и нарушения прав авторов и обладателей смежных прав. Авторское право должно эволюционировать вместе с технологическими изменениями, обеспечивая эффективную защиту как для традиционных авторов, так и для новых форматов творчества. При этом необходимо разработать гибкую правовую систему, способную адаптироваться к новым вызовам технологического прогресса. Важно, чтобы новые правовые подходы были ориентированы не только на защиту авторских и смежных прав как основную ценность данного института, но и способствовали инновационному прогрессу и культурному обмену в эпоху цифровых технологий.

Парсинг как один из способов автоматизированного копирования цифровой информации потенциально создает новый уровень угрозы нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет, поднимает вопросы о легитимности использования и защите контента в различных цифровых форматах. Этот процесс требует комплексного к нему подхода, включающего разработку как юридических, так и технических мер защиты охраняемых объектов авторского и смежного права.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. [Ivliev G. P., Egorova M. A. Legal issues of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*, 2022, 26(6): 32–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.060>
- Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2016. 416 с. [Schwab K. *Technologies of the fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2016, 416. (In Russ.)]
- Маслов В. И., Лукьянов И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2017. № 2. С. 38–48. [Maslov V. I., Lukyanov I. V. The fourth industrial revolution: Origins and consequences. *Bulletin of the Moscow University. Series 27: Globalistics and geopolitics*, 2017, (2): 38–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytobwt>
- Близнец И. А., Гаврилов Э. П., Добрынин О. В., Китайский В. Е., Леонтьев К. Б., Мухамедшин И. С., Орлова В. В., Синельникова В. Н., Тыцкая Г. И. Право интеллектуальной собственности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 896 с. [Bliznets I. A., Gavrilov E. P., Dobrynin O. V., Kitayskiy V. E., Leontyev K. B., Mukhamedshin I. S., Orlova V. V., Sinelnikova V. N., Tytskaya G. I. *Intellectual property law*. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2024, 896. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycprb>
- Галкин Н. А. Творческий труд как основной критерий охраноспособности объекта авторского права. In: Богустов А. А., Щербак Н. В. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 113–121. [Galkin N. A. Creative work as the main criterion of the copyright item's protectability. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 113–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuovxs>
- Таран К. К. Предпосылки правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта. *Право и экономика*. 2023. № 1. С. 20–26. [Taran K. K. Prerequisites for the legal regulation of intellectual activity results created by using artificial intelligence. *Law and Economics*, 2023, (1): 20–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gqgqmw>
- Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства. *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 3. С. 75–81. [Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. The nature and legal features of cyber-physical, cyber-biological and artificial cognitive systems. *Russian law: Education, Practice, Researches*, 2019, (3): 75–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-3-75-81>
- Шевченко О. А. Интеллектуальный робот как автор произведения или изобретения рецензия на книгу П. М. Морхата «Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект» (М.: Юнити-дана, 2018). *Закон и право*. 2018. № 8. С. 176–178. [Shevchenko O. A. Intelligent robot as the author of a work or invention. *Review of the scientific monograph* P. M. Morgan "Intellectual property law and artificial intelligence". *Law & Legislation*, 2018, (8): 176–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10131>
- Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2019. № 3. С. 5–22. [Vitko V. Analysis of scientific views of authorship and right for results of AI activity (continued). *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2019, (3): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsfbce>
- Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с. [Entin V. L. *Copyright in virtual reality: New opportunities and challenges of the digital age*. Moscow: Statut, 2017, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrvvhz>
- Мельникова Е. Н. Встраиваемость концепции электронного лица в правовую систему государства или государственного образования. *Российский юридический журнал*. 2022. № 2. С. 94–112. [Melnikova E. N.

- Embeddability of the concept of an electronic person in the legal system of the state or state entity. *Russian Juridical Journal*, 2022, (2): 94–112. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/20713797_2022_2_94
12. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе. *Право и экономика*. 2024. № 1. С. 5–27. [Ваупан В. А. Digital law: Origins, concept and place in the legal system. *Law and Economics*, 2024, (1): 5–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eondkz>
  13. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2018. № 2. С. 61–73. [Morkhat P. M. Artificial intelligence unit as electronic personality. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2018, (2): 61–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>
  14. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 3. С. 280–283. [Morkhat P. M. Legal personality of artificial intelligence unit: Some civil-legal approaches. *Vestnik of Kostroma State University*, 2018, 24(3): 280–283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoiokl>
  15. Вашеняк Н. Е. Искусственный интеллект и авторские права: международный опыт, этические дилеммы и путь регулирования в России. *Вестник науки*. 2024. Т. 3. № 3. С. 171–181. [Vashenyak N. E. Artificial intelligence and copyrights: International experience, ethical dilemmas, and regulation in Russia. *Vestnik nauki*, 2024, 3(3): 171–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnlmje>
  16. Плешаков Е. А., Просвирнина М. И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью. *Образование и право*. 2023. № 7. С. 408–411. [Pleshakov E. A., Prosvirina M. I. The problem of authorship of a work created by a neural network. *Education and Law*, 2023, (7): 408–411. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-408-411>
  17. Останина Е. А. Особенности творчества в сети Интернет и новые формы соавторства. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 124–139. [Ostanina E. A. Special aspects of online creativity and new forms of co-authorship. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 124–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmlcsz>
  18. Сафин Р. Р., Маскин К. А., Поваров Ю. С. Правовое регулирование объектов авторского права, созданных с использованием «нейросети». *Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности*, ред. О. В. Сушкова. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 154–158. [Safin R. R., Maskin K. A., Povarov Yu. S. Legal regulation of copyright objects created using "neural network". *Legal regulation of intellectual property and innovation*, ed. Sushkova O. V. Moscow: RG-Press, 2018, 154–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzuimh>
  19. Рожкова М. А., Исаева О. В. Квалификация в качестве производных произведений объектов, создаваемых на основе результатов машинного обучения и «произведений» искусственного интеллекта. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 153–172. [Rozhkova M. A., Isaeva O. V. Qualifying objects based on machine learning results and artificial intelligence "works" as derivative works. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 153–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gyrotn>
  20. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 12. С. 94–109. [Channov S. E. Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law. *Actual problems of Russian law*, 2022, 17(12): 94–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>
  21. Чурилов А. Ю., Трынченков Н. А. Охраноспособность результатов, созданных с помощью искусственного интеллекта. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 140–152. [Churilov A. Yu., Trynchenkov N. A. Protectability of results created with artificial intelligence. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 140–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oenvpl>
  22. Лукашова А. В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью. *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 28. С. 122–132. [Lukashova A. V. Copyright and works generated by a neural network. *Issues of Russian justice*, 2023, (28): 122–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkeoed>
  23. Гурко А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2017. № 12. С. 7–18. [Gurko A. V. Artificial intelligence and copyright: A look into the future. *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2017, (12): 7–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zukikl>

24. Бойков В. А. Авторское право в эпоху развития цифровых технологий. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 10-2. С. 150–152. [Boykov V. A. Copyright in the digital age. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, (10-2): 150–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-2-150-152>
25. Калятин В. О. В каких пределах можно использовать содержание баз данных: проблемы и перспективы. *Закон*. 2023. № 5. С. 53–63. [Kalyatin V. O. To what extent can the content of databases be used: Some problems and perspectives. *Law*, 2023, (5): 53–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-5-53-63>
26. Меньшиков Я. С. Преимущества автоматического сбора данных в сети интернет над ручным сбором данных. *Universum: технические науки*. 2022. № 10-1. С. 33–36. [Menshikov Ya. S. Advantages of automatic data collection in the internet over manual data collection. *Universum: Technical sciences*, 2022, (10-1): 33–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwaetv>
27. Ворожевич А. С. Границы смежных прав. Интеллектуальная собственность. *Авторское право и смежные права*. 2019. № 11. С. 29–42. [Vorozhevich A. S. Boundaries of allied rights. *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2019, (11): 29–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uirmge>
28. Рожкова М. А. Разрешение вопроса о легальности парсинга (скрапинга) в деле ВКонтакте v. Double Data. *Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)*, отв. ред. В. М. Жуйков. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ; Юридическая фирма Контракт, 2020. Вып. 27. С. 67–81. [Rozhkova M. A. Resolving the issue of the legality of parsing (scraping) in the VKontakte vs. Double Data case. *Comment on the practice of considering economic disputes: Judicial arbitration practice*, ed. Zhuikov V. M. Moscow: IZISP pri Pravitelstve RF; Juridicheskaja firma Kontrakt, 2020, iss. 27, 67–81. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/biiycy>

Соотношение юридически значимых сообщений и заверений об обстоятельствах в гражданском праве России

Тишкевич Антон Александрович

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

elibrary Author SPIN: 4165-2314

<https://orcid.org/0009-0009-0861-4211>

tishkevich_a_a@mail.ru

Аннотация: Заверения об обстоятельствах и юридически значимые сообщения связаны с обменом сведений о фактах между участниками оборота. Ключевым критерием разграничения между ними является характер предоставляемых сведений и их влияние на правоотношения. В случае с заверениями это побуждение получателя к принятию решения в виде предоставления конкретной информации, учитывающей особенности контрагентов, отдельные аспекты сделки и другое. С помощью юридически значимых сообщений до получателя доводятся сведения, которые имеют правовое значение для движения существующего гражданского правоотношения. Цель – проанализировать и сравнить ключевые черты заверений об обстоятельствах и юридически значимых сообщений (статьи 431.2 и 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Проведена оценка возможностей совместного использования заверений об обстоятельствах и юридически значимых сообщений. Результаты исследования демонстрируют тесное переплетение этих категорий и отсутствие между ними существенных противоречий. Это выражается, например, в универсальности их использования в отдельных сферах деятельности. Они могут порождать правовые последствия только вместе с другими элементами юридического состава. Сделан вывод, что юридически значимые сообщения и заверения об обстоятельствах соотносятся друг с другом как форма и содержание.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, юридически значимые сообщения, информация, момент доставки сообщения, информирование, добросовестность, договор

Цитирование: Тишкевич А. А. Соотношение юридически значимых сообщений и заверений об обстоятельствах в гражданском праве России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 173–180. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-173-180>

Поступила в редакцию 23.01.2025. Принята после рецензирования 13.02.2025. Принята в печать 13.02.2025.

full article

Legal Communication vs. Representation of Circumstances in Russian Civil Law

Anton A. Tishkevich

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

elibrary Author SPIN: 4165-2314

<https://orcid.org/0009-0009-0861-4211>

tishkevich_a_a@mail.ru

Abstract: Representations of circumstances and legal communications both describe the exchange of information about facts between participants. They differ in the nature of the information provided and its impact on legal relations. A representation is an incentive for the recipient to make a decision by providing specific information that takes into account the characteristics of the counterparties, individual aspects of the deal, etc. A legal communication is information that has legal significance for civil and legal relations in dynamics. The author compared the key features of representations and legal communications registered in Articles 431.2 and 165.1 of the Civil Code of the Russian Federation. These categories are very similar and demonstrate no substantial controversies; they could be used together but gravitate each to its own specific sphere. They generate legal consequences only together with other elements. Legal communications and representations of circumstances relate to each other as form and content.

Keywords: representations of circumstances, legal communications, information, notification delivery moment, informing, good faith, contract

Citation: Tishkevich A. A. Legal Communication vs. Representation of Circumstances in Russian Civil Law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 173–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-173-180>

Received 23 Jan 2025. Accepted after review 13 Feb 2025. Accepted for publication 13 Feb 2025.

Введение

Намерения участников гражданского оборота при совершении информационного обмена направлены на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Особенно интенсивно это происходит в сфере договорных правоотношений. Участники таких правоотношений обмениваются сведениями посредством использования различных правовых инструментов, в частности, заверений об обстоятельствах и юридически значимых сообщений (ЮЗС). Использование этих инструментов сторонами договора влияет на исполнение его условий и направлено на удовлетворение имущественных интересов сторон. Но такое влияние заверений и ЮЗС на отношения участников гражданского оборота происходит по-разному, поскольку они обладают своими особенностями и характером воздействия.

Так, можно обнаружить полярные позиции относительно правовой природы и характеристики ЮЗС [1–3]. Однако в качестве объединяющего все подходы о ЮЗС назовем такие обстоятельства, как связанность ЮЗС с передачей информации¹ определенному лицу, доставка которой влечет для последнего правовые последствия [1, с. 67–68]. Это также можно вывести из положений ст. 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) («Юридически значимые сообщения»). Например, ст. 165.1 ГК РФ устанавливает общее правило о том, что различные сообщения (заявления, уведомления, извещения и др.), с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю. Содержанием таких ЮЗС может быть любая информация, имеющая правовое значение, в том числе сведения о сделке². Направление таких сведений, как отмечается в судебной практике, преследует цель информирования адресата о событиях (обстоятельствах, фактах и т. п.), наступление которых влечет соответствующие правовые последствия³.

Сообщение адресату тех или иных сведений о свершившихся событиях (фактах, обстоятельствах) тесно пересекается с заверениями об обстоятельствах, поскольку под последними в доктрине принято понимать утверждения о фактах (констатацию обстоятельств придерживаются А. И. Аладько и Д. В. Ерофеев [4, с. 47], Е. В. Глухов [5, с. 451], В. Е. Белявцев [6, с. 66], А. В. Милохова [7, с. 57], А. В. Морозов [8, с. 118], Е. А. Сегалова [9, с. 19], А. В. Томсинов [10, с. 95], В. В. Байбак и коллеги [11, с. 1218]. Дополнительно к этому А. Чумаков отмечает, что, по существу, заверения – «это просто констатация того или иного обстоятельства (факта) по состоянию на определенный момент времени. Все, что происходит после, уже не имеет отношения к достоверности данного заверения. Иными словами, применительно к заверению нет какой-либо связи с последующими действиями сторон; напротив, заверения – это статическая конструкция, в некотором смысле – антипод действия» [12, с. 105]. Подобное утверждение дается в отношении свершившегося факта, события, имеющего юридическое значение [7, с. 57; 13]. При помощи подобного утверждения лицо, дающее заверение (заверитель), создает у лица, их получающего (адресат), четкое представление о состоянии определенного факта или об его отсутствии. Создание такого представления у адресата направлено на достижение целей предоставления заверений, которые заключаются в стимулировании контрагента к заключению сделки, распределение рисков между участниками сделки и сокращение трансакционных издержек (т. е. освобождение адресата от необходимости поиска, сбора, анализа и проверки обстоятельств, в отношении которых заверитель дал заверения на соответствие их действительности) [4, с. 42–43; 14, с. 6; 15, р. 336; 16, р. 124]. Данные цели предоставления заверений также приводятся в практике Верховного Суда РФ⁴.

¹ В настоящей работе, если прямо не предусмотрено иное, термины *информация* и *сведения* рассматриваются как синонимы.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. П. 66. *СПС КонсультантПлюс*.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-5155/2023-ГК от 11.07.2023 по делу № А40-163304/2022; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда № 20АП-7003/2022 от 09.11.2022 по делу № А68-7331/2021. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ См., напр.: О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 25.12.2018. П. 35; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-17862 от 21.03.2023 по делу № А40-167835/2021; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС24-4207 от 26.07.2024 по делу № А40-79027/2022. *СПС КонсультантПлюс*.

На схожесть ЮЗС и заверений об обстоятельствах обращают внимание многие ученые. Изучая правовую природу заверений об обстоятельствах, некоторые исследователи относят их к юридически значимым сообщениям (заявлениям).

Так, В. А. Хохлов, причисляя заверения к одной из разновидностей юридически значимых заявлений, квалифицирует их как особые юридические факты, которые «несомненно, являются волевыми, но вряд ли их можно считать сделками, поскольку далеко не все и не всегда направлены на возникновение правовых последствий (ср. со ст. 153 ГК РФ)» [17, с. 64].

Между тем В. А. Хохлов предлагает оценивать заверения (или юридически значимые заверения в терминологии представленного ученого) исходя из их модели, заложенной в ст. 431.2 ГК РФ, в качестве самостоятельной правовой конструкции, которая состоит из двух элементов: информационного и санкции. Эта правовая конструкция самостоятельным договором или его частью не является, хоть и связана с ним (договором) как гражданско-правовым явлением. Связанность с договором обусловлена формой выдачи, т. к. она отражается в условиях договора, и тем, что заверение вообще не может действовать само по себе, поскольку оно дается для сообщения об обстоятельствах совершения, исполнения или прекращения сделки [17, с. 66].

Е. Б. Подузова, лапидарно анализируя категорию заверений, также относит их к юридически значимым сообщениям. Свою точку зрения она обосновывает тем, что а) заверение об обстоятельствах сводится к юридически значимому действию по передаче информации; б) но не является сделкой, поскольку заверения не порождают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; в) недостоверные заверения, также как и юридически значимые сообщения (указание на это нет в ст. 165.1 ГК РФ), не могут быть признаны недействительными [18, с. 57].

Таким образом, все это предопределяет актуальность сравнения заверений об обстоятельствах и ЮЗС, т. к. это обуславливается общей их связанностью с информацией о тех или иных обстоятельствах (фактах). С другой стороны, их соотношение позволит лучше определить ключевые черты этих правовых явлений и понять, как они соотносятся друг с другом и каким образом их эффективнее использовать для обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота.

Результаты

Сравнивая приведенные характеристики исследуемых явлений, можно заметить, что если положения ст. 165.1 ГК РФ охватывают все акты правовой коммуникации участников гражданского оборота и унифицируют правила их доставки с распределением

риска неполучения соответствующих сообщений [19, с. 99], то заверения об обстоятельствах ограничиваются предоставлением информации, имеющей значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (абз. 1 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ). Вопросы распределения риска между сторонами договора и определения момента наступления правового эффекта от заверений в ГК РФ не отражены. В данном аспекте заверений ГК РФ предоставляет сторонам свободу усмотрения. Однако распределение риска не должно приводить к ущемлению прав и интересов одной из сторон договора. И необходимо учитывать, что правовой эффект от предоставления заверений возникнет не раньше, чем адресат согласится их принять и об этом станет известно заверителю.

В случае же с ЮЗС, по общему правилу (п. 1 ст. 165.1 ГК РФ), наступление правовых последствий связано с моментом доставки [17, с. 64; 20; 21] (принцип доставки), и также они считаются доставленными, если они поступили лицу, которому направлены (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него (в том числе в связи с истечением срока хранения ЮЗС, за получением которого адресат не явился), не были ему вручены или адресат не ознакомился с ними. Но ничто не мешает сторонам определить иной момент возникновения правовых последствий от ЮЗС. В некоторых случаях для отдельных типов ЮЗС могут устанавливаться специальные правила, закрепляющие иной момент наступления правовых последствий. Например, ст. 373 ГК РФ, предусматривающая вступление в силу независимой гарантии с момента ее отправки (передачи) гарантом, если в гарантии не предусмотрено иное.

Таким образом, несмотря на различие в общем правиле определения момента наступления правовых последствий у заверений и ЮЗС, это можно нивелировать за счет диспозитивных норм ГК РФ, которые регулируют эти категории.

Однако если на принцип доставки, являющийся частью ЮЗС, посмотреть под иным углом и сравнить с некоторой особенностью заверений, то можно обратить внимание на следующее: заверения и принцип доставки как часть ЮЗС обладают некоторым общим свойством, которое позволяет использовать их не только для наступления гражданско-правовых последствий.

Так, В. В. Богдан отмечает, что «норма ст. 165.1 ГК РФ является универсальной и применяется во всех случаях, когда речь идет об уведомлении об юридически значимом событии» [22, с. 120]. На наш взгляд, приведенную позицию можно продолжить и развить. Это возможно в части того, что положения п.1 ст. 165.1 ГК РФ определяют наступление правовых последствий с момента доставки ЮЗС получателю. Именно момент (принцип) доставки ЮЗС имеет ключевое и универсальное значение. Принцип доставки

информации, которая имеет правовое значение, можно распространить не только на гражданские правоотношения, но и на правоотношения иных отраслей права. Например, Верховный Суд РФ в Постановлениях Пленума № 25 от 23.06.2015 (п. 68)⁵ и № 36 от 27.09.2016 (п. 39)⁶ допустил применение правил ст. 165.1 ГК РФ к судебным извещениям и вызовам, если процессуальным законодательством не предусмотрено иное. Кроме этого, в судебной практике существует подход, в рамках которого принцип доставки, закрепленный в нормах ст. 165.1 ГК РФ, подлежит применению к уведомлениям и извещениям в налоговых правоотношениях⁷. Следовательно, имеет место применение межотраслевой аналогии закона.

Заверения об обстоятельствах также обладают похожей чертой. Правовая суть заверений сводится к тому, что одно лицо стремится убедить другое в чем-то или подтвердить что-то об уже существующем или имевшем место обстоятельстве. И такое свойство заверений можно обнаружить за пределами ГК РФ. Например, заявитель при обращении за государственной регистрацией создаваемого юридического лица *подтверждает*, что предоставляемые им учредительные документы *соответствуют* требованиям закона, сведения в заявлении и документах *достоверны, соблюден* порядок учреждения юридического лица *на момент* государственной регистрации, а также *согласованы* вопросы создания юридического лица с соответствующими третьими лицами (пп. «а» ст. 12 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁸). К тому же при государственной регистрации международной компании в порядке редомициляции иностранное юридическое лицо предоставляет в управляющую компанию, помимо прочего, *заверение* иностранного юридического лица *об отсутствии обстоятельств*, препятствующих государственной регистрации международной компании (пп. 10 п. 3 ст. 5 ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»⁹). Примеры предоставления заверений, которые не связаны

с гражданскими правоотношениями, встречаются и в судебной практике¹⁰. Следовательно, с заверениями (также как с ЮЗС) имеет место применение межотраслевой аналогии закона.

Такое положение дел существует из-за того, что принцип доставки и заверения, с одной стороны, не закреплены в едином правовом акте, регулирующем отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны по отношению к другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, в рамках которых необходимо установить момент наступления правовых последствий при направлении различных сообщений или подтвердить наличие либо отсутствие определенных обстоятельств и их достоверность. С другой – появление и использование принципа доставки из правил ст. 165.1 ГК РФ и заверений из положений ст. 431.2 ГК РФ в отношении иных отраслей права обусловлено, вероятно, установлением единообразия и поддержанием правовой определенности для участников отношений различной отраслевой принадлежности в отсутствие необходимого инструментария в соответствующих отраслях права.

Таким образом, принцип доставки и заверения об обстоятельствах являются универсальными правовыми категориями и восполняют правовые пробелы, существующие в законодательстве, которое не регулирует гражданские правоотношения.

Возвращаясь к рассмотрению соотношения заверений и ЮЗС как гражданско-правовым явлениям, стоит заметить, что правовые последствия предоставления и принятия заверений и доставки ЮЗС [1, с. 66] для участников оборота носят гражданско-правовой характер. Это следует из содержания положений статей 165.1 и 431.2 ГК РФ и их закрепления в гражданском законодательстве, а также поддерживается доктриной относительно ЮЗС [23; 3, с. 43; 2] и заверений [24, с. 594–595]. Данные гражданско-правовые явления не могут напрямую воздействовать на сферу деятельности лиц, которые выполняют публично-правовые обязанности. В области

⁵ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 36 от 27.09.2016 (ред. от 17.12.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-3892/2022 от 22.08.2022 по делу № А38-247/2021; Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-22097/2024 от 16.10.2024 по делу № А41-65044/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-25578/2023 от 26.10.2023 по делу № А40-273884/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-4376/2024 от 14.05.2024 по делу № А56-55116/2023. *СПС КонсультантПлюс*.

⁸ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. ФЗ № 129-ФЗ от 08.08.2001 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

⁹ О международных компаниях и международных фондах. ФЗ № 290-ФЗ от 03.08.2018 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ См., напр.: Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда № 20АП-1843/2023 от 08.11.2023 по делу № А68-6879/2020; Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-5771/2022 от 27.12.2022 по делу № А08-7253/2020; Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-11957/2023 от 19.06.2023 по делу № А40-51680/2022; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-79888/2022 от 26.12.2022 по делу № А40-60533/2022. *СПС КонсультантПлюс*.

публичного права должны действовать свои собственные правовые инструменты, отражающие и учитывающие специфику соответствующих правоотношений. Однако, как показано выше, это не всегда соблюдается. В итоге заверения по указанному признаку (по характеру правовых последствий) совпадают с юридически значимыми сообщениями.

Как уже упоминалось выше, эти категории связаны с предоставлением (передачей, направлением) сведений о фактах от одного лица к другому. Это является главной информативной составляющей содержания ЮЗС [3, с. 42]. Содержанием же заверений об обстоятельствах служит скорее суждение заверителя о том или ином состоянии факта реальной действительности, чем сам факт как таковой. Другими словами, значение имеет оценка заверителя о том или ином обстоятельстве, о которой он сообщает адресату, и он, учитывая ее, принимает соответствующее решение. А до этого заверитель, исходя из требований п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ, обязан выполнить минимальный перечень действий по проверке обстоятельств, в отношении которых он планирует дать заверения на соответствие действительности, какой от него требуется, исходя из добросовестности и заботливости, принятой по условиям оборота. Однако сказанное больше имеет отношение к вопросам ответственности заверителя за предоставление недостоверных заверений и, по нашему мнению, не умаляет значение факта как информационной составляющей для действия правового эффекта заверений об обстоятельствах.

Дополнительно стоит отметить, что отдельные типы ЮЗС могут содержать в своем составе заверения. Например, оферта может включать в состав своих условий заверения, которые характеризуют определенные обстоятельства, имеющие значение для участников оборота. Другими словами, речь идет о предоставлении такой информации, которая имеет правовое значение.

Юридически значимые сообщения [25] и заверения носят адресный характер, поскольку гражданско-правовые последствия наступают для конкретных и определенных лиц. Если адресность у юридически значимых сообщений носит строго относительный характер [3, с. 28; 26, с. 55], то в случае с заверениями последние могут быть предоставлены и третьим, по отношению к сторонам договора, лицом. Однако адресность ЮЗС следует из закона или сделки, а для заверений адресность обусловлена личностью конкретного заверителя и адресата (их индивидуальными чертами), особенностями отдельной сделки и другими факторами, которые могут не иметь значения в других обстоятельствах и для иных участников гражданского оборота. Поэтому предоставление заверений третьим лицом не выглядит аномальным

и противоестественным, а придает дополнительную уверенность адресату в достоверности заверений, не являясь препятствием для возникновения гражданско-правовых последствий для участников сделки.

Таким образом, заверения носят более персонализированный характер по сравнению с ЮЗС. Однако это скорее дополнительная особенность заверений, точнее отражающая интересы сторон договора, чем отличительная черта, отграничивающая ее от ЮЗС.

Со сказанным про адресность тесно связано и то обстоятельство, что ЮЗС [27; 20] и заверения обусловлены волей лица (отправителя и заверителя соответственно), без которой они не могут фактически возникнуть. Именно такое лицо совершает усилия по определению их содержания и по передаче получателю. На необходимость проявления воли при направлении ЮЗС не влияет и то обстоятельство, что обязанность направить такое сообщение следует из закона.

Однако это не умаляет значимости воли получателя ЮЗС и заверений. Так, В. Г. Куранов считает, что возникновение гражданско-правовых последствий от предоставления ЮЗС связано с волей их получателя, который «сможет своими волевыми действиями (или бездействиями) обеспечить дальнейшее движение гражданского правоотношения» [3, с. 32–33]. Ценность же воли получателя заверений проявляется в том, что от его согласия и принятия заверений зависит, будут ли они связывать стороны договора или нет.

Следовательно, проявление воли субъектов заверений и ЮЗС имеет значение для возникновения и действия гражданских (в том числе договорных) правоотношений, в отсутствии которых не существовало бы обмена информации в гражданском обороте.

В отличие от заверений об обстоятельствах, которые предоставляются и принимаются в связи с добровольными намерениями сторон договора, ЮЗС могут быть направлены в силу как требований закона, так и условий сделки (п. 1 ст. 165.1 ГК РФ).

Данное правило о ЮЗС, как уже отмечалось выше, призвано унифицировать все акты правовой коммуникации участников гражданского оборота, а также закрепить патернализм со стороны государства в виде обеспечения интересов слабой стороны договора или третьих лиц с митигацией их возможных рисков. В случае с заверениями никто лучше участников сделки не знает, когда и какие именно заверения должны быть даны и приняты и каким образом с их помощью будут соблюдены определенные сторонами интересы. Это позволяет наглядным образом реализовать принцип осуществления права в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ), который не позволяет распространить волеизъявление заверителя на адресата без согласия на то последнего. Решение этого вопроса о заверениях хоть и отдано на усмотрение сторон

договора, однако и границы действия заверений могут быть ограничены законом в случае, например, защиты прав потребителей с целью предотвращения ущемления их прав и интересов.

Заверения об обстоятельствах (как и ЮЗС) влияют на функционирование гражданского правоотношения. Предоставление заверений об обстоятельствах может быть реализовано на любой стадии существования договорного обязательства (абз. 1 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ). Направление ЮЗС, как правило, происходит на этапе уже существующего правоотношения [19, с. 104, 128; 28; 29]. В обоих случаях речь идет о сообщении некоторых сведений, которые имеют правовое значение для их получателя. Разница заключается в характере воздействия на сферу их получателя (адресата). Если заверения прямо влияют на принятие им того или иного решения, связанного со сделкой¹¹, то при помощи ЮЗС происходит в основном информирование о наступивших, изменившихся или прекратившихся обстоятельствах¹². А правовые последствия наступают для получателя, если он согласится на заверения или независимо от этого, при получении ЮЗС.

При этом влияние ЮЗС [3, с. 39–41; 30, с. 90] и заверений на функционирование гражданского правоотношения носит вспомогательный характер. За счет заверений стороны распределяют риски в рамках договорного обязательства, обозначают наличие / отсутствие существенных обстоятельств и этим способствуют совершению, исполнению или прекращению сделки. Это характерно для заверений, несмотря на необязательность их наличия в составе условий договора. Направление же ЮЗС обеспечивает движение гражданского правоотношения, наряду с иными элементами юридического состава, к достижению итогового результата [3, с. 41; 30, с. 90].

Таким образом, эти категории содействуют упорядочиванию гражданских правоотношений, и поэтому их возможно отнести к составляющим элементам организационных отношений (относительно заверений [31; 32] и ЮЗС [3, с. 41; 30, с. 90]). И, как можно заметить, организующий характер заверений и ЮЗС проявляется по-разному, но это не создает противоречий между ними и не приводит к исключению одного за счет другого. Они гармонично сочетаются в рамках гражданского правоотношения, где и используются в соответствии со своим назначением.

Заверения об обстоятельствах характеризуют факты прошлого или настоящего. А с помощью ЮЗС

лица стремятся породить и обеспечить условия для будущих действий (развития) в рамках их гражданских правоотношений [30, с. 90; 26, с. 51]. Другими словами, используя ЮЗС, участники оборота намерены выполнить отдельные условия договора для надлежащего исполнения гражданско-правового обязательства в целом. Следовательно, правовое действие этих категорий имеет разную направленность. Это актуально и для заверений, поскольку, включая их в состав условий договора, стороны рассчитывают в будущем на положительные для себя результаты по итогам своего взаимодействия.

Заключение

Юридически значимые сообщения и заверения об обстоятельствах являются тесно связанными правовыми категориями. Эти явления обладают общими свойствами, включая предоставление информации о фактах, и, на наш взгляд, соотносятся друг с другом как форма и содержание.

Юридически значимые сообщения могут включать в свой состав заверения об обстоятельствах. И этим подчинять заверения более общим правилам, которые предназначены для ЮЗС в целом или конкретного их типа в частности. А с другой стороны, информация, которая в общем виде содержится в ЮЗС, кристаллизуется через заверения и способствует удовлетворению индивидуальных запросов сторон договора. Другими словами, происходит взаимодействие этих категорий, и они оказывают друг на друга влияние, которое обеспечивает баланс интересов участников гражданского оборота. Но это не отменяет характерные для заверений и ЮЗС черты, в отсутствие которых они не были бы востребованы в гражданском обороте и правоприменительной практике. В рамках последней востребованность этих категорий проявляется в их универсализме, позволяющем использовать заверения и принцип доставки как часть ЮЗС не только в гражданских, но и в публичных правоотношениях. И при этом они не утрачивают своих отличительных черт.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹¹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-17862 от 21.03.2023 по делу № А40-167835/2021; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-1113/2024 от 07.06.2024 по делу № А19-4871/2022; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-21137/2023 от 31.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹² См., напр.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-464/2022 от 25.04.2022 по делу № А46-12045/2021; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда № 10АП-19375/2021 от 23.11.2021 по делу № А41-33659/2021. СПС КонсультантПлюс.

Литература / References

1. Поваров Ю. С. Юридически значимое сообщение и сделка: анализ концептуальных подходов к соотношению. *Журнал российского права*. 2020. № 7. С. 65–77. [Povarov Yu. S. Legally significant communication and deal: An analysis of conceptual approaches to relation. *Journal of Russian law*, 2020, (7): 65–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.081>
2. Соломина Н. Г. К вопросу о понятии «юридически значимые сообщения». *Право и экономика*. 2021. № 5. С. 5–13. [Solomina N. G. Regarding the concept of "legally significant messages". *Law and Economics*, 2021, (5): 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orijpc>
3. Куранов В. Г. Юридически значимые сообщения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2020. 203 с. [Kuranov V. G. *Legal communication in Russian civil law*. Cand. Law Sci. Diss. Perm, 2020, 203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbejge>
4. Аладько А. И., Ерофеев Д. В. Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике. *Нотариальный вестник*. 2022. № 3. С. 40–53. [Aladko A. I., Erofeev D. V. Enforcement of the norms of article 431.2 of the civil code of the Russian Federation in judicial practice. *Notary Bulletin*, 2020, (3): 40–53. (In Russ.)] https://doi.org/10.53578/1819-6624_2022_3_39
5. Глухов Е. В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. М.: М-Логос, 2019. 1208 с. [Glukhov E. V. *Transactions of purchase and sale of shares and participation interests in the authorized capital of business companies: Preparation and implementation*. Moscow: M-Logos, 2019, 1208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dctubo>
6. Белявцев В. Е. Применение норм о договорной гарантии качества товара к заверениям об обстоятельствах. *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2022. № 2. С. 65–69. [Belyavtsev V. E. Application of the rules for the contractual guarantee of quality of goods to representations. *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*, 2022, (2): 65–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oadrny>
7. Милохова А. В. Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 4. С. 56–62. [Milokhova A. V. Representations and warranties about circumstances and consequences of their unauthenticity in transactions on business sale. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, (4): 56–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxigln>
8. Морозов А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 6. С. 115–121. [Morozov A. V. The institute of representation as a "legal transplant" in modern Russian law. *Journal of foreign legislation and comparative law*, 2018, (6): 115–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.12>
9. Сегалова Е. А. Ограничения заверений, гарантий и обязательств по возмещению потерь в договоре купли-продажи акций (долей) по английскому праву. *Гражданское право*. 2015. № 6. С. 19–21. [Segalova E. A. Restrictions on assurances, guarantees and indemnity obligations in the share (stock) purchase agreement under the English law. *Civil Law*, 2015, (6): 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulucgp>
10. Томсинов А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties and indemnity в праве Англии и США. *Вестник экономического правосудия РФ*. 2015. № 11. С. 91–111. [Tomsinov A. V. Assurance of facts and reimbursement of losses under Russian law in comparison with representations, warranties and indemnity under English and American law. *Herald of Economic Justice*, 2015, (11): 91–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuyqmn>
11. Основные положения гражданского права: постат. комм. к ст. 1–16.1 ГК РФ, ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с. [The main provisions of civil law: Article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation, ed. Karapetov A. G. Moscow: M-Logos, 2020, 1469. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/epdmkk>
12. Чумаков А. К вопросу о юридической природе заверения об обстоятельствах. *Хозяйство и право*. 2016. № 5. С. 102–107. [Chumakov A. The legal nature of representation of circumstances. *Economy and Law*, 2016, (5): 102–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzbxiv>
13. Маглеева У. А. Несколько актуальных вопросов судебной практики по заверениям об обстоятельствах в России. *Вестник арбитражной практики*. 2019. № 1. С. 56–61. [Magleyeva U. A. Some topical issues of the judicial practice regarding representations and warranties in Russia. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2019, (1): 56–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dpnyuc>
14. Мамагеев В. З. К вопросу о субъективной добросовестности получателя заверений об обстоятельствах и доступных ему средствах правовой защиты. *Вестник экономического правосудия РФ*. 2024. № 11. С. 4–16. [Mamagayev V. Z. On subjective good faith of a recipient of representations and legal remedies available to such recipient. *Herald of Economic Justice*, 2024, (11): 4–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/etilsf>

15. Treitel G. H. *The law of contract*. London: Sweet & Maxwell, 2003, 1280.
16. Mulcahy L. *Contract law in perspective*. London-NY: Routledge-Cavendish, 2008, 260.
17. Хохлов В. А. Юридически значимые заверения в гражданском праве России. *Журнал российского права*. 2016. № 2. С. 63–71. [Khokhlov V. A. Legally significant representations in civil law of Russia. *Journal of Russian Law*, 2016, (2): 63–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/17645>
18. Подузова Е. Б. Договор об отчуждении исключительного права на «искусственный интеллект» или технологию «искусственного интеллекта»: нотариальные и цивилистические аспекты. *Нотариальный вестник*. 2022. № 6. С. 51–64. [Poduzova E. B. Contract on the alienation of the exclusive right to artificial intelligence or artificial intelligence technology: Notarial and civil aspects. *Notary Bulletin*, 2022, (6): 51–64. (In Russ.)] https://doi.org/10.53578/1819-6624_2022_6_51
19. Мамбетов Д. Р. О сделкоподобных действиях (часть 2). *Вестник экономического правосудия РФ*. 2024. № 1. С. 96–145. [Mambetov D. R. On transaction-like actions (Part 2). *Herald of Economic Justice*, 2024, (1): 96–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2024-19-1-96-145>
20. Курбатов А. Я. Юридически значимые сообщения в банковских отношениях. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 6. С. 36–41. [Kurbatov A. Ya. Legally important notifications in banking relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, (6): 36–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sezptn>
21. Фомина О. Н. Правовая природа юридически значимых сообщений и их роль в корпоративном праве. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 6. С. 52–59. [Fomina O. N. Legal nature of legally important notifications and their importance in corporate law. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, (6): 52–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sezpur>
22. Богдан В. В. Использование языка идеограмм в юридически значимых сообщениях. *Пермский юридический альманах*. 2024. № 7. С. 118–130. [Bogdan V. V. Using the language of ideograms in legal communication. *Perm legal almanac*, 2024, (7): 118–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/klyzgs>
23. Родионова О. М. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщений. *Юрист*. 2015. № 14. С. 4–8. [Rodionova O. M. On the issue of the civil-law nature of juridically significant messages. *Jurist*, 2015, (14): 4–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uacqkl>
24. Договорное право (общая часть): постат. комм. к ст. 420–453 ГК РФ, ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с. [Contract Law (General Part): Article-by-article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation, ed. Karapetov A. G. Moscow: M-Logos, 2020, 1425. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpacqf>
25. Долинская В. В. Правовая природа юридически значимых сообщений. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 6. С. 10–19. [Dolinskaya V. V. Legal nature of legally important notifications. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, (6): 10–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sezprp>
26. Мамбетов Д. Р. О сделкоподобных действиях (часть 1). *Вестник экономического правосудия РФ*. 2023. № 12. С. 46–64. [Mambetov D. R. On transaction-like actions (Part 1). *Herald of Economic Justice*, 2023, (12): 46–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-12-46-64>
27. Иванова Т. Н., Монченко О. В. Юридически значимое сообщение как квазисделка в российском гражданском праве. *Право и экономика*. 2016. № 1. С. 38–44. [Ivanova T. N., Monchenko O. V. Legally important notifications as quasi-transactions in Russian Civil law. *Law and Economics*, 2016, (1): 38–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypejex>
28. Чашкова С. Ю. Юридически значимые сообщения и нотариальная деятельность. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 6. С. 41–46. [Chashkova S. Yu. Legally important notifications and notary public's activity. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, (6): 41–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sezptx>
29. Илюшина М. Н., Анисимова М. С. Юридически значимые сообщения: гражданско-правовая и гражданско-процессуальная квалификация. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 6. С. 3–9. [Ilyushina M. N., Anisimova M. S. Legally important notifications: Civil law and civil procedure classification. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, (6): 3–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sezprf>
30. Данилова Л. Я., Князев Д. В. Юридически значимые сообщения. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2018. № 3. С. 86–92. [Danilova L. Ya., Knyazev D. V. Legally significant messages. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, (3): 86–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.3.86-92>
31. Кархалев Д. Н. Заверения об обстоятельствах в предпринимательских отношениях. *Вестник арбитражной практики*. 2020. № 2. С. 3–8. [Karkhalev D. N. Representations and warranties in entrepreneurial relations. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2020, (2): 3–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mzttbt>
32. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Систематизация гражданско-правовых договоров. М.: Юстицинформ, 2021. 152 с. [Solomin S. K., Solomina N. G. *Systematization of civil law contracts*. Moscow: Iustitsinform, 2021, 152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqtxik>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

---

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор,
КемГУ; ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», КемГУ; egortrezubov@mail.ru

Федькина Анна Петровна, ответственный секретарь, КемГУ;
j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University;
ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law,
Kemerovo State University; egortrezubov@mail.ru

Anna P. Fedkina, Executive Secretary,
Kemerovo State University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор, корректор –
Анна Петровна Федькина.

Литературный редактор (английский язык) –
Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor, proof-reader – Anna P. Fedkina.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 17.02.2025.

Дата выхода в свет 24.02.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 21,62. Уч.-изд. л. – 20.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemstu.ru

